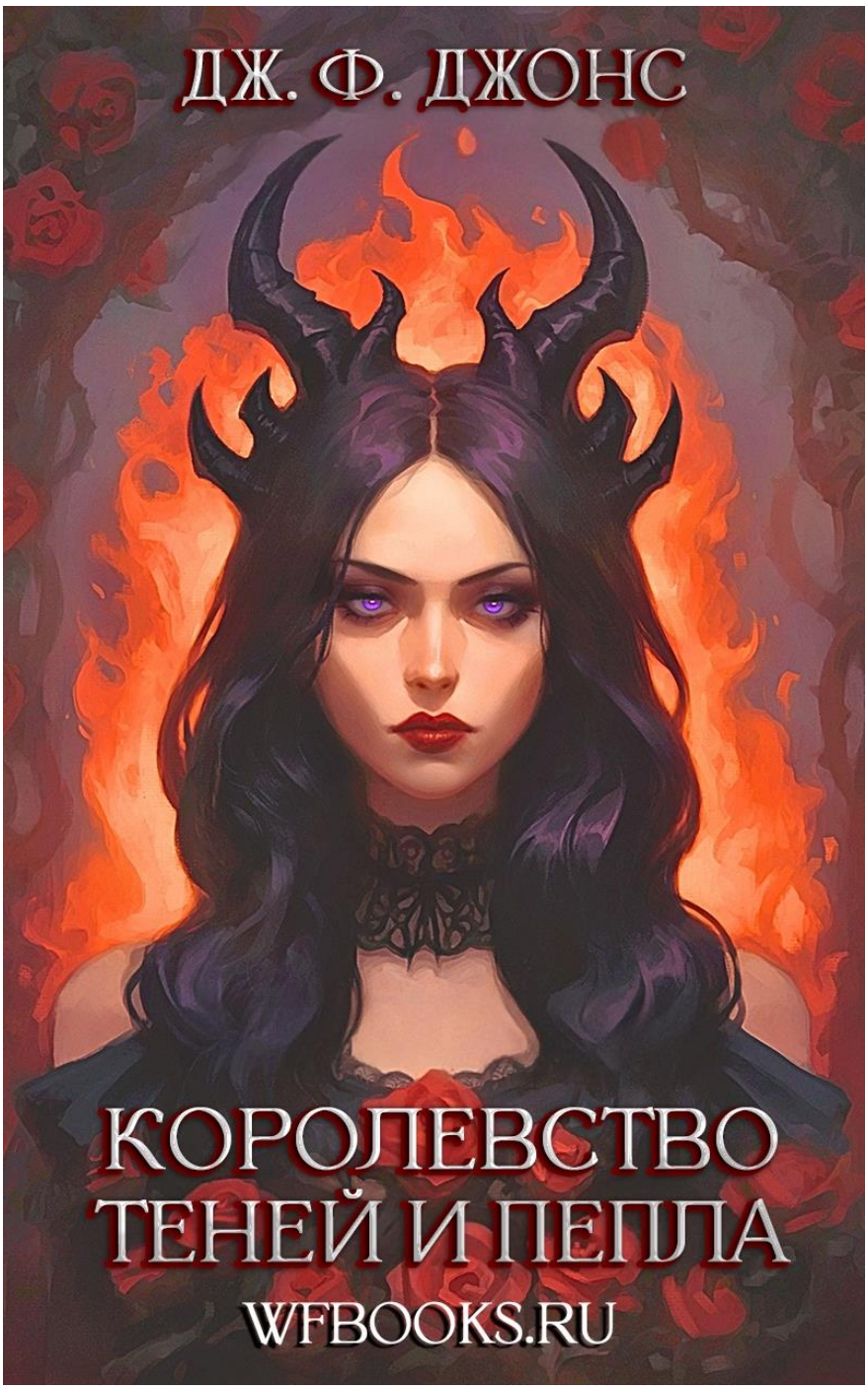
Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла



Переведено специально для группы
˜”*°•†Мир фэнтези†•°*”˜ http://Wfbooks.ru
Название: A Kingdom of Shadow and Ash / Королевство теней и пепла
Автор: J.F. Johns / Дж. Ф. Джонс
Серия: Kingdom of Gods #1 / Королевство Богов #1
Переводчик: nasya29
Редактор: Евгения Волкова

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Аннотация

Новое взрослое фэнтези, которое идеально подойдет поклонникам «Четвертого крыла», «Королевства моста» и «Змея и голубки»!

Восемь королевств хранили молчание целую сотню лет после того, как уничтожили земли ведьм, превратив королевство в пустошь. До этого дня.

Мэл Блэкберн положит конец вражде между королевствами, выйдя замуж за Принца Огня, известного своей жестокостью. Но Мэл не планирует завоевывать сердце жестокого принца. Она намерена пронзить его.

Ведь если Мэл убьет Огненного принца, она разрушит проклятие, в существование которого никто не верит. Однако убить его может оказаться не так-то просто… Ведьмы жаждут мести. И в краю огня и драконов, кажется, каждый хранит свои тайны.

Включая Мэл Блэкберн, девушку с ведьмиными глазами. Четвертую дочь королевства тьмы. Ту, что скрывает секрет, способный погубить их всех. Или спасти.

Идеально для читателей, которые любят тропы «от врагов к возлюбленным», медленное развитие чувств, придворные интриги и темную магию.

Финалист премии Next Generation Indie Awards 2025 в жанре романтического фэнтези.

Идеальный выбор для поклонников Fourth Wing, Королевства мостов и Змеи и голубки!

Двое врагов. Одна проклятая судьба.

Фэнтези о врагах, ставших любовниками, которое сожжёт мир дотла.

Сто лет назад восемь королевств объединились, чтобы стереть с лица земли страну ведьм, превратив её в бесплодную пустошь.

С тех пор они не произнесли друг с другом ни слова.

До сегодняшнего дня.

Мэл Блэкберн намерена положить конец вековой вражде, выйдя замуж за огненного принца — жестокого правителя, чья слава гремит по всем землям.

Но покорять сердце жестокого принца Мэл вовсе не собирается.

Она собирается пронзить его кинжалом.

Ведь если Мэл убьёт огненного принца, она разрушит древнее проклятие, в которое уже никто не верит.

Но убийство окажется далеко не таким простым, как она думала…

Ведьмы жаждут мести.

А в стране огня и драконов, кажется, у каждого есть свои тайны.

Включая саму Мэл Блэкберн — девушку с ведьмовскими глазами, четвёртую дочь королевства тьмы. Ту, что хранит секрет, способный погубить их всех.

Или спасти.

Подойдёт для тех, кто любит истории о врагах, ставших любовниками, медленно развивающуюся романтику, придворные интриги и тёмную магию.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Оглавление

Пролог 5
Глава 1 7
Глава 2 11
Глава 3 15
Глава 4 20
Глава 5 25
Глава 6 29
Глава 7 32
Глава 8 36
Глава 9 40
Глава 10 43
Глава 11 48
Глава 12 52
Глава 13 57
Глава 14 63
Глава 15 66
Глава 16 71
Глава 17 76
Глава 18 82
Глава 19 87
Глава 20 92
Глава 21 98
Глава 22 103
Глава 23 110
Глава 24 115
Глава 25 122
Глава 26 129
Глава 27 134
Глава 28 140
Глава 29 146
Глава 30 151
Глава 31 157
Глава 32 165
Глава 33 171
Глава 34 178
Глава 35 185
Глава 36 190
Глава 37 196

Глава 38 204
Глава 39 210
Глава 40 216
Глава 41 223
Глава 42 228
Глава 43 236
Глава 44 244
Глава 45 253
Глава 46 260
Глава 47 268
Глава 48 275
Глава 49 284
Глава 50 290
Глава 51 297
Глава 52 302
Эпилог 304

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Пролог

Сто лет назад

Мир полыхал.

Табита Вистерия вырвалась из-под тенистых, безликих деревьев к болотам, не слушая шёпот страшилок из тёмных углов — о духах, что прячутся под мутной водой. Эти сказки не могли её отпугнуть: не теперь, когда едкий запах горелого дерева жёг лёгкие, а далёкое зарево превращало небо в кровоточащую рану.

Горел её дом.

Элмвич.

Место, где она оставила своего любимого.

Ледяная вода поднялась ей до бёдер, но даже жалящий холод не смог вырвать Табиту из транса, в который вогнал ужас, въевшийся в кости. Страх свернулся глубоко в животе живым, дышащим существом и душил изнутри. Её город обращался в пепел, а муж всё ещё был там.

Невидимые руки утонувших тянулись к ней: костлявые пальцы едва касались щиколоток, их присутствие цеплялось за неё, как шёпот забытой скорби. Но её час ещё не пришёл. Ещё нет.

В эти воды не входили. Они священны — это было пристанище мёртвых. Но этой ночью, в эту проклятую, нечестивую ночь, Табита пошла бы и по рекам подземного мира, только бы добраться до него.

Она прижала дрожащие пальцы к губам и прошептала заклятье в сложенные ладони: древние слова задрожали в воздухе, будто молитва.

«Deduc me in tenebris».

Веди меня во тьму.

Мир стих. Над болотом опустилась тишина — жуткая, неестественная, словно безмолвное дозволение. Духи отступили.

Табита побежала.

Хриплые рыдания рвались из груди, пока она пробивалась сквозь ледяную жижу, с каждым шагом приближаясь к пеклу. Ближе к дому. Ближе к тому, что осталось от Элмвича.

И тогда она услышала их — крики.

Не живых. Нет, живые давно бежали. Эти стоны принадлежали мёртвым, застрявшим между мирами, тем, кто с ужасом взирал, как их деревня рушится в угли, а кости обращаются в прах.

Дым царапал горло, когда она, спотыкаясь, неслась по булыжным улочкам — мимо иссечённых огнём дверных проёмов, мимо осколков смеха и жизни, теперь утраченных. Она не остановилась. Не могла.

Он будет ждать.

Он обещал.

Они должны были встретиться у плакучей ивы, там, где река целует землю. Она спрятала их ребёнка — он тоже должен был оставаться в укрытии. Он поклялся ей, что, что бы ни случилось, не уйдёт оттуда.

Табита ускорилась, ступни едва касались земли, когда позади остался город. Пламя ревело у неё за спиной, лизало кожу, как жестокие руки самой судьбы.

И тут она увидела.

Ива горела.

Крик Табиты рассёк ночь — сырой, надрывный. Чистая, ничем не смягчённая агония.

И там — в самом центре всего — тело, привязанное к дереву, пожираемое огнём.

Ей не нужно было видеть лицо. Она знала.

Ноги её подкосились. Она рухнула на опалённую траву, царапая землю пальцами, пока из горла вырывались всхлипы. Потянулась к нему, вытянула руку к пламени, а огонь лишь оскалился в ответ.

«Liber flammarum», — прохрипела она, голос надломился от горя.

Огонь отступил, но было поздно. Пепел прилип к её пальцам, запах горелого мяса вился в воздухе, словно последнее проклятие. Она свернулась, прижимаясь к тлеющим углям — их жар был жестоким контрастом пустоте в груди.

Вдалеке, на чёрном небе, рыскали драконы: металлические крылья сверкали серебром во тьме. Они приходили волнами, изрыгали пламя и топили город в разорении. На каждый огонь, что ведьмы успевали погасить, сверху обрушивался новый.

Табита подняла голову и в последний раз впилась взглядом в небо, прежде чем всё расплылось и провалилось в чёрный.

…

Она очнулась в тишине.

Плакучая ива стояла обугленной, безжизненной — её скорбь была вырезана на почерневшей коре. И под ней, где корни обвивали землю, лежал он — холодный и неподвижный.

Она не заплакала. Слёзы иссякли. Горе выпотрошило её.

Осталась лишь ненависть.

Табита Вистерия прижала ладонь к земле, вонзила пальцы в сырой пласт. Когда заговорила, её голос стал сталью, обёрнутой тенью:

— Я проклинаю королевства и их богов.

Её фиолетовые глаза вспыхнули, как догорающие звёзды, вздувшиеся силой.

— Да будет так: в ночь смерти моего возлюбленного, через сто лет спустя, тьма падёт на них. Пусть страдают, как страдали мы. Пусть узнают разорение, как узнали мы.

Ветры завыли. Болото задрожало.

— Лишь когда огонь прорвётся через тени, им будет даровано прощение.

Табита поднялась — опустошённая, разломанная — и смотрела, как поднимается вода. Она не остановила её, когда та потянулась вперёд; не вздрогнула, когда вода забрала его тело; не шепнула прощания, когда болото унесло его в страну мёртвых.

Когда, наконец, тьма сомкнулась над ней, эту ведьму больше никогда не видели.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 1

Дом Теней

Некоторые шепчут, что назревает война. Я не хочу им верить. Наша любовь будет держать нас, как бы ни вмешивались боги. Теперь я боюсь каждый день. Хэдриан говорит во сне, всё повторяет чьё-то имя — того, кто не из этого мира. Я боюсь за него. Говорят, был однажды король, к которому прикоснулась рука бога, — и он сошёл с ума. А если Хэдриан идёт той же дорогой? Если боги нашли его? Я должна уберечь его. Должна уберечь их всех от них.

Табита Вистерия

Лес Безмолвных Криков был безмолвен.

Мэл Блэкберн прислушивалась, выжидая — хотя и сама не знала, чего. Тишина была неестественной, отсутствие шёпотов, которые обычно плачем струились меж деревьев, маня её глубже в их почерневшие объятия. Здесь воздух редко шевелился, будто навеки заключённый в молчание, но сегодня ветерок змейкой прошёл меж белокорых часовых, обвился вокруг её щиколоток и принёс к носу запах гнили.

Ей это не нравилось.

Скелетные деревья вытянулись выше, их обсидиановые листья недвижимы, как сама смерть; эта неподвижность словно насмехалась над ней. Что-то было не так.

Мягкий ветер перебрал её вороньи волосы — прохладный, коварный. Босые ступни вжались глубже в холодную, несговорчивую землю, ища во мраке хотя бы что-то знакомое, что-то реальное.

— Принцесса, — прошептал голос, низкий, как бездна, — тебе не рады в этом лесу.

Мэл улыбнулась, медленно, знамо, вся из колких углов и тихого упрямства.

— Вы говорите это всегда, Провидица, — пробормотала она, — и всё же я здесь.

Сквозь сгущающийся туман, за движущейся завесой тьмы стояла она — тварь, которой мир страшился и которую называл Провидицей.

Женщина — и нет.

Сова — и нет.

Нечто, рождённое отчаянием, слепленное из кошмаров, сотканное забытыми богами.

Её кости вырезали из скорби пепла, жёлтые, призрачные глаза вынули из черепов оставленных. Перья на темени жили своей жуткой жизнью, сшитые руками, давно обратившимися в прах.

Большинство, увидев её, отшатывалось. Мэл — никогда.

Она не станет бояться своих.

За пределами их земель королевства дрожали уже от одного шёпота их имён, но Мэл Блэкберн всю жизнь ходила во тьме. Провидица была не иной.

— Ползут слухи, — сказала Мэл, не отводя взгляда, зная: стоит отвернуться — и, возможно, Провидица исчезнет с ветром, соскользнёт в ничто. — Говорят, ведьмы идут за нами. Мне нужно знать, правда ли это, — она запнулась, — идут за… мной.

Но она не произнесла слов, не дала им веса. Если шёпоты о ней правдивый, если верно, во что она превращается, — Мэл не знала, хочет ли слышать ответ.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Лес шевельнулся. Шепоты заскользили в воздухе, как пальцы, смыкающиеся на горле, манили, дразнили. Мёртвые тянулись к ней, звали, обещали конец всему, что болит.

Это было бы просто.

Один шаг.

Один вдох.

Один раз сдастся.

И она стала бы их.

Стоило лишь поскользнуться вперёд, неосторожно потянуться — и они разобрали бы её в небытие. Тяжесть костей, пытка мыслей, пустая ломота в груди — исчезли бы, смытые в почву, жаждущую её.

Милость.

Провидица не шелохнулась, не моргнула и вдруг оказалась ближе. Слишком близко. У Мэл перехватило дыхание.

Длинная, костлявая ладонь поднялась, и страшные жёлтые глаза наклонились так, что их носы почти соприкоснулись.

— Тебе нельзя здесь быть без разрешения, принцесса, — прошептала Провидица, голосом, сочащимся сквозь трещины самой реальности. — Твоё время ещё не пришло.

На миг она увидела это — свою собственную участь: чёрные корни деревьев обвиваются вокруг её безжизненного тела; пустые глазницы собственного черепа, пожираемые землёй.

И это не испугало её.

Провидица склонила голову набок.

— Не желай того, что ещё не твоё, принцесса.

— Смерть принадлежит всем нам, — ровно ответила Мэл.

— Но юным не к лицу алкать её.

Взгляд Мэл скользнул мимо плеча Провидицы к тянущимся меж деревьев фигурам: беспокойным. Полые глаза впивались в неё; беззвучные рты кричали криком, которого она не могла услышать.

Она вдохнула их пустоту — пустое место, где они когда-то были.

В её королевстве смерть не боялись. Её знали. Её ждали. Её понимали. Но в этом — в них — было нечто, от чего внутри у неё дрогнуло.

— Они ищут тебя, принцесса, — сказала Провидица.

Мэл подняла глаза к небу — серому, неподвижному.

— Мне нужно знать, идут ли ведьмы, — произнесла она тихо, но твёрдо. — Собираются ли они начать войну.

Взгляд Провидицы сузился в щели, сверкнул в полумраке.

— Хочешь видеть — плати.

Костяные пальцы потянулись, когти едва чиркнули по её щеке — почти ласково, но лишь почти.

Мэл кивнула.

Тёплый выдох скользнул ей в лицо, и Провидица отвернулась, растворяясь в глубине леса.

Мэл замешкалась. Она знала, что значит последовать. Какая-то часть её — всё ещё привязанная к рассудку, к страху, к памяти о тепле — умоляла повернуть назад, вернуться в замок, забыть. Но она не могла. Ей нужно было знать.

Босые ступни коснулись потемневшей земли, и почва приняла её, как дом.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Мэл шагала меж искривлённых стволов ровно, мерно дыша, хотя сердце кричало обратное.

Твари, таящиеся в тенях, слышали это. Чуяли.

Вход ей даровала Провидица. Это не значило, что ей позволит уйти лес.

Потом — присутствие.

Мэл застыла. Ребёнок.

Девочка лет шести стояла рядом, распухшее от утопления лицо посинело, пустые глазницы вперились в Мэл.

Она улыбнулась — широко, слишком понимая.

— Останься со мной, принцесса, — прошептала девочка.

И — маленькая, липкая ладошка вцепилась в её руку.

Мир раскололся.

Мэл очнулась на полу.

— Пей.

Хижина Провидицы не изменилась. Крысиные косточки висели под потолком, как колокольчики, и отбрасывали зловещие тени в дрожащем свете свечей. Запах густых, приторных масел стекал из опрокинутых горшков, пропитывал деревянный пол, заваленный шкурами давно исчезнувших тварей.

Мэл резко выдохнула, сглотнув тошноту.

Деревянный ковш упёрся ей в ладони. Она знала, что это, ещё до запаха. Поморщилась. Но выпила.

Горько. Густо. Землисто. Лучше не становилось.

— Всё ещё слабая, — прохрипела Провидица, и в её сипе мелькнуло развлечение.

Потом — боль. Нож, быстрый и острый, рассёк Мэл предплечье. Она едва дёрнула бровью. Чёрная кровь наполнила ожидавшую чашу.

Провидица поднесла её к губам, пила глубоко, и тёмная жидкость окрасила рот.

Мэл не отвела взгляда. Это была её кровь. И скоро она скажет её судьбу.

Шёпоты мёртвых вились по хижине, как клочья тумана, гремели в стенах пустыми мольбами. Мэл их не слушала. Голоса скребли по брёвнам, давили, просили, рвались внутрь, но она держала внимание острым, взгляд — на Провидице.

Тварь выгнулась назад, дыхание стало мелким, неестественным, жёлтые глаза закатились, побелев. Действие крови Мэл взяло своё, протянулось по жилам Провидицы, как заклятье, прошептанное забытыми богами.

— Спрашивай, — прохрипела Провидица — голосом уже не своим, а потерянных.

Горло Мэл сжалось, но она не дрогнула.

— Ведьмы готовятся к войне?

— Да.

Воздух споткнулся у неё в груди. Пальцы вжались в ткань платья, пульс застучал — как барабаны войны, звук которых она, возможно, скоро услышит.

— Что можно сделать, чтобы их остановить?

— Ничего.

Ответ ударил, как клинок. Мэл подалась вперёд; пурпурные глаза вспыхнули злостью.

— Должно же быть хоть что-то!

Молочный взгляд Провидицы сузился — острый, как лезвие.

— Чтобы окончить проклятие, ты должна убить Принца Огня.

Мэл застыла. Эти слова были вторжением — чем-то чужим, не принадлежащим ей миру. Проклятие?

Её пальцы едва дрогнули. Мысли завертелись, пытаясь сшить смысл из пустоты. Принц Огня? Причём здесь война? Причём здесь проклятие?

И какое, во имя всех лютых богов, отношение к нему имеет она?

Она никогда не видела принца. Их королевства сто лет как на ножах — соперничество древнее, как камень. Мэл жила, ненавидя Королевство Огня и всех за его дымящимися стенами.

Но если убить его — значит остановить войну… Сможет ли она? Конечно, он мог бы.

Она слышала истории. Шёпоты о звере в золоте: волосы, тронутые солнцем; глаза цвета песка у кромки бури. Принц, рождённый жестокостью, охотящийся ради забавы и мучающий ради удовольствия.

— Это правда? — спросила тихо, почти шёпотом. — Пророчество? Он к нему причастен?

— Да, — слово зашипело в воздухе и осело в груди Мэл болезнью. — Двое детей рождены, чтобы остановить проклятие: проклятый ребёнок и избранный. Избранный должен убить проклятого, дабы спасти королевства.

Кровь Мэл обратилась в лёд.

— Вы сказали, я должна убить Принца Огня… — медленно произнесла она. — Значит, я — избранная? А он — проклятый?

Впервые по изможднному лицу Провидицы скользнуло чужое — страх. Он устроился в складках её кожи — тёмный, нежеланный — морщиной, которую не разгладит ни время, ни чары.

Глаза Провидицы потемнели, снова вспыхнули жёлтым.

— Теперь ты должна уйти.

Мэл разжала губы, готовая возразить, но лесные плачи окрепли.

Это были уже не шепоты.

Это были визги.

Хрустящая сила обвилась вокруг её черепа, когтями лезла внутрь, хватала за края сознания, как пальцы потерянных — отчаянные, жадные до положенного.

Беги.

Мэл не медлила.

Она развернулась; босые ступни застучали по земле. Она вырвалась из хижины, и чёрные деревья вытянулись к ней, как руки, пытающиеся удержать в темноте.

Она не оглянулась.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 2

Совет ведьм напуган и боится, что прочие королевства начинают завидовать нашей силе. Раньше они никогда не боялись. Я думаю, за этим кто-то стоит — кто шепчет злые слова тем, у кого власть, злит их, перенаправляет ненависть на королевство, где живёт магия. Но если у них получится, я не знаю, что это будет значить для нас, ведьм. Мы сильны, но мы — лишь одно королевство против семи других. И если всё придёт к такому исходу, боги отвернутся от нас и рассмеются. Этого они хотели с самого начала. Мы нарушили порядок вещей, и теперь они хотят видеть, как мы расплачиваемся.

Я этого не допущу.

Табита Вистерия

Молния распорола небеса — белые, раскалённые жилы треснули во тьме, пока Виверны ревели над штормовым небом.

Они были больше, чем просто звери — неугомонные титаны ночи, выкованные самим Богом Мёртвых. Их крылья резали ветер первозданной силой; зубы — слоновые бивни, способные рвать плоть до костей; хвосты сочились ядом, достаточно мощным, чтобы свалить сильнейшего воина. Они были дики, несгибаемы, вечны. И всё же короли и королевы Королевства Тьмы всегда умели склонить их к верности — привязать любовью столь яростной, что она становилась оружием.

Поколениями война оставалась лишь призраком на горизонте, и от безделья Виверны сделались беспокойны. Но если шёпоты Провидицы вплетают правду в судьбу, то скоро небеса снова потемнеют от битвы. Скоро они взовьются, их крылья закроют небо, а когти возжаждут войны.

Мэл подала Никс знак расправить крылья шире, подхватить ярость бури внизу. Узы между всадницей и зверем были не обычной штукой — Никс принадлежала ей с десяти лет, созданная из дыма и тени, и не слушала ничьих приказов, кроме её. Среди Виверн Никс не была ни самой крупной, ни самой чудовищной, но была самой быстрой — и главное, её.

Молния вспыхнула снова, злобно треснув по чёрному небу.

Другие охотились.

А это значило лишь одно — где-то поблизости её сестра.

Вместо того чтобы возвращаться под всевидящий взгляд замка, Мэл резко увела Никс вправо — к высшей горной кромке, каменному трону, с которого можно было наблюдать полёт великих зверей. Едва когти Никс скребнули по зазубренному камню, как из тени прокатилось негромкое, гортанное рычание.

Будущая королева Королевства Тьмы была прекрасна.

Смертельно прекрасна.

Хейвен двигалась, как текучие сумерки: длинные ноги несли её с лёгкостью, одинаково естественной и смертоносной. Её Виверна — зверь столь же грозный, как хозяйка с беззвучным почтением малого бога.

— Я не могу продолжать притворяться, будто ты сидишь в своей комнате, когда тебя спрашивают, Мэл, — сказала Хейвен, спрыгивая с грацией хищницы, что снисходит к добыче. Чёрные глаза скользнули по пейзажу и задержались за обрывами — в сторону Леса Безмолвных Криков. Она не произнесла об этом ни слова, но Мэл заметила, как взгляд её потемнел, как угли стали жарче при невысказанной мысли.

— Мне позволено покидать замок, — пробормотала Мэл, однако слова прозвучали пусто.

Хейвен вздохнула — звук, который не должен бы быть красивым, но с её губами становился таким.

— В воздухе что-то меняется.

— Что ты имеешь в виду? — притворно удивилась Мэл, хотя уже знала.

Взгляд Хейвен обострился, как вынимаемое во тьме лезвие.

— Скажи лучше ты. Стены шепчут тем, кто умеет слушать.

— Я ничего такого не слышала.

Хейвен склонила голову; выражение — неразличимое.

— И всё же, когда ты лжёшь, милая сестра, рога у тебя будто вырастают выше. — Она протянула руку к рогам Мэл, играючи щёлкнув пальцами, но Мэл оказалась быстрее: отскочила и рассмеялась, оставив её когти хватать лишь воздух.

Они были так похожи — и всё же, глядя на Хейвен, Мэл видела всё, что напоминало миру: она — чужая.

Рога Хейвен толще, длиннее, выточены под тяжесть короны. Однажды она станет королевой, а рога правителей всегда растут пышнее прочих. Мэл смирилась с этим давным-давно. Но было и нечто иное — глубже — что подтачивало по краям душу.

Тихое, въедливое знание: как ни дели кровь пополам, она им не совсем своя.

Мир внизу был раскрашен бойней.

Виверны пировали: бритвенные клыки входили в мягкую плоть овечьего стада, рвали и терзали; кости трещали, как сухие ветки в их чудовищных челюстях. Воздух дрожал от предсмертных криков беспомощных тварей — мелодии отчаяния, что эхом уходила в пропасть Леса Безмолвных Криков.

Мэл отвела взгляд: холодная змея неудобства пролезла меж рёбер. Тяжёлый, резкий запах железа ударил в лёгкие; она сглотнула подступившую тошноту.

— Круг жизни, — сказала рядом Хейвен, голос устойчивый, как скала под ногами. — Они не делают ничего дурного.

— Знаю, — пожала плечами Мэл, но напряжение в них выдало её. — Мне всё равно не по душе.

Хейвен посмотрела почти с опасной нежностью и крепко прижала её к себе.

— Я бы тревожилась, если бы тебе это нравилось. Ты всегда из нас была самая добрая.

"Если бы ты знала правду" , — горько подумала Мэл.

Она отступила, не желая, чтобы сестра ощутила шторм, кипящий в ней; не желая, чтобы тепло Хейвен распутало тугой клубок мыслей, царапающих по краям сознания. Вместо этого она вновь заглянула за край утёса — наблюдала, как Виверны рвут и кромсают, как кровь чернеющими ручьями впитывается в землю.

Она ненавидела мысль о боли, причинённой тем, кто слишком слаб, чтобы отбиться. Вид беспомощных, визжащих, обречённых — выворачивал желудок.

И всё же…

Внутри было и другое. Скрытое, изломанное — желающее причинять боль.

Не беззащитным.

Нет.

Ей нужна была гибель тех, кто кормится слабостью. Ей хотелось ощутить вес меча, рассекающего плоть; видеть, как алый распускается по пальцам; слышать хрипящие

вздохи тех, кто этого заслужил. Она видела это ясно — свой клинок, перерезающий глотки врагов; их тёплая кровь, просачивающаяся меж её костяшек.

С ней что-то было не так.

Что логично.

Мэл Блэкберн не должна была существовать.

Она была ошибкой, аномалией в тщательно вытканном наследии их народа. Веками у правителей Королевства Тьмы рождалось лишь трое детей. Всегда трое.

Наследник — с рождения обученный силе, мудрости и несгибаемой власти.

Воин — выточенный в живое оружие, лезвие против врагов королевства.

Носитель истины — всевидящее око, голос рассудка, тот, кто прозревает сквозь покровы обмана.

И всё же королева Сенка забеременела в четвёртый раз.

- Проклятие, — шептали некоторые.

Может, они правы. Может, Мэл и правда проклята. Это объяснило бы её глаза — эти чужие, неестественные глаза, не чёрные, как у прочих.

С того самого мига, как её веки раскрылись при рождении, — общий вздох мира, увидевшего эту пурпурную ярость, всё ещё звенел в трещинах стен.

Семья никогда не обходилась с ней иначе. Но это не имело значения. Она чувствовала. Дистанция. Тяжесть собственного существования, давящую, как железная цепь.

Ей не было места. Не было роли.

В детстве она шептала богам — молила об ответах. О предназначении. О правде. Умоляла сказать, почему она родилась такой.

Боги не шепнули в ответ.

— Нам стоит вернуться, — сказала Хейвен, чёрный взгляд скользнул к её предплечью. — Тебе не стоит так часто навещать Провидицу.

Мэл и не пыталась скрыть свежую царапину — разрез, откуда Провидица пустила её кровь, оросив секретами землю.

— Мне нужно было знать, правдивы ли слухи.

Лицо Хейвен не дрогнуло.

— Какие именно?

У Мэл сжалось в груди.

Слухи о моих глазах или шёпот о войне?

Невысказанный вопрос завис между ними.

— Говорят, ведьмы собирают силы, — пробормотала Мэл. — Что они идут за нами.

Хейвен не моргнула.

— Ведьмы плетут планы десятилетиями, Мэл. Но не выбираются из своей пустоши. Их королевство давно уничтожено — сожжено до тла. Они никогда нас за ту резню не простят. Но они слабы — сморщенные туши, оставленные миром, чтобы их забыли.

— Неудивительно, что они нас ненавидят.

Глаза Хейвен вспыхнули — кремень ударил по стали.

— Осторожнее, Мэл. Ведьмы были не невинны в собственной гибели.

— Но…

— Пора домой, сестра, — ладони Хейвен легли Мэл на плечи — уверенно, крепко. — Перестань тревожиться. С тобой ничего плохого не случится. Я обещаю.

Горло Мэл сжалось.

— Ты не можешь обещать такое. Если ведьмы придут… мои глаза…

— Глаза — это просто глаза, Мэл.

Но она знала лучше. Знала, что значат её глаза. Знала, на что она способна из-за них.

— Хейвен, фиолетовые глаза бывают только у ведьм.

Хейвен вздохнула.

Они говорили об этом слишком много раз, чтобы считать. С детства Мэл боялись — призрак в стенах замка, секрет, о котором знали все. Она бродила по крепости, как тень, спрятанная там, где никто не мог глазеть, где никто не боялся бы смысла, скрытого в пурпуре её зрачков. Она годами жила в Храме, шепча богам, что не отвечали, умоляя открыть правду.

Ответа у Хейвен не было.

Но её ответ неизменно оставался тем же:

— Что бы там ни замышляли боги, Мэл Блэкберн, — мягко сказала Хейвен, улыбка не дрогнула, — ты не ведьма, ты моя родная сестра. Ты — виверианка.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 3

Сегодня я встретила кое-кого. Совет отправил меня в Королевство Тьмы на встречу с виверианами. Совет разослал многих из нас по разным королевствам, чтобы укрепить союзы. Не знаю, получится ли. Боги в гневе. Но, оказавшись в виверианском замке, я увидела на площадке одного виверианa — он тренировался с мечом. Самое прекрасное создание, что я видела. Знаю, Совет не одобрит: нам велено брать в супруги своих, чтобы магия продолжала течь по нашим родовым линиям. Но он был неотразим. Длинные чёрные волосы — как покрывало из ночи, в которое я мечтала завернуться. А глаза — такие тёмные, будто смотришь в два туннеля. Он не заговорил со мной, но я чувствовала, как его внимание задерживается на мне. Завтра я вернусь в замок. Надеюсь, он вновь будет там. Может быть, наберусь смелости узнать его имя.

Табита Вистерия

Это был не совсем замок.

Скорее место, сотканное из кошмаров. Рождённый самими костями горы, он нависал над пропастью; зубчатые балконы цеплялись за небо, балансировали на кромках тьмы, будто сами рвались в пустоту внизу. Это не была позолоченная крепость королей и королев — это было прибежище теней, насест для созданий, высеченных из ночи.

Залы тянулись огромными пещерами: стены и пол — отполированный чёрный камень, гладкий, как обсидиан, поблёскивающий полночью в отсветах огня. В Большом зале царил монолитный каменный стол — длиной на целое войско; его поверхность истёрли века советов, войн и кровопролития. За ним высилась каминная чашеобразная ниша, где неугасимо горело голубое вечное пламя, проливая холодный свет на палату. Это было единственное «тепло», которое замок позволял.

Мэл шла следом за сестрой через пустотелое великолепие и всё косилась вправо — на небольшой гостиный уголок, хрупкий карман уюта в королевстве призраков. Что бы ни шептал о них мир — чудовища, военачальники, вестники смерти — внутри этих стен Мэл не знала жестокости. Она выросла в любви.

Она ещё помнила, как Кай и Кейдж валялись на полу, зарывшись в настольные игры, пока материнская колыбельная тянулась по воздуху, как шёлк. Хейвен, сидя у ног королевы, складывала руки на коленях, и мать заплетала ей волосы — тяжесть короны уже лежала на её плечах. А их отец — великий человек, тихая буря — сидел с книгой и своим низким голосом вызывал к жизни истории о воинах, что когда-то летели в бой на спинах Виверн.

И всё же, как бы ни любили её, Мэл всегда чувствовала себя снаружи, у стекла.

Ребёнком она проводила бессчётные ночи, устроившись на широких подоконниках открытых окон, глядя в бесконечность. Мечтая. Гадая, что там — за пределом королевства, ставшего ей клеткой. Ни одно иное королевство никогда не примет виверианскую принцессу, и всё же оставаться означало задыхаться под правдой, которой она не умела дать имя.

— Вот вы где, мои дорогие, — голос королевы был шёлком и дымом, обвил их, как запах старого ладана. Она полулежала на бархатной оттоманке — воплощённая непринуждённая грация. Её рога, высокие, изящные, украшенные чёрными камнями,

мерцавшими в полутьме, — отмечали в ней одно из красивейших созданий, какие только были.

Мэл замялась, наблюдая, как Хейвен пересекла зал к матери и обняла её так, словно они расставались на целую жизнь.

Мэл не подошла.

Её мать была женщиной мудрости и доброты, королевой, любимой народом. Существо света в королевстве теней. Мэл не понимала, как такая светлая может быть её матерью.

Что-то мягко коснулось кончиков пальцев.

Мэл опустила взгляд. К королеве кралась пантера — телом чёрная, как пустота; очертания текли, словно живая дымка.

Тень.

Каждому королевскому ребёнку давали такую — зверя, рождённого из ночных кошмаров и полуночи, связанного защитить, сражаться, провести в Лес Безмолвных Криков, когда придёт смерть. Они являлись при рождении — выходили из тьмы, будто призваны из подземного мира.

У Мэл никогда не было своей.

Ни одно создание не поднялось из Леса Безмолвных Криков, чтобы претендовать на неё; ни один призрак не шепнул её имени, присягая на верность.

Ещё одно напоминание, что она — чужая.

В детстве она видела в родителях невысказанную печаль — жалость в глазах, когда её оставляли, а братья и сестра играли с существами, ставшими их спутниками на всю жизнь.

Мэл завидовала. Глубоко.

С тех пор она игнорировала тени.

— Мэл, что с тобой?

Голос матери был мягок. Знающий.

— Где отец?

— С твоим братом Кейджем, смотрят карты, — ответила королева. — Почему ты спрашиваешь?

Мэл не ответила. Она лишь подняла взгляд на голубое пламя в камине и проследила, как пантера свилась у огня, вперив в неё расплавленные глаза.

Как же ей хотелось опуститься рядом. Почувствовать, как тьма обнимает, позволить утащить себя в пустоту, где она наконец, наконец-то исчезнет.

Вместо этого она отвернулась и шагнула к открытому проёму окна. Внизу зевала бездна — растянутая в вечность.

Падение с такой высоты убило бы любого другого.

Но виверианe не боялись падать — когда у них были Виверны, которые не дадут им упасть.

Нет, Мэл боялась многого, но только не падения.

Тяжёлые двери Большого зала застонали, и их эхо ушло по пещеристому пространству, как вздох древнего зверя.

Первым вошёл король Озул; его теневые гончие рванули вперёд — призрачные силуэты текучим дымом скользили по воздуху. Они обнюхали воздух, стены, души внутри; светящиеся глаза прошили зал, будто могли прозреть сквозь кость и кровь и вкусить тайны, прячущиеся под ними.

Через секунду вошёл Кейдж — движения выверенные, лицо выточено из тихого раздражения. Никто не скрывал, как он недолюбливает, когда его выдёргивают из убежища книг: третий ребёнок всегда был книжником, мечтателем; его ладони лучше держали корешок тома, чем рукоять меча. Он был тонок там, где отец широк; собран там, где брат бурен; а взгляд — тёмный, острый, непостижимый — он весь был от матери.

Мамин любимчик.

Никто не дерзал бы сказать это вслух, и всё же это читалось в мягкой дуге её губ, когда она смотрела на него; в тихом благоговении их прогулок; в том, как она застывала, когда он играл на скрипке — будто его музыка могла привязать её душу к миру. Годами Мэл делала вид, что не замечает; отворачивалась, когда их смех летел по коридорам — лёгкий, беззаботный, как ветер в шуршащих мёртвых листьях садов.

Она давно поняла: зависть — вещь тихая, подкрадывающаяся.

Король направился к каменному столу, шаги отмеренные, присутствие — как гора: несокрушимое. Один короткий свист — и гончие беспрекословно легли у ног, как тени, получившие форму.

Он сел со вздохом, и в морщинах лица уже лежал груз мира.

Мэл вгляделась и отметила серебряные пряди в чёрных волосах, усталую осанку — король, который знал любовь, но не войну; построил правление на верности, а не на страхе. Он всё ещё был грозен, как в юности, и всё же Мэл видела — время, медленное, неумолимое, настигло его.

Она знала, как служанки украдкой смотрят ему вслед, как блеск восхищения вспыхивает у них в глазах. И понимала почему. Дело было не только в силе, не только в красоте, не только в короне. А в том, как он правил, как любил, как нес бремя королевства без жалобы.

Их взгляды встретились.

Мэл без колебаний уселась на подлокотник его кресла и коснулась губами его щеки. От него пахло землёй и железом, дымом и сталью — и чем-то древним. Его крупная ладонь накрыла её пальцы, тёплая, возвращающая в тело.

— Нам нужно поговорить наедине, — сказала она, голосом — шёпот грома.

Пальцы Мэл сильнее сжали его руку.

— Я сегодня видела Провидицу, — прошептала она.

В тёмных глазах на миг мелькнуло нечто неразличимое. Он коротко кивнул, лицо осталось непроницаемым; кашлянул, будто прочищая горло. Отвёл внимание. Миг растворился — семья вошла, и хрупкая интимность их обмена растворилась в присутствии других.

Это был их секрет много лет.

Началось, когда она была ещё малышка — шла рядом, и мир будто сжимался до двоих. Ей казалось: наконец моя очередь; будет нечто только её — связь, близость, что-то святое.

И всё же их прогулки вели не в сады смеха и историй, а к кромке Леса Безмолвных Криков.

К Провидице.

Король Озул водил её туда снова и снова — шаг ровный, голос спокойный — и искал что-то: ответ, истину, спрятанную между пророчеством и безумием. А потом вдруг перестал.

Словно то, что он искал, было не найти.

Но Мэл не перестала. Она продолжала ходить.

— Любимчик пожаловал! — воскликнул кто-то, и голос разорвал зал, как солнце тучу; в нём плясала привычная проказа говорящего.

Мэл обернулась ровно в тот миг, когда вбежал Кай Блэкберн — руки раскинуты, улыбка полумесяцем лукавства. В тёмных глазах искрилась беда — вечный огонёк игривого мятежа. На ходу он стянул с подноса служанки чёрное, гнилое яблоко, подмигнул — легко и убийственно. Бедняжка прыснула в смущённый смешок и поспешила скрыться, пока не опозорилась.

— Ты опоздал, — голос Хейвен резанул воздух; брови выгнулись, притворно укоряя.

Кай расплылся ещё шире. Его обаяние было оружием — и он владел им виртуозно.

Он подскочил к сестре, театрально поднёс её руку к губам и поцеловал костяшки.

— Тренировался стать твоим лучшим хранителем, моя будущая королева.

Хейвен фыркнула, закатив глаза, хотя уголки губ дрогнули:

— Замолчи, Кай. Ты закончил тренировку часами раньше. Опять шалил, как всегда.

Его смех раскатился по сводам, расплескал застоявшийся воздух.

Кай Блэкберн был — несомненно — зрелищем. Годы тренировок выточили в нём нечто смертоносное, несгибаемое: сила улеглась в крепком теле; мышцы под чёрной тканью перекатывались, как натянутая сталь. Глаза — миндалевидные, ночные — имели ту же бездонность, что у всех виверian: пустоту, пожирающую свет и тайны.

Мэл двинулась прежде, чем подумала — шагнула к нему и крепко обняла.

— Позже пойдём в храм, — шепнул он ей в ухо, обещание только для неё.

В ответ она чмокнула его в щёку.

Кай перестал верить в богов, едва вырос, чтобы спросить в ответ тишину. И всё же её — он не оставил. Каждый день сидел рядом, пока она стояла на коленях перед богами, которые не отвечали, не двигались, не шевелились. Молчаливая преданность ей — пусть не им.

Они расселись вокруг каменного стола; в воздухе гудело нечто невысказанное — беспокойство, которому Мэл ещё не могла дать имя.

Отец занял место во главе — грозный, как всегда, — и всё же в нём что-то сдвинулось.

Мэл смотрела пристально: как он рассеянно бормочет ответы, как взгляд уходит в распахнутое небо — будто ищет нечто за горизонтом. Напротив, мать накрыла его руку своей — тихий жест уверения. И на миг между ними проскочило что-то — общая тревога, тенистая мысль.

Желудок Мэл скрутило.

Что-то было не так.

Она чувствовала — как это давит на кожу, шуршит под поверхностью воздуха, ждёт. О чём он хотел с ней говорить? О ведьмах?

Еда остывала нетронутой — чёрное мясо и вянущие овощи смотрели на неё, насмехаясь.

И вдруг король резко поднялся.

— Я удаляюсь в кабинет, — произнёс он, чуждо, и слегка вскинул руку — знак для гончих.

Королева моргнула, удивлённая поспешностью:

— Мы ещё не доели, — мягко, но с тревогой.

Король Озул не ответил. Тёплые, родные глаза метнули взгляд на Мэл. Взмах — тихий зов. Едва заметный наклон головы сказал всё: Приди ко мне позже.

Её разняла его грусть.

Её отец всегда был стержнем, человеком радости и мудрости. Дни он проводил, читая с Кейджем, тренируясь с Каем, наставляя Хейвен в царских обязанностях; гулял, держась за руку с женой, по Садам Смерти; взмывал в небо с Мэл на их Вивернах.

Король, любимый народом, правитель, танцевавший под голубым пламенем и слушавший жалобы даже самых низкорождённых.

А сегодня Мэл увидела в нём потерянного.

Двери закрылись за ним.

Молчание сгустилось — душное, вязкое, будто туман.

Пока Кай, как всегда, не разрезал его.

— Он постарел, или мне кажется?

Рука Хейвен метнулась; ломтик гнилого яблока черкнул воздух у его лица. Он уклонился, ухмыляясь.

— Не швыряйся едой в брата. Это не по-королевски, — вздохнула мать — больше устало, чем строго. — У твоего отца много забот, Кай. Такова его доля.

— Слышала, Хейвен? — протянул Кай, лихо улыбнувшись. — Как только станешь королевой, у тебя тут же побелеют волосы.

— О, да замолчи уже, Кай, — глаза Хейвен вдруг резко метнулись к Мэл. — А ты куда это собралась?

Мэл вздрогнула — её шаг к дверям стал слишком явным.

— Я устала, — соврала, переминаясь. — Пойду спать.

Ей не поверил никто. Ни брат с сестрой, чьи знающие взгляды пригвоздили её к месту. Ни мать — её улыбка была мягка, но в ней жило что-то неразгадываемое, древнее.

— Поцелуешь на ночь?

Мэл сглотнула и заставила себя подойти. Коснулась губами материнской щеки; тепло задержалось.

Пауза. Предостережение.

Пальцы матери скользнули по её запястью, голос прошелестел, как ветер в увядающих листьях:

— Пусть тебе приснятся прекрасные сны, моя нежная принцесса.

Мэл кивнула и, поворачиваясь к двери, подумала: что значит — уйти именно из этого момента?

И что страшнее… что ждёт её за ним?

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 4

Интересно, расскажут ли когда-нибудь истории о нас. О всём, что мы сделали и чем пожертвовали. Пожалуй, именно поэтому я веду этот дневник. Может быть, я всегда знала — ещё до начала войны, — что слова нужно оставить на бумаге, чтобы доказать, что на самом деле сделали с нашим миром. Иначе историю забудут. Или, что хуже, вывернут.

Табита Вистерия

Кабинет короля высился на самой вершине замка, втиснутый в зубчатую корону горы. Винтовая лестница закручивалась сама в себя головокружительной спиралью, и каждый шаг отдавался эхом того тихого ужаса, что скапливался у Мэл в груди. Она поднималась медленно, нарочно растягивая каждое мгновение до встречи.

Снаружи Виверны ревели в небе; их крики складывались в хор беспокойства, будто они чувствовали тревогу, свивающуюся у неё в костях. Ветер выл в открытых прорезях камня, шептал призрачные тайны о холодные стены. Босые ступни Мэл скользили по полированному камню беззвучно; ледяное покалывание под кожей возвращало в тело лучше любой иной опоры.

Вивериане — создания тени, вылепленные древними богами из костного мозга кошмаров. Королевство Тьмы, в вечных сумерках, — их колыбель. Солнце едва касалось их земель; тепло — вещь чуждая. Они процветали там, где прочие вяли, привыкшие к стуже безжалостного мира. Но этой ночью холод был иным. Это был не тот привычный, утешающий холод дома. Это было что-то ползущее, беспощадное, забирающееся под рёбра и стягивающее живот немыми страхами.

Наконец перед ней возникла огромная чёрная дверь кабинета — монолит, высеченный из такого тёмного камня, что он пожирал огонь факелов в кованых держателях. Мэл застыла.

Пульс колотил — барабан в груди, так сильно, что казалось, сейчас вырвется наружу. Пальцы дрогнули, скользнув по холодной железной ручке. Мысли полезли из тени — незваные шёпоты. Что он скажет? Что такого он может сказать, что требует этой тайны, этой тяжёлой печали в его взгляде?

Грызущая мысль:

А вдруг они наконец поняли, что я — не из их мира?

Нет.

Семья любила её. Никогда не отворачивалась; не давала чувствовать себя чем-то меньшим. И всё же… она была другой. Ведьмин знак отравлял её глаза, и, хотя вслух об этом не говорили, Мэл знала шёпоты, знала испуганные взгляды.

Отправит ли он её прочь? Вышвырнет ли из единственного дома, который она знала?

Мэл заставила себя шагнуть вперёд.

Тяжёлая дверь застонала; теневые гончие у ног отца подняли головы. Светящиеся глаза раскрылись — молча проводили её — и снова сомкнулись.

Король Озул сидел в огромном кожаном кресле с фолиантом на коленях; огонь вычерчивал серебро в морщинах его лица. Он уже смотрел на неё — тёплыми, уставшими глазами, будто впивался взглядом в последний раз.

— Сядь со мной, родная, — сказал он; голос был густ печалью, которой она не находила имени.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Мэл замялась. Тяжесть в его тоне делала конечности ватными; она медленно пересекла комнату и опустилась в кресло напротив. Она почувствовала себя маленькой — сжавшейся в этой огромной, безмолвной пустоте; между ними дышал только огонь.

Взгляд скользнул по башням книжных шкафов: бесконечные корешки несли знания, историю, тайны — может быть, и ту правду, которую она так искала.

— Помнишь сказание о двух братьях? — спросил отец почти шёпотом, едва тронув тишину.

Мэл нахмурилась.

— Это была моя любимая история в детстве.

— Расскажешь её мне?

Она колебалась; пальцы сжались о холодную кожу подлокотника.

— Но… ты же знаешь её, отец. Я не понимаю…

— Пожалуйста, Мэл, — он медленно выдохнул, будто держал на плечах тысячу невысказанных истин. — Чтобы ты поняла всё остальное, сперва нужно рассказать эту историю. Тогда, быть может, ты поймёшь… и простишь этого старого глупца.

Слово простишь полоснуло, как клинок.

В груди вспыхнула тысяча вопросов, но голос не послушался — спутался в комке непонимания. Что здесь прощать?

И всё же, несмотря на шторм тревоги, Мэл проглотила страх и послушалась.

Она выдохнула, выпрямилась, приготовилась к неизвестному.

— Хорошо, отец, — сказала она. — Я расскажу тебе сказание о двух братьях.

И, пока огонь шептал между ними, а тени склонялись, чтобы слушать, Мэл начала.

Сто лет назад, по следам Великой войны Восьми королевств, под пепельным небом остались сиротами двое мальчиков.

Первого — ребёнка с волосами, чёрными, как бездна, — нашли глубоко в лесу. Его плач отзывался в кронах, как голос беспокойного духа. Молодая женщина, не в силах пройти мимо этого горя, ослушалась осторожных предупреждений мужа и пошла в неизвестность. Шум привёл её к заброшенной хижине у опушки. Под покосившимися балками, среди пыли и тлена, она нашла его — маленького, беспомощного, совсем одного.

С младенцем на руках она вернулась домой; сердце её светилось. Они с мужем давно мечтали о ребёнке, да судьба не благословляла. Но с месяцами поползли тревожные шепоты. Мальчик был не такой, как прочие. Он был не отсюда. Он был виверианин — существо легенд и войны. И всё же, каким бы тихим ни был страх мужа, любовь женщины к ребёнку только росла — яростная, несокрушимая.

А утром, выйдя на крыльцо встречать холод зари, она ахнула: на пороге лежал второй младенец — золотистые волосы, глаза с жёлтым отливом, как угли, и на голове — драконьи рога, изогнутые, величавые.

Как виверианский и драконийский ребёнок оказались в самом сердце Фауны — королевства, чужого обоим их родам? Загадка, которой ей не суждено было решить — да и не хотелось. Пока малыши спали в их скромной избе, голос мужа дрожал ночами от тревоги; но решение было принято. Они вырастят их, будут любить, как своих, укрывать от мира, который разорвёт их на части.

Годы шли, и мальчики росли.

Они крепли под отцовской рукой: ладони грубели от работы на земле, тела мужали от труда и пота. Но при всей любви к приёмным родителям в их сердцах жила немая заноза: почему они не похожи? Мать — кожа цвета древней древесины, полные губы,

густые кудри — не отражалась в них. Не был похож и отец — изумрудные глаза, оленьи рога — лесная стать. И даже рога братьев не были сродни родительским: острые, опасные, чужие.

С детства мать их учила: никто не должен узнать, кто вы на самом деле. Королевства были расколоты, война тлела под шаткими союзами. Узнают — сорвут их с места, увезут туда, где они никогда не жили, заставят сражаться в чужой войне.

Но шёпоты всё равно пришли. Деревня видела их в лесу — мгновенные тени среди знакомых лиц. И однажды в селение пришли солдаты королевства — искать.

Мать выгнала их в лес и велела бежать. Но, видно, боги заранее начертали другую судьбу. Может, это была их воля с самого начала: привести младенцев к её порогу — чтобы забрать, когда придёт час. Гул войска прокатился по чащобе, и один из братьев сделал выбор: вышел сам, сдался — чтобы второй ушёл.

Драконiец бежал, с тяжестью в сердце, и вернулся туда, что считал домом. Но мир не дал передышки. Войско пришло снова, прочёсывая селение и забирая каждого, кто способен держать оружие. И когда среди крестьян разглядели драконийца, их ужас был быстрым и жестоким. Он не отсюда. Его тоже забрали.

Годы расползались, как бахрома.

Виверианский мальчик стал мужчиной — выкованным кровью и сталью. Его клинок, в ведьминой крови, принёс ему дурную славу, и виверианский король обратил на него внимание. Он получил титул генерала, а с ним руку принцессы.

А далеко, в Королевстве Огня, драконiец сбросил кандалы солдатчины и обрел давно забытое предназначение. Он оказался потерянным принцем — сыном королевы Этни и короля Сорина, наследником инфернального трона.

И вот так мальчики, бывшие братьями, стали каждый правителем в своей земле.

Врагами.

Война подошла к горькому финалу, и Королевство Магии — владение ведьм — рухнуло. Уцелевших изгнали в земли, что ныне стёрты временем. Но цена победы оказалась велика: где прежде стояли восемь королевств, осталось только семь — навеки раздробленные, с разорванными узами.

Огонь трепетнул, и тени дрогнули по холодному камню, когда тишина села между ними.

Когда Мэл закончила, отец выдохнул тяжело — века опустились ему на плечи.

— Когда-то мы жили в мире, — сказал король, голос — эхо, потерянное в коридорах истории. — Восемь королевств, могучих — говорят, их создали боги. А теперь мы стоим порознь, расколоты грехами предков. Тем, что сделал принц Хэдриан Блэкберн.

Мэл не пошевелилась, даже не решилась глубоко вдохнуть.

— Он должен был жениться на принцессе Этни из Королевства Огня — клятвой связать союз. Но отдал сердце ведьме. Он нарушил священный обет, и Дом Пламени возжаждал мести, разжёг войну, что пожрала ведьм и наше королевство.

Слова свистнули, как клинок, и остались висеть в воздухе призраками прошлого.

Король провёл ладонью по бороде; взгляд ухнул в углы, туда, где будто ждали тени павших королей и забытых воинов.

— Отец Хэдриана не хотел идти против собственной крови. Но сын обесчестил клятву — союз, призванный спаять королевства. Хэдриан выбрал любовь, а не долг — и королевство качнулось над пропастью. Король не мог позволить войну — не тогда, не из-за прихоти сына, ослеплённого чувством.

Голос потемнел:

— Он поступил, как считал правильным: заключил союз с Королевством Огня, отрёкся от сына и пошёл войной на ведьм. Прочие королевства, жадные до силы, охочие лишить ведьм дара, — присоединились к бойне.

Пальцы Мэл сжали подлокотник, но она не вмешалась. Стоило заговорить — и хрупкая нить расползлась бы, оставив её с ещё большим числом вопросов.

— С той войны Дом Пламени и наш Дом Теней живут в ярости — не способны верить, не способны забыть. Ведьмы повержены, но мы потеряли больше — единство. А теперь… — король вздохнул и вдруг стал старше, чем минуту назад. — Теперь я получил письмо от короля Игана из Дома Пламени. Предложение.

— Короля Игана? — Мэл моргнула.

— Да.

Холодок скользнул по позвоночнику.

— Предложение?

Губы отца приоткрылись — но прошло мгновение, прежде чем слова сорвались:

— Брачное, Мэл.

Мир накренился.

— Я не понимаю, — прошептала она; внутри разверзлась пустота. — Ты хочешь, чтобы Хейвен вышла…

— Нет, Мэл, — в его голосе была точка. — За Принца Огня выйдешь ты.

Комната, огонь, сам воздух будто схлопнулись.

Желудок провалился. Мысли метнулись, пытаясь ухватить эту жестокую реальность. Ошибка. Он не мог согласиться на такое — на то, чтобы отправить её в чужую землю, к незнакомому мужчине — принцу, о котором шепчутся истории жестокости и безрассудства. Военному, влюблённому в войну и завоевание.

— Почему я?

Ответ она знала прежде, чем он произнёс его. Знала всегда.

Хейвен предстоит корона — её долг приковывает к Королевству Тьмы. У братьев — свои роли, свои пути. А у Мэл… ни места, ни предназначения. Четвёрторождённая, аномалия, ребёнок, которого «не должно было быть».

Её можно отдать.

Идеальное решение.

— И чем мой брак с принцем что-то исправит? — голос едва слышен, но он всегда слышал её.

— Когда-то браки были мостами между королевствами. Клятвами ткали мир, — лицо его было непроницаемо, но Мэл видела, как тяжесть правды отливает в глазах. — После войны мы всё потеряли. Каждый замкнулся в себе, в своих обидах. Но теперь… теперь Король Огня хочет исправить. Если Дом Пламени и Дом Теней соединятся, прочие, возможно, последуют. Мы сможем вернуть эпоху мира, Мэл. Мир, где мы не враги.

Ей хотелось спросить, не связано ли всё это с шёпотами — о ведьмах, что шевелятся во тьме, — но она прикусила язык.

Он не произнёс их.

Но она знала.

Мир всё ещё боялся ведьм — боялся, во что они обратятся, если поднимутся из пепла. Не все ведьмы исчезли. Они никогда не исчезали все.

Достаточно было заглянуть Мэл в глаза, чтобы увидеть правду.

Отец протянул руку; его шершавые пальцы — тёплые, надёжные — накрыли её.

— Я не стану принуждать, — мягко сказал он. — Откажешься — найдём другой путь.

Мэл кивнула.

Другого пути не было.

Их предки уже однажды нарушили клятву — и мир разошёлся по швам. Если она откажется — разрыв станет окончательным. Если шёпоты верны, если ведьмы и правда собираются вернуться — королевствам понадобится встать плечом к плечу. Им нужно единство.

И это единство легло на её плечи.

— Я поеду одна? — спросила она.

Мысль ударила глубже, чем ожидала. Реальность — чужая земля, двор незнакомцев, встреча с Принцем Огня — в одиночку — пугала сильнее самого брака.

Лицо отца смягчилось.

— Конечно, нет. Хейвен и братья поедут с тобой; останутся на свадьбу и ещё на время. Мы с матерью… не можем оставить королевство без присмотра. Но помни, родная: мы всегда с тобой.

Он коснулся двумя пальцами лба — священный, молчаливый знак виверian.

Комок подступил к горлу. Мэл медленно поднялась и отзеркалила жест. Затем, пока не треснула решимость, повернулась и пошла к двери — ровно, плечи расправлены, дыхание сдержанное.

Её мир — дом, семья, всё, что она знала — сейчас будет оторвано.

И она позволит.

Если это спасёт её народ, если принесёт мир, если защитит королевство — она сама пойдёт в пламя.

Даже если уже не восстанет из него.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 5

Раньше я верила в богов. Я знала, что мы — от них, сотворены их руками. Но теперь я знаю, на что они способны. Они не желают нам помогать или защищать нас. Им нужно проливать нашу кровь — для забавы. Я видела, как Он пытался шептать на ухо Хэдриану. Мы больше не в безопасности от них.

Я давно перестала молиться.

Табита Вистерия

Храм Смертоносных Теней венчал самый высокий холм — безмолвный страж Королевства Тьмы. В отличие от пышных храмов иных земель он был скромен — дань жрицам, отвергшим тщеславие. Вивериане почитали богов в тишине повседневной преданности, приносили уважение, а не зрелище.

Мэл всегда находила здесь утешение. Про Кая такого сказать было нельзя. Её брат, при всей силе и дерзости, не умел скрывать, как у него бегут мурашки при виде жриц — их тихие, всезнающие взгляды тревожили его. И всё же он следовал за ней всегда, не позволяя ей совершать эти паломничества одной.

Здесь не было высоченных алтарей, не стояли золотые идолы — лишь один безлистный ствол; искривлённые ветви тянулись в небо, как костяные пальцы. Боги посадили его на заре мира — и с тех пор он стоял, непоколебимый.

Там Кай и нашёл Мэл — на коленях у корней, лбом к земле.

Сам храм — в нескольких шагах — был скромен, но изящен. Полированные каменные колонны выстраивались у входа, обсидиан блестел в бледном свете. Но Мэл была снаружи: ладони глубоко в земле, она шептала молитвы, древнее времени.

Кай лениво прислонился к колонне и крутил в пальцах почерневшее, надкусанное яблоко.

— За это получишь, — тихо, но твёрдо сказала Мэл. — Еду приносят только в дар.

Кай закатил глаза:

— Уже дрожу.

Она подняла голову и метнула через плечо выразительный взгляд — неестественный пурпур её глаз поймал тусклый свет. Он ухмыльнулся, но промолчал. Мэл вздохнула, покачала головой и вернулась к делу.

Пальцы вдавились в влажную землю; она опустила в неглубокую лунку грушу. Присыпала и прошептала:

— Смертоносные Боги, внемлите моей молитве. Укройте меня. Ведите по тропе, что назначили.

Кай откусил яблоко как раз в тот миг, когда Мэл коснулась двумя пальцами лба, затем приложила их к белой коре священного дерева. Поднявшись, она стремительно повернулась и выхватила яблоко у него из рук.

— В храме не едят.

Кай трагически вздохнул:

— Никогда не пойму богов и их бесконечные правила. И не пойму, зачем ты всё ещё молишься, когда они явно не отвечают.

Мэл прошла мимо и шагнула под своды входа. Хоть здание было простым, для неё это было красивейшее место в мире. По голым стенам вились лозы пепельного чёрного и призрачно-белых цветов; их приглушённые тона смягчали резкость архитектуры.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

В центре горела чаша вечного голубого огня — священный дар теневой Виверны, зверя, которого не видели неисчислимые века. Легенды твердили, что это была тень самого первого виверианского короля — дух тьмы, обретший форму. С тех пор ни один другой правитель не был благословлён таким спутником.

Мэл всматривалась в пламя и терялась в его зыбкой глубине.

— Мы молимся не чтобы требовать, — прошептала она. — Мы молимся ради надежды.

Кай остался не впечатлён:

— И на что ты надеешься?

Мэл не ответила на вопрос:

— Полагаю, ты уже слышал, что со мной будет.

Тепло мгновенно ушло с его лица.

— Я этого не допущу.

Мэл обернулась — в его тёмных глазах тлела тихая ярость.

— Ты не остановишь этого, Кай. Король сказал…

— Король, — перебил он, привычно толкнув пальцами изгиб её рогов, как в детстве; улыбка не дошла до глаз, — наш отец. А значит, его можно переубедить.

— А меня — нет.

Кай застыл.

— Это не твоя ноша, — голос осип, стал грубее. — Наши королевства могут объединиться без того, чтобы тебя приносили в жертву.

— Кай…

— Нет, Мэл, — он мотнул головой. — Я не позволю тебе выходить за Огненного придурка только потому, что какие-то глупые шёпоты о ведьмах не дают отцу спать.

Мэл невольно улыбнулась. Он был великолепен, её брат: яростный, защитник, готовый идти против мира ради неё. Она взяла его за руки и мягко сжала.

— Я люблю тебя, Кай. Но если мой брак поможет нашим королевствам… возможно, это то, что боги мне уготовили. — Кай стиснул челюсти, но она продолжила: — Королевство Огня и Королевство Тьмы никогда ещё не сражались как одно. Если им суждено доверять друг другу, им нужен королевский представитель, который сделает шаг вперёд и перекинет мост.

— А если они не станут тебе доверять? Если увидят в тебе врага?

Мэл отвернулась. Она и так знала, как на неё смотрят в собственном королевстве: как взгляды задерживаются слишком надолго; как шёпоты тянутся за ней, как призраки. Она — четвёрторождённая, аномалия, девочка с проклятыми глазами, которая никогда не была «своей».

Может быть, ради этого она и родилась.

Может быть, в этом её предназначение.

— И всё? — выдохнул Кай уже тише. — Ты правда веришь, что родилась лишь затем, чтобы быть женой? Его женой?

Мэл снова встретила его взгляд — и в её глазах появилось новое, острое.

— Нет, Кай. Не женой.

Огонь храма возложил ей на голову голубой нимб; тень её рогов вытянулась по камню.

— Королевой.

Долго Кай просто смотрел. Потом выдохнул — и едва слышно:

— Значит, решение принято.

Мэл раскрыла губы, но ветер — мягкий, настойчивый — изменил ход, принеся шелест тканей по камню. Она знала до того, как повернулась: жрицы пришли.

Кай напрягся рядом; тело стало струной. Он никогда не умел скрыть своего дискомфорта в их присутствии — и Мэл понимала почему: их незрячие взоры, призрачная поступь, тяжесть божественного, давящая на всё вокруг. Она их не боялась. Здесь, под несмыкающимися глазами богов, она всегда была дома.

Жрицы двигались как туман; длинные серые одеяния облегали, как вторая кожа, глушили даже шорох шагов. Они не носили ни серебра, ни камней; никакого украшения — лишь священная повязка на глазах: полоса ткани, отрезанная от собственного платья священным клинком при посвящении.

Видеть — значит уклониться от веры.

Днём они странствовали слепыми, руки — навстречу невидимому, ожидая ответа богов. Ночью же, когда луна кровила и резала небо алыми мазками, повязку снимали — и их обнажённые глаза, страшные и мудрые, становились единственным светом в темноте храма.

Вперёд выступила Верховная жрица. Голос её был гладок, как вода, но под ним звучало что-то глубже — древнее, словно шедшее из костей самой горы.

— Принцесса.

Мэл склонила голову и окинула взглядом фигуру — высокая, затканная тенью, будто соткана из сумерек. Они были страшны по-своему — не затронутые людскими страстями, привязанные лишь к шёпоту богов.

Когда-то Мэл мечтала быть одной из них.

Потом узнала цену.

Стать жрицей — значит отречься от неба.

«Мы слушаем богов, но не можем до них дотянуться, — сказала ей когда-то Верховная. — Наш долг — к земле: вести тех, кто хочет услышать, но не может. Потому нам нельзя летать на Вивернах».

И Мэл поняла: ей не быть одной из них.

— Верховная, — тихо произнесла она. — Я пришла на молитву.

— Иди, дитя, — Верховная уже разворачивалась к храму, так естественно оставляя Кая за скобками, как дышала. — Твой отец приходил к нам утром. Он рассказал о твоём решении. Нам многое нужно обсудить, прежде чем ты ступишь за границы — прежде чем войдёшь в Королевство Огня.

Позади шевельнулся Кай; голос у него был густой, срывающийся:

— Мэл.

Просьба в её имени резанула глубже любого клинка.

— Вернись со мной в замок. Мы найдём другой путь. Лучший. Обещаю.

Мэл выдохнула; слова давили на рёбра. В ней жила часть — хрупкая, жаждущая — которая хотела, чтобы её спасли. Хотела рухнуть брату в объятия, переложить ношу, стереть всё.

Но была и другая.

Та, что родилась «неправильной»; росла, преследуемая шёпотом о собственной природе. Та, что жаждала доказать: она — больше, чем ошибка. Больше, чем проклятый ребёнок.

Потому что если она — принцесса с проклятыми глазами, девчонка, которой «не должно было быть» — сможет стать той, кто спасёт всех…

То, может быть — может быть — она не будет тем чудовищем, которого всегда в себе боялась.

Мэл медленно повернулась к брату.

Поклонилась.

И, не сказав больше ни слова, шагнула в ждущие тени храма.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 6

Я вижу, как они на меня смотрят, когда Хэдриан заставляет меня смеяться, пока я читаю в Библиотеке Тьмы. Я провела в замке больше двух недель, обсуждая с виверианами союз между королевствами. Хэдриан составил мне компанию, и я ничего не могу поделать с дрожью, которая пробегает по мне при одном его виде. Его голос — глубокий шёпот у моей кожи, но я боюсь, что окружающие начинают замечать то, чего мы сами ещё не осмелились произнести вслух. Через несколько дней я вернусь домой, и одна мысль о расставании — об отъезде без него — невыносима. Ничего подобного я прежде не чувствовала.

Табита Вистерия

Библиотека Тьмы была святилищем великолепия и мудрости — огромной палатой, где бережно хранилось эхо истории, и каждый архив был нитью в ткани прошлого их мира. И всё же, при всём этом богатстве знания, казалось, лишь Кейдж по-настоящему ценил такие вещи.

Кай опустился в одно из множества пустующих кресел и усталой рукой прижал пальцы к глазам. Напротив, младший брат согнулся над россыпью карт, целиком поглощённый подробностями, которым Кай не находил смысла. Воздух был густ от запаха старой бумаги и чернил; тишину изредка нарушал лишь шелест переворачиваемых страниц.

Комната тонула в тени; величие её приглушали непрерывные сумерки. Только жутковатое свечение голубых огней удерживало мрак на расстоянии, отбрасывая призрачные силуэты на древние стены. Учёные бесшумно скользили меж стеллажей, кончиками пальцев касаясь корешков забытых фолиантов, извлекая тайны, которые Каю открывать не хотелось.

— Чего ты хочешь? — голос Кейджа был короток, без тепла.

— Что читаешь?

— Не читаю. Смотрю.

Кай криво усмехнулся:

— И на что, позволь спросить, смотришь?

— На карту, брат.

— Карту чего?

Кейдж выдохнул, терпение таяло:

— Ничего, — он медленно свернул пергамент, откинулся на спинку и прищурился на старшего. — Чего ты хочешь?

Кай изобразил обиду, приложив ладонь к груди:

— Ранишь меня, братишка. Неужели мне непременно нужна скрытая цель, чтобы посидеть с тобой?

Кейдж выгнул бровь:

— Как-то я предлагал научить тебя церемониальным традициям Дома Песков, и ты ответил… — он сделал вид, что припоминает, — ах да: что тебе проще выколоть себе глаза, чем выносить мои уроки истории.

Кай отмахнулся:

— Не относится к делу.

— К какому же?

Старший замялся; взгляд скользнул к верхней полке, где тенью смерти восседал Спирокс — теневой ворон Кейджа. Тварь склонила голову; обсидиановые глаза блеснули, будто он внимал каждому слову.

— Мэл выдают за Огненного придурка, — наконец пробурчал Кай.

— Слышал.

— Мы не можем позволить, чтобы нашу сестру бросили в логово огнедышащих драконов. Они сожрут её живьём.

Кейдж молча посмотрел на чёрное кольцо на мизинце; его ониксовая поверхность тускло мерцала в полутьме. Такие кольца носили все трое — наследие, переходившее из поколения в поколение; знак рода, связанного с тенью и властью. Три кольца — для трёх детей, что всегда рождались у короля и королевы Тьмы. Однажды у Хейвен будут наследники, и тогда Кай с Кейджем передадут им свои кольца — как залог удачи.

Мэл не получила своего.

Для четвёрторождённой не куётся кольцо.

Пальцы Кейджа забарабанили по подлокотнику:

— Возможно, так и лучше, — произнёс он осторожно. — Она четвёрторождённая; у неё нет долга перед нашим краем. Если её брак скрепит союзы — кто мы, чтобы стать на пути у этой судьбы?

— Она наша сестра.

— И ею останется, даже в иной земле. Мы все рано или поздно поженимся, брат — хотим мы того или нет.

Кай сжал кулаки:

— Мой долг как второго — защищать. Как я буду защищать её, когда она будет вдали?

— Твой долг — оберегать будущую королеву. Остальные из нас… второстепенны.

Шевеление учёного по соседству отвлекло Кейджа на миг, и Кай воспользовался этим, чтобы внимательнее изучить брата. Они были во многом схожи: у обоих — чёрные, как ночь, волосы и тёмные, бездонные глаза; бледная кожа резко контрастировала с подвластными им тенями. Но различия были не менее явными. Кейдж был тоньше в кости — телом для жизни за книгами, а не за клинком. Где лицо Кая рубили острые грани, словно кромки стали, у Кейджа черты были мягче, круглей — обманчивая ласковость, из-за которой чужие ошибались в его природе. Кай знал лучше: под тихой оболочкой в брате пылал упрямый, свирепый огонь их крови.

Кейдж выдохнул:

— Века назад браки по клятве между королевствами были обычным делом. Союзы ковали не пергаментом и чернилами, а кровью и обетами. Всё кончилось, когда наши предки разбили свою клятву Дому Пламени.

Кай фыркнул:

— Мы искупили тот проступок войной с ведьмами. Не наша вина, что другие королевства воспользовались войной, чтобы резать мир под свои империи.

— Нет. Но искрой, поджёгшей единство Восьми королевств, были мы, — голос Кейджа потяжелел историей. — Возможно, теперь мы можем починить то, что сломали.

— Значит, ты готов принести в жертву Мэл?

В тёмных глазах Кейджа сверкнуло неуловимое:

— Наша обязанность — исправить ошибки предков. Нравится нам это или нет.

— Если так, от нас потребуют и самим жениться за пределами наших границ. Наши жёны не будут виверианками. Они — чужестранки, воспитанные в иных обычаях. Наши дети перестанут быть «чистокровными».

Выражение Кейджа смягчилось:

— И это так страшно?

— Сто лет наш обычай — хранить линию незапятнанной.

— А до того? — парировал Кейдж. — До предательства, до войны — наши обычаи были другими. Перемена неизбежна. Сопротивляясь ей, мы обрекаем себя на застой.

Челюсть Кая напряглась:

— Быть может, застой лучше вымирания.

— В самом ли деле? — Кейдж подался вперёд, голос стал почти жутко ровным. — Что мы получили от изоляции? Народ беднеет, земли скуднеют, будущее довольно сомнительное. Ведьмы разбиты — да. Но в их тишине отточилась ненависть. И когда они вернутся, если мы встретим их раздробленными, — падём.

— Мэл — всего лишь одна девушка, Кейдж. Она не остановит войну.

Кейдж наклонил голову, внимательно наблюдая за братом:

— Она — одна девушка. Но, возможно, ключ ко спасению всех нас.

Между ними растянулась долгая тишина, которую изредка пробивали далёкие вои Виверн, кружащих над замком.

Наконец Кай, раздражённо проведя ладонями по лицу, буркнул:

— Ведьмы — миф. Никто их не видел десятилетиями. Те, что остались, — призраки на пустоши. Почему ты веришь в сказки на ночь, придуманные чтобы пугать детей?

Кейдж поднялся, собирая свои книги.

Спирокс каркнул с жердочки — звук резанул окончательностью.

Кейдж задержал на брате взгляд:

— Достаточно посмотреть в глаза нашей сестры, дорогой брат. То, чего мы не видим, не перестаёт смотреть на нас.

И, не добавив ни слова, он зашагал в тень, а ворон беззвучно скользнул следом.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 7

Говорят, мы разные.

Единственная настоящая разница — та, о которой нам твердят.

Я — ведьма.

Он — виверианин.

Мы оба кровоточим. Мы оба любим. Мы оба плачем.

И всё же нам твердят, что нам не быть вместе.

Табита Вистерия

Мэл снился огонь.

Не холодные голубые языки её родной земли, а дикий, неукротимый пожар — красно-золотое пекло, пожиравшее небо. Пепел сыпался, как умирающие звёзды, оседая в мире, ей незнакомом. И в самом сердце пламени стоял мужчина — спиной к ней, силуэт прорезан углями; кинжал в её руке шептал его имя.

Тот, кто восстанет из пепла, объединит их всех.

Она рывком проснулась — рваное дыхание, влажная кожа. Ощущение клинка, входящего в его грудь, жило в костях — фантомная боль, от которой не избавиться.

Рассвет подползал к горизонту, когда Мэл натянула ездовые сапоги и подбежала к ближайшему окну. Утренняя стужа поцеловала кожу, принеся с собой запах тёмных гор и шёпот беспокойных Виверн. Она ухватилась за каменный столб и подалась вперёд — в бездну.

— «Nyx, venire!» — Никс, ко мне!

Мгновение — тишина. Потом ответил рёв — такой силы, что отозвался в самой груди. Мэл улыбнулась. Не раздумывая, она шагнула в темноту.

Желудок ухнул — и тут же под подошвами встретилась прочная чешуя. Крылья Никс распахнулись, поймали ветер, подняли их в утреннее небо.

— «Volare, Nyx, volare». — Лети, Никс, лети.

Ветер терзал волосы; холод кусал кожу. Она летала часами, пока первый румянец не пролился по пикам.

Когда Мэл вернулась, на тренировочном дворе уже звенела сталь. Внизу Кай затягивал ремни чёрного доспеха, готовясь к утренним дрилам. Никс с глухим гулом опустилась на крышу, отчего Кай замер и сузил ониксовые глаза — с лёгким раздражением — как раз в тот миг, когда Мэл соскочила на камень.

— Выглядишь ужасно, — буркнул он, застёгивая последний кляммер на наруче.

Мэл его проигнорировала и пошла к стойке оружия. Пальцы легли на рукоять её короткого меча — чёрная сталь, выкованная в виверианском голубом огне, неуязвимая, как ночное небо.

— Что ты задумала? — спросил Кай.

— Тренируюсь.

— Тренируешься? — фыркнул он. — Через несколько дней мы уезжаем на королевскую свадьбу — твою, напомню. Тебе бы платья да украшения выбирать, а не лезвия точить.

Его парные крючковые клинки блеснули в полутьме — оружие смертоносно, как сам владелец. Мэл однажды пыталась ими владеть — вышло позорно.

— Будто я просила об этом! — рявкнула Мэл и без предупреждения рубанула.

Кай ответил мгновенно, легко приняв удар. Она ушла ниже и срезала по его ногам, но он успел прыгнуть назад, усмехнувшись раздражённо.

— И не сказать, что ты громко против этого вопишь, сестрёнка.

Ярость в ней свернулась змеёй. Она пошла в атаку — быстро, жестко. Лезвие чиркнуло по его плечу, оставив легкую царапину; Кай лишь хмыкнул, чем ещё сильнее её взбесил. Стиснув зубы, она ударила ногой — он качнулся. Метнула кинжал — Кай перекатился, и сталь впилась в землю там, где он стоял мгновение назад.

— Что я должна делать, Кай?

До сих пор он сдерживался — теперь стойка изменилась. Клинки полетели, чертя в воздухе обсидиановые дуги. Мэл уходила — плавно, точно, скользя под каждым ударом.

— Ты должна сражаться!

Следующий выпад был направлен не в её меч, а в неё саму. Он прижал её к камню; тёмные глаза в искрах, дыхание часто.

— Я и сражаюсь, Кай, — прошептала Мэл.

Острие его крючкового клинка легло ей к горлу.

— Это не тот бой, Мэл. Ты не можешь выйти за Огненного придурка. Ты слышала слухи о его жестокости. Твоё место здесь, с семьёй. Если ты будешь там… — голос сорвался; хватка сжалась. — Как я тебя защищу?

Мэл смягчилась и провела пальцем по его щеке — старый детский жест, когда слов не хватало. Он закрыл глаза и на миг прижался к её касанию.

— Я могу защитить себя. Знаю, звучит безумно, но… это путь. Так сказано в пророчестве…

Он дёрнулся, будто обжёгся; лицо скривилось.

— Ты делаешь это из-за какого-то пророчества? — голос стал острым, отчаянным. — Пророчества — ложь, Мэл. Пустые выдумки шарлатанов, что кормятся отчаянием! Нет никаких избранных, нет проклятий. Есть короли и королевы, играющие в свои игры, а мы — их фигуры.

— Кай, мне снилось…

— Провидица напоила тебя своим зельем? Забила голову бреднями?

Сквозь Мэл прошёл жар злости. Она оттолкнула его плечом:

— Провидица ни при чём. Пророчество гласит: Тот, кто восстанет из пепла, объединит их всех. Я видела это, Кай. Я знаю, что должна сделать.

— И что же ты должна?

Мэл запнулась; слова на вкус были железом:

— Я должна выйти за принца, а потом…

— А потом что?

Она встретила его взгляд.

— Потом я должна его убить.

Впервые Кай сбился.

— Ты вправду веришь, что убийство Огненного придурка объединит королевства? — он хрипло рассмеялся. — Нарушенная брачная клятва начала войну, Мэл. Думаешь, король Иган падёт на колени в благодарности, когда ты перережешь горло его сыну?

— Я… не знаю, — честно сказала она. — Но сны…

Кай схватил её за плечи и встряхнул:

— Послушай себя. Это не складывается!

— Мои глаза…

— Глаза — это просто глаза, Мэл!

Его слова резанули. Она взорвалась:

— Я — четвёрторождённая, Кай! С пурпурными глазами! Такого не было никогда!

Земля дрогнула. Из неё ударила волна — невидимая, хлесткая. Кай отлетел и врезался в стену; сверху посыпалась пыль, каменные крошки.

Мэл перехватила дыхание.

Годы она давила это в себе, сталкивала вниз, делала вид, будто не чувствует силу, вьющуюся по жилам. Пыталась быть обычной. Быть, как они.

Но теперь Кай увидел.

Он поднялся — медленно. Лицо — непроницаемо. Быстро оглядел пустые балконы над двором — не было ли свидетелей. Потом выдохнул — слишком ровно:

— Никто не видел.

— Почему ты так спокоен? — сглотнула Мэл.

— Поверь, Мэл, я не спокоен, — он схватил её за запястье и повёл прочь с плаца, сквозь тенистые коридоры. Плечи жёсткие, шаг быстрый, молчание тяжелое. — Давно ты знаешь?

— Мне кажется, я знала всегда.

Он провёл ладонью по лицу:

— Да… пожалуй, мы все знали, — шёпотом добавил: — Я всегда чувствовал, насколько ты опасна.

Мэл застыла.

Слова ударили глубже стали. Опасна. Слово для чудовищ, не для сестёр.

Кай, видно, ощутил, как её перекосило, — смягчился:

— В хорошем смысле, Мэл. Нас учили бояться магии. Но ты — моя сестра. Я всегда буду любить тебя. Но нам нужно сделать так, чтобы никто и никогда не увидел, что ты умеешь.

Они дошли до её покоев.

Мэл помедлила:

— Через несколько недель я должна выйти за Принца Огня, Кай.

Он кивнул:

— Значит, тебе придётся скрывать это. Как ты делала всегда.

Мэл остановилась у одного из многих арочных окон — без стекла, распахнутого в мир. Вдали, одинокий часовой на холме, белел храм — его бледный камень резал сгущающиеся сумерки. Пристанище — место, не тронутое тяжестью судьбы. Ей хотелось быть там — в шёпоте освящённых стен, где, может, богов хватит, чтобы заслонить её от грядущего.

— Я чувствую это, Кай, — прошептала она ветру. — Моя сила… меняется. Здесь, в нашей тьме, я всегда могла её держать. Но там — в том Огненном Королевстве… — она резко выдохнула; пальцы впились в камень подоконника, — оно не мой дом. Я не знаю, что со мной будет.

Силуэт Принца Огня всплыл в воображении — дым и тени: лицо ускользает, едва она к нему тянется. Наверняка — жестокое, острое, искажённое злобой, как в рассказах. Что значит принадлежать такому мужчине? Носить его имя, делить его постель, касаться губами губ врага, которого она ни разу не видела? Мысль шевельнулась под рёбрами — тёплым угольком, ещё не разгоревшимся.

Кай сдвинулся рядом — крепкий, как горная порода под ногами:

— Мы что-нибудь придумаем, — пробормотал он, так прозвучало обещание.

Мэл фыркнула; уголок губ дрогнул, несмотря на шторм внутри:

— Ну… — проговорила с горькой усмешкой, — надеюсь, я успею его убить, прежде чем он поймёт, что мои глаза — настоящие.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 8

В воздухе перемена, и я не могу её объяснить. Хэдриан больше не смотрит на меня. Он получил письмо из Королевства Огня с предложением. Какого рода, он не говорит. Я боюсь худшего.

Табита Вистерия

Время капало, как мёд,— густо, неумолимо,— и каждый день оставлял на почерневшей земле шёпот следов, лишь затем, чтобы сама же бездна времени их проглотила, присыпала опавшей листвой и тишиной ветра. Земля уже начинала забывать её. Скоро она не будет хранить её сущность, не удержит её тяжесть.

И потому Мэл делала то, что делала всегда: точила лезвие до блеска — обещания крови; по утрам спарринговала с Каем под серым небом; днём становилась на колени в храме и шептала молитвы богам, что не отвечали; по вечерам сидела рядом с семьёй, укутанная разговорами о надвигающемся событии.

О её свадьбе.

До сих пор казалось, будто речь о ком-то другом. Будто девушка, которой через каких-то две недели идти к алтарю, — чужая, живущая в ином теле, дышащая иной судьбой. Она пыталась вообразить себя привязанной к принцу, которого никогда не видела, — и видела лишь безымянную тень. Нет, не безымянную. Принц Огня. Мужчина, о котором шептали: упивается жестокостью, завоеванием, чужими страданиями.

И всё же странно — она не плакала. Не рыдала в подушку и не кляла судьбу. Мэл была не пленной невестой: отец оставил ей выбор. Он бы отказал этому союзу, попроси она.

Но она не попросила.

— Ты вообще слушаешь?

Мэл моргнула, выныривая из мыслей. Перед ней стояла Хейвен с платьем из ночного хлопка — мать его обожала. Мэл — ненавидела. Слишком много ткани, слишком много слоёв, удушье и путы. Платье не для воина.

— Надень его, когда приедем, — предложила Хейвен.

Мэл фыркнула:

— В таком я не сяду в седло.

Хейвен закатила глаза:

— Ты же знаешь, отец не позволит тебе приземлиться на пороге Короля Огня верхом на Виверне.

— Почему нет? — вскинулась Мэл.

— Потому что ты выходишь за Принца Огня.

— Не вижу связи, сестра.

Хейвен устало выдохнула:

— Они считают нас дикарями, Мэл. Если ты явишься на Виверне, взлохмаченная, в одном из своих драных платьев…

— …я произведу впечатление, — перебила Мэл, ухмыляясь.

— Мэл…

— Если Принцу Огня нужна виверианская невеста, — сложила она руки на груди, — то такую он и получит.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Хейвен рассмеялась — и этот звук резанул Мэл, как клинок света во тьме. Услышит ли она его ещё когда-нибудь? Не забудет ли со временем мелодию сестринского смеха? Хотелось бы поймать его, закупорить в стеклянном флаконе и держать у изголовья — на ночи, когда останется одна.

— Думаю, принцу вообще не нужна виверианская невеста, — призналась Хейвен.

Мэл отмахнулась:

— Значит, ему не повезло. Он всё равно застрял со мной. Я дикая и несмиренная: мои ноги больше знают грязь, чем мрамор; мои руки в синяках от боя; мои волосы спутаны ветром полёта. Я не извинюсь за то, кто я. Не перед ними.

Гордость вспыхнула в тёмных глазах Хейвен — и тут же погасла, как всполох на кромке клинка. Она двинулась к углу комнаты, провела пальцами по подлокотнику небольшого дивана. В камине тлел низкий огонь, комната была тёплой, но Мэл любила холод, тот, что проникает в кости, немеет под тяжёлыми одеялами, и мир её не достаёт.

— Я всегда тебе завидовала, — сказала Хейвен.

Ожерелье на её шее ожило — мягко, змеино — скользнуло по ключице и поползло к руке. Это была Тень Хейвен — не украшение, а змей, укутанный иллюзией, часто принимаемый за безобидный блеск на царственной шее принцессы. Многих слепил его перелив — и они не видели опасности. А змей этот — шепчущая тень — был смертоносен, точен и безжалостен, как отточенная сталь.

Мэл проигнорировала любопытный взгляд Тени-змея и нахмурилась. Её сестра — будущая королева — завидует ей?

— Чему? — не поверила она.

Хейвен не посмотрела на неё. Медленно прошла к окну; взгляд притянула красная луна над рваными пиками. Пальцы невзначай гладили теневого змея — движение привычное, выученное годами. И всё же Мэл не могла не заметить его немигающий взор — пристальный, тихий, словно видит больше, чем позволяет.

— Быть четвёрторождённой для тебя — проклятие. Для меня же… — Хейвен покачала головой. — Ты жила свободно, Мэл. Тебя не приковывал трон, тебя не заковали в долг. Дни ты проводила в тренировках с Каем; твой меч — почти продолжение руки. Терялась в библиотеке, пожирая книги с Кейджем, пока вы вдвоём не засыпали на страницах. Ты могла выбирать, — голос стал мягче, в нём дрогнуло хрупкое. — Я же всю жизнь готовилась быть королевой. Каждый шаг, каждый вдох были расписаны до того, как я научилась говорить. Я никогда не была свободна.

Мэл раскрыла рот — возразить, сказать, как же она неправа. Что Мэл никогда не была свободна — по-настоящему. Что она была птицей в клетке, боявшейся расправить крылья — вдруг они выдадут что она такое.

Но Хейвен подняла ладонь — и слова не родились.

— Однако, сестра, — продолжила Хейвен тише, тяжелее, — сейчас я тебе не завидую. Ни на толику. Не тому, что тебя ждёт. Не судьбе, решённой мужчинами, слишком старыми, чтобы отступить от собственной гордыни.

Мэл криво усмехнулась:

— Признаюсь, я и сама себе не завидую.

Между ними растянулась тишина — призрак, кружащий в воздухе. Обе посмотрели на окровавленное небо: ночь разворачивала над их королевством тёмные складки. Через считанные дни они полетят под этим небом — в неизвестную землю.

— Слышала, королева Огня — само совершенство, — небрежно заметила Хейвен, и под её невысказанным предупреждением тихо прошуршал шёлк. Змей спружинил и

быстротекущим движением свернулся на её запястье. Там он замер — идеально недвижный, так что для случайного глаза был не иначе как изящным браслетом, скрывающим угрозу на виду.

— Правда? — улыбка Мэл заострилась; клыки блеснули в лунном свете. — Значит, нам стоит явиться так, чтобы впечатлить мою будущую свекровь.

Хейвен усмехнулась, глаза сверкнули:

— Они зовут нас дикарями, — прошептала она.

Пальцы Мэл сжались в кулак.

— Тогда покажем, на что способны «дикари».

Тихий такт шагов отдалился по полутёмному коридору — мерный, царственный. Вошла королева Сенка — в вечернем платье, с драгоценностями, как пойманные звёзды, на шее и запястьях. Она ступала с той непринуждённой грацией, что приходит к тем, кто давно научился владеть вниманием.

Мэл, как всегда, была безнадёжно «недоодета»: простое белое хлопковое платье, босые ступни шуршат по холодному камню. Взгляд королевы скользнул по дочери — острый, непримиримый — и она тихо цокнула языком.

— В Королевстве Огня ты не сможешь разгуливать в таком, Мэл.

Мэл закатила глаза — усталость вздохнула на краю дыхания:

— Только не ты, мама.

Королева обменялась с Хейвен понимающим взглядом; между ними промелькнула лукавая улыбка, и у Мэл кольнуло предчувствие — сейчас последует очередная поучительная проповедь о вещах, к которым у неё нет терпения.

Сенка опустилась на диванчик, где недавно полулежала Хейвен, и оглядела комнату, будто отмечая беспорядок в детской.

— Огонь мало, — заметила она. — Стоит подбросить, а то ты простынешь ночью.

— Мама, — возмутилась Мэл и умоляюще глянула на Хейвен, — я люблю холод.

— Да, пожалуй, — нечитабельно ответила королева, и по лицу скользнуло нечто — возможно, печаль. — Только пользы это не принесёт там, в их огненном царстве.

Хейвен откашлялась, торопясь сменить тему:

— Мам, может, мы…

— Доченька, мне нужно поговорить с Мэл наедине.

Между сёстрами мелькнул молчаливый обмен. Пальцы Мэл рванулись — удержать руку Хейвен — но будущая королева послала воздушный поцелуй и выскользнула за дверь. Мэл осталась напротив матери.

Воздух стал плотнее от невысказанного.

Королева мягко выдохнула:

— Моё дитя… Скоро ты выйдешь замуж.

— Я в курсе, — Мэл поёжилась.

— Про Принца Огня ходят… — Сенка запнулась; её точные слова вдруг изменили шаг. — Когда мужчина и женщина соединяются браком, ожидается, что в брачную ночь они скрепят союз. Иногда это бывает красиво. Но иной раз… — лицо её омрачилось; голос опал до шёпота, — иной раз не слишком милосердно к невесте. И, зная, что говорят о принце… Боюсь, в твоём случае всё будет именно так.

Челюсть Мэл напряглась:

— Я его не боюсь, мама.

Королева откинулась, взгляд скользнул по комнате — будто больно было смотреть прямо на дочь.

— Нет, ты никогда ничего не боялась, Мэл. В этом ты особенная. — Она вздохнула и машинально пригладила складки. — Но ты должна слушать. Боль стали по коже на плацу — не та же, что чувствует девушка, когда её присваивают.

Мэл вскинула подбородок:

— Значит, это больно?

Она уже слышала шёпоты служанок о первой ночи; слышала про кровь на простынях. Значит, будет боль. Она была всегда.

Губы королевы сжались:

— Сначала да. Потом… нет.

— Я выношу боль, — твёрдо сказала Мэл. — Верховная жрица объяснила механику. Я понимаю, чего ждут.

Правда была в том, что при всей природе их народа Мэл ни с кем не ложилась. Не из-за правил — королям и королевам не велели непременно сохранять невинность, — а потому, что не хотелось. Возможно, где-то в костном мозгу она всегда знала: её тело принадлежит чему-то большему, чем мимолётное удовольствие.

Вздох королевы был мягким, но тяжёлым:

— Этот принц — злой мальчишка. Мы все слышали, что он делает на охоте на ведьм, — тень легла ей на лицо. — Будет больно. Всё. И тебе это не понравится. Ты будешь молить богов, чтобы это кончилось, — голос её едва дрогнул, непривычно, и у Мэл сжалось под ложечкой. — Но это кончится.

Впервые Мэл качнуло. Она не думала, как глубоко это ранит её семью. Мало думала о цене — дальше королевств и пророчества. А теперь, глядя матери в глаза, она подумала: а не ошибка ли?

Не заслонила ли она, спасая мир, тех, кого любит?

— Он не тронет меня, — сказала Мэл тихо, но жёстко. — Если попытается — я перережу ему горло.

Казалось бы, королева должна была одёрнуть её — напомнить о долге, о мире, о тонкой материи политики. Но вместо этого Сенка посмотрела на дочь и улыбнулась. Это не была мягкая улыбка матери. Не печальная улыбка королевы, отправляющей дочь в чужую страну.

Нет. Это было иное. Темнее. Острее.

Злая, смертельная улыбка.

Улыбка, что во всём — до последнего клыка — была близнецом Мэлиной.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 9

Мы обвенчаемся в Королевстве Фауны. Ведьмы и фэйри всегда были связаны — мы защищали друг друга. Это останется тайной. Мне горько, что мы не сможем позвать никого на нашу свадьбу. Но после всего, что происходит, — иначе нельзя. У меня есть друзья в королевстве фэйри. Они укроют нас на время, когда мы станем мужем и женой. Что бы ни говорили о нас — я прожила бы всё снова, только бы видеть, как он улыбается, когда я вхожу в комнату. Ради его любви это стоит.

Табита Вистерия

Утро Кай провёл в поисках Мэл. Каждый коридор, в который он входил, упирался лишь в пожатые плечи и неуверенные взгляды — пока он не услышал, как кучка служанок шепчется о принцессе. Шёпот довёл его до замковых кухонь, где воздух стал густым от муки и пряностей, вперемешку с безошибочной гарью чего-то подгоревшего.

Он нашёл её, усевшуюся на каменную стойку — рукава закатаны, на тёмной одежде белела мука.

— Скажи, что это не ты испортила черничный пирог, — простонал Кай, входя. Главный повар расхохотался.

— Конечно нет, братец, — объявила Мэл, спрыгивая. — Я помогала. Я испекла яблочный.

Кай вдохнул поглубже — поморщился:

— Я так и знал, что чем-то пахнет горелым.

— Неправда! — Мэл сердито толкнула его локтем в рёбра. — Всё равно ведь оставляем всё гнить, не понимаю, чего ты кипятишься.

Весь замок кипел — слуги сновали туда-сюда, голоса звенели от нервов: к вечеру нужно было успеть всё. Король ещё несколько дней назад объявил: на замковых лужайках устроят пир — прощальный, перед отъездом дочери в новый дом.

Мэл, как всегда, была бурей на двух ногах — не способна бездельничать. Кай знал: она бросится в любое дело, лишь бы занять руки, — вот только готовка никогда не была её даром. По традиции в Королевстве Тьмы королевская семья принимала участие в приготовлениях к торжествам: Хейвен с матерью наводили порядок в залах и руководили слугами; король шатался по деревням, играя в карты со своим народом, пока гончие расплывались у его ног; Кейдж, вечная тень, следил, чтобы отец не забыл позвать тех, кого хотел почтить.

А Кай? Кай лишь старался уберечь младшую сестру от очередной беды.

— Хочешь кекс? Я испекла их пару недель назад, должны как раз хорошо протухнуть.

— Ни за что, — без паузы отрезал Кай. — Не хочу провести вечер, валяясь больным.

Мэл фыркнула:

— Я поправилась! — Она вопросительно повернулась к поварам в поисках подтверждения — те дружно уткнулись в кастрюли.

Кай рассмеялся, покачал головой:

— Ты, милая сестра, одарена во многом. Выпечка в этот список не входит. — Он чиркнул пальцем по её носу, с удовольствием наблюдая, как хмурится её лоб.

— Я научусь, — пробурчала она. — Мне просто нужно время.

Время.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Слово встало у него в горле занозой. Времени больше не будет — ни утренних провалов, ни муки на ресницах и смеха поверх крошек. Скоро она уедет. Чужая королева в чужой земле; жизнь по законам, которых они не понимают.

Пустят ли её на кухни? Одёрнут ли за попытку? Запрут ли в золочёных покоях, под пристальными взглядами со всех сторон, лишив последних маленьких свобод, за которые она держалась?

Мэл, видимо, уловила, как у него потемнели мысли, — бросила на него один из тех взглядов: не жалей меня. Не тревожься о том, чего не изменить.

— Пойдём пройдёмся, — резко сказал Кай.

— Мне раскатывать… — начала Мэл, но в глазах блеснуло тихое согласие. — Доделаю позже, пожалуй.

Она пошла за ним в сады. Сумерки тянули серебряные пальцы по горизонту, цепляясь за фонари, которые Хейвен подвешивала к ветвям старого дерева.

— Мэл…

— Пожалуйста, не надо, — её голос был твёрдым, но под ним звенело хрупкое. — Я знаю, ты сердит. Только не сегодня. Сегодня — праздник. Последний у меня дома. Я хочу его прожить, брат.

Кай вгляделся, тревога ворочалась в животе, как зверь. Всю жизнь он сторожил её, оберегал. Хотелось развернуть ей голову и рассмотреть мысли на свету.

Почему она так легко согласилась? Ради отца? Из долга? Или там глубже — то, чего она не произнесла?

Все знали: Мэл другая. Не только из-за пурпурных глаз. Под кожей жила тихая, неотрицательная правда. С детства в ней было то, что никто не умел объяснить. Они закрывали глаза, загоняли признаки в тень и уговаривали себя: если достаточно долго делать вид, никто ничего не заметит. Но стоит ей ступить на землю огня — прятать будет нечего.

Кай годами слышал шёпоты. Путники издалека приходили посмотреть на виверианского ребёнка с ведьмиными глазами. Одни харкали при одном её виде, проклинали её рождение — язва на мире. Другие падали на колени, шептали богам и называли её спасением.

Виверианка с магией в крови.

Оружие для войны, которая никогда не кончалась.

Годы назад отец устал. Запер ворота. Отрезал внешний мир. Держал Мэл за камнем и тенью.

До сегодняшнего дня.

— Я попросила Бронсона сварить птичью похлёбку, — сказала Мэл мягче. — Знаю, ты её любишь.

Кай сжал челюсть. Такая добрая принцесса, и её отдадут драконам. Ради чего? Искупить грехи предков? Закончить вековую вражду свадьбой? Смешно.

Хуже всего — железная мысль внутри — то, что она согласилась.

Шёпот о ведьмах висел в воздухе, как неразвеянное проклятие. Сколько ни прочёсывай землю, сколько ни жги факелами ночь — страх остаётся. Были те, кто верил — кто знал: ведьмы не исчезли. Они затаились, и их сила свивается под коркой мира, ждет часа. Слухи о войне тлели, как угли, шептались губами, которым страшно дать им голос.

Но Кай не скажет Мэл. Не потому, что не верит — верил, как никогда. А потому, что знал цену знанию. Узнай мир, на что она способна, — и он увидит не принцессу. Он увидит лезвие, готовое к войне.

И где-то в глубине Кай боялся: Королевство Огня слишком хорошо понимает, что делает, забирая Мэл.

— Цветы распустились, — сказала Мэл и провела пальцами по шёлковым лепесткам Найтроуз — чёрным, как тушь, в умирающем свете. Наклонилась, вдохнула. — Интересно, есть ли Найтроуз в огненном краю?

— Сомневаюсь.

— Я слышала, их цветы перед смертью вспыхивают пламенем — и рождаются из собственной золы заново.

— Это в Королевстве Света.

— О, — она надула губы, потом пожала плечами. — Похоже же. — Кай усмехнулся: она снова наматывала прядь чёрных волос на палец — привычка, от которой не отучилась. — Отец говорит, на свадьбе будут все королевства. Думаешь, правда?

Кай вздохнул:

— Не знаю, Мэл. Королевства так долго держались порознь… хотя, думаю, зрелище они не упустят.

— Мы с Кейджем читали о Домах. Больше всего меня восхищает Дом Дикости — Кейдж говорит, они живут на деревьях! Представляешь? А Дом Песков? Говорят, их змеи такие огромные, что плывут по пустыне милями. — Она сморщила нос. — Хотя, думаю, Кейдж преувеличивает. Любит меня развлекать.

— Я никогда не видел, чтобы Кейдж приукрашивал. Значит, так и есть.

Мэл ахнула; радость вспыхнула на лице:

— Тогда пусть они приедут на этих великолепных змеях!

Они углубились в сад; сапоги мягко тонули в сырой почве. Каждый слуга, кого они встречали, кланялся — кто-то низко, кто-то улыбался робко. Вивериане любили свой дом и свой Дом Теней, несмотря на шепотный страх перед принцессой с пурпурными глазами. И всё же Кай замечал, как в их взглядах на Мэл тянется тихая печаль.

Они тоже знали, что грядёт.

— Мэл…

Он хотел сказать всё. Предупредить. Вымолить: шли знак, как только Принц Огня покажет тень жестокости. Упросить: беги, если тьма подступит. Он ненавидел, что она, возможно, никогда не узнает любви — настоящей, как у их родителей: любви, что греет ярко и мягко, не гаснет. Её муж никогда не посмотрит на неё так, будто она — самое дорогое в мире.

Мысль разбила его.

Она заслуживала любви, которая оберегает и бережёт — все её маленькие кусочки, из которых складывается Мэл. Её странности, её безмерное любопытство, то, как она кусает губу, когда сосредоточена, и как может часами говорить о книгах. Вместо этого её отправляют в королевство, которое её сломает.

Кай проглотил ком в горле.

— Я, пожалуй, проголодался, — сказал он вместо того, что хотел, отталкивая слова, — попробую-ка твой кекс.

Улыбка Мэл стала рассветом на фоне сгущающейся тьмы. И на короткий миг Кай позволил себе поверить, что всё будет хорошо.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 10

Дом Пламени

Королевство Огня безжалостно. Король хочет выдать свою дочь за Хэдриана — ради укрепления союза. Я знаю: за этим есть другое. Над нами прячется тень, наблюдает. Я слышала Его хохот — словно всё было задумано Им. Хэдриан зовёт Его во сне, и я думаю: неужели это сделали боги? Нашептали Королю Огня, влили в уши свой яд, развратили ум. Они знают: брачная клятва станет проблемой. Они знают, что Хэдриан любит другую — любит меня. Теперь они ждут, проверяя, готовы ли мы принести нашу любовь в жертву их игре.

Я — нет.

Табита Вистерия

Алина Ахерон опоздала.

Она никогда не опаздывала, но тонкое искусство доведения до совершенства её золотых волос заняло больше обычного. Горничная причёсывала каждый завиток, каждую прядь, крутила и закалывала, пока терпение Алины не истончилось до толщины шёлковых лент, вплетённых в локоны. Теперь, приподняв юбки, чтобы не путались в шагах, она спешила по бесконечным коридорам замка — дыхание острое, пульс частый.

Её карие глаза упали на тренировочный двор внизу — и кровь закипела.

— Я его убью! — прошипела она, собирая алые складки платья и вихрем слетая по винтовой лестнице. Пыль липла к подолу, сырой грунт пятнал золотые туфельки, которые она так тщательно выбирала утром, — она этого не замечала. — Эш!

Принц Эш стоял посредине плаца с обнажённым торсом, и утреннее золото солнца стекало по бронзовой коже; меч резал воздух серебряной дугой, ловко встречая чужую сталь. Не одна юная леди замедлила шаг, чтобы любоваться зрелищем. Алина, перехватив их долгие взгляды, зашипела на них, как уязвлённая гадюка.

Хаган, в алых одеяниях Алой гвардии, остановил движение на полудуге — инстинкт воина уловил перемену раньше Эша. Едва заметный кивок — и он указал принцу за спину.

Взгляд Алины задержался — её притянуло к тому, что она так долго пыталась забыть.

Солнце нанесла загар на его кожу, отпечаталось бронзой от бесконечных часов под немилосердным зноем; каждый час тренировки был высечен в твёрдых мышцах под тканью. Золотые волосы, которые она знала — те, в которые когда-то просовывала пальцы, мягкие и спутанные, — ушли под нож: традиция Алой гвардии требовала этого.

Её взгляд непокорно скользнул ниже.

Его губы.

Те самые, что когда-то шептали её имя; теперь они были сжаты в ровную линию.

Она ненавидела себя за то, что смотрит. И ещё больше за то, что помнит.

— Мы должны были быть в Тронном зале целую вечность назад! — отрезала Алина, голос звенел раздражением.

Эш моргнул от удивления к виноватому осознанию.

— Я… забыл.

— В этом нет сомнений, — она отмахнулась и показала на меч: — Брось. И рубашку, Эш. Времени переодеваться нет. Пойдёшь так, головы нам отрубят потом.

Хаган шагнул вперёд, будто намереваясь следовать. Но взгляд, который метнула на него Алина, уложил бы слабого мужчину наземь.

— Он — Алая гвардия, Алина, — напомнил Эш мягче.

Она сжала челюсть, прокусив острые слова, и просто развернулась, снова подхватила юбки и пошла через плац, не оглядываясь. Но чувствовала его за спиной — слишком близко, и всё же слишком далеко. Хаган держался на расстоянии, и всё же его присутствие лезвием скользило по позвоночнику — нежеланный шёпот.

К их приходу Большой зал уже кипел жизнью. Разговоры сплетались в гул возбуждения; воздух был густ от жареного мяса и сладкого вина. Алина молилась, чтобы их позднее явление затерялось в пёстрой толпе, но острый взгляд матери нашёл их мгновенно. Королева Сира не прервала беседу с двумя знатными дамами, но взгляд, брошенный дочери, нёс полный комплект будущего выговора.

Алина перехватила дыхание и схватила золотой кубок вина — остудить горло. Холод не снял тугой узел в шее.

Будто самой судьбе хотелось привлечь к ним ещё больше внимания, король Иган заметил сына — в тени колонн. С раскатистым смехом он вскинул руки, требуя внимания каждого вельможи, воина и советника в зале:

— Принц прибыл!

Комната взорвалась восклицаниями; драконийцы хлопали Эша по спине, чокались за его имя. Их спаситель. Тот, кто принесёт мир враждующим королевствам. Алина медленно выдохнула носом, пытаясь усмирить ярость. Мысль о том, что брата приковывают к виверианской невесте, выворачивала ей желудок. Как родители могли допустить это?

— Твой брат сильнее, чем ты думаешь.

Алина едва не выронила кубок от этого голоса у плеча. Она ожидала, что Хаган последует за Эшем в гул и смех, но забыла — забыла, что он больше не мальчишка в стенах этого замка, не тот, кто гонял с деревянным мечом и подтрунивал над ней за то, что она слишком мала для их игр.

Теперь он — Алая гвардия. Тень, давшая клятву служить. Привязанный к долгу, секрету, тишине. Больше не лучший друг её брата. Больше… никто.

Пальцы Алины крепче сжали кубок:

— Говорят, виверианe едят детей на ужин, — пробормотала она, не отрывая взгляда от Эша. — Дикари, проливающие кровь ради забавы.

— Уверен, о нас они слышали то же самое, принцесса.

Она резко повернулась к нему. На миг забыла, что это не просто чей-то голос из толпы. Тело напряглось — осознание обожгло.

— Не говори со мной, — сухо произнесла она, отступая.

Хаган замялся. Потом, будто вспомнив своё место, склонил голову:

— Как пожелаете, моя принцесса.

Моя принцесса.

Дыхание сбилось. Слова были, как клинок, наточенный чем-то несказанным — далёким и знакомым. Но прежде, чем она снова посмотрит на него, момент лопнул.

Мать поманила её.

Алина послушно шагнула в круг знати, натянула улыбку, принимая одно за другим представления драконийцев. Но при всей роскоши Тронного зала, при музыке и смехе, она чувствовала за спиной пустоту — как прикосновение призрака.

Ей не нужно было оборачиваться — Хагана уже не было.

Королева Сира бросила дочери взгляд — тяжёлый, многослойный, материнский: одёргивающий без слов. Алина отлично знала, почему: королева видела, как она разговаривала с ним. Жар подступил к шее, залил щёки; Алина проглотила его ещё одним глотком вина — золотисто-рубиновая жидкость обожгла горло, пока она поворачивалась к тем, кого ей подводили родители.

Ладонь легла ей на руку — мягко, но с дрожью. Этот хват она узнала бы с закрытыми глазами.

Эш.

Инстинктивно Алина накрыла его пальцы своими — заземлила. Никто не заметил лёгкой дрожи в его руке и тонкой испарины на висках. Никто и никогда. Драконийцы видели лишь то, что хотели: золотого принца, наследника огня и ярости, предназначенного править силой драконов. Слабости нет места в их королевстве. Земля драконов и огня ковала правителей войной, строила наследие на костях ведьм и эхе боевых кличей. Тут нет места страху. Нет места ему — такому, какой он есть.

Алина встретилась взглядом с матерью — и через секунду королева всё поняла.

— Боюсь, принц утомлён тренировками, — безупречно произнесла Сира; её голос легко перекрыл ленивый гул. Она мягко указала на Эша — сама картинка материнской заботы: — Он всё время тренируется, бедный мальчик.

— Чтобы стать величайшим королём, — добавил отец с гордостью в груди.

Алина с трудом удержалась, чтобы не закатить глаза.

— Ему нужно отдохнуть, — подвела черту королева и так же легко, как раздавала приказы, расчистила дочери путь. Алина сжала пальцы на руке брата и повела его прочь от жадных взглядов, от душной требовательности.

Они растворились в коридорах и нырнули в убежище её покоев. Дверь сомкнулась, Эш рухнул на кровать; дыхание мелкое, золотая кожа влажна.

Алина выдохнула, прислоняясь к тяжёлой двери:

— Ты продержался меньше, чем в прошлый раз.

Руки Эша сжались, костяшки побелели.

— Прости, я не хотела… — она провела ладонью по лбу, вздохнула ещё раз. — Я знаю, ты забыл про приём и не был готов к толпе. Нечестно, что я…

Он лежал неподвижно, глядя в потолок; грудь ходила короткими рывками.

Алина села рядом и понизила голос:

— Я знаю, это слишком, Эш. Но ты всё лучше держишь это под контролем.

Он покачал головой; голос едва слышен:

— Я не могу… не могу быть к-королём.

Она фыркнула:

— Не глупи. Конечно, можешь.

Взяв его руки, она разжала кулаки, разгладила напряжённые ладони, массируя до мягкости. Эти руки созданы для короны, подумала она. Для меча. Но не для дрожи. Никогда для дрожи.

— Ты станешь великим королём, — уверила она.

Золотые глаза Эша потускнели сомнением:

— Они сме… смеются… надо мной.

Челюсть Алины напряглась:

— Никто не смеётся над тобой. Отец снял бы головы. — И всё же под ложечкой скрутило горько. Она знала правду не хуже его — пожалуй, лучше. Они не смеялись вслух — они смотрели. Она видела, как шепот скользит между придворными, когда Эш слишком долго подбирал слова, когда язык цеплялся об острые края фразы. Они замечали краткую паузу, то, как ему трудно удержать на себе внимание в комнате, набитой глазами.

Взгляд Алины смягчился — на золотого драконийца, лежащего на спине и пытающегося выровнять дыхание.

Она помнила первый приступ — в его десятый день рождения. Он должен был стоять перед двором — мальчик-принц на пороге царствования — и произнести речь. Они репетировали неделями, вдвоём, пока слова не стали привычкой, пока заикание не растворилось почти до невидимого шва. Но как только он вышел, как только десятки глаз уставились на него, он застыл. Грудь сдавило, воздух исчез, и, не произнеся ни слова, он упал на камень, хватая ртом пустоту.

С того дня Алина сделала это своей целью. По вечерам, вдали от чужих глаз, они шлифовали голос — делали его ровным, несокрушимым. И какое-то время это работало. В малых кругах, при знакомых Эш говорил без спотыкания. Но толпа, множество лиц — и паника снова подкрадывалась; груз ожиданий слишком тяжёл.

Он любил меч — сырой, честный язык боя. Там нет места запинке, нет времени для страха. На плацу он не «принц с изъяном»; он — воин. Оружие.

Её пальцы вновь провели по его ладони — я тебя вижу, говорило это прикосновение. И не отступлю.

Эш сглотнул; голос стал ещё тише:

— Виверианская принцесса.

Алина застыла:

— Что она?

— Она… узнает.

Алина вытолкнула воздух, сохраняя лицо:

— Ей незачем знать. Она приехала, чтобы выйти за тебя. И всё. Тебе не обязательно проводить с ней время, Эш.

Его золотые глаза потемнели; брови сошлись, губы сжались в нитку.

— Только не смотри так. Это правда, — упрямо сказала она.

Эш сел и покачал головой:

— Она будет моей ж-женой.

— И если ты так решишь, её единственная функция — родить тебе наследника.

Слова сорвались — и она тут же пожалела.

Взгляд Эша стал льдом. Он поднялся — весь рост, плечи жёсткие, злые.

— Я не буду обращать… обра— обращать с ней б-бе…безуважениея, — сказал он, голос дрожал. — Она будет б-будущей королевой.

Алина тихо выругалась:

— Эш, она — дикарка. Эта девушка никогда не полюбит тебя. Эта девушка разрушит нас. Разрушит тебя.

Он не обернулся.

И не сказал ни слова.

Алина застыла, пальцы вцепились в ткань платья.

Страх зашипел в её костях, просочился в самый мозг — как медленный, ползучий яд.

Виверианская принцесса погубит их всех.

Алина смотрела, как брат уходит; страх расползался под кожей, шевелился, как гнездо голодных личинок, вгрызаясь в поры, выгрызая плоть и кость — жадно, неумолимо, — в ту секунду, когда дверь захлопнулась.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 11

Дом Теней

Королевство Магии — дивное место. Жаль, Хэдриан не может увидеть его со мной. Может быть, когда-нибудь. Город Элмвич, откуда я родом, — красивейший из всех: вокруг — топи, по которым мы ходим на маленьких деревянных лодках, движимых магией. Ночью наш городок светится зелёными фонарями, в которые мы вдули чары. Я любила лежать снаружи и слушать, как поют цикады, представляя остальной мир, гадая, как он выглядит. Всегда хотела путешествовать, хотя мысль оставить дом пугала до оцепенения. А теперь, теперь, когда я так надолго покинула своё королевство, меня тянет обратно — к болотам, к плачущим ивам, к своим людям. Я прежде боялась уйти. Теперь боюсь, что не вернусь.

Если ещё будет куда возвращаться.

Табита Вистерия

Весь вечер Мэл танцевала; ступни — босые — ныли от часов движения. Живот всё ещё был полон после пира, устроенного в её честь, но она отложила фрукт — дар богам, которых вскоре оставит. Мысль давила. Больше она не станет на колени в знакомых залах храма, не прошепчет молитву в священной тишине. В Королевстве Огня — свои святилища, но их бог — не её бог. Из всех трудностей, что ждут её в дальних краях, отсутствие места для молитвы будет одной из самых тяжёлых.

Рассвет уже нависал над горизонтом — отбывали через считаные часы. По обычаю прежде положено получить благословение Верховной Жрицы — молитву о пути. Храм был полон; воздух густел от шёпотов прощаний. Мэл скосила взгляд на брата Кая — тот переминался, как всегда нетерпеливый: к ритуалам терпения в нём никогда не хватало.

— Да хранит нашу принцессу Тьмы, — голос Верховной прошелестел над рассветом у входа в храм. Мэл низко поклонилась и поднялась по стёртым каменным ступеням; тени длинно и знаково легли к её ногам. У вечного голубого огня она бросила плод в голодную глубь пламени. — Пусть тени ведут тебя.

— Пусть тени ведут тебя, — откликнулся хор за спиной. Обернувшись, Мэл увидела: каждый приложил два пальца ко лбу — салют; чёрные фигуры тяжелели под грузом традиции.

Мэл вынула меч и подала его Верховной. Та подняла сталь над священным огнём. Клинок потемнел до густого синего; по стали пошёл чёрный дымок — как шёпот заклинаний. Вернув меч, жрица обожгла ей ладони жаром металла — Мэл не дрогнула, сжала крепче и поклонилась богам в последний раз, прежде чем отвернуться.

Кай ждал у кромки храма — в чёрном доспехе, отполированном до смертельного блеска. Мэл вскинула бровь, шагая рядом.

— Не слишком ли ты разодет?

— Сегодня нас встречает твой будущий муж, Мэл. Мы должны выглядеть соответственно, — его взгляд скользнул по её дорожному платью и остался недоволен. — Ты же, возможно, слегка недоодета.

Мэл глянула вниз на своё простое серое — свободное, текучее и главное — удобное.

— Это моё ездовое.

— Слишком много кожи. Принца хватит удар.

Она закатила глаза:

— Разрезы по бокам — чтобы сидеть на Виверне, Кай.

— Да-да. Но представь его лицо, когда ты явишься в тряпке, едва тебя прикрывающей, в сапогах по колено в грязи и с волосами, как гнездо.

Мэл пожала плечами:

— Может не смотреть.

Кай тихо хохотнул — бархат тьмы:

— Пусть бы выбрал не смотреть. Иначе мне придётся выколоть ему глаза.

Мэл боднула его локтем, улыбнулась остро:

— Только не калечь Принца Огня до свадьбы, брат. Накличешь на нас проклятие.

За стенами храма, на широком поле, ждали Виверны. Мэл сглотнула страх, узлом вставший в груди, и кинулась обнимать родителей — горькие слёзы жгли щёки: оставить их…

Прощальных слов не было — не требовались. Объятия сказали всё. Она стояла и смотрела, как они уходят — и другие вслед — пока не остались только брат и сестра.

Перекинув меч за спину, Мэл взобралась на Виверну. Хейвен должна была держать центр построения — под охраной; Мэл с Каем — вести строй, плечом к плечу. Устраиваясь в седле, она бросила брату улыбку — надеялась разгладить морщины тревоги и злости на лице, которое любила пугающе сильно. Не помогло.

Позади занял место Кейдж — лицо непроницаемо; короткий рык — и строй сдвинулся.

Никс взревела — гул дрожал в костях Мэл, когда зверь встал на задние лапы, собирая мышцы к прыжку.

— Пусть тени ведут тебя! — крикнул Кай, и его Виверна взмыла в чёрный купол.

Мощный взмах — и Никс пошла ввысь; мир снизу размывался в ничто. Мэл бросила сжавшийся взгляд на тёмный замок — дом с рождения; грудь стянуло прощанием.

Путь предстоял на целые сутки — без стоянки. При иных обстоятельствах они встали бы лагерем, но единственная земля между ними и Королевством Огня — заброшенное Королевство Магии, чьё имя теперь произносили лишь шепотом. Никто не ступал на проклятую почву, если не вынуждала судьба. Мэл всегда хотелось взглянуть на место, откуда вспыхнула война миров. Одни говорили: ведьмы ещё живут там — прячутся в руинах. Но Кай, ходивший в те пустоши, уверял: только тишина и прах.

Прижавшись к гладкой спине Никс, Мэл смотрела, как мрачный край её земли — зубчатый чёрный камень, пустош — тает позади. Вдали вырастало пограничье: Королевство Льда. Что дальше на север, за его вершинами? Говорили — только бесконечное море.

Мрак её страны постепенно уступил белому миру. Внизу тянулся огромный лес под снегом; деревья стояли молча, скованные зимой. И там, в ледяных просторах, — легендарный замок. Кай говорил: высечен изо льда. Сказка, может быть. Но глядя на холодное королевство, Мэл ловила себя на мысли: вдруг правда.

Она отвернула от Льда — и дыхание споткнулось. Пустоши — некогда славное Королевство Магии — легли бесконечным мертвым полем. Земля выцвела в болезненный, безжизненный цвет, с содранной кожей — без былой силы. Ни одного дерева в этих краях — всё сожжено в пепел. Вдали торчали остовы зданий — скелеты,

неузнаваемые. Среди них — храм, одинокий и жуткий, пустая оболочка прежнего величия.

По позвоночнику Мэл пополз холод. Она поискала глазами брата — ответ в его взгляде был немой и ясный: не смотри.

Она сделала наоборот.

На горизонте вспыхнуло — ослепительно, чуждо; она откинулась, моргнула. Свет пульсировал, рос, больно бил в глаза. И вдруг — взорвался — ядовито-зелёной вспышкой, прорвав небо сырой, неукрощённой силой.

Никс рванула в сторону — взрыв едва не достал их.

— Ведьмы! — заорал Кай.

Глаза Мэл расширились. Неужели? Мир давно объявил ведьм вымершими, стертыми из бытия. Но брат произнёс их имя без тени сомнений. Ей до отчаяния захотелось увидеть самой — но второй зелёный взрыв уже рвал небо. Никс резко ушла вправо — на волосок.

Третий удар накрыл их. Мэл сорвалась со спины — тьма бросилась навстречу.

Виверна Хейвен нырнула под неё — вовремя. Мэл вытянула руку, пальцы тянулись к сестринским — едва задели — и тут же её швырнуло о хвост зверя. Она вцепилась, стиснув до боли; земля поднималась страшно быстро. Садиться под огнём нельзя. Оставался один выход — отпустить до того, как высота станет несмертельной.

Как только Хейвен увела Виверну ниже, Мэл разжала ладони. Крик вырвался сам — и тут же её подбросило о что-то жёсткое. Удар выстучал кости, но путаница лиан смягчила падение — проглотила её.

Очнувшись, она обнаружила себя на руинах; плющ и лианы ползли по крошившимся стенам, будто сама природа пыталась вернуть потерянное. Если вскарабкаться на верх — её заметят.

Она застыла.

На краю мёртвого кустарника стояла девочка.

Тёмно-каштановые кудри — оттенком светлее кожи; одежда — лоскутья, свободно висящие на худом теле. Рядом вышла другая — платиново-белые волосы и поразительно тёмная кожа. Их руки — в древних рунах — сказали Мэл всё. Знаки закручивались по пальцам, тянулись по рукам — тайны, понятные только ведьмам.

У обеих были пурпурные глаза.

— Аллегра, отойди, — ледяным клинком сказала блондинка. Но её пронзительный пурпур не отрывался от Мэл — пристально, немигающе, нечитабельно.

Вторая покачала головой и медленно подняла ладонь. С кончиков пальцев вытянулся зелёный дымок. Мэл инстинктивно поползла назад, сердце ударило о рёбра. Та же чуждая мощь уже рвала небо и сбросила её вниз — второй раз она не рискнёт.

— Её глаза, Доун, — прошептала Аллегра — между благоговением и страхом. — У неё ведьмины глаза.

Платиновая — Доун — склонила голову. Подалась вперёд, разглядывая Мэл с любопытством — и вздрогнула от рёва Виверны.

Между ними сверкнуло что-то древнее, без слов. Будто сам воздух принял решение. Они повернулись одновременно.

— Постойте! — крик Мэл рассёк пространство отчаянно — поздно.

Обе исчезли, распались на завитки зелёного дыма, скользнули в тень, как будто их не было вовсе.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Сверху небо рассёк рёв Никс — свирепый, режущий. Мэл вскинула голову. Небо кипело: зелёные вспышки рвались, как злые звёзды, в чёрном куполе. Виверна рухнула на руины, распластав крылья; визг-предостережение — любому, кто осмелится приблизиться.

Не теряя ни мгновения, Мэл вскочила и бросилась к зверю. Успела — рывок — и она уже в седле; Никс рванула вверх.

Поднявшись настолько, чтобы её увидели, они взяли курс дальше — прочь от выгорающих зелёных углей и загадки, кто стрелял по ним с земли.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 12

Дом Пламени

Почему драконийцы кладут мёд буквально во всё?
Табита Вистерия

— Они опаздывают, — пробормотала Алина, с тонкой ниткой раздражения в голосе. Она стояла на большом балконе и не отрывала взгляда от дальнего неба, где должны были показаться виверианe. Солнце стояло высоко и безжалостно; его золотой свет вспыхивал на братском позолоченном доспехе, зажигал огнём его золотые драконийские рога. На миг Алина подумала: не сияют ли её собственные так же небесно.

— Терпение — добродетель, которой принцесса обязана обладать, — отчеканила королева Сира — прохладно, как закалённая сталь.

— Да, мама, — Алина опустила голову в выученной покорности, но пальцы дёрнулись по ткани платья. Платье было из глубоко-красного и расплавленного золота, словно языки пламени их королевства вшили в шёлк. Драгоценный воротник стягивал горло; каждый камень впивался в кожу, как кандалы, — но прикасаться к нему она не смела. Не здесь. Не сейчас. Принцесса являет лишь благодать.

Звук, едва слышный, словно выдох, рассёк мгновение. Алина успела повернуть голову и увидеть, как мать прижимает тонкие пальцы к вискам; тёмные глаза сморщило болью.

— Что с вами, мама? — спросила она, хотя ответ знала.

Головные боли королевы являлись, как призраки, — внезапные, безжалостные, всепоглощающие. Бывало, они уводили её прочь от двора, запирали в одиночестве покоев, нашёптывая злое во тьме.

— Снова голова? — мягче уточнила Алина.

— Ничего, — резко оборвала Сира, голос натянут, как струна. — Перестань спрашивать. Молчи.

Алина сжала зубы, проглотила ответ, обжигающий горло. Небо оставалось пустым. Виверианe всё не появлялись.

Эш стоял совершенно прямо, но Алина чувствовала его нервозность. Не привлекая внимание родителей, она протянула руку и вложила ладонь в его. Над ними тянулся спокойный, пустой купол — оттенки красного и оранжевого. Полдень приближался, и у Алины предательски заурчало в животе. Виверианe должны были появиться несколько часов назад, а небо всё было пусто.

— Вон там! Смотрите! — крикнули откуда-то.

Наклонившись вперёд, Алина прищурилась на свет — раздражение снова подняло голову. С утра всех их драконов заперли — чтобы, не дай бог, не сцепились с прибывающими Вивернами. Алина хотела встретить гостей верхом на своём драконе, но родители запретили.

И тут молчание разорвал рёв.

С горизонта вынырнули Виверны — рассекали небо, как ожившие тени. Пальцы Алины сильнее сжали братскую руку; глаза расширились. Эти существа были не как их драконы — крупнее, свирепее. Чешуя — цвета угля, блестящая, как отполированный обсидиан, глаза — огромные, бездонные, словно высеченные из глубинного моря.

Передние лапы срастались с необъятными крыльями; перепонки казались тонкими и хрупкими, будто любой порыв способен их разорвать. У их драконов крылья были как кованый металл — прочные и плотные. Алина нахмурилась, не впечатленная.

И тогда она увидела её.

Принцесса не была похожа ни на кого из тех, кого Алина знала. Она сидела в седле с естественной лёгкостью; фигура — тонкая, но властная. Кожа — бледная, как свежевыпавший снег, резким контрастом к дикому клубку чёрных волос, вьющихся вокруг лица. Но взгляд Алины удержали рога — тёмные, закрученные, бритвенно-острые. Даже без оружия принцесса выглядела так, будто способна вести войну одним только взглядом.

Алина едва не ахнула, когда принцесса пошла на посадку. На ней было нечто едва ли больше тряпицы — серое, изодранное, столько прорех, что функция одежды стала условной. Грязные сапоги поглощали ступни; за спиной — меч, отполированный до такого блеска, что сиял даже на расстоянии.

Алина повернулась к брату — лицо скривилось от отвращения. Это ли выбрали родители?

Эш, однако, оставался непроницаем. Золотые глаза впились в принцессу и не моргали. Что бы там ни шевелилось за ними, Алина прочесть не могла. Он не двигался, не говорил, просто стоял, пока она не дёрнула его за руку, подталкивая вперёд.

— Пойдём встречать, — объявил король Иган; в голосе звенела натянутая радушность — та, что прилична союзу, а не истинной радости. Его золотой плащ плыл за ним, и груз столетней вражды лежал на широких плечах.

Волна дурного предчувствия накрыла Алину тяжёлым саваном. Что мы наделали? Дикая вроде той девчонки не может стать будущей королевой их страны.

Сжав губы, Алина последовала за семьёй — через залы, мимо открытых садов — к широкой площадке для посадки драконов. К тому времени виверианне уже спешились, и Алина снова заставила себя не вытаращить глаза.

— Король Иган, — обратился один из них; голос глубокий, сдержанный. — Моя сестра, Хейвен Блэкберн, будущая королева Королевства Тьмы, Дома Теней. Наш брат, принц Кейдж Блэкберн, и принцесса Мэл Блэкберн. Я — второрождённый, Кай Блэкберн, Дом Теней. — Он поклонился — плавно, достойно — затем поднял два пальца ко лбу — незнакомый салют, который тут же повторили остальные. В движении было что-то ритуальное — тяжесть обряда.

Алина вопросительно скосила взгляд на отца. Иностранная вежливость — да, но осадок — беспокойный. Король Иган, впрочем, выглядел спокойным: расплылся в приветственной улыбке и шагнул навстречу.

— Добро пожаловать! — провозгласил он. — Для меня честь принять вас, наконец, объединить семьи. Прошу, входите, вы самые желанные гости. — Он кивнул на сопровождавших. — Моя жена, королева Сира. Мой сын, Эш Ахерон, будущий король Королевства Огня, Дом Пламени. И моя дочь, Алина Ахерон.

Они шли, оставив своих зверей без привязи. Виверны шипели и рычали на конюхов-драконников, что нерешительно приближались, пытаясь увести их к стойлам. — Оставьте их, — резко бросил второрождённый виверианин. — Они полудикие и скоро сами улетят на ночёвку. Можете взять поклажу, не укусят.

Алина поморщилась. Где их охрана? Любая правящая семья прибывает с эскортом — на случай, если что-то пойдёт не так. Эти же шли одни, как дома, самоуверенно — до мурашек.

Её взгляд снова вернулся к принцессе — к мечу за спиной — и в животе перевернулось.

— Мы приготовили пир в вашу честь, — продолжал король, пока процессия медленно тянулась к высоким дверям замка. Золотые штандарты Дома Пламени трепетали на ветру, резкие на фоне каменных стен. — Сначала вас проводят в покои — отдохнёте после долгого пути. Дорога была благополучной?

Кай слегка кивнул:

— Вполне.

Но пока говорил, его взгляд скользнул к Мэл, между ними промелькнуло что-то недосказанное, Алина не поняла, но почувствовала глубоко, где-то на подсознании.

Подошли слуги — проводить гостей в комнаты. Король и королева распрощались, не забыв метнуть в Эша и Алину взгляд: ведите себя радушно.

Кивнув в ответ, Алина всё равно не могла отвести глаз от чужаков. Их будущая королева шла вровень с молодым виверианином в чёрном, отполированном, как зеркало, доспехе. Её тёмное платье сверкало, как ночное небо — ткань ловила свет, будто россыпь звёзд. Чёрные алмазы обнимали её рога — мерцали в каждом движении.

— Значит, увидимся вечером, — сказал Кай. Его чёрные глаза зацепили её на миг — остро, непроницаемо. Она застыла; дыхание застряло, когда взгляд сузился — отметив её наконец. И он улыбнулся — медленно, зная — глубина этой улыбки дрожью прошла под её кожей. Алина резко отвернулась, не выдержала.

Эш шагнул, будто хотел заговорить с принцессой. На мгновение та почти испугалась — вид, от которого Алина ощутила мимолётное удовлетворение. Но оно тут же рассыпалось: не проронив ни слова, Эш отвернулся и ушёл.

Виверианe тоже развернулись и ушли в противоположную сторону.

С усмешкой-фырканьем Алина подхватила подол и поспешила за братом — досада вспыхнула, когда поняла, куда он направляется. Он уже вошёл на один из многих тренировочных дворов; к тому времени, как она ступила на выжженный грунт, он уже стягивал доспех.

Как только тяжёлые пластины рухнули, оставив его в одной рубашке, напряжение ушло с лица. Будто груз — не брак, а именно доспех долга.

Тут же на плацу появились гвардейцы — больше обычного. Логично: даже если Эша вынудили к браку, это ещё не мир. Пока режим охраны пожёстче.

Алина замешкалась, не зная, куда себя деть. Раньше она не слишком думала об Алой гвардии, но с тех пор, как Хаган стал одним из них, их присутствие её тревожило. Их строили на железной дисциплине: каждый обязан брить голову, соблюдать строгую диету без послаблений, пройти год изнуряющей подготовки вдали от столицы — прежде чем его признают полноценным гвардейцем.

Драконийским женщинам дорога туда закрыта.

Алина спорила с матерью и каждый раз слышала одно: традиция. Женщины не воины. Они что-то другое. Что — мать так и не объяснила.

Под кожей зашипело раздражение: всплыли детские воспоминания. Больше всего ей хотелось играть с братом и Хаганом, но королева отчитывала за деревянный меч, за беготню по двору и махание им во все стороны. Между тем другие девочки при дворе тратили время на пустяки — учились укладывать волосы сложными плетениями и украшать залы к праздникам.

Алине не нужны были косы и гирлянды. Ей хотелось меч, и знать, как им бить.

Как по зову мысли, на плацу показался Хаган, и Алина напряглась. Развернулась на каблуках, ища выход. Некуда. Мать наверняка велит перебирать платья, от одной мысли хотелось поджечь гардероб.

— Алина.

Она застыла, застыв на первой ступени широкой лестницы; полированный мрамор сиял в золотом свете бра. Голос, что когда-то был мелодией, теперь прозвучал, как нежеланный призрак прошлого. Медленно она повернулась, алые юбки зашептали по камню, и встретилась с ним — с человеком, бывшим когда-то лучшим другом, почти всем.

— Чего вам, гвардеец? — Её голос мог резать сталь — холодный, как лезвие у горла.

Хаган стоял ниже, алый мундир разрезал пространство так же резко, как пропасть между ними. На груди — сигил Алой гвардии: напоминание о том, кем он стал.

— Пожалуйста. Нам нужно поговорить.

— О чём может говорить с Принцессой Огня гвардеец? — Яд сорвался меж сжатых зубов. Он ушёл годы назад — жилистый, почти без мышц. Вернулся через год — будто выкован заново: тело налилось силой, руки, как канаты, присутствие — командное. На миг она даже думала: каково — быть в этих руках.

— Пожалуйста, Алина.

Заметив любопытные взгляды слуг, она коротко кивнула: следовать. Без слов они скользнули в полутёмный коридор, редко используемые, тени обещали уединение. Вверх по винтовой, потом по узким переходам к небольшой дверце, известной ей одной: тайный вход в её комнаты. Она нашла этот ход давным-давно — в беспокойных скитаниях по замку, открывая тайны, которые принцессе знать «не положено».

Резко обернулась; в глазах тлела злость.

— Говори, — приказала.

Хаган застыл. Но впервые в его тёмных глазах дрогнула неуверенность. Алую гвардию тренировали стоять статуями часами, не шелохнувшись. И всё же сейчас он будто забыл всё. Совершенная выправка лопнула. За миг он оказался на расстоянии дыхания, выше её, тёплый выдох коснулся губ.

— Алина, пожалуйста, дай объяснить.

— Объяснять нечего, Хаган. — Её пальцы сжались у бёдер; ногти впились в ладони. — Ты гвардеец. Я принцесса. У нас обоих есть долг.

Тёмно-карие глаза помрачнели — злость и боль схлестнулись.

— Ты выбрала долг превыше всего.

Алина отвернулась, чтобы не плюнуть ему в лицо и не выцарапать глаза:

— Не начинай снова, Хаган. Это ты меня оставил.

— Потому что счёл, что ты уже решила.

— Ты не дал мне времени! — Слова вырвались пламенем; годы горя и злости вспыхнули разом. Руки дрожали; она провела ими по волосам, выравнивая дыхание. — Мне было шестнадцать, когда ты попросил меня выйти за тебя. Я любила тебя, богами клянусь, любила, но я понимала, что значит «да». Мне пришлось бы отдать всё. Свой мир. Своего брата… Конечно, я колебалась! Но когда я пошла искать тебя, тебя уже не было. Ни записки. Ни прощания. Просто… исчез, — голос сорвался на последнем слове; она вздёрнула подбородок — сталь снова собралась в костях. — Ты сломал меня, Хаган.

Ты сломал моего брата. А потом вернулся через год — в красном, связанный клятвами, которые больше никогда не позволят любить.

Хаган набрал воздух, будто перед рывком:

— Я не знал, что ты приходила за мной, Алина.

— Как бы ты узнал? Ты не оставил мне времени, Хаган.

Слова ударили, как клинок; он дёрнулся, будто из-под кожи пошла кровь.

Грудь Алины часто ходила; годы приглушённых чувств жгли жилы.

— Знаешь, что хуже всего? — её голос стал тише. — Если бы ты подождал, совсем немного, я бы выбрала тебя. Я бы отдала всё ради тебя, Хаган. Но ты ушёл. Ты забрал у меня выбор. — Тишина между ними тяжело легла. — Так что я сделала единственное возможное, — почти шёпотом. — Я выжила без тебя.

Лицо Хагана треснуло, как маска: тщательно выстроенное самообладание осыпалось.

— Я вступил в Алую гвардию потому, что, если мне не суждено быть с тобой, мне не нужен никто.

Из её горла вырвался пустой смешок:

— И всё равно ты ушёл.

Тяжесть момента легла на них обоих, смыкаясь.

Она выдохнула, заставила себя отвернуться, ровно уложить выбившуюся прядь у позолоченного зеркала, чтобы руки не дрожали. Потом, не глядя, шагнула к двери.

— Об этом следовало подумать до того, как бросать того, кого любишь.

Окончательность этих слов прожгла воздух, как клеймо.

Пальцы тронули ручку:

— Вернись к своим обязанностям, гвардеец, — прошептала она. Мгновение он не двигался. Потом лицо застыло — маска солдата, человека, что больше не имеет права стоять перед ней кем-то большим, чем слуга короны.

Голос, когда он заговорил, был пуст:

— Как прикажете, принцесса.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 13

Некоторые говорят, будто боги заскучали однажды и затеяли спор. Не знаю, верю ли в такую версию. Верю в иное: что богиня Геката сотворила сначала ведьм. Она наблюдала за ними свыше, как растёт их сила, и любила ведьм, как собственных детей. Прочие боги позавидовали — и начали творить своё, каждый пытаясь создать нечто более свирепое, более опасное или более прекрасное. Но никому не удалось ответить тем же, что сделала Геката с ведьмами и магией. Со временем остальные ожесточились — их единственной целью стало наше уничтожение.

Я и вправду верю: нас обрекли с самого начала.

Табита Вистерия

Мэл вели в её покои молча; шаги гулко отдавались в огромных коридорах драконийского замка. По мере того, как она проходила мимо, головы оборачивались — взгляды цеплялись за чужеземную принцессу, что явилась к их воротам. Мэл держала подбородок высоко, лицо непроницаемым, хотя любопытство шевелилось внутри. Мир вокруг был незнаком, просторен, звал исследовать. Всё — красное и золотое: пышное, отполированное, блестящее. От самой яркости хотелось щуриться.

За ней тянулась дорожка грязи — след пути, прилипший к сапогам и пачкавший безупречный пол. Когда она предложила вытереть, горничные ахнули, будто и мысль о принцессе за таким делом была чем-то невообразимым.

Войдя в огромную комнату, что до свадьбы станет её, она встретила молодую девушку, та поспешно присела. Старшая служанка представила её личной прислужницей Мэл.

— Мне не нужна горничная, — отрезала Мэл, застыв прямо перед стайкой слуг, у которых тревожные взгляды бегали один меж другим.

Старшая, женщина с идеальной осанкой и едва прикрытым ужасом на лице, шагнула ближе:

— Но, Ваше Высочество, кто же будет вас одевать?

Мэл нахмурилась:

— Я одеваюсь сама.

В рядах служанок прокатился тревожный шёпот. Старшая втянула воздух, собираясь:

— А волосы? — голос дрогнул, когда её взгляд упал на взъерошенную гриву Мэл, всё ещё спутанную долгим полётом, дикую, как ветер, что принёс её в эту страну.

Мэл равнодушно повела плечом:

— Я сама расчёсываюсь.

Губы старшей сжались в тонкую, ужаснувшуюся линию:

— Уверена, для ванны тоже потребуется помощь, Ваше Высочество.

Под кожей у Мэл запульсировало раздражение. Неужели женщины Королевства Огня совсем беспомощны? Похоже, да. У неё дома её учили справляться самой - одеться без помощи, развести огонь и драться не хуже, а то и лучше братьев. Она уже раскрыла рот, чтобы озвучить нелестное, но в дверях стояла Хейвен.

— Как раз собиралась объяснить, что никаких дополнительных услуг мне не требуется, — сухо сказала Мэл.

Пока старшая набирала воздух для нового возражения, Хейвен шагнула вперёд — отточенная, медовая улыбка легла на губы:

— Принцесса устала с дороги. Она с радостью примет помощь личной служанки.

Мэл резко обернулась — возражение сорвалось с губ, — но заметила, как молодая девушка, назначенная к ней, выдохнула с тихим облегчением, пальцы разжались на складках передника.

— Мне не нуж…

Хейвен наклонилась, шёпот с предупреждением:

— Таков их обычай, Мэл. Если их не будут брать на службу, их выбросят. Сломанные игрушки на помойку.

Слова легли в грудь тяжелее золотых цепей, что надели на её горло по прибытии. Она сглотнула и снова взглянула на девушку, что стояла перед ней, ждала, надеялась.

Старшая быстро вывела слуг; осталась только молодая. Хейвен бросила Мэл выразительный взгляд и растворилась в коридоре — к своим покоям.

Мэл шумно выдохнула, сдула выбившуюся прядь со лба — дурная привычка, всплывавшая, как только нервы шевелились под кожей.

— Я приготовлю вам ванну, Ваше Высочество, — тихо сказала служанка.

Губы Мэл приоткрылись — отказ слетел на автомате, — но в голове отозвался шёпот сестры: долг и последствия. Она проглотила гордость, кивнула и вытолкнула слова:

— Спасибо.

Девушка моргнул, будто не ждала благодарности. Мэл склонила голову, с интересом:

— Как твоё имя?

Девушка запнулась, руки на миг застыли над стопкой полотенец. Будто сам вопрос был чуждым, неожиданным. Мысль кольнула Мэл: неужели в этом позолоченном, огнём тронутом дворце никто не спрашивает имён? Неприязнь свернулась клубком внутри.

— Меня зовут Вера, Ваше Высочество.

Мэл фыркнула носом, качнула головой:

— Не обязательно говорить «Ваше Высочество» каждый раз, Вера.

Спина у той распрямилась, пальцы крепче сжали бельё. Когда заговорила, голос был тих, но твёрд:

— Так я должна обращаться к вам, Ваше Высочество.

Мэл вздохнула, кивнула: спорить — навлечь на себя гнев Хейвен из-за расплакавшейся служанки — лишнее. Она наблюдала, как Вера готовит ванну — огромную чашу, украшенную вытравленными драконами, в нише, отделённой от остального пространства незнакомой тканью.

— Это шёлк, Ваше Высочество, — сказала Вера, проводя тонкими пальцами по материи, будто по осязаемому шёпоту.

Мэл сама коснулась гладкой глади — мягко, как вода.

— На ощупь как вода, — призналась она; непривычно под мозолистой ладонью. Но мысли уносились: Вера поглядывала на неё — короткие, робкие взгляды, всё возвращающиеся к лицу. К глазам.

Никто не ахнул, не отшатнулся. Значит, они уже слышали про неё — про принцессу с «неправильным» взглядом, виверианку с ведьминими глазами.

Руки Веры были осторожны, когда она помогала Мэл стянуть дорожное платье и сапоги. Когда опустила её в тёплую воду, непривычное напряжение осело в плечах. Странно — позволять другому мыть тебя, отдавать даже простое — чужим рукам.

— Вы напряжены, Ваше Высочество, — заметила Вера, втирая пахучее мыло в тёмные пряди, бережно надавливая на кожу головы.

Мэл закрыла глаза, выдохнула:

— Меня ещё никто не мыл.

Вера тихо ахнула; пальцы на миг замерли:

— Никогда? Это поразительно, Ваше Высочество. Я никогда не слышала, чтобы принцесса купалась сама.

Мэл скосила взгляд, пытаясь поймать, что в девушке «не так», лёгкое несоответствие:

— Ты откуда, Вера? — тишина натянулась тонкой сталью. — Ты не драконийка.

Пальцы у Веры дрогнули, на дыхание, на удар сердца, Мэл не пропустила.

— Что вы имеете в виду, Ваше Высочество?

Взгляд Мэл задержался на её драконьих рогах — любопытство разгорелось. Вроде бы как у всех… Но что-то было. Неуловимо неправильное. Огненно-оранжевые волосы — как языки пламени — тоже «драконийцев», как и золотые у многих из них.

— Ничего, Вера, — сказала Мэл. — Я устала.

После купания Мэл подвели к громадному платяному шкафу; створки распахнулись и обрушили на неё ряд платьев. Все — красные или золотые. От этих цветов желудок противно скрутило.

Отвернувшись, она подошла к собственному сундук, его уже доставили в покои, пока она мылась. Порывшись, вытащила любимое чёрное, усмехнулась и надела сама, без помощи.

— Не пожелаете примерить наряды, которые выбрала для вас королева? — спросила Вера.

— Я ещё не одна из них, — увидев, как в лице Веры отразилась тревога, Мэл запнулась. Тихо вздохнула, взяла щётку и протянула девушке. Если уж учиться их порядкам, то с малого — лишь бы не обижать ненароком тех, кому велено ей служить. — До спины сама не дотягиваюсь. Поможешь?

Улыбка Веры мгновенно осветила комнату.

…

— На нас напали, — сказала Мэл, словно разрезала слова сталью. — Ведьмы.

Она сверлила взглядом брата, Кай лишь ухмыльнулся, выбрав не замечать. Они попытались обсудить это в покоях Хейвен, но в тенях было слишком много любопытных глаз, пришлось соскользнуть в коридор; Кай «вспомнил», что собирался осмотреть тренировочные дворы.

— Я не говорил, что ведьм совсем не осталось, — проворчал он лениво.

Челюсть у Мэл свело:

— Говорил! Годы ты отмахивался от моих страхов, называл паранойей, погоней за призраками. А теперь, теперь будто знал всегда?

Кай состроил невинное лицо:

— Звучит так, будто я чудовище, сестра. Ведьмы в пустошах есть, куда ж без них. Но угрозы никакой. Разве что неудобство: пересекая их проклятую землю, рискуешь огрести. А мы туда не лезем, вот и всё.

Мэл остановилась как вкопанная, недоверие сжалось в тугой узел:

— Ты мне лгал, Кай.

Он приподнял бровь, скрестил руки:

— Ты мне лгала, Мэл.

— Когда я…

— Ты не сказала мне, что у тебя есть сила.

Между ними и вправду повис шторм. Мэл прикусила щеку внутри; досада потяжелела, потемнела. Он прав. Ни братьям, ни даже Хейвен она ещё не признавалась на что способна.

Она выдохнула:

— Ладно. Один-один.

К тому времени они вышли к плацу. Кай уже сменил тему, взгляд скользил по драконийцам, что рубили воздух, быстро, сильно. Он откинулся на каменную стену, губы скривились:

— Глянь на них. Сплошная бесполезность. Вон тот, видишь? — меч выше головы толком не поднимет. Боги нас храни, если это защитники огня.

Мэл фыркнула: его насмешки не отменяли вопроса, что уже раздирал её изнутри; лоб нахмурился.

— Где женщины?

Кай взглянул, взгляд Мэл ему не понравился.

Она распрямилась, оттолкнула его плечом и решительно шагнула на плац; топот босых ступней потребовал внимания. Мужчины замялись, опуская мечи: на них шла виверианская принцесса — настороженно и любопытно. Среди голов блеснула светлая — цвет почти знакомый. Мэл не сбавила шага, не обратила внимания на тех, кто выступил вперёд, будто прикрывая принца.

Искомый сидел на краю двора, спиной к ней; меч лежал на коленях — он вычищал серебряную кромку.

— Эш Ахерон, верно? — её голос разрезал тишину остро и намеренно.

Принц не поднял взгляда, но мужчины вокруг напряглись; пальцы сжали эфесы, по двору пополз шорох стали в ножнах. Мэл скользнула по ним взглядом — губы тронула тень усмешки.

— Где женщины? — потребовала она. — Они тренируются отдельно?

Хмыканье — низкое, из горла. Кто-то сплюнул — густо, с презрением. По плацу прошла волна смеха — жестокого, от которого у Мэл сводило зубы.

— Драконийским женщинам не положено тренироваться, Ваше Высочество, — откликнулся голос с другого края. Мэл повернулась — молодой мужчина в алом, с бритой головой, стоял натянутый как пружина. — Нашим женщинам не дозволено сражаться.

Мэл застыла, будто от удара. В животе холодно скрутило — неверие, ярость.

— Вы шутите.

— Боюсь, нет, Ваше Высочество.

— Хаган, — голос принца был низок и шероховат; тихий приказ моментально смолил красного. Мэл наблюдала, как он поднимается и поворачивается к ней. Он был статен — настоящий драконийский принц. Золотые рога — высокие, крепкие — печать рода; светлые волосы, не слишком короткие и не излишне длинные, мягко обрамляли резкие черты. Но удержали её не они — глаза. Они горели всем огнём мира, тлели, когда впились в неё. На долю мгновения Мэл опомнилась на том, что смотрит — на силу огня внутри малого, прекрасного.

— Драконийским женщинам следует учиться драться, — произнесла она ровно, точно отточенной сталью.

Смех снова. Кто-то буркнул: «Зачем?»

Лицо Мэл потемнело; буря в фиолетовых глазах:

— Если вы не в силах понять, зачем женщине уметь защищать себя, — процедила она, разворачиваясь на каблуках к брату, — своё тело, своих детей, свою землю, — вы ничего не знаете о гордости.

Кай прислонился к стене, скрестив руки; улыбка — злая, развлекающаяся. Молчал.

Она уже почти дошла до него, когда заговорил принц.

Голос был тих — и всё же остановил её, как вросший корень.

— Тогда… покажите.

Сдвиг воздуха перехватил внимание. Обернувшись, она уловила тревогу на плацу. Боялись не её — боялись поранить принцессу. Боялись неизвестности — виверианки, чьи возможности им неведомы. Теперь каждый драконец смотрел на неё — взгляды тяжелели, пока Мэл шагала вперёд.

Платье на ней было длинным, неподходящим для драки, но Мэл училась сражаться в чём угодно. Принц склонил голову, любопытство было явным, и кивнул двум мужчинам. Те выступили — явно не из элиты в алом, что пряталась по краям. Обычные солдаты: проверить, но не бросить вызов.

Мэл вздохнула — разочарование холодком перекинулось по коже. Ей хотелось бы биться с самим принцем, а не с парой драконийцев, едва умеющих держать меч. Закатив глаза, она дождалась, пока они двинутся.

— Полегче, — сказал Кай — дымок усмешки на словах.

— Принцессе не причинят вреда, — вставил Хаган, выступая так, будто уже готов вмешаться.

Кай фыркнул, покачал головой:

— Это я не тебе. Это — ей.

Среди солдат прошёл шёпот — тревога, любопытство.

— У принцессы нет оружия, — заметил один, искренне недоумевая: драка без стали в руках — за гранью понимания.

Мэл лишь улыбнулась — медленно, остро; фиолетовые глаза блеснули, как отполированные аметисты.

— Не думаю, что оно мне понадобится.

Они пошли — и она поняла: секунды. Их стойки выдали всё. Резкий разворот — и локоть влетел в первого; он рухнул, вырубленный, даже не успев поднять клинок. Второй едва дёрнул меч — лицом в грязь.

Тишина распласталась. Мэл подняла голову — глядела на широко раскрытые глаза окруживших драконийцев.

— Есть желающие сделать ставку повыше? — голос — бархат, натянутый на лезвие. И вызов, и приглашение.

Она ждала. Молилась — костями, — чтобы Принц Огня поднялся, шагнул, встретил её пламя своим.

Он не встал.

Трус.

Губы сжались тонкой линией; она не сказала больше ни слова. Момент вытянулся, хрупкий, пустой. Наконец она отвернулась — стряхнула землю с босых ступней, будто выбросила её из мыслей.

За её спиной смех Кая прорезал плац — звонкий, жестокий, как кинжал в гордость каждому, кто остался стоять в молчании.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 14

Иногда я ненавидела свои фиолетовые глаза. Понимаю, не должна — они делают меня мной. Но как же было бы легче, выгляди я иначе. Порой я смотрю в зеркало и с отчаянной тоской хочу выцарапать их. От одной мысли слёзы катят. Я не должна ненавидеть часть тела, часть себя. А я ненавижу. Сильно. До боли.

Табита Вистерия

Эш ещё никогда не видел, чтобы кто-то двигался так, как Мэл. Её тело текло — вода, схваченная сталью; каждый жест лёгок и выверен. Почти танец — плавный, смертоносный, завораживающий. Одним движением она швырнула его воина на землю. Как это вообще возможно?

Он слышал о виверианах всё: легендарные воины, яростные, неумолимые. Но никогда не наблюдал их бой собственными глазами. И уж точно не женщину.

Он ещё не встречал женщину, которая выглядела так, словно в одиночку способна разнести его армию.

— Эш, ты меня не слушаешь.

Он отогнал мысль и вернулся в комнату к сестре у огня. Карие глаза Алины сузились; раздражение прочерчивало лицо острыми линиями. Она злилась. Очень.

Обычно он внимательнее был на занятиях, но сегодня мысли упрямо возвращались к ней, к принцессе.

— Тебе х-хотелось бы у-уметь драться? — спросил он.

Алина моргнула, чуть наклонив голову:

— Что ты имеешь в виду?

— Драться. Как я. Или Хаган.

Она едва заметно дёрнулась, вспышка боли, которую Эш уловил. Он никогда до конца не понимал, отчего одно имя так выворачивает её изнутри. Всем было больно, когда Хаган ушёл в Алую гвардию — без слов — но это было давно. Он вернулся. Принял клятвы. Почему же ей всё ещё больно?

— Драконийкам нельзя.

— А если бы м-можно? — он склонил голову. — Стала бы?

Он видел, как в ней поднимается спор с самой собой; такое ее не спрашивали — зачем спрашивать о невозможном? Но Эшу суждено стать королём, и, если сестра захочет тренироваться — будет тренироваться.

— Сегодня пир в честь принцессы, — её голос лёгкий, выученный, скользит мимо тяжёлого вопроса. — По обычаю тебе придётся танцевать с ней, как будущему мужу.

Эш медленно выдохнул:

— Она не з-знает наших т-танцев.

Алина разгладила складки платья:

— Помолимся, чтобы у неё были быстрые ноги, а у тебя достаточно твёрдая рука. — В глазах блеснуло лукавство. — Завтра начнут прибывать прочие Дома, и празднества перед свадьбой растянутся на неделю. Первое событие — Бой Чемпионов.

Он кивнул; в груди шевельнулся азарт. По традиции королевскую свадьбу открывает большой поединок — зрелище для всех. Каждая сторона выбирает чемпиона, показать силу перед двором.

— Не радуйся раньше времени, брат. Кто их знает, кого они выставят.

Эш едва сдержал нетерпение увидеть принцессу в деле. Уж она-то выйдет за свою честь.

И тогда выйдет и он. Сам. Выберет своим чемпионом себя — против неё.

— Говорят, это правда, — негромко продолжила Алина. — Насчёт её глаз.

Эш напрягся, стиснул челюсть:

— Это просто г-глаза, Алина.

Она пожала плечами, будто равнодушно, но в глубине карих промелькнуло, прикидывает, считает:

— Допустим.

Она взяла небольшое медное колокольчик и позвонила. За дверью мягко прозвучали шаги.

— Продолжим завтра, — легко сказала она, поднимаясь. — Пора готовиться к ужину.

В дверь тихо постучали, служанка проводит принцессу к омовению. Когда Алина вышла, Эш устроился на каменном подоконнике, свесив ногу в пустоту.

Часть его боялась приезда виверian и ненавидела навязанную свадьбу. Он не хотел жениться, пока нет. Но теперь внутри что-то неизбежно шевельнулось.

Принцесса была не как прочие. Драконийки — золотая кожа, волосы — пламя или солнечные нити, тёплые глаза. Она — совсем другая. И дело не только во внешности.

Это женщина, которая, проходя, притягивает взгляды, и так же легко перережет их в споре.

А это опаснее всего.

— Н-некрасиво п-прятаться в тени, — буркнул Эш, глядя в тёмный угол. Тень отлипла от стены — Хаган. Криво улыбнулся, вышел к подоконнику и сел рядом — по-старому, просто. Взгляд — в город под стенами, в свет умирающего дня.

— Ты п-прячешься от моей сестры.

— Ничуть.

Эш фыркнул — ложь. Дальше он не полез. Уже пытался, слишком много вопросов, в ответ тишина и зажатая челюсть. Пусть сами распутают свою войну, войну без победителя.

— Вечером Открывающий пир, — сказал Эш.

— Слышал, — голос ровный, взгляд далёкий. — Нервничаешь из-за танца при всех?

Эш покачал головой. Танец его не ломал, как речь. Движение — это всего лишь другой ритм. Слова были его полем боя.

— Я бы надел доспехи, — лениво усмехнулся Хаган и хлопнул его по ноге. — Принцесса, похоже, перережет тебе горло раньше, чем даст вести себя по залу.

Эш тихо усмехнулся. Мысль — не из пустых.

Улыбка у Хагана исчезла так же быстро. Лицо потемнело:

— Их здесь не примут. — Эш застыл. — Драконийцы никогда не примут виверианку королевой.

Конечно. Сама мысль смешна. Тем более с ведьминими глазами. Принцесса Теней, шагнувшая в Королевство Огня. Как отец, король Иган, счёл этот брак возможным? Почему двор не задал вопросов, не спросил о крови в её жилах?

Эш промолчал. Нечего говорить.

Хаган поднялся; сапоги скребнули по камню:

— Мне пора. Алая гвардия готовится к вечеру.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Сегодня небольшое собрание в честь прибытия виверian, а завтра начнётся настоящее: один за другим прибудут остальные королевства, и впервые за годы все семеро окажутся в одном месте.

Слишком долго они жили порознь, связи треснули после войны, что стерла восьмое — Королевство Магии. Теперь, после лет тишины, их снова ведут, ради брака, который должен залечить древнюю трещину, связать два Дома, веками ненавидевших друг друга.

Эш не был уверен.

Сотрёт ли вековую ненависть один союз? Мысль тревожила. «Это всего лишь брак», — сказал он себе, но слова звякнули пусто.

Это — не «всего лишь».

Это — его брак.

Это — союз. Договор, вписанный в клятвы; узел, призванный стянуть раны, уходящие глубже памяти.

— Будь осторожен, Эш, — сказал Хаган.

Он редко думал о браке. Всегда знал: не ему выбирать невесту; любви в этом нет. И оказался прав.

Теперь он должен жениться на виверианской принцессе, которую не знает. Лишь после церемонии, когда долг свяжет их, он узнает, кто она. Мысль саднила странным, неровным.

Но так устроено.

И не изменить.

— Осторожен с ней, — шепнул Хаган, задержавшись в дверях, и исчез в тусклом коридоре.

Слова висели в воздухе, как предупреждение, вплетаясь в тишину. Эш не шелохнулся. Не нужно было спрашивать недосказанность, он и так знал.

Принцесса — не просто принцесса.

И даже не «просто» виверианская принцесса.

Нет, там было ещё — глубже — в кости, в сам мозг. Это мерцало в фиолете её радужек, в том, как пространство, казалось, смещалось вокруг неё, будто мир, тоже, узнавал аномалию.

Эти глаза - не просто редкость. Предвестие. Метка опасного. Проклятого.

А Эш Ахерон — в нескольких днях от того, чтобы связать себя с ней навсегда.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 15

Совет был создан более тысячи лет назад. Поскольку мы — сильнейшее королевство, все важные вопросы, затрагивающие остальные земли, обязаны выноситься на Совет и ставиться на голосование. Моя мать — член Совета, и, хотя у меня ещё нет места, я — стажёр. Я понимаю, зачем он был создан: защищать королевства и держать их едиными. Но часть меня тревожится. Порой Совет бывает жесток, и не раз он ставил интересы собственной земли выше чужих. Я вижу, как на нас смотрят другие, когда приходят с прошениями. Они больше не доверяют Совету. Они верят, что мы развратились властью.

Ненавижу признавать, но они не ошибаются.

Табита Вистерия

Открывающий пир готовили неделями. На первый взгляд просто вечер еды и танцев, но в действительности всё было куда сложнее. Каждую деталь доводили до совершенства ещё до того, как первый гость ступит в Большой зал. Украшения расставляли с маниакальной тщательностью, блюда пробовали и дорабатывали за дни до события, музыку подбирали так, чтобы она держала традицию.

Пир был в честь прибытия виверian, но Алине всё равно бросалось в глаза: он до последней искры был драконийским. Зал заливали красный и золотой — цвета их королевства вплетались в каждый штандарт и гобелен. Столы прогибались под тяжестью самых традиционных яств, воздух дрожал от знакомых мелодий и танцев.

Это было очевидно: дело было не в том, чтобы принять виверian, а в том, чтобы напомнить им, чья это земля. Безмолвная декларация лежала на каждом роскошном жесте: это — драконийская почва. Вы — гости.

Даже если принцесса войдёт в их семью, нет никаких сомнений: ради неё не изменят ничего. Прогибаться придётся ей — под их уклад, оставив позади обычаи своего народа и став чем-то иным.

Алина скользила сквозь растущую толпу; двор гудел ожиданием, острился, как клинок, — все ждали появления принцессы. Её ещё никто не видел — кроме королевской семьи. Придворные буквально вибрировали нетерпением: первый взгляд, первый приговор.

Алина хотела бы провести этот миг рядом с братом, но, как и следовало ожидать, не нашла его. Эш наверняка спрятался в каком-нибудь тёмном углу, подальше от масс.

И, по правде, она не могла его винить.

Драконийский двор — место беспощадное: шёпоты режут, амбиции рвут в клочья любого, кто встанет на пути.

— Где твой брат, дитя? — спросила королева Сира, как только Алина поднялась на помост и заняла место рядом с матерью.

Какое оправдание придумать на задержку Эша? Королева знала о его нелюбви к толпе, о том, как его ломают такие сборища, но сегодня всё иначе. Это событие слишком важно, и, если он опоздает, двор не простит. Их взгляд остёр, суждения беспощадны. Его отсутствие ударит по всем.

— Он будет с минуты на минуту, мама, — сказала Алина и изящно кивнула очередной даме, проплывшей мимо, оставив шлейф духов. — Наверное, хочет эффектного выхода. Нельзя же позволить виверianам забрать всё внимание, правда?

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Взгляд королевы сверкнул чем-то острым и нечитаемым, блеск расплавленного металла в зрачках. Несмотря на огненный оттенок, тепла там не было — одно лишь холодное лезвие закалённой стали, холоднее, пожалуй, чем сердца Королевства Льда.

— Возможно, мне стоит пойти и узнать.

— Нет! — отказ прозвучал быстро, отточенно. — Достаточно и того, что твой брат опаздывает. Королевская принцесса исчезать не будет.

Алина сжала губы, проглотила раздражение — и в ту же секунду краем зрения зацепила знакомую фигуру. Дыхание на миг сорвалось, но она не позволила себе выдать это. Чуть вскинула подбородок, заставила себя не смотреть, будто его присутствие не распарывает ей самоконтроль.

Хаган встал на место чётким движением; лицо — маска дисциплины.

Пальцы Алины стиснули тонкий шёлк по бокам, и всё же предательская дрожь пробежала по телу.

— Тебе холодно? — голос королевы хрустнул льдинкой.

— Нет, мам.

Пауза. Игла, вонзившаяся в нежную кожу:

— Тогда не дрожи. Двор решит, что ты нездорова.

— Да, мам.

Двери зала распахнулись, и толпа вздохнула — ждала виверian. Но вошли не они.

Эш Ахерон пересёк порог с царственной выправкой, кивнул в степенном приветствии. В парадных доспехах он выглядел как будущий король — сдержанная мощь, тихая сила.

Алина невольно улыбнулась. Он и вправду поражал — возвышался над большинством, золотые рога сияли так, что ей подумалось: не натирали ли их особым маслом? Впечатление было, судя по томным вздохам рядом, на многих.

— Ты опоздал, — прошептала королева.

Эш прокашлялся, извинился коротко и бросил Алине озорной взгляд. Она приподняла бровь, но прежде, чем успела сделать замечание, двери снова распахнулись. Она выпрямилась, и что-то лёгкое упало ей на руку. Не привлекая внимания, она стерла крошку о платье. Подняла взгляд и заметила крошечный след у самого уголка губ брата.

— Эш, — шевеля одними губами, она прошипела, — вытри рот.

Он послушался, постаравшись сделать это незаметно. Взгляд королевы ужесточился, но тут же скользнул к появившимся виверианам. Двор ахнул.

У Алины перехватило дыхание.

Виверианe — создания ночи, живые кошмары, вылепленные из тени и синего огня; двигались с хищной грацией, вырывая тишину. В их походке было что-то почти игривое — будто они отлично знали, какого эффекта добиваются сухожильными силуэтами и неторопливой уверенностью.

Первая возникла будущая королева. Стройное гибкое тело обтягивало платье-вторая кожа, не оставляя воображению почти ничего. У Алины жар пролился по шее.

Драконийки веками придерживались в одежде скромность: тело должно быть прикрыто. У виверian, кажется, такого правила не существовало.

Следом вошёл второй рождённый, тот, что звался Кай, с лукавой улыбкой на резких чертах. Двигался, как текучий грех; подмигивал дамам, лениво махал ближайших, купаясь в ответной волне. Его тёмный доспех мерцал, как угли, выуженные из глубины очага, и кожа от этого казалась ещё бледнее.

И вдруг его взгляд нашёл её.

В чёрных глазах — огонь, медленное горение, от которого по спине пробежал холодок. Алина отвернулась, не выдержав. Было ощущение, будто он раздевает её одним взглядом.

Третий двигался иначе — жёстко, без эмоций, словно высечен изо льда. Красив, как и прочие, но красота холодная, отстранённая, страшно безжизненная. За идеальную осанку дал бы приз — без сомнения. Это мог быть только Кейдж, третий сын Дома Теней.

Краем глаза она уловила стремительную тень: в зал бесшумно влетел ворон, сложил крылья и сел на его правое плечо. С птицей было… что-то не так. Края её силуэта дрожали, как будто она не до конца материальна — больше призрак, чем тело.

И тогда вошла принцесса.

Коллективный вдох прошёл волной, отозвался в мраморе; дрожь прошлась по позвоночнику Алины. Даже она не удержалась от удивления.

Её платье едва ли можно было так назвать. Оно почти ничего не скрывало. Открытая кожа была белей всего, что Алина видела, словно нетронутый снег под зимней бурей. Но сильнее тревожили чёрные жилы под кожей. «У виверian кровь чёрная, а не красная», — шептали истории. Алина передёрнулась.

Платье — настолько глубокий чёрный, будто поглощал свет. Ткань прилипала к телу, обвивая каждую линию; перед — неприлично короткий, едва до колен. Безумие! — подумала Алина. Принцессе не пристало показывать ноги миру. Но страннее всего была спина: за ней растекался длинный шлейф — тонкий, как паутина. Приходилось расступаться, чтобы не наступить.

— Она слишком высокая, — буркнула Алина и скрестила руки, глядя на виверианскую принцессу так, будто могла одним взглядом уменьшить её на полголовы. Ответа не последовало. Она повернулась к брату — выговорить хоть что-нибудь. И замерла. Золотые глаза Эша, острые, как клюв хищной птицы, были прикованы к принцессе — заворожённые, словно воздух между ними изменился, подчиняясь её шагу.

Раздражение вспыхнуло.

— Да она почти босиком, — процедила она, надеясь, что абсурдность фразы выведет его из транса.

Никакой реакции.

И тогда Эш двинулся вперёд.

Спустился с помоста.

Мимо неё.

Прямо к виверианской принцессе.

…

Эш сам не понимал, что заставило его пойти. Ноги несли, будто тянула невидимая сила; мир сузился до одной фигуры. Шёпот зала стих, но Эш не слушал. Он видел только её.

Она заметила его. Он различил едва заметный сдвиг в стойке, как пальцы качнулись к скрытому под платьем клинку. Она не была уверена в его намерениях.

Эш улыбнулся.

Остановился в нескольких дюймах и протянул руку.

Фиолетовые глаза скользнули вниз — настороженно, оценивающе — задержались на раскрытой ладони.

— Это традиция, — голос, к его удивлению, прозвучал ровно, хоть пульс и бился быстрее.

Всё вокруг будто стёрлось. Шёпот двора, высота зала, музыка — остались только они вдвоём, стоящие в тишине. Эш боролся с искушением скользнуть взглядом по её телу — ткань обнимала формы, показывая куда больше, чем позволила бы себе любая драконийка. Но это было бы не по-джентльменски. Он заставил себя смотреть только на лицо.

Когда её ладонь легла в его, ударил контраст. Кожа — холод, лёд против его жара. Она вздрогнула, не готовая к теплу, исходящему от него. Его это позабавило.

Медленно он вывел её в центр.

Музыка вспыхнула. Слишком рано. Ещё не время. По обычаю сначала следовало подойти к королю и королеве. Но Эш не думал о ритуалах, когда протягивал руку, не думал ни о чём. Что-то толкнуло его — потянуться, коснуться.

Вторая ладонь легла ей на талию.

На голую талию.

Её взгляд вспыхнул предупреждением: сделай что-то лишнее — перережу горло. Он не сомневался, что она это выполнит. Но стоило им двинуться, она пошла за ним безошибочно. Будто уже тысячу раз танцевала под эту мелодию.

— Удивительно, что женщинам позволено танцевать, — сказала она на ходу, в голосе что-то неясное. — Раз уж им не позволено драться.

Эш хотел ответить. Правда. Но слова споткнулись, зацепились о страх — вдруг заикнётся. Что она подумает? Рано или поздно она узнает — если им суждено пожениться, это не спрячешь. Впрочем, многие браки держатся на молчании — холодные ужины, где не звучит ничего кроме вежливостей.

Может, их брак будет таким.

Может, он проживёт жизнь в тихом подчинении, не решаясь говорить при ней.

— Я бы хотела осмотреть дворы, — продолжила она, будто разговаривая сама с собой. — Наши Виверны будут на свободе, мне нужно убедиться, что им хватит места для охоты. Они не привыкли долго задерживаться в одном месте. Они дикие.

Как и ты, подумал Эш.

— Ты не умеешь говорить или молчишь, чтобы досадить мне?

Он не сдержал улыбки. Проглотил короткий смешок.

Принцесса резко вырвалась. Глаза вспыхнули чем-то, похожим на ненависть. Музыка шла своим чередом, но вокруг них двор затаил дыхание. Кто-то, чуя неловкость, ступил на площадку — рассосать напряжение, спасти принца от позора. Но Эш и принцесса стояли, сцепленные немой схваткой.

— Мы поженимся через неделю, — холодно сказала Мэл; голос — сталь. — Тебе это может не нравиться. Мне — тем более. Но это для наших королевств. Меньшее, что ты мог бы сделать, — отвечать на мои вопросы, принц.

— Требования, — поправил он.

Её брови сошлись:

— Прошу прощения?

— Ты не задаёшь вопросы, — Эш заставил себя забыть о десятках глаз. — Ты выдвигаешь требования.

Лицо у неё потемнело от ярости.

На миг он подумал, что она ударит. Вместо этого она резко вдохнула, выдохнула носом и бросила:

— Спокойной ночи, Принц Огня.

Повернулась; длинные чёрные пряди хлестнули его по щеке — и ушла, прорезая толпу.

Эш стоял и смотрел ей вслед.

И ничего не мог поделать с тем, что улыбался.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 16

Хэдриан хотел, чтобы я в первый раз полетала на его Виверне. Я тысячу раз объясняла ему, что мы, ведьмы, так не путешествуем. Он говорит, это «ради забавы». Я не боюсь — если сорвусь, воспользуюсь магией. Но эта огромная тварь иногда смотрит на меня так, словно всё понимает. Будто чувствует, как у меня чуть дрожат руки от одного её присутствия, и наслаждается тем, что внушает мне такое чувство. Никогда мне не понять виверian и их любовь к этим мерзким существам.

Табита Вистерия

Остаток вечера Мэл провела в раздражении — тело натянуто струной, мысли клокочут от самодовольства Принца Огня. Его дьявольская усмешка преследовала её, немой насмешкой бесила сильнее, чем если бы он наговорил грубостей вслух. Он отказался отвечать на вопросы, играл её терпением, словно она игрушка для его развлечения. Мысль о том, чтобы приковывать себя к такому мужчине и всю жизнь терпеть его молчание, выворачивала ей нутро.

Но в конечном счёте это не имело значения.

Она выйдет за него.

А потом убьёт.

Кай выдернул её из мыслей с приглушённым стоном отвращения:

— Еда отвратительна, — сказал он и выплюнул нечто, похожее на тарт, хотя Мэл подозревала, что кислого в этом блюде никогда не было.

Она улыбнулась его скривившимся губам, но веселье быстро сошло на нет. Взгляды драконийцев давили, как удавка. Ни один придворный не осмелился подойти, и всё же каждый глаз был прикован к ним — настороженный, выжидающий, словно виверианe в любую секунду могли броситься, перегрызть им горло и пиршествовать их плотью.

Страх в этих глазах радовал Мэл. Она зло улыбнулась, чуть приоткрыла клыки — достаточно, чтобы публика отпрянула.

— Мне нужен воздух.

Она не стала ждать чьего-то позволения. Выскользнула из Большого зала по тёмному коридору, сапоги бесшумно шли по отполированному камню — к любому выходу из удушливого пиршества. В небольшом внутреннем саду воздух сразу полегчал — пахло розами и сухой землёй.

Лианы, как пальцы древних духов, карабкались по мраморным стенам; алые розы распускались дерзкой роскошью, осыпая лепестки на булыжник — будто приношение богам. Это было ничуть не похоже на её дикую родину, где корни ночных роз вились меж могил, а тёмные лепестки целовала тень. И всё же отрицать нельзя: здесь была своя странная красота.

— Я обожаю розы, а вы? — прозвучало за спиной.

Мэл развернулась, рука сама метнулась к клинку под юбкой, и застыла, увидев королеву Сиру.

Та стояла в арке, в лунном свете, вся — шёлк и хладная грация. Позади двое стражей, тихих, но опасных.

Королева провела пальцами по бархатным лепесткам, вдохнула аромат, закрыв глаза, будто вкусила запретное.

— Здесь мы растим только красные, — лениво проговорила она. — Но некоторые красим в золото. Пустое занятие, не находите? Бессмысленное, пожалуй, и всё же… в пустяках есть своя красота.

Взгляд Мэл скользнул по саду — золотых роз не было.

— Ах, — уловив её поиски, продолжила королева, — я не держу их здесь. Они особенные — для моих покоев. Их запах облегчает головные боли.

Что-то в интонации родило в Мэл беспокойство.

— Я не знала, что одни розы «особеннее» других, Ваше Величество, — ровно ответила Мэл. — Роза есть роза, не так ли?

Губы королевы тронула улыбка без тени веселья:

— Для слепых, да. Но у каждой розы есть назначение. Одни существуют, чтобы стоять в саду — на них любуются, но не трогают, их судьба укоренена. Другие — лучшие из лучших — срезают: ими украшают дома, столы, платья. Мы не так уж отличаемся от них, принцесса.

Пальцы Мэл сжали ткань юбки.

— В каком смысле?

— Кого-то выбирают для большего.

Слова прилипли к ней, как паутина, шепча о смысле, которого она ещё не понимала.

— Ваши глаза, — прищурилась королева, —… необычны.

Петля затянулась на шее Мэл. «Необычны». «Иные». «Проклятые».

Она боялась этих слов с самой минуты прибытия.

— Так мне говорили, Ваше Величество.

— И вам никто не объяснил почему? — лёгкие пальцы снова скользнули по лепесткам; те едва заметно дрогнули.

Спина Мэл выпрямилась:

— Нет, Ваше Величество. Никто не знает. Я просто родилась такой.

Пауза. Длинная, тяжёлая; только шелест листьев да далёкое гудение пира.

— Необычно также, — продолжила королева, — чтобы короли и королевы вашей земли имели четверых детей.

Мэл застыла.

— Не «необычно», — тихо поправила она. — Неслыханно.

Наконец королева повернулась; в глазах пылало нечто нечитаемое, от чего мертвый холод шепнул в костях Мэл.

— И объяснение этому есть?

Мэл колебалась. Слухов хватало: кто-то говорил — боги изменили порядок; кто-то — это предвестие беды. А кто-то… шептал о проклятии.

— Нет, Ваше Величество.

Королева ещё миг вглядывалась, затем легко выдохнула, будто разговор её утомил:

— Нам следует вернуться. Невежливо лишать двор нашего общества. И у меня, кажется, начинается мигрень.

Она повернулась; шёлк прошуршал. Взгляд Мэл упал на розу у ног королевы — сорванную и смятую в её ладони.

Сломанную. Скрученную.

Предупреждение.

Ей не нужны были боги, чтобы понять. В этот миг она осознала свою участь: она — тоже роза в саду королевы.

И однажды её срежут.

…

Алина всегда ненавидела эти пышные действа. Они ввергали королеву в многонедельную истерию: всё — из-за мелочей, которых никто и не заметит. Король, как обычно, топил вечер в вине и байках из молодости. А гости? Каждый из них проводил ночь, разглядывая её, сдирая глазами каждый её дюйм, словно она и была главным представлением.

Особенно юные леди: замирали в ожидании следующего праздника, чтобы увидеть, во что оденется Алина. Потому что ей полагалось каждый раз превосходить саму себя. Ни одной выбившейся золотой пряди, иначе за спиной поползут шепотки. Каждое украшение на шее и пальцах начищали днями, чтобы сияли, как солнце.

Сегодня всё было иначе.

Впервые никого не волновало её золотое платье — даже с вышитыми драконами, инкрустированными драгоценностями. Никто не шептал, как ослепительно она выглядит при свечах, как безупречно наряд подчёркивает лицо.

Каждый взгляд — каждый острый, роящийся глаз — был прикован к виверианской принцессе.

Кровь Алины закипала.

Она всегда ненавидела внимание, бесконечный прицел, давление безупречности. И всё же… кем она была без этого? Никем. Брату — корона, даже если он её не хочет. А ей? Никто никогда не спрашивал, чего хочет она. Будущее ей выбрали при рождении: богатый лорд, чужое имение, медленное растворение в забвении. Да, балы и пиры останутся. Но она навсегда останется лишь этим — принцессой.

И даже если Эш не оставит наследника, корона всё равно минует её — осядет на голове одного из её сыновей. Словно она всего лишь сосуд, а её собственная способность править недостойна обсуждения.

Алина нужна для одного — дефилировать в роскошных платьях, быть самой завидной красоткой страны. Что бы она ни надела — становилось модой; её прихоти диктовали, как одеваться дворянкам. Они мечтали быть на неё похожими. Завидовали. Но чему тут завидовать? Для королевства она делала ровно ничего, кроме моды. Женские причёски менялись в такт её настроению.

Она красива.

И при этом гораздо больше, чем просто красива.

Тень в коридоре перебила ход мыслей.

Виверианский принц. Кай.

Алина проводила его взглядом в дверной проём, в глубь замка.

Мгновение сомнений. Если уйдёт с пира, мать взбесится. Ну и что? Королевы не было видно, а король, окружённый дружками, в сотый раз пересказывал никому не интересную историю.

Алина шагнула вслед.

Она спустилась по узкой винтовой лестнице для слуг. Воздух холодел; чем ниже, тем сильнее в груди шевелилась тревога.

И вдруг дошло.

Они шли к драконьим пещерам под замком.

Алина застыла. Ей туда нельзя без сопровождения. Подходить к зверям позволено лишь драконьим смотрителям.

Но, несмотря на здравый голос в голове, она сделала ещё шаг.

— Не стоит так пугаться в собственном доме, принцесса, — прошептал в темноте голос.

Алина дёрнулась от близости звука, вгляделась в мрак — слишком темно, ничего не видно. Он проявился внезапно, привалившись к каменной стене; на стенном крюке вспыхнул фонарь.

— Вам нельзя здесь находиться, — отозвалась Алина, голос звякнул о влажный камень, а она выгнула спину, стараясь казаться выше, внушительнее.

Кай хохотнул, на драконийский слух это могло бы прозвучать тепло, но от него было другим: низким, угрожающим, как рык зверя перед броском.

— Нельзя? Или «не следует»? — лениво огляделся он. — Я не вижу таблички с запретом.

Алина скрестила руки, пальцы вжались в рукава:

— Здесь держат наших драконов. Если кто-то застанет вас в подземельях, решит, что вы хотите причинить им вред.

Кай склонил голову, прицениваясь:

— И с чего бы мне это делать, принцесса?

— Потому что вы… — слова едва не сорвались, но она прикусила язык. Потому что вы — виверианин. Невысказанное повисло между ними, полностью понятное. По усмешке на его губах стало ясно — он всё понял, даже если она проглотила обвинение.

— Слышал, — протянул он, лениво игриво, — что вы пытались загнать и наших Виверн сюда. Но они отказались, верно? Им не место в клетках, принцесса. Они улетели в свои гнёзда и ждут нашего зова. Жаль, кстати. Я мечтаю о полёте. Хотел посмотреть на дракона поближе.

— То есть вы намерены украсть одного из наших драконов? — прищурилась она.

Кай цокнул языком, покачал головой:

— Не украсть, принцесса. Одолжить.

— И с чего вы взяли, что способны оседлать нашего дракона? Мы с детства обучаемся этому, — парировала Алина, хотя предательская мысль уже шептала: «сможет».

Потому что Кай Блэкберн был самым страшным, кого она видела, — и что-то подсказывало: ни один зверь, даже самый непокорный, не осмелится ему перечить.

Он шагнул ближе; расстояние растаяло, и сама его близость стала жаром, который дрогнул в её коленях.

— Хочешь полетать со мной, принцесса? — голос грозный, такой, от которого мужчины падают на колени. И всё же — по непостижимым причинам — он не пугал её. Не до конца.

Алина сглотнула, выпрямила спину:

— Женщинам нельзя ездить на драконах, — уточнила. — Лишь королевские особы женского пола имеют право летать и то на церемониях, под строгим присмотром.

Кай хмыкнул, не убеждённый:

— Глупый обычай.

— Это не «обычай», это традиция.

— Традиции, — смаковал он слово, — для того и существуют, чтобы их нарушали.

Алина сделала шаг назад, ей нужно было пространство, дистанция от его взгляда, расплетающего её изнутри:

— Нет. Если традиции меняются, это уже не традиции.

Кай наклонил голову; в уголке губ заиграла раздражающе самодовольная усмешка:

— Забавно, правда? Люди меняются. Их мысли меняются. Но они отказываются менять обычаи, даже когда это им же пошло бы на пользу.

— Драконийским женщинам не положено летать.

Но даже пока слова слетали с губ, внутри они звенели… пусто.

Кай усмехнулся шире:

— Как скажешь, принцесса.

Он развернулся и зашагал в глубь, растворяясь во тьме.

Алина замешкалась лишь на миг и пошла следом; далёкие рыки пробрали мурашками. Пещеры под замком всегда её пугали: огромные, бесконечные, стены в древних рунах, запах драконьих шкур тяжело висел в воздухе.

Первый зверь вышел из мрака — молодой дракон; чешуя мерцала жёлтым, глаза, как расплавленный огонь. Огромное тело вышагало к кованым решёткам, отделявшим его от коридора; когти щёлкали по камню.

— Не подходите близко, — предупредила Алина, и в голосе звякнуло то, что она не хотела признавать. Она уже видела, как объясняет родителям: «Я пошла за виверианским принцем в логово драконов и смотрела, как его сожгли».

— Говорят, драконы и Виверны родственники, — задумчиво произнёс он, делая шаг.

Пылающий взгляд дракона упёрся в него. Алина затаила дыхание, когда Кай поднял руку и просунул её между прутьев.

Безумец.

Зверь глубоко вдохнул; воздух трепнул тёмные пряди Кая. Перед внутренним взором Алины дракон щёлкнул челюстями, сорвал плоть, залил пещеру виверианской кровью.

Но дракон не напал.

Он понюхал раз, фыркнул и, к её изумлению, опустил голову.

Алина остолбенела.

— Как ты…? — Дракон отступил, не решаясь повернуться к Каю спиной — жест уважения. Алина никогда не видела, чтобы дракон проявлял покорность кому-то вне королевской семьи. — Как ты это сделал?

Кай повернулся; усмешка была слишком довольной:

— Я хорошо лажу с… людьми.

— Это дракон.

— Я просто хорош во всём, принцесса, — его голос был хищным, горячим и многообещающим.

Он протянул ей руку точно так же, как минуту назад дракону.

Ждал.

Вызов.

— Итак, — сказал он, — полетаешь со мной сегодня?

Губы Алины изогнулись в улыбке.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 17

До меня дошли слухи, что принцесса Этни беременна. Если это правда, уверена, её родители постараются как можно скорее выдать её за Хэдриана, чтобы всё прикрыть. Все-то знают, кто настоящий отец — принц Сорин не умеет скрывать свою любовь к принцессе и находит предлоги навещать её королевство каждые несколько месяцев. Как только его семья узнает, что принцесса носит ребёнка, они мигом отошлют Сорина подальше и тоже женят, чтобы никто не мог ткнуть в него пальцем. Меня выворачивает от мысли, что Хэдриан должен будет жениться на ней и притворяться, будто её ребёнок его. Когда-то принцесса Этни сказала мне, что её ребёнок развяжет войну. Тогда я не поняла.

Теперь понимаю.

Табита Вистерия

Пир длился бесконечно, словно сама ночь не желала сдавать позиции. Должно быть, уже близился полночный час, но музыка всё ещё вздымалась волнами, а гости заливались вином, и смех становился всё громче, распущеннее.

Последние полчаса Мэл принимала один разговор за другим, драконийцы, наконец, сбросив робость, осмелились подойти. В глазах их пылало любопытство, хоть маски вежливости держались крепко. Им хотелось знать о Королевстве Теней — как живётся под мрачным небом, какие странные блюда они едят (их гнилой пирог из чёрных яблок вне конкуренции, разумеется), какие танцы водят и, неизбежно, что она думает о ведьмах. Никто не спросил про её глаза. Но Мэл видела, как вопрос висит у них на языке, балансируя на краю приличия.

Хэйвен, как всегда, скользила по залу с безупречной грацией, голос безупречен, лицо непроницаемо. Мэл завидовала сестре: той хватало терпения выносить бесконечные любезности, слушать каждого — и отпускать, не открыв ни крошки своих мыслей. Хэйвен учили с детства быть королевой; Мэл — никогда.

Её внимание оторвал шевелящийся силуэт: Эш Акерон, его золотые волосы маяком светились в полумраке, проскользнул в двери Большого зала. Куда он направился? Кровь Мэл вскипела при воспоминании о его раздражающей ухмылка, он смотрел на неё, как на дерзкую девчонку, которую надо приструнить. Кулаки свело. Эта самодовольная морда, стереть бы с нее улыбку.

Не отдавая себе отчёта, она пошла следом.

Её отсутствие ещё долго никто не заметит. Ноги ныли от стояния, и, если придётся выслушать ещё одного драконийца, восхищающегося своим замком, их великолепными тартами или непревзойдённостью их моды, — она вправду сойдёт с ума.

Мэл опустила взгляд на собственное платье — мысль лукаво кольнула. Знатоки моды, говорите? Всё, что она видела: рукава-фонарики, утягивающие корсеты да юбки такой длины и тяжести, будто это не наряд, а доспех. Впрочем, раз драконийским женщинам нельзя сражаться, свобода движений им и не к чему.

Она двинулась по узкому коридору, где воздух становился жарче, стены — теснее, а лестница — всё круче. Мэл уже думала, что этой спирали нет конца, как…

Она едва не ахнула.

Перед ней распахнулся тайный оазис.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Парящее в жаре озерцо лежало в каменных объятиях скал и зелени. Воздух был густым, почти душным, и обжигал щёки Мэл лихорадочным румянцем. Вода мерцала в полутьме, поражающим бирюзовым — неестественным, нездешним. Что это за место?

А затем, к её изумлению, принц начал раздеваться. Мэл резко отпрянула и, двинувшись инстинктивно, спряталась между камней. Она осторожно поднялась выше, чтобы выглянуть сквозь щели.

Эш со вздохом снял золотой доспех, движения неторопливы, будто он сбрасывал не только металл, но и чью-то невидимую тяжесть. Следом стянул рубаху, под ней рельефные мышцы, выточенные годами тренировок. И, не мешкая, вошёл в воду, погрузился с тихим выдохом. Лицо — вечно настороженное, всегда жёсткое — смягчилось. Впервые он выглядел… умиротворённым.

Мэл на миг застыла. Это был не тот мужчина, что усмехался ей в зале, не тот, кто взирал с раздражением и скрытой насмешкой. Напряжение ушло, открыв то, чего она не ждала.

Тишину.

Скрипнувшая дверь рассекла её мысли.

Вошёл Хаган. Красногвардеец не стал спускаться к воде. Он взобрался на высокий выступ, остался в красном, безупречно собранный, навис там, как тень.

Мэл затаилась. Смотрела. Ждала.

— Пир ещё не окончен, — прогудел Хаган в полутьме. — Мать не обрадуется, что ты спрятался.

Принц лишь прикрыл глаза и откинул голову на гладкий край источника; пар обвивал лицо.

— Не прячусь. Просто устал, — в голосе вязкая тяжесть, глубже обычной.

Хаган фыркнул, скрестив руки на груди:

— Твоя мать заметила, как виверианская принцесса ушла во время танца. — Он привалился к колонне, глядя на зыбь воды. — Объяснишь?

Эш выдохнул, звука почти не было, его съела шипящая вода:

— Она раздражает.

В тени за паром Мэл напряглась.

Хаган коротко рассмеялся:

— Разумеется. Она принцесса. Чего ты ждал?

Эш пошевелился, лениво проводя пальцами по воде:

— Я… — слова упрямились, будто, прозвучав, скрепят цепи на его горле. — Я… д-должен на ней жениться, — он вымолвил это с такой неприкрытой неприязнью, что голос скривился от отвращения, словно сама мысль о ней была невыносима. Рядом с ней он едва мог связать фразу, тяжесть брезгливости ломала слова.

Сердце Мэл сжалось — медленно, неумолимо. Она знала — о, да, знала — на что идёт, когда принимала эту ненавистную свадьбу, и приготовилась к холодному расчёту. Но слышать, как он не готов даже примириться с одной мыслью о ней, не попытавшись узнать её, — это было ударом, к которому она не была готова. Он даже не попытался.

Внутри крепла буря; ярость свивалась в нутре тугим жгутом, готовым сорваться смерчем. Стоило ей раскрыть рот — и сметёт всё. Чего она ждала? О Принце Огня ходили легенды, тёмные, шепотом. Она готовила себя к чудовищу, но, встретив, увидела мужчину, без чешуи и когтей, не карикатуру. А теперь? Теперь она не была уверена.

— Могло быть хуже, Эш. По крайней мере на неё можно смотреть, — небрежно бросил Хаган.

Принц промолчал.

Пальцы Мэл впились в острый край камня, костяшки побелели. Считает ли он её уродиной? Ответ не должен был её волновать, не должен был лезть под кожу. Но лез. И чем дольше он царапал внутри, тем сильнее хотелось спрыгнуть в воду и плеснуть ему в лицо кипятком.

— Тебе нужна всего неделя, — продолжил с лёгкостью Хаган. — Женишься и можешь не замечать её всю оставшуюся жизнь. Терпеть только официальные выезды.

Вот каков план. Жениться ради царств, а затем бросить её в забытой анфиладе, чтобы пылилась реликвией. От самой мысли кровь закипела жарче источника. Мэл стиснула зубы. Всю жизнь она стояла на краю — живая загадка, удостоенная косых взглядов и шёпота из-за глаз, — из-за этих глаз, из-за того, что значило её рождение. И вот ей дали шанс переписать судьбу, и она не позволит какому-то важничающему Принцу Огня обращаться с ней, как с пустым местом.

Хотя это уже не имело значения.

Через неделю он женится и вычеркнет её.

Через неделю она выйдет за принца и вонзит нож ему в сердце, разрубив проклятие, что связало их.

В тени её губы медленно изогнулись — улыбка тонкая, как клинок, который скоро ляжет в ладонь.

…

Лёгкий бриз прошёлся по ночи, сохраняя в себе дневное тепло, словно дыхание спящего дракона. Воздух был густой, обволакивающий, убаюкивал мир до тихой дремы. Высоко над замком скользили два дракона, их крылья рассекали темноту, безразличные к тёплой ночи.

Алина знала, её поймают. В этом не было сомнений. Последствия уже высечены в камне: запрут, вернут в позолоченную клетку, лишат простых свобод. Ни танцев под свечами, ни украдкой вырвавшегося смеха. От одной мысли она крепче сжала поводья и гнала дракона выше, выше, пока ветер не завыл в ушах. В полёте было что-то дикое, пьянящее — свобода, от которой сердце стучало вызовом.

Виверианский принц презирал такие человеческие условности, как седло. Его народ летал без него, впиваясь в спину зверя, будто соткан из ветра. От этой мысли у Алины по коже бежал холод. Ни поводьев, ни ремней — ничего, чтобы удержать. Самое воплощение Хаоса, и сама идея пугала её до глубины. А если Виверна резко завалится? Что тогда? Седло — это страховка, обещание, что небо не проглотит.

Когда оба дракона вышли на высоту, распрямили мощные крылья в ровном ритме, Алина впервые по-настоящему посмотрела вниз на своё королевство. Как же странно — видеть мир сверху, если всю жизнь позволяли смотреть только из окон, обрамлённых камнем. Она глубоко вдохнула; воздух был хрусткий, чистый.

— Вы почти счастливы, — заметил виверианский принц; его дракон подлетел ближе. Это была самка, меньше Алиного зверя, но гораздо опасней. В определённом свете её чешуя поблёскивала глубоким, диким зелёным — так непохожим на красно-золотую броню Алиного. У неё никогда не было своего дракона — это удел мужчин. Женщины летали лишь «для вида», на церемониях, под надзором. Ей дали покладистого зверя — «на один день взять и вернуть».

— «Почти»? — отозвалась она.

— Знаю, как исправить такую трагедию.

Прежде чем она успела спросить, что он имеет в виду, он резко заложил крыло и рухнул вниз.

Сердце Алины подпрыгнуло к горлу: она смотрела, как он летит, как земля несётся навстречу чёрным пятном гибели. Паника полоснула грудь, но инстинкт взял своё, и она нырнула следом.

Ветер ревел вокруг, заглушая всё. Мир летел навстречу, и город Искра рос с каждой секундой. Пальцы вцепились в поводья, как в последнюю связь с жизнью, живот скрутило.

И в тот миг, когда она уже решила, что виверианский принц спятил, и они врежутся в камень, — его дракон взмыл свечой, разрезав воздух невозможной грацией.

Алина едва успела повторить; её дракон рванул вверх за мгновение до того, как их бы проглотил город. Внизу расплескалась бухта — зеркальная, в серебре воды.

Замок, вырубленный из костей самой горы, нависал над водой; балконы висели над пропастью. Высоко, где земля вздымалась в пилообразные пики, дымились вулканы — их медленное дыхание тянулось к небу. Там, в летнем жаре, гнездились дикие драконы, охраняя яйца в самом сердце огня.

Два дракона скользили над водой, их тени плясали по волнам. Справа белый песок тянулся бесконечной лентой, слева шептало море.

— Никогда прежде не видел ничего подобного, — признался Кай, жадно пожирая взглядом величие замка. Это было чудо, вылепленное временем и трудом, его алые шпили тянулись к небу, словно когти древнего зверя. Вдали лениво курился дым вулканов — вечное тепло укутывало город.

— Он прекрасен, — тихо сказала Алина, и гордость теплом шевельнулась в голосе.

Сделав последний круг над морем, они повели драконов вниз и мягко сели на песок. Песок под тонкими туфельками был нежным, но стоило ступить — тело Алины напряглось. Сейчас придут стражи. Она уже слышала тяжесть их рук, тащащих её прочь, слышала шёпот родителей — позор, позор. Но сожалеть она не станет.

Ни сейчас. Никогда-либо.

— Почему вы так смотрите на меня? — спросила она, уловив его взгляд — самодовольная усмешка резала профиль.

— Тебе так страшно нарушать правила, принцесса?

— Правила не для нарушений. Так что да, мне страшно, — честно призналась она.

Ладонь Кая лениво скользила по чешуйчатой шее дракона, пальцы рисовали узоры по гребням, зверь лежал, ровно дыша. Но тёмные глаза принца смотрели на море, и в отражении луны в них плескалось нечто опасное, рассчитанное. Алина знала этот взгляд. Принц что-то замышлял. Безрассудное. И она — точно — не хотела в этом участвовать.

Кай без предупреждения начал раздеваться.

Алина резко отвернулась, лицо вспыхнуло жаром.

— Что вы делаете? — выдавила она.

— Идём купаться.

— Нет, не идём. Что скажет мой отец, если застанет нас в воде вместе?

— Надеюсь, спросит, тёплая ли вода, — хмыкнул он. — Ты со мной, принцесса? После полёта ты, должно быть, вспотела.

— Я не вспотела. Ночь прохладная. И так достаточно безрассудств: я сбежала с вами посреди пира, «украла» двух драконов и летала, когда нельзя.

— Ты их не украла, они твои. Ты — принцесса. Или нет? — лениво бросил он.

Алина рискнула коротким взглядом через плечо — совсем коротким — и ахнула, так резко дёрнув головой обратно, что закружилось. Как он может стоять так спокойно —в чем мать родила? А если кто увидит? Ему всё равно? Дикари! Про виверианшептали, что они необузданы, но она до сих пор не верила.

Часть её хотела уйти, забыть. Но Святое Пламя, как же сладко нарушать правила, пусть даже на миг. А если она уже перешла черту… что стоит ещё один грех?

Пальцы сами потянулись к шнуровке — развязали её решительно. Шёлк стекал, как лунная вода, лужей у ног. Нижнее бельё она оставила — безумие, но не до конца. Отвернувшись от берега, она вошла в воду, вслед за принцем в тёмную глубь.

— Тебе не жарко в этих одеждах? — ленивый, бархатный голос Кая.

— Это просто нижняя сорочка.

— Голышом ночью — одно из лучших удовольствий, принцесса.

Тепло взвилось по позвоночнику Алины, как змея, и сжало горло.

— Рада, что вы так наслаждаетесь, виверианин. Я же нахожу дела важнее ночных купаний нагишом.

Кай внезапно и искренне рассмеялся — низко, густо.

— И чем же так занята принцесса?

— Не поверите, дел много — и не всё сможет сделать королева.

— Например?

Раздражение вспыхнуло. Она резко повернулась, вода кругами пошла от талии:

— Например… Пиры вроде сегодняшнего сами себя не устраивают. Нужно продумать тему, цвета, выбрать цветы, меню и… — Алина осеклась, заметив выражение на его лице. Щёки потемнели. — Вы издеваетесь?

— Нет. Как бы я посмел?

— Издеваетесь. Считаете моё занятие пустяком.

Плечи чуть опали. Пустяк ли? Вся её жизнь — тщательная опека красоты: платья, причёски, этикет. Больше ничего. Ни высшего смысла.

Но голос Кая неожиданно смягчился:

— Моя сестра обожает готовить праздники. — Пауза. — В том, чтобы любить дело и стараться в нём, нет ничего дурного.

Алина долго выдыхала, прежде чем слова сами сорвались, как исповедь:

— А я ненавижу. Всё это ненавижу. Часы за тканями и цветами… ради чего? Неужели жизнь — это только красивое платье и завистливые взгляды? В чём здесь смысл?

И тут же её обожгло понимание, сколько лишнего она ему открыла. Как глупо она, стоя в воде, почти нагой и беззащитной, признаётся принцу, которого едва знает, что ненавидит собственное существование. Что со мной не так? С приезда виверианв ней будто что-то сдвинулось.

Голос разрезал ночь.

— Алина!

Имя рассекло тишину, как клинок.

Вода стала льдом, прибив её ступни ко дну. Медленно, с комком в животе, она обернулась к берегу.

На кромке стоял Хаган — лицо шторм, ярость и тревога на коротком поводке.

Тело Алины напряглось. Он один? Или за спиной — вся Красная Гвардия, готовая вытянуть её из воды с позором?

— Немедленно выйдите из воды!

Кай двинулся рядом, неторопливо, — присутствие крепкое, надёжное. Его голос — клинок в шёлке:

— Вы не обязаны исполнять его приказы, принцесса.

Подбородок Алины поднялся:

— Он не отдаёт мне приказы.

На лице Кая мелькнуло что-то неясное, но времени размышлять не было. Какой у неё выбор? Её застали — почти нагую — с вражеским принцем, которого семья вынуждена принять в доме. Живая скандальная хроника.

Она двинулась к берегу, тяжесть момента давила на плечи; Кай шёл следом, вальяжный, невозмутимый. И было почти смешно видеть, как лицо Хагана дёрнулось, когда он понял: виверианский принц — без тени смущения — совершенно нагой.

— Алина… — зубы Хагана скрипнули.

Голос Кая — бархат со сталью:

— Вам стоило бы обращаться к ней как подобает.

— Принцесса пропала, а найдена здесь, наедине с… — кулаки Хагана сжались.

— И всё же почему-то я не вижу никого, кто её ищет, — отрезал Кай и отвернулся, совершенно пренебрежительно, натягивая одежду. Застёгивая пояс, он бросил Алине знакомое подмигивание.

Она застыла. Эта непринуждённая, насмешливая искра подожгла в груди острый, сердитый жар. Ему всё шутка?

Взгляд дернулся к Хагану. Он следил за ней? Шпионил? Мысль жгла сильнее, чем стыд.

— Принц Кай Блэкберн — наш гость, Хаган, — холодно сказала она, выпрямившись. Наверняка выглядела нелепо — промокшее бельё липло к телу, из волос капала солёная вода, — но она не дрогнет. — Принц пожелал осмотреть замок и окрестности. Я, как принцесса, была обязана исполнить долг.

Не добавив ни слова, она развернулась и пошла прочь; песок под ногами осыпался, мешая царственной поступи. Но, сделав несколько шагов, она повернулась, а голос её прозвучал тихим приказом:

— Верните драконов в стойла, Хаган. Это приказ.

И, одарив Кая последним, долгим взглядом, она круто развернулась и исчезла в ночи.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 18

Народ пустыни и ведьмы всегда были крепкими союзниками. Они обожали и чтили нашу магию. Мы же уважали их боевые навыки и чувство единства. Единственное иное королевство, которое я знала с детства, — Песчаное. Мать часто ездила в Земли Песков по делам Совета и брала меня с собой. Мои лучшие друзья из народа пустыни. Странно, что ведьм среди моих друзей почти нет. Я обожаю свой дом, но ведьмы и колдуны утратили своё предназначение. Мы потеряли смысл нашей магии. Потеряли связь с богами. И из-за этого все отвернутся от нас.

Не могу сказать, что виню их.

Табита Вистерия

Первыми прибыли знатные из Дома Песка — их возвещало ритмичное изгибание колоссальных змей, чешуйчатые тела которых тянулись к небу, достигая высоты третьего этажа замка. На этих величественных тварях ехали дочери короля, присланные в качестве посланниц, чтобы быть свидетелями союза двух великих Домов. Принцессы скользнули с широкой спины змия, головы их были покрыты расгитой, а лица скрыты под знаменитой караш.

— «Расгита» на языке сандхий значит «покров для головы», а «караш» — это хлопчатая ткань, которой они закрывают лица в путешествиях по пескам, — не удержался Кейдж.

Мэл едва сдержала желание закатить глаза. Брат в который раз завёл лекцию — спокойным, отточенным голосом ходячей энциклопедии, пересказывая то, что они все и так знали. Часы напролёт она проводила в их огромной библиотеке, изучая обычаи дальних земель. Какие-то королевства её завораживали — Дом Песка с его скрытыми крепостями, теряющимися в бескрайних дюнах, всегда манил тайной. Другие же смертельно скучали. Странно, но королевство, в котором она теперь стояла и с которым ей предстояло связать судьбу, никогда не вызывало у неё любопытства.

— Они говорят на общем? — невинно поинтересовалась Мэл чисто ради того, чтобы позлить брата. — И как думаешь, мне позволят прокатиться на их змее?

Кай усмехнулся.

— На общем говорят все, — тут же отрезал Кейдж, явственно раздражённый глупым вопросом. — Важнее другое: ты помнишь уроки сандхийского?

Ройалы выстроились у парадного входа, встречая прибывающие дома. Драконийцы заняли первый ряд, чтобы именно их гости видели прежде прочих. Вивериане держались в тени у дверей: неподвижные, с прищуренными глазами, солнечный жар Королевства Пламени был для них жестоким, неумолимым врагом, к которому им не привыкнуть никогда. Сколько бы дней ни прошло, солнце встречало их как палач, каждый шаг из тени был новой пыткой их бледной коже.

Не то чтобы они действительно горели, но жаловаться на муки Мэл нравилось.

Принцессы Дома Песка уже обменялись приветствиями с драконийской семьёй. Мэл вытянула шею, вглядываясь в принца. Он кивнул едва заметно, лицо вылеплено из равнодушия. Отсутствие интереса, полное скуки — странно, но в Мэл это будоражило пополам удовлетворение и раздражение.

— Сколько их всего? — не сводя взгляда с подходящих, спросила она.

— Пятеро, — ровно ответил Кейдж. — Эти двое — Хесса и Сахира, старшие дочери Песчаного короля.

— Странно, что он может позволить себе отпустить их, — пробормотала Мэл, игнорируя острый взгляд Хэйвен. — Выходит, у него с Огненным королём что-то общее — оба не слишком любят женскую компанию.

— Как раз наоборот, — поправил Кейдж. — В Песчаном королевстве королевские дочери воспитываются как воины. Они состоят в королевской гвардии и начинают тренироваться, как только делают первые шаги. Говорят, это самые беспощадные бойцы из существующих, их нанимают наёмницами. Если Песчаный король прислал дочерей, а не сыновей, он ждёт неприятностей.

Кай фыркнул, губы скривились в улыбке:

— Успокоил, нечего сказать.

Две принцессы отошли от драконийцев и направились к замку, твёрдо, неторопливо. Мэл следила с тихим интересом. Она читала о людях пустыни в десятках книг, вела пальцем по пожелтевшим страницам, но никогда не видела их живьём. Их кожа была мозаикой белого, красного и коричневого — текучая смесь оттенков, как объяснял Кейдж, подражала пескам их родины и позволяла таять в дюнах, путая врагов. Даже одежда держала ту же гамму, а волосы отливали пылью и сумерками. Здесь же, в королевстве ослепительного золота, густой алой и изредка жгучей зелени они выделялись резко — как чернильное пятно на солнечном свитке.

— Sandhalla, — произнесла высокая, голос — шёпот ветра по иссушённым солнцем барханам. Она приложила ладонь ко лбу, провела вниз по лицу и вытянула руку в приветствии. Вивериане зеркально повторили жест. — Ma nama Hessa, — представилась она и, чуть повернувшись, указала на сестру: — Sahira sastaa.

Хесса повернулась к Мэл; белые, как выбеленная кость под солнцем, глаза впились в неё, выверяя, примеряясь.

— Yaa da anian bar Sahraa.

Мэл не дрогнула и видом не выдала, что понимает, хотя от нее ждали растерянность. Слишком много полуденных часов она провела с Кейджем, разбирая, как слова их языка текут, будто песок. «Ты — узел, что свяжет земли». У народа пустыни нет слова «королевства» — для них весь мир части Сахраа, пустыни, бескрайнего моря песка. И всё же они верили в этот брак, в тонкий мостик через поколения войны.

— Sahraa qamh haiklii.

Это была самая первая фраза, которую Мэл выучила на сандхийском, — и прижала к сердцу. «Одного зерна для пустыни мало».

«Пустынники верят в единство», — звучал в памяти спокойный голос Кейджа. — «Племена раскиданы по пескам, но поодиночке они погибнут. Одно зерно пустыню не создаёт — нужны тысячи. Их жизнь на этом держится: спасение — только вместе, один не стоит отдельно».

В глазах Хессы сверкнул интерес.

— Yaa spaak Sandhii na? — «Ты говоришь на сандхийском?»

— На, — Мэл наклонила голову. — Kaafran Sandhii manaa dunaa. — «Да. Учила много лет».

Хесса улыбнулась:

— Весьма впечатляет, — ответила уже на общем языке, с тёплым, песчаным акцентом. — Зачем ты столько лет учила наш язык?

Взгляд Мэл скользнул мимо неё — туда, где за стенами золотились пески, — в земли, которых она никогда не узнает.

— Брат как-то сказал мне, что есть язык, в котором нет слова «я» — лишь «мы»; будто он не верит в отдельных людей, а только в общину. Я не поверила.

Хесса рассмеялась, густо, как рассыпающиеся зёрна.

— Пустынники всегда были философами, — она оглянулась туда, где к ним уже приближались драконийцы. Тень скользнула по лицу. — Хорошо, что они не знают моего языка. — И лёгким движением стянула караш, открыв лицо — резкое, как луна над барханами; тёмная кожа со следом солнца и тени, острые клыки блеснули в пляшущем свете. — И так уже Огненная королева видит слишком много.

Мэл нахмурилась.

— Это правда то, что говорят о твоих глазах? — спросила Хесса прямо, как ветер, обдирающий плоть до кости.

— Зависит от того, что именно они говорят, — вскинула бровь Мэл.

Хесса наклонила голову, ища слово:

— Будто ты… как там… brahaa?

Живот Мэл сжался.

— Я не ведьма.

Хесса протянула задумчиво, будто этого и ожидала, и будто для нее это мало что значило:

— Значит, ты из пророчества, — и, не предупреждая, ухватила Мэл под локоть, повела вперёд, как будто драконийский замок принадлежал им.

— Ты слышала о пророчестве? — прошептала она, в голосе нечто неуловимое. — О Часаа и Красаа. Избранная и Проклятая. Двое детей, рождённых в одном dunaa, в один год. Одного отметили боги, другого — их гнев. Вместе они вернут миру порядок.

Мэл слышала об этом шёпоте: древняя легенда о двух, навеки вплетённых в полотно судьбы — один призван низвергнуть королевства в руины, другой — воспрепятствовать и восстановить равновесие. Большинство, кто шептал эти сказки, записывали её в «проклятые» — всё из-за её глаз. Но Мэл уже давно приняла иную роль — ту, что предрекла ей Провидица: убийца Принца Огня.

И всё же в уверенность заползала трещинами сомнение, тихое, упорное. Если их брак — хрупкая нить, стягивающая земли, разве не разорвёт её убийство принца? Разве не приведёт это к самому падению, которое ей надлежит предотвратить? Парадокс давил на рёбра, будто невидимая ладонь сжимала мысли.

Прежде чем пронзать сердца, Мэл нужно было понять пророчество — по-настоящему.

— Осталось лишь узнать, — белые глаза Хессы сверкнули, как молния в дали, — ты Часаа или Красаа.

Сердце Мэл грохотало о рёбра.

А если — никто?

Хуже того —

А если — обе?

…

К следующему дню прибыли все Дома; их штандарты вспыхнули красками на золотом небе. Из каждого королевства приехал хотя бы один принц или принцесса засвидетельствовать союз, который должен был положить конец годам распрей. Лишь немногие всерьёз верили, что драконийский принц и виверианская принцесса — те самые, о ком шепчет пророчество. Но среди гостей всегда сыщутся истинные верующие — те, кто цепляется за мысль, что боги ткут великий узор из нитей судьбы.

Большинство же просто радовалось, что древнюю вражду, чьи истоки давно занесло пылью, наконец-то погребут. Других успокаивало объединение: они знали — за границами зрела большая угроза, скорое наступление ведьм.

Мало кто придавал вес зловещим предупреждениям, но слухи окрыляются и летят из дворцов на пороги простых домов, оседая в сердцах, как тени. Одной мысли о ведьмах, крадущихся во тьме за их детьми, хватало, чтобы пускать корни страху. И чему тут удивляться? Ведьмы — чудовища из колыбельных страшилок; их чары боялись и ненавидели, их легенды пропитаны кровью и предательством. Но большинство не знало — и не могло знать, — что ведьмы ходят среди них.

Вера, неизменно услужливая горничная виверианской принцессы, спешила по извилистым коридорам; дела закончены как раз вовремя, чтобы помочь в Большом зале. Вечером за одним столом должны были пировать семь королевств — связаны хрупким миром, впервые за поколения собравшись под одной крышей. Никогда ещё Вера не видела в одном месте столько разных созданий.

Вивериане выделялись ониксовыми рогами и почти прозрачной кожей, но дело было не только во внешности. В том, как они двигались — резко, текуче, по-хищному. Они ступали, как шёпот, как тени — обученные не оставлять следов. А их тёмные глаза — бездны — не упускали ничто.

Вера поймала своё отражение на полированной поверхности и запнулась. Годы она учила себя не задерживать взгляд, но как не смотреть, когда расчёсываешь волосы принцессы? Её пробрало, когда Мэл, этими внимательными фиолетовыми глазами, спросила, откуда она родом. Видит ли она сквозь личину?

Её драконийские рога были короткими — по статусу, цвета приглушённого золота, почти коричневые — не то, что радужные венцы у королевской семьи. Кожа с лёгким узором чешуи, как у всех драконийцев, глаза — точно такие, как у одного трактирщика-драконийца, с которым она когда-то говорила. Но Вера скучала по своим настоящим глазам.

По фиолетовым.

Она уже давно привыкла к маскировке: носила ложь, как шёлк. Она никогда не давала трещин. Никогда. И всё же виверианская принцесса что-то почуяла. Как?

Никогда прежде Вера не встречала другого с фиолетовыми глазами, кто не был ведьмой. По теням расползались слухи — о проклятом ребёнке, рождённом с ведьминскими глазами. Может ли Мэл оказаться одной из таких? Кощунственный союз виверианa и ведьмы? Таких существ не видели больше века. Это невозможно.

И всё же…

Вера ждала всю жизнь — избранную душу, что снимет проклятие, ту, кому суждено спасти их всех. Неужели её немые молитвы, наконец, услышаны?

Большой зал шумел жизнью. Вино текло в золотых кубках, запах драконийских тартов наполнял воздух. Ими подавали первый курс — сладость должна была задержаться на языке и иначе раскрыть вкус мяса дальше. Живот Веры болезненно свело при виде нетронутых подносов, готовых к выносу. Она подавила голод, боль усталых рук и двинулась вперёд, в поток слуг.

И увидела их.

Дом Диких стоял справа — нежданный, нежеланный.

Королевство Фаун когда-то было связано с ведьмами — союз с самой юности мира. Их истории переплетены, как корни древних деревьев. Но когда ведьмы пали, фэйри отвернулись, бросив их погибать. Та рана до сих пор жгла. И поныне ведьмы не

понимали, как те, кто были ближе всех, так резко отвернулись. Ведьмы и фэйри всегда иначе смотрели на мир, чем прочие королевства. Они не просто жили в нём — были прикипевшей частью земли, её дыханием и костями. И всё же, когда пришёл час, этой связи оказалось мало, чтобы спасти.

У короля фэйри было пять дочерей, но Вера заметила лишь троих. Старшая — говорили, вскоре станет королевой — стояла, как статуя. Тёмная кожа, волосы белые, как свежий снег. В отличие от драконийцев и виверian с рогами на висках, у принцессы фэйри росли оленьи рога — величавые, тонкие, высокие, венец дикой природы. У младших — поменьше, скромнее: ранг отпечатывался в самих костях.

Вера метнулась в сторону.

Фэйри чуют магию. Поэтому ведьмы не живут в Королевстве Фаун: их обман там недолговечен. Если принцесса — Флора Хоторн, как её называли, — вглядится пристальней, что она увидит? Как будто услышанная мысль подняла Флоре взгляд; он зацепил Веру странным любопытством. Тяжесть этого взгляда легла ей на плечи, как кандалы. Паника рванулась в груди; она нырнула поглубже в толпу, прочь от лесных созданий.

Магия шевельнулась под кожей, беспокойная, настойчивая. Тянула, как нетерпеливый ребёнок, умоляя выпустить. Она утихомирила её, дёрнув за косу, и перевела взгляд на главный трон в конце зала. Королева Сира сидела прямо, словно высеченная из льда. Одного её взгляда хватало, чтобы заморозить человека на месте. Её платья изящные, но никогда не столь роскошные, как у дочери: продуманный выбор. Королева следила, чтобы все взгляды стекались на принцессу — её наряды были фейерверком вышивки и драгоценностей, причёски — произведениями искусства.

Королева поймала взгляд Веры и едва заметно наклонила голову — движение, которого никто и не заметил бы. Но для Веры оно было кристально ясным.

Королева хотела поговорить.

Вера заслужила место в числе доверенных слуг Сиры, так прочно вплелась в её круг, что теперь каждую неделю её вызывали с докладами. Королева считала её верным шпионом.

Она не понимала одного: «верная осведомительница» на самом деле — ведьма, подсовывающая правду, завернутую в ложь.

Мысль тронула уголки губ Веры хищной улыбкой.

Но улыбка мгновенно погасла.

В воздухе что-то сдвинулось. Присутствие. Взгляд, прожигающий её через зал. Кто-то заметил безмолвный обмен между королевой и служанкой. Кто-то, кто смотрел слишком пристально. Тот, кто мог разрушить всё.

Фиолетовые глаза Мэл Блэкберн сузились, подозрение сверкнуло в них холодным клинком.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 19

Мне не следовало влюбляться в Хэдриана Блэкберна. Он — виверианский принц, которому суждено стать Королём Тьмы. Я — дочь ведьмы из Совета. У нас обоих есть долг перед нашими землями и нашим народом. Ему придётся жениться на принцессе, чтобы укрепить своё королевство в пору, когда никто уже не чувствует себя в безопасности. Я займу место матери в Совете. Мы никогда не сможем быть вместе.

И всё же…

Табита Вистерия

Свадебные торжества должны были растянуться на целую неделю, и каждый день отмечался новым мероприятием для развлечения знатных гостей. Но среди всех празднеств больше всего ждали, разумеется, Битву Чемпионов. В этом состязании невеста и жених выбирали по одному бойцу, чтобы те сражались от их имени — символическая демонстрация силы их Домов. Обычно это была лишь формальность на удачу, но в этот раз всё значило куда больше: два Дома вставали друг против друга, и победитель докажет, чья кровь на самом деле сильнее.

Сегодня же был первый шаг в этом замысловатом танце власти и союза — официальное представление обручённых, дающее старт всем торжествам.

На Мэл водрузили один из самых роскошных её нарядов — каскад чёрной ткани, такой многослойный и лёгкий, что платье двигалось, словно грозовая туча, вздымаясь и перетекая с каждым её вдохом.

— Перестань тянуть подол, — шикнула Хэйвен, становясь рядом.

— Мне неудобно, — проворчала Мэл, теребя рукав. Она ненавидела эту стеснённость, тяжесть ткани на коже. В её обычной одежде руки и ноги были открыты — беги, дерись, двигайся, как хочешь. Это же платье своей элегантной удушливостью будто создано, чтобы сдерживать.

Большой зал раскололся, будто его рассекли невидимые линии напряжения. Вивериане стояли с одной стороны, драконийцы с другой, а между ними двойной трон огня и пламени, как фокус всей сцены. По одному послы каждого Дома поднимались на две ступени к трону, приносили благословение сперва Мэл, затем Эшу. Когда формальности будут исполнены, начнётся настоящая пирушка: музыка, еда, танцы. Радость королевства, выверенная до мелочей.

Но мысли Мэл были не здесь.

Она видела безмолвный обмен между королевой Сирой и молодой драконийской служанкой. И хотя она не понимала смысла, горло стянула невидимая удавка: скользкое чувство тревоги расползалось под кожей, как змея. Она отвела взгляд, пытаясь зацепиться за что-то другое.

И зацепилась за Принца Огня.

Эш стоял по другую сторону трона, рядом с ним Алина, кутаясь в роскошное ало-золотое платье. Наряд выглядел почти смешно в своём изобилии самоцветов — Мэл гадала, может ли принцесса вообще шевелиться под этим грузом. На лице Алины застыло едва прикрытое раздражение.

А вот принца не прочесть.

Лицо — идеальная пустота, ничего не выдающая. Неужели его ничто не тревожит? Не давит ли на него знание, что через неделю они будут связаны браком? Они почти не

разговаривали с тех пор, как она приехала, ему что, не хочется узнать женщину, которая станет его женой?

Похоже, нет.

И это не должно было её задевать — ведь женой его она останется недолго. В конце концов, она лишит его жизни.

— Мэл, внимание, — прошептала Хэйвен, незаметно толкнув её локтем, как раз когда подходил первый Дом.

— Дом Диких. Принцесса Флора Хоторн и её сестры, Сьерра и Медоу Хоторн, — негромко подсказал Кейдж, заняв её другую сторону.

Вблизи Мэл никогда раньше не видела фэйри. Сказки об их красоте не передавали и половины — они были не просто прекрасны; они были неземные.

Принцесса Флора двигалась, как ветер в летних травах, нежные складки её зелёного платья шептали при каждом шаге, ткань будто бы была соткана из листьев, а за ней тянулся шлейф, оставляя на камне крошечные лепестки. Туфель она не носила, шла босиком по холодному мрамору и не знала холода. На голове венок из полевых цветов, закреплённый вокруг её великолепных рогов-ветвей; тонкие дуги были украшены маргаритками — зрелище природной роскоши.

— Будь готова, — шепнул Кейдж. — Они целуют по четыре раза.

Так и вышло: Флора легко коснулась щёк Мэл четырежды и отступила. Взгляд принцессы с явным интересом пробежал по виверианам.

— Я слышала разное о вашем народе, — сказала Флора, в голосе плясала насмешка. — Такие тёмные и загадочные… а вы совсем не так страшны, как мне хотелось.

Бровь Мэл едва дрогнула.

— Фэйри рассказывают о нас истории?

Губы Флоры изогнулись:

— О, да. Ими пугают шаловливых фэйри-детей. Стоит сказать, что виверианe утащат их из гнезда и съедят, — и они мигом становятся паиньками.

— Мы не…

Флора лениво взмахнула рукой:

— Уверена, принцесса, у вашего народа есть свои сказочки.

И были.

Мэл росла на шёпотах о жестокости драконийцев, звери, что кайфуют от охоты и мучают ради забавы. И всё же пока что Эш не проявил к ней жестокости.

Времени ещё достаточно.

Флора уплыла дальше, переключив внимание на Принца Огня. Мэл с растущим развлечением наблюдала, как вечно безмолвный принц отделывается редкими кивками. Будто чувствуя неловкую паузу, его сестра Алина с готовностью подхватывала беседу там, где он оставлял пустоту.

И вдруг — лишь на миг — золотые глаза Эша встретились с фиолетовыми глазами Мэл.

Мгновение. Удар сердца.

Первой отвела взгляд она.

…

Драконийцы обожали танцы. Привычный повод подсмотреть, как молодые робко пробуют подступиться к своим симпатиям; как флирт распускается меж поворотов и украдкой брошенных взглядов. Старшие держались по краям Большого зала,

шептались, наблюдали, а музыка тем временем разгонялась до такого темпа, что молодёжь, сбиваясь, то и дело заливалась смехом.

Мэл видела, как Кай практически влетел на середину, смеялся громче всех — его радость была заразительна. Она завидовала: как же легко он отдаётся мгновенью — без сомнений, без тормозов.

Хэйвен увели разговоры, Кейдж давно растворился в тихом углу с книгой, оставив Мэл одну. Пальцы теребили ткань платья, в ней боролось желание выйти в круг. Она любила танцевать. Танец манил её, как сирена. Но ноги не шевелились. Это не её дом, и здесь у желаний бывают последствия. Потому она стояла и смотрела на танец, который должен был быть её.

И тут — движение. Сдвиг в воздухе.

Принц Огня шёл к ней.

Мэл напряглась, пальцы сжали юбку, когда он остановился рядом, уверенный в себе, как человек, которому никогда ни в чём не отказывали. Но лицом он остался к танцующим. Ни слова.

Тишина натягивалась, как тонкое стекло. Он молчал.

Чем дольше он тянул, тем сильнее в Мэл закипало нетерпение.

— Вам что-то нужно, принц? — спросила она, придав раздражению гладкость.

— Танец?

Мэл моргнула.

— Простите?

Наконец она повернулась к нему, по-настоящему посмотрела. Он был высок — слишком, — вылеплен из чего-то мощного, царственного. Как для драконийца — безусловно красив. Мэл видела, как на него оглядываются, как украдкой задерживаются на его золотых волосах, и как свечи, кажется, сами вплетаются в пряди, желая коснуться. Мысль вспыхнула вне её воли, а на ощупь они такие же мягкие? Стыдясь собственной глупости, она резко отвернулась, жар поднялся к шее.

— Не могли бы вы… — он сглотнул, словно следующие слова причиняли боль. — Потанцевать со… мной?

Она сдвинула брови. Игра? В прошлый раз он был невыносим. Зачем соглашаться, чтобы снова слушать насмешки? И всё же маленькая предательская часть её — та, что тянулась — хотела. Взять его за руку, почувствовать силу под пальцами, пойти с ним в одном ритме.

— Вы уверены, что хотите танцевать с такой требовательной принцессой? — голос её стал острым, опасным.

Его золотые глаза потемнели.

— Как скажете, принцесса.

Он развернулся и исчез в толпе, не удостоив её даже взглядом. В груди у Мэл что-то нелепо сжалось. Это было не раздражение. И не победа. Что-то коварнее. Почему казалось, что она вдруг что-то потеряла?

Взгляд сам нашёл его и застыл, когда в поле зрения вступила Флора Хоторн, улыбка — солнечная и воровская. Эш протянул ей руку, и та без колебаний приняла, скользнула в его объятия так легко, что в животе у Мэл свело странной, неразумной болью.

Она смотрела, как они движутся, как он безупречно ведёт Флору. Раньше Мэл не задумывалась, как он будет смотреться в танце, а теперь не могла отвести глаз.

Пальцы покалывало. Грудь стянуло. В животе скрутило.

Что это?

Флора наклонилась, губы опасно близко к его уху, прошептала... Эш... усмехнулся. По-настоящему. Такой звук ударил по Мэл остро, как лезвие.

Не успела опомниться, как уже шла.

Ноги сами несли её вперёд, шаг за шагом — без мыслей, без колебаний. И только оказавшись перед ними, неловкая и незваная, она поняла, что натворила.

Улыбка Флоры была знающей, опасной. Она шептала о вещах, которых Мэл ещё не понимала.

У Эша приподнялась бровь, у губ — тень усмешки. Он насмехался. Он прекрасно понял, что она сделала.

Трое стояли молча, музыка лилась за спинами, как издалека. Мэл смотрела на его руки — одна лежала на талии Флоры, другую сжимали её тонкие пальцы.

Она представила, как они целуются.

Мысль ударила, как физически — резкая, чужая. С какой стати ей заботиться, кого он целует? Неважно. Ничего не значит.

Она шагнула вперёд.

— Сейчас я хочу танцевать, — объявила она.

Глаза Эша сузились.

— Не можешь подождать?

— Нет. Это важно, — она перевела взгляд с него на Флору и обратно, потом вскинула подбородок, каждое слово отточено: — Через несколько дней мы поженимся. Не хотелось бы, чтобы двор решил, будто вы предпочитаете другую, верно?

Флора рассмеялась и отступила, словно всё это — забавная игра:

— Принцесса права, — она присела в реверансе и уплыла в толпу, оставив Мэл с принцем, который, казалось, был в шаге от того, чтобы что-нибудь подпалить.

Мэл прикусила губу, впервые осознав, насколько он близко, как жар его дыхания щекочет кожу. Почти слышно гудело под его спокойствием сдержанное бешенство.

— Почему ты... улыбаешься? — низко спросил он, с подозрением.

Улыбка с лица Мэл сползла — до неё дошло, насколько по-детски она себя повела. Но назад не повернёшь.

И вдруг Эш схватил её.

Дыхание сорвалось.

Она слишком увязла в собственных мыслях, чтобы ожидать касания, его ладонь к её, крепкий, но осторожный хват. Надо бы сказать, что она передумала, не хочет танцевать. Но он посмотрел — и слова кончились.

— Ты была груба, — проворчал он вплотную, слишком близко.

— Я никогда не бываю груба, — отрезала она.

— Ты этого не хотела.

— Не хотела чего?

— Танцевать.

— Разве я не могу передумать?

Эш резко выдохнул, будто она его изматывала. Он почти закатил глаза — почти. Но прежде, чем он это сделал, Мэл потянула его ближе.

— Нехорошо, — шепнул он, и от тембра у неё свело пальцы на ногах.

Где-то глубоко сжалось что-то слишком похожее на предвкушение.

— Ты всегда говоришь односложно? — поддела она.

Он застыл.

Тепло между ними исчезло мгновенно. Лицо его переменилось, стало непроницаемым, далёким.

Он отпустил.

Мэл и секунды не хватило, чтобы осознать пустоту, как он шагнул назад, его рук больше не было на её коже, не держали её. Хотелось остановить, спросить «почему». Но оставалось только смотреть, как золотые глаза ещё недавно живые, с искоркой — закрываются тенью.

— Эш…

Она никогда прежде не называла его по имени. Сорвалось само — словно чем-то ведомое. Слишком поздно.

Он развернулся и растворился в толпе, оставив её в центре танцпола — одну — под тяжестью слишком многих взглядов.

Пальцы Мэл сжались в кулаки. Тревога, странная боль в груди остыла, отточилась, стала холодной, горькой. Почему он вечно всё усложняет?

Она поклялась тут же, что больше с ним не заговорит.

Всё равно через неделю он будет мёртв.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 20

Ведьм и чародеев заперли в их собственной земле. Нам больше не позволено покидать королевство. Я слышала, что в некоторых городах драконийские солдаты подсчитывают, сколько ведьм и чародеев там живёт, и даже заносят их имена в списки. Мне пришлось вернуться из земель фэйри в мой родной город — оставаться там слишком опасно, я не хочу подвергать опасности тех, кто дал мне приют. Никто не знает, что мы с Хэдрианом тайно обвенчались несколько месяцев назад. Мы не можем рассказать об этом ни единой душе.

У меня есть ещё один секрет, о котором не знает даже Хэдриан.

Я ношу ребёнка.

Табита Вистерия

Вера вошла в покои виверианской принцессы раньше обычного, проскользнув через тяжёлые двери в глухой, спертый воздух комнаты, которую утро ещё не коснулось. Плотные бархатные портьеры оставались задернутыми, пряча всё в густой темноте, пока принцесса спала. Не колеблясь, Вера пересекла зал и распахнула их настежь: золотой рассвет хлынул внутрь, разлился по стенам, выметая тени и остатки снов. Солнечные потоки залили постель, высветив спящую фигуру среди простыней.

Двигаясь бесшумно, Вера принялась за дела — ловко и привычно готовя комнату к пробуждению хозяйки. На длинном деревянном столе уже ждал идеальный поднос с завтраком — свежие яйца, тёплый хлеб, фрукты с каплями утренней росы, — но она всё равно беспокоилась, как быстро всё остынет. Будить принцессу было не её обязанностью, и всё же сегодня Вера ловила себя на том, что почти надеялась на небольшую задержку.

Она глупо надеялась, если удастся вытянуть время, Мэл забудет о том, что увидела прошлым вечером.

Взгляд Веры зацепился за стол, где стопки книг и развернутые карты лежали в хаотичном беспорядке. Одна из карт была раскинута во всю ширину — дороги и реки готовы для всякого любопытного глаза. Мэл привезла их из родных земель? И если да — зачем?

— Мне нравится представлять разные земли, когда знакомлюсь с принцами и принцессами, приехавшими на мою свадьбу, — голос был ровный, но ещё сонный; Вера вздрогнула так резко, что простыни выскользнули из её рук и шурша рухнули на пол. Она резко обернулась, сердце подскочило к горлу.

Виверианская принцесса села в постели, взлохмаченные чёрные волосы каскадом упали на плечи. Её длинные миндалевидные глаза сузились, впиваясь в Веру пристальным, непроницаемым взглядом.

Вера всегда знала: Мэл опасна. Но сейчас она это почувствовала.

Не просто угроза.

Смертельная опасность.

Преодолевая ком в животе, Вера взяла себя в руки.

— Вы нервничаете из-за сегодняшнего дня, Ваше Высочество?

Мэл едва наклонила голову, изучая служанку с такой внимательностью, от которой у Веры побежали мурашки. В меняющемся свете ведьме почудились вспышка клыков и едва заметная насмешка в изгибе тонкой верхней губы.

— С чего бы мне нервничать?

— Это ведь важное событие — Битва Чемпионов, Ваше Высочество, — Вера заставила руки заняться делом, приводя и без того опрятную комнату в ещё больший порядок. — Вы знаете, кто будет сражаться за вашу честь?

На миг взгляд Мэл скользнул к ногтям, и Вера облегчённо выдохнула, благодарная даже за крошечную передышку от этих фиолетовых глаз.

— Я сама буду сражаться за свою честь.

Руки Веры застыли.

Она слышала многое на своей службе, но такое — никогда. Ни один принц или принцесса не спускались на арену сами. По традиции выбирали чемпиона, воина, который принёс бы короне славу. Схватки не были смертельными, но бывали жестокими. Проливалась кровь. А если принцесса получит рану? Если…

Нет. Вера даже думать не позволила себе дальше.

— Ваш брат, кажется, отменный боец, — осторожно заметила она, подбирая слова. — Пожалуй, уместнее, чтобы он сражался вместо вас, Ваше Высочество. Свадьба через несколько дней — не хотелось бы чтобы появились синяки… или хуже.

Мэл фыркнула — в звуке звенело такое самоуверенное презрение, что Веру пробрало холодком.

— Я дерусь не хуже брата, — просто сказала она. — Да и вивериане не позволяют другим сражаться за себя. Мы либо бьёмся вместе, либо делаем, что должны.

Она двинулась — соскользнула с кровати с хищной плавностью, ступни бесшумны на холодном камне. Вера смотрела, как принцесса подошла к нетронутому подносу, сморщила нос и отвернулась с явным отвращением.

Служанка поколебалась, потом взяла щётку с туалетного столика.

— Вам нужно поесть, Ваше Высочество.

Нос Мэл сморщился ещё сильнее.

— Еда… мне не по вкусу.

Вера замялась.

— Ах, надо было сказать раньше, Ваше Высочество. Что вы предпочитаете?

Впервые Мэл на мгновение запнулась. Едва заметно, но всё же. По лицу скользнуло странное выражение, — и, к изумлению Веры, — смущение.

— Ну… — голос Мэл стал тише, почти неохотный: — Мы в основном едим мясо.

Вера с облегчением улыбнулась:

— В кухнях мяса много, Ваше Высочество.

Пауза. Потом фиолетовые глаза снова поднялись и впились в неё.

— Протухшее мясо.

Пальцы Веры судорожно сжали щётку.

— Протухшее, Ваше Высочество?

Мэл кивнула так, будто это самая естественная просьба на свете.

— Я… уверена, это можно устроить, — выдавила Вера, подавляя нарастающее в животе неприятие. — Что-нибудь ещё приготовить?

Мэл пожала плечами:

— Мы едим всё: фрукты, мясо, овощи… Если оно протухло — мы это едим.

— Всё протухшее, Ваше Высочество? — лишь тут Вера заметила, что её рука застыла, и снова начала расчёсывать; щётка легко скользила по густым ночным прядям. Она как раз закончила, уже потянулась за подносом, чтобы унести, когда голос Мэл остановил её.

— Тебе понравился Вечер Открытия?

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Вопрос был достаточно невинным. Но в интонации принцессы звякнул колокольчик тревоги. Это просто болтовня? Или выверенный тест? Вера почти не сомневалась, что Мэл заметила её молчаливый обмен с королевой прошлой ночью. Но, возможно, сочла это обычной формальностью — ритуалом между королевой и служанкой.

— Было очень приятно, Ваше Высочество, — ответила Вера натренированной улыбкой. — А вам? Видела, вы танцевали с принцем.

Мэл фыркнула и в два шага лениво обмякла на подушках.

— Он довольно странный.

— Странный, Ваше Высочество?

— Кажется, я ему не особенно нравлюсь, — Мэл откинулась, лицо непроницаемо. — Впрочем, винить его не за что. Я бы тоже себя ненавидела, будь меня заставили жениться на мне. — Улыбка разошлась по её губам, и от неё по спине Веры пробежал невольный озноб. — А его мать любит меня ещё меньше.

Слова были легко брошены, но вес их был отчётлив.

Вера медленно вдохнула:

— Королева, Ваше Высочество? Сомневаюсь. Думаю, нужно время, чтобы привыкнуть к тем, кто… — она запнулась. - Иные.

Улыбка Мэл стала глубже. И злее.

— Возможно… — она глянула на длинные острые ногти и вновь вонзила взгляд в Веру. — Однако у меня такое чувство, что я ей не понравилась ещё до приезда. Интересно почему.

«Интересовала». Не «интересует».

Словно ответ она уже знала.

Вера быстро присела, пробормотала прощание и поспешила удалиться. Она не обращала внимания на тяжесть фиолетового взгляда в спину, на то, как кожа на затылке стягивается мурашками, — спешно несясь за «завтраком» для принцессы. Даже уходя, она чувствовала — за ней наблюдают. Её изучают.

Мэл что-то знала. А это — опаснее всего.

…

— Надо признать, они довольно величественны, — сказала Мэл.

Утро незаметно сошло на нет, и в этой тихой передышке Мэл позволила себе побродить — ноги сами повели её туда, где можно было дышать. Так она ушла далеко от замка — в дикую, непокорную часть королевства. Путь она терять не планировала, но быть вне ожиданий — даже ненадолго — было почти мирно.

Далёкие рыки драконов вывели её из лесной тишины — низкие, гулкие голоса прокатывались сквозь заросли. На звук она вышла на поляну: три громадных зверя лежали в тени, поджав крылья к чешуйчатым бокам, спасаясь от безжалостного зноя.

Их трудно было винить: воздух в Королевстве Пламени был густой, душный — давил, как невидимая плита.

В центре прогалины стояла Алина Ахерон среди драконов — маленькая рядом с их величием. Она двигалась легко, ловко бросая птицу, и зверь хватал её одним щелчком пасти. Мэл с отстранённым интересом наблюдала. Драконы меньше Виверн — значительно. Свою так не покормишь: Виверне нужно бросить лошадь.

В груди шевельнулась тоска.

Где её Виверны? Дикие, гордые и вольные, они, должно быть, разлетелись по дальним закоулкам королевства, стоило их отпустить. Невыносимая жара, вероятно,

загнала их в глубинные горные пещеры — там прохладный воздух и холодный камень. Ей сегодня нужна будет Никс.

— Не такие уж и страшные, как Виверны, — сказала Алина. Хотела как лучше, но в словах было что-то, что Мэл не понравилось.

— Полетаем? — с искрой нетерпения спросила Мэл.

— Нам не разрешено.

— Прошу прощения? Не разрешено? Кем?

— Моим отцом. Королём.

Кулаки Мэл сжались. В который раз её резанула несправедливость, которой подвергались драконийские женщины в Королевстве Пламени. Это не её земля, не её обычаи, не её битва — и всё же знание жгло, как лезвие. Как можно закрывать на это глаза?

— Эти правила нужно менять, — сдержанно сказала Мэл.

— Возможно, мой брат их изменит, когда станет королём.

Мэл фыркнула:

— Мужчина не должен быть тем, кто меняет такие правила.

Алина неловко отвела взгляд. Её внимание скользнуло к дракона, будто если игнорировать виверианскую принцессу, та исчезнет. Вздохнув, она уступила:

— Хотя я не могу на них летать, мне всё равно приятно их общество. Странно, что они слушаются меня, а не их. — Улыбка Алины была светлой. Даже тут, среди корявых деревьев и выжженной земли, она словно сияла — не зря её называли прекраснейшей драконийкой. Мэл понимала почему: в ней было нечто, что требовало внимания — мягкое и упрямое одновременно.

— Они слушаются тебя, потому что ты проводишь с ними время и заботишься, — Мэл подошла к одному из драконов, протянула бледную ладонь, чтобы тот понюхал. — Настоящий всадник считает зверя продолжением себя.

Алина благодарно улыбнулась.

Они пошли рядом. Мэл призналась, что заблудилась и не знает, как вернуться в замок. Утро незаметно перетекло в день; до Битвы Чемпионов оставались часы. В замке наверняка всё уже кипело — королевство гудело в ожидании зрелища. К этому моменту каждый — дракониец, пустынник, фэйри и иные гости — знал, что она не выбрала чемпиона. Этого одного хватило, чтобы запустить бесконечные пересуды.

По обычаю избранного воина предупреждали накануне, давая время приготовиться. Мэл не сделала выбора.

И потому мир шептал: дикая виверианская принцесса устроит безрассудство. Глупость. Пусть шепчут. Для Мэл это не было глупостью.

Это была её честь.

— Тебя вообще волнует, что о тебе думают? — спросила Алина. Они вышли к разреженной опушке, и мир раскрылся — огромный, беспощадный. Впереди подпирал небо замок — красно-золотой, с башнями, тянущимися когтями в высь. Дальше — земля уходила к горизонту; издалека лениво струился дым вулканов, извиваясь в небе, как змеи.

— Из-за моих глаз? — уточнила Мэл.

— Разве тебе не интересно, почему у тебя фиолетовые глаза?

— Раньше — да. Теперь — нет.

Лгунья, лгунья, лгунья.

— Я бы не смогла успокоиться. Мне нужно было бы знать, отчего меня прокля… — Алина резко отвела взгляд, осознав, что едва не назвала глаза Мэл проклятием.

— Я привыкла к шёпоту за спиной и взглядам, — Мэл выпрямила плечи. — В какой-то день просто перестаёшь слышать, как тебя называют.

Лгунья, лгунья, лгунья.

— Ты во всё это веришь? — спросила Алина, не решаясь взглянуть на виверианку.

— Я недостаточно об этом думаю, чтобы задаваться вопросами, — Мэл не собиралась делиться секретами — тем более тревогами с Алиной Ахерон. — Моя роль — объединить наши королевства.

Алина остановилась у внешней каменной стены, что вела к садам. Повернулась с любопытством:

— Не знаю, смогла бы я на такое. Покинуть свою землю ради другой, выйти за незнакомого мужчину, чтобы спасти мир. Я восхищаюсь вами, принцесса.

— Благодарю.

Глаза Алины потемнели.

— И именно потому, что восхищаюсь, должна предупредить, — сказала она. — Мой брат никогда не полюбит вас. Вы никогда не станете истинной королевой этой земли. Вы навсегда останетесь чужачкой — постоянной гостьей, которой нельзя уйти. Мой брат выполнит долг, но только на бумаге. Вы никогда не почувствуете его ласки, не услышите шёпота нежных слов у уха и не ощутите его ночью в своей постели. Он будет появляться рядом на положенных мероприятиях — и исчезать, чтобы продолжать жизнь, частью которой вы не станете. Может быть, однажды он и даст вам ребёнка — если понадобится. — Алина пожала плечами. — Но любить вас за это он не станет. Вероятно, он будет вас за это презирать. У него будет любовница. Или не одна. Вы закончите забытой принцессой в одном из наших бесчисленных крыльев этого огромного замка.

Сердце Мэл болезненно сжалось. В груди распустилась странная боль — тянущая, стягивающая, словно невидимая рука сомкнулась на чём-то жизненно важном. Она думала об этом — о таком будущем, о такой доле. Но сколько ни перебирала варианты, тяжесть не становилась легче.

Она убьёт принца. Это было несомненно. Прокрадётся в его покои в ночной тиши, вонзит клинок в сердце — и исчезнет в темноте, прежде чем кто-то успеет её остановить.

Ей только нужно больше времени.

Больше ответов.

Надо быть уверенной — понять, чего именно требует пророчество, — прежде чем исполнить свою роль. А когда поймёт, когда убедится… принц не увидит новый рассвет.

— Тебе полегчало? — холодная решимость в её голосе, должно быть, застала Алину врасплох. Та моргнула, явно ожидая иного — слёз, может быть. Как мало она знала о виверианках.

— Я говорю это не затем, чтобы ранить, — сказала Алина. — От драконийской женщины — виверианской. Это предупреждение. Я не знаю вас, но не пожелала бы такой судьбы даже врагу. Тем более женщине, которая ничего не сделала, чтобы её заслужить.

Мэл позволила себе лёгкую улыбку. В своей сдержанной, жёсткой манере Алина была мила. Корсет принцессы был немыслимо туг — алый шёлк в облипку,

закрывающий каждый дюйм кожи. Мэл с трудом сдержала порыв вытащить один из спрятанных кинжалов и распороть этот панцирь.

— Ты можешь дышать в этом корсете? — наклонила голову Мэл. Глаза Алины расширились — видимо, её озадачило, что Мэл не впечатлилась речью про то, что Принц Огня не желает её соблазнять. Мэл постаралась не закатить глаза.

— Ты слышала, что я сказала? — спросила Алина.

— Каждое слово. Твой брат никогда не полюбит такую, как я… что-то про детей в моём животе, ещё что-то про крыло… — Мэл широко улыбнулась на раздражённый взгляд принцессы. — Можно вопрос? От принцессы к принцессе?

— Какой? — зубы Алины сжались.

— Почему? Почему твой брат не мог бы в меня влюбиться?

Алина обернулась почти ошарашенная вопросом.

Мэл задала его в расчёте на выхолощенный ответ, вежливый, отстранённый. Уход от темы. Но когда Алина всё же ответила, слова оказались такими неожиданными, такими обжигающими, что Мэл оцепенела и инстинктивно отступила на шаг.

— Мой брат никогда не полюбит тебя из-за твоих глаз, — сказала Алина. — Потому что он влюбился в такие же. И они его предали.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 21

Магия фэйри сильна, но она совсем иная, чем наша. Их сила рождается из самой природы, тогда как наша, наш источник, — от самих богов. Ни та, ни другая не лучше и не хуже. Обе прекрасны и уникальны. Но я не могу не тревожиться: если мы и дальше будем вести себя свысока, наш союз с фэйри может постепенно рассыпаться в прах. Меня бесит, как иногда говорит Совет, будто важна лишь их магия и никакая иная.

Табита Вистерия

— Она опоздает, — с досадой выдохнула Хейвен. Полуденный зной висел над землёй пламени, как живое существо — удушливый, безжалостный. Драконийцам, впрочем, словно нипочём: ни тени дискомфорта. Впереди высилась арена — колосс из обожжённого камня; только до главного входа идти не меньше двадцати минут. Даже слуги, неутомимо размахивавшие огромными веерами, не могли усмирить беспощадное солнце. Жара оставалась невыносимой, липла к коже, словно расплавленное золото.

Арена была необъятный, и в её размерах чувствовалась история. Когда-то здесь сходились драконы, и огонь с яростью плясал в кровавом зрелище. Теперь назначение изменилось, но тяжесть прошлого всё ещё стояла в воздухе — густая, как зной.

Хейвен сидела рядом с Алиной Ахерон. Драконийская принцесса была облачена в очередной вычурный наряд; её золотые рога усыпали бриллианты, ловившие лучи при каждом повороте головы и разбрасывавшие блики по затенённым ложам. Платье — роскошный алый шёлк — поднималось до самого горла и застёгивалось рядом круглых пуговиц, казавшихся душными, как полуденное солнце. Хейвен мельком подумала: а если их расстегнуть? Может, Алина наконец-то вздохнёт полной грудью. Может, даже станет сносной.

— Королева не присоединится к нам? — спросила Хейвен, удивившись: короля окружал двор, но королевы Сиры нигде не было видно.

— Боюсь, маму свалил ужасный приступ головной боли.

— Пусть побыстрее поправится, — откликнулась Хейвен.

Кай одарил драконийскую принцессу своей фирменной лукавой улыбкой. Алина едва удостоила его взглядом — её равнодушие можно было резать ножом. Хейвен перевела внимание на брата и впилась в него предостерегающим взглядом. Кай театрально выдохнул, откинулся на спинку и сделал вид, что с высочайшим интересом изучает состояние ногтей.

Навесы из тёмной ткани заслоняли благородные ложи от самого яростного зноя. По проходам скользили слуги с золотыми блюдами, доверху наполненными сочным виноградом, сырами и кубками густого драконийского вина. От одного вида у Хейвен свело желудок: с их приезда она почти не ела — аппетит утонул под тяжестью последних событий. Лишь прошлой ночью она пробралась на кухни за едой — и не только для себя, но и для братьев. Она знала: Кейдж прячет свои порции в мешочек в покоях — терпеливо ждёт, пока еда протухнет.

Низкий мерный гул перебил её мысли.

Барабаны.

Первыми в центр арены вышли две сёстры из Дома Песков. Они двигались с лёгкой уверенностью — шаги твёрдые, как зыбь дюн, где они родились. Хейвен

завистливо отметила эту уверенность — ту самую, с которой, казалось, ей не суждено было родиться.

На них были свободные штаны, стянутые у щиколоток, — чтобы уходить в песок, не оставляя следов. Короткие топы из той же мягкой ткани были туго перевязаны вокруг груди, открывая живот и руки — гладкие мышцы воинов. Своих знаменитых расгит они не надели, головы от солнца не прикрыли, но лица закрыли карашем.

Барабаны ускорились. Толпа подалась вперёд.

Старшая держала длинный деревянный посох с острым, как жало, лезвием на конце. Она размеренно подняла ладонь к лбу, провела по лицу и вытянула руку в салют.

А затем двинулась.

Её тело текло в ритме, каждый жест попадал точно в глубокий, катящийся бой барабанов. То, что сперва казалось танцем, обернулось куда более опасным — демонстрацией смертоносной точности. Всякий разворот посоха, всякий широкий взмах были выверенным ударом, свидетельством власти над телом и оружием. Рядом сестра Сахира двигалась иначе — медленно, чувственно, завораживающе. Её волны, её повороты будто загипнотизировали зрителей.

Хейвен заметила, как Алина неловко ёрзает на месте — зрелище её не впечатляло.

— Кай, у тебя слюнки, — одёрнула брата Хейвен.

Он улыбнулся, показав клыки:

— Ничего не могу поделать, сестра. Двигаются они великолепно.

Лицо Принцессы Огня оставалось маской безразличия, но, когда она скользнула взглядом к Каю, в её глазах мелькнул отблеск, не ускользнувший от Хейвен. Поговорить бы с братом позже. Их младшую уже заставляют идти под венец — Хейвен не потерпит, чтобы Кай подливал масла в драконийский огонь.

Аплодисменты оборвали мысли.

Прибыл Дом Диких.

Хейвен зааплодировала — намного живее, чем Алина, которая лишь лениво повторила жест со вздохом.

Во двор вошла Флора Хоторн, — и толпа разом стихла. Она была самой лесной плотью — живым воплощением чащи. Её платье, сотканное из листьев, шлейфом стекало по земле зелёным водопадом. Но взгляды приковывало не оно.

Бабочки.

Сотни.

Они сидели на ткани, рассыпанные по ней живыми драгоценностями; их хрупкие крылья придавали образу вспышки радужного света. Даже оленьи рога ветви были усыпаны ими — крошечными крылышками, трепещущими на живом троне. И вот, одним движением, Флора подняла руки.

Бабочки одновременно сорвались в воздух — взрыв цвета и движения. По арене прокатились изумлённые вздохи, когда стайки спиралями уходили вверх, ловя золотой свет и рассыпая его узорами, — пока не растворились в небе.

Когда последняя исчезла, Флора осталась стоять одна — всё в тех же листьях, с тихим удовлетворением на лице.

— Красиво, правда? — наклонилась Хейвен к принцессе Огня, хлопая в ладоши столь же безучастно.

Алина хмыкнула.

— У фэйри ведь есть магия? — спросила Хейвен.

— Есть, но она не такая, как у ведьм, — ответила Алина.

— Ах, то есть «одобренная» магия.

Алина не отвела взгляда от представления, но Хейвен отметила, как заострились её взгляд.

— Дело не в самой магии. Важно, как её используют.

— Вас не пугает, что они обладают такими способностями? — Хейвен повернулась к принцессе.

— Нет, — Алина фыркнула, равнодушная. — Ведьмы были куда сильнее — и посмотрите, что мы с ними сделали.

Хейвен кивнула задумчиво. Когда-то ведьмы были угрозой всем королевствам — силой, которую нельзя было игнорировать. Брак Хэдриана и Табиты стал удобным предлогом.

— И всё же не всегда страшнее всего «они», — сказала Алина, и Хейвен снова взглянула на неё. — Порой настоящие чудовища живут внутри наших стен.

…

Алина вынуждена была признать: ей смертельно скучно. Некоторые Дома показывали действительно цепляющие номера, но другие… другие заставляли клевать носом. К тому же кресло было ужасно неудобным. Уж неужели их семья, при всём богатстве, не могла заказать троны получше этих деревянных истязателей?

И тут — явился Дом Крыльев.

Алина выпрямилась, всякая вялость слетела.

Из всех королевств, собравшихся ради союза её брата с виверианской принцессой, сильнее всего её манили валькирийцы. Их парящие острова, подвешенные в небе, можно было достигнуть только на легендарных боевых конях — тварях столь сияющих и величественных, что, поговаривали, они ослепляют тех, кто осмелится глядеть слишком долго.

Островов было четыре — по сторонам света. С балкона своих покоев Алина в детстве часто смотрела на один из них — бледный силуэт на горизонте, чья беглая тень скользила по морю. Она грезила о воинах, живущих там, высоко над землёй, клятвенно защищающих мир внизу.

В Великую войну валькирийцы сражались не за завоевание, а за равновесие. Они не выбирали стороны — их предназначение было сдерживать разрушение, защищать невинных. А когда ведьм, наконец, истребили, они покинули поле брани с горьким презрением, проклиная королевства за лишнюю кровь.

Зачем же они пришли теперь? Возможно, увидели в этом браке начало нового. Возможно, впервые со времён войны они поверили в мир.

Дыхание Алины перехватило, когда в арену вошли первые кони.

Ничто им подобных она не видела: громадные — мощные, каждый сиял собственным цветом, словно выкован из кусков самого неба.

А затем всадники.

Дом Крыльев двигался единой линией; каждый воин — непохожий, и всё же — единый. Не было двух одинаковых: представлен каждый оттенок кожи, каждая фактура и цвет волос, — но у всех был один общий знак народа. Белые символы, словно звёздные созвездия, покрывали тела — узоры из белил, наносимые с момента «второго рождения». Даже лица несли эти знаки — шёпот языка, который Алине было не под силу понять.

И затем принцесса.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Она вошла последней, — и присутствие её невозможно было не заметить. Дикие кудри обрамляли резкую красоту лица; белые узоры на коже резко проступали на тёплом тоне. Она держалась как правитель — спина прямая, руки уверенно направляли коня.

Валькирийцы выстроились ровной линией; кони чеканили копытами сухую землю. Они смотрели на драконийского короля — неподвижные, несокрушимые.

Алина подалась вперёд, сердце стучало.

И вдруг принцесса встала на спину коня.

Один мягкий щелчек языка, и зверь послушался: под ней напряглись мощные мышцы, распахнулись огромные крылья. Их размах лишил Алину дыхания.

Полет ей был не чужд. Она выросла среди драконов — небо принадлежало им. Но, когда конь пошёл по кругу, крылья поймали поток, — из её груди вырвался вздох.

Это был иной полёт — дикий, необузданный. Принцесса ехала без седла и поводьев, пальцы лишь вплетались в густую гриву. И, на последнем рывке, конь взмыл в воздух.

Арена взорвалась аплодисментами.

Алина их не слышала.

Её взгляд не отрывался от фигуры в небе — от того, как принцесса правит стихийной силой так, словно рождена ветром. И правда ли, думала Алина, иначе — лететь на коне, а не на драконе?

В детстве она шептала молитвы Богу Солнца: забери меня, увези отсюда, перенеси через море — на остров в облаках. Годы шли; молитвы оставались без ответа.

В конце концов, она перестала просить.

— Хочешь фокус? — голос прозвучал совсем близко.

Алина дёрнулась, едва не подпрыгнув на месте: она так заслушалась, что не заметила, как Кай Блэкберн оказался за её спиной. Он наклонился, его дыхание коснулось мочки уха. Стоило ей чуть повернуться — и их губы почти соприкоснулись бы.

Жар пополз по шее.

— Даже не думай, — сухо бросила Хейвен.

Алина скользнула взглядом между ними, заинтригованная.

— Какой фокус? — спросила она.

Тёмные глаза Кая блеснули откровенным озорством.

— Мой конь быстрее, — прошептал он.

— Кай, не смей… — предупреждение Хейвен утонуло в поднявшейся суматохе. Прежде чем Алина успела опомниться, Кай сорвался с места.

И… прыгнул.

Дыхание у Алины перехватило. Рука сама рванулась вперёд, словно могла удержать его. Но было поздно. Она вскочила, кинулась к краю ложи — и замерла, готовая к худшему.

Кай падал.

И вдруг — будто зов пришёл из самой бездны — под ним взметнулся дым, закрутился, разросся и стал плотным.

Конём.

Но не плотью и кровью.

Тварью из ночных кошмаров: меняющейся с каждым ударом сердца, сотканной из тени и клубящегося дыма.

Глаза Алины расширились.

Кай приземлился безупречно, лёгкой хваткой обняв призрачную спину; тело двигалось так, будто он родился в седле этой фантомной твари. Он обернулся, подмигнул — и понёсся к валькирийцам, лавируя между теми, что оставались на земле.

— Щёголь, — буркнула Хейвен, скрестив руки.

Алина едва её слышала.

— Что это? — прошептала она.

Хейвен приподняла бровь, а затем смягчилась — в глазах вспыхнуло понимание.

— Ты и правда не знаешь, — сказала она и, тихо вздохнув, пояснила: — Это называется тенью. У всех виверианских членов королевской семьи есть тени. Это существа, что ушли из жизни, но выбрали остаться, заключают с нами связь, пока и нам не придёт время уходить. Когда мы умираем, они ведут нас по дороге в подземный мир.

Мурашки пробежали у Алины по коже в ту же секунду, как Хейвен подняла руку — и браслет на её запястье ожил. То, что казалось украшением, зашевелилось и поползло: не змея из плоти, но из скользящих теней — сама квинтэссенция кошмара. Оно разглядывало Алину с пугающим любопытством — взгляд невесомый, как туман, и острый, как клинок.

— Значит… они мертвы? — выдавила Алина.

— И да, и нет, — просто ответила Хейвен, смотря на теневую змею с нежной благоговейной мягкостью — не как на зверя, а как на продолжение собственной души. — Их обычные тела давно исчезли, но в тени они продолжают быть.

Холод пробежал по спине Алины.

— А вивериане могут так…? — Она поискала слово. — Превращаться в теней?

Губы Хейвен изогнулись в полу улыбке:

— Нет. Никто не мог превращаться в тени. Лишь один виверианец — много столетий назад. Говорят, его тенью была виверна — такого больше не случалось. — Она пожала плечами. — Это сказки. Кто знает, правда ли.

— Но ты надеешься, — тихо заметила Алина, внимательно наблюдая. — Что однажды вивериане смогут превращаться в тени?

Хейвен не ответила. Она только посмотрела на брата, мчащегося по арене верхом на живой тьме. Алина последовала её взгляду. Картина была как со стены храма: будто небо раскрылось, и ангелы снизошли, а внизу, в тумане, притаился демон.

И всё же…

Как бы ни остры были его клыки, ни гнилы закрученные рога, каким бы разрушением ни дышало его тело, созданное для битвы, — она его не боялась.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 22

Между драконийцами и виверианами всегда было соперничество. Никто толком не знает почему, вероятно, и они сами тоже. Возможно, дело в зверях, которых они считают своими: драконы и виверны, на мой взгляд, почти одно и то же, только одни страшнее, крупнее, совершенно чёрные и с двумя задними лапами, а другие меньше, на четырёх ногах и всех мыслимых сияющих расцветок. Оба вида плюются огнём — и это лишь подстёгивает всех выяснить, кто дышит дальше. Я как-то сказала об этом Хэдриану, он демонстративно встал и ушёл, фыркая, будто я смертельно его оскорбила.

Табита Вистерия

Пришло время.

Боевые барабаны рассекали воздух, словно молоты, — глухие, раскатистые, ударявшие в рёбра Эша Ахерона так, будто хотели перековать его в нечто иное, несокрушимое.

Перед ним протянулся коридор огня: языки пламени лизали путь от того места, где он стоял, до самого сердца арены. Каждый дрожащий отблеск бросал на красноватый камень длинные, извивающиеся тени, освещая тропу, предназначенную только ему. Он шёл вперёд, шаг за шагом, в золотых доспехах из огненной стали — они сияли расплавленным солнцем, выкованы в вулканических кузницах его родной земли и освящены в Храме Огня. Лучший его доспех, благословлённый самим Богом Солнца — символ силы королевства и его собственной жертвы.

У бедра покоилась рукоять меча — знакомый вес якорем удерживал на месте, когда ожидание стягивало грудь. Он чувствовал лезвие, как будто оно само упиралось в него, шепча немой обет битвы.

Арена взорвалась оглушительными аплодисментами, рёв толпы накрыл его, как вал. Они приветствовали не Эша-человека. Они славили Эша-принца, который положит конец десятилетиям ненависти. Того, кто свяжет огонь с тьмой, кто ляжет на алтарь долга и принесёт в жертву собственные желания ради блага земель.

Он должен был бы гордиться. Должен был позволить их голосам вознести себя. Вместо этого он шарил взглядом по арене, золотые глаза искали ложи, тени. Где Мэл Блэкберн?

До Боя Чемпионов оставались считаные мгновения, и оба должны были выйти, назвать своих воинов, и дать сражению начаться. Но Мэл никого не выбрала — Эш знал, что так и будет. Она выйдет сама. Он приготовил разум, отточил клинок. Но как сражаться, если он её даже не видит?

Эш дошёл до конца огненного коридора и остановился. Повернулся, поклонился сперва отцу и двору, затем виверианам. Взгляд скользнул к Алине, сидевшей рядом с Хейвен; её карие глаза были устремлены только на него. Ему хотелось успокоить её, сказать, что бояться нечего. Это не битва насмерть — всего лишь игра, показ мастерства, зрелище для толпы. И всё же, в глубине души, он уже ни в чём не был уверен. Он видел, на что способна Мэл без оружия в руках. И что-то подсказывало — полной силы он ещё не видел.

Земля дрогнула.

Низкий, раскатистый рык прошёл по арене, сдвинув воздух.

А затем грянул рёв.

Такой древний и оглушительный, что будто разорвал небо.

На дальней стороне трибун раздались визги. Эш резко обернулся, грудь стянуло, а глаза расширились от зрелища.

С небес, растянув крылья, как боевые штандарты, спускалась Мэл Блэкберн на спине своей Виверны. Мощные конечности рассекали воздух; каждый взмах исполинских крыльев поднимал столбы пыли. Зверь опустился с силой, от которой содрогнулся весь Колизей, сел на верхний ярус, и начал спуск, заставляя знать и воинов в панике расступаться.

Мэл не дрогнула.

Она сидела в седле так, будто вылеплена из той же первозданной дикой стихии. Её фиолетовые глаза сверкали, опасные, оценивающие, хищные. И губы её изогнулись — не в усмешку, в нечто острее.

В оскал.

Виверна поползла к нему, огромная голова опустилась, дыхание обожгло Эша волнами нестерпимого жара. Другой бы отступил.

Эш не двинулся.

И тогда Мэл спрыгнула.

Касание босых ступней о песок, без единого шатания, будто сама земля смягчилась, принимая её. На ней не было брони. Никакой металл не прикрывал от чужого клинка — словно она знала: до неё меч не доберётся. А если доберётся? Похоже, она бы только приветствовала это.

Мэл Блэкберн шла к нему — бёдра покачивались медленно, нарочито, так, что воздух густел и становился тягучим. Как кошка, крадущаяся перед броском. Платье, едва слышный шёпот белого хлопка, почти ничего не скрывало. Открытый живот, голые ноги, ключицы, поцелованные последним золотом солнца.

Эш не позволил себе отвлечься.

Она потянулась к оружию. Виверианский клинок не такой, как у него: не широкий, не грубый драконийский меч. Её тонкий, невесомый, острый, как вздох. Кованый в синем огне, тронутый чем-то древним, смертельным.

Она не заговорила.

Не поклонилась.

Она была готова.

Эш вынул свой меч, поднёс к губам и выдохнул на сталь. Вдоль лезвия вспыхнул огонь, расплавленный, алчный. По трибунам пробежал ропот восторга. Мэл даже не моргнула.

Арена застыла в тишине.

Два силуэта стояли друг против друга — один лучился светом, другой был готов поглотить его тенью. Луч света и вихрь мрака.

Эш ухмыльнулся.

Мэл рванула вперёд.

Она двигалась быстрее молнии. Быстрее дыхания. Эш едва успел встретить удар, меч с мечом столкнулись с гулким треском, будто гром. Искры брызнули между ними, огонь лизнул сталь, тьма глотнула пламя.

Солнце клонилось. Небо из мягкого оранжевого вытекало в густую кровавую кромку, как рана поперёк небес. Если падёт ночь, если тьма укроет их полностью, как он сможет тягаться с тем, кто рожден из бездны?

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Мэл двигалась так, словно была соткана из теней, выточена лунным светом и дымом. Удар ещё, она была силой природы, бурей, обретшей форму. А Эш… Эш успевал, с трудом.

И вот она повалила его.

Эш рухнул в песок, удар прокатился по костям. Мэл нависла над ним — фиолетовые глаза сверкали, клыки блеснули в умирающих лучах. Дикое создание.

Прекрасное.

Резкая подсечка — и уже Мэл летит.

Рык ярости, вспышка стали, кинжалы метнулись, быстро и точно. Эш перекатился, ускользнув на вдох. В тот же миг он вскочил, меч поднят. Мэл уже двигалась — выдернула лезвия из песка, дыхание ровное, руки уверенные. Он увидел, как правая тянется к мечу.

Отвлечение.

Первой пошла левая. Кинжалы врезались в доспех с силой. От удара его отнесло назад, ботинки прочертили борозды в песке.

«Промазала», — подумал Эш.

Мэл улыбнулась.

Дико. Знающе.

И Эш понял.

Она промахнулась нарочно.

Виверна одобрительно взревела. Эш медленно выдохнул. Что ж. Он поднял меч, и пламя взвилось ярче, забегало по лезвию голодными волнами. Глаза Мэл сузились. Теперь она знала: он тоже сдерживался. Но больше нет.

Арена замолкла, пока гремел бой.

Танец огня и тени, крови, дыхания и рока.

И ни один не желал пасть первым.

Эш смотрел, как небо густеет: когда-то пылающие оттенки таяли в темноту, словно мокрая краска стекала по пустому полотну. Последние отблески алого угасли — ночь их проглотила. Фонари мерцали на трибунах, золотя лица жадных зрителей, но песок арены тонул в сумраке.

Горел лишь его меч.

Огонь на клинке пылал ровно, бросая по полу арены золотые и алые штрихи, выхватывая из воздуха пляшущую пыль.

Мэл достигла дальней стены, спиной ударилась о красный кирпич — слишком уж красиво, нарочито, — жест был поставлен и для него, и для чужих глаз. И эта улыбка.

Дикая. Знающая. Опасная.

Именно в этот миг Принц Огня понял главное — то, что должен был понять с самого начала. Он думал, что играет с ней, что прячет истинную силу, сдерживает умение из вежливости. Но всё это время играла она. Мэл Блэкберн ещё ни разу не билась с ним в полную силу. Она держала себя в узде. Вот он прижал её к стене, меч сверкнул между ними, а фиолетовые глаза лучились озорством —и её не стало.

Вздох. Дрожь воздуха. Шорох шёлка.

Холодок стали лёг на его горло. Тело натянулось, когда острие упёрлось под челюсть, не ранить, предупредить. И её дыхание — тёплое, дразнящее — скользнуло по шее, пустив дрожь по спине.

— Неплохо для огонька, — прошептала она с улыбкой в голосе.

— Мошенница, — пробормотал он.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Мэл не опустила клинок. Кончик меча оставался у его кожи — немой приказ оставаться смирным. Она обошла кругом, кружила, как хищница, смакуя миг перед броском.

Когда снова встала перед ним, улыбка стала ещё острее. Склоняя голову, она изучала его с притворным любопытством:

— И почему же я мошенница, принц?

Он не успел ответить — барабаны ударили, разрушив чары между ними. Арена взорвалась громом аплодисментов: толпа ревела, восторгаясь зрелищем, свидетелями которого они только что стали.

Мэл вздохнула. Огонёк в её глазах потускнел, словно реальность отняла у неё что-то важное. Тихо выдохнув, она опустила оружие и вложила его в ножны; выражение лица стало отстранённым. Бой закончился, вместе с ним ушла и та краткая, необузданная свобода, что она нашла в поединке. Теперь предстояло вернуться в душные залы придворных обязанностей, к пиру, танцам и шёпоту интриг.

Эш помедлил, затем протянул к ней руку.

— Пожмём?

Мэл моргнула, нахмурилась. Нос сморщился в явной неприязни; на вытянутую ладонь она смотрела, словно на чужую, непостижимую вещь.

И тут до неё дошло.

Медленно, как тянущаяся по воздуху струйка дыма, на лице расцвело удивление — Эшу почти захотелось рассмеяться.

Он слышал, что в Королевстве Тьмы жест в честь другого воина после боя — не простая формальность. Это священно. Знак высочайшего уважения, что не раздают направо и налево и не принимают легкомысленно.

— У нас это не так важно, — признался он, кивнув на свою ладонь.

Пауза.

Потом Мэл медленно вложила свои бледные пальцы в его.

Она не просто пожала руку, она изучила её. Их кисти, такие разные, резко контрастные: его — золотые и тёплые, её — прохладные, серебристые, как лунный свет. Она наклонила голову, будто ей и впрямь было любопытно, каково это — касаться его кожи и зачем вообще нужен этот обряд.

А потом — к его полному изумлению — рассмеялась. Тихо и искренне, словно всё пережитое показалось ей забавным. И в этот миг внутри Эша что-то сдвинулось.

Мэл Блэкберн была одной лишь остротой и тенью, смертельной силой, едва умещавшейся в человеческой оболочке, — и вот она хихикает над рукопожатием. Вдруг мысль о браке с ней перестала казаться столь ужасной. Но стоило этой мысли закрепиться, как Мэл пошевелилась.

Она протянула к нему руку — и Эш инстинктивно отступил, готовясь к новому приёму. Мэл закатила глаза и покачала головой. Не дав ему ни спросить, ни опомниться, она снова взяла его руку — на этот раз только указательный и средний пальцы — и приложила их к своему лбу. Затем, очень внимательно и неторопливо, повела его рукой от себя — к нему.

Эш стоял, не двигаясь, пока она зеркально повторяла жест своими пальцами.

Потом наклонила голову.

— Да ведут тебя тени, — сказала она негромко, но так, что в словах звенела значимость.

Арена стихла.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Над трибунами легла бездыханная тишина, пока Мэл Блэкберн, четвёртое дитя Королевства Тьмы, впервые воздала почести Принцу Огня.

…

Мэл плюхнулась в купель камнем, уходя всё глубже, пока кости не затрещали в протесте. Она велела налить ледяной воды. Проклятые драконийцы моются только в кипятке. Она держала голову под водой так долго, как могла, когда вынырнула, на пол полетели холодные брызги, а сама она хватала воздух ртом.

— Вы были восхитительны, Ваше Высочество, — пропела сладким, шелковым голосом Вера, спеша вытереть пол. — Никогда не видела, чтобы кто-то двигался так быстро. Двор сидел в чистом изумлении от вашего мастерства.

Мэл надула щёки и стала пускать пузыри, раскинув руки по краям золотой ванны. Вера подтащила табурет и принялась мыть принцессе голову.

— Должна спросить, Ваше Высочество, как вам удалось раствориться в воздухе? — Пальцы Веры так умело массировали кожу головы, что Мэл начала клевать носом. С поединка прошло всего несколько часов; все разошлись по покоям освежиться перед праздничным ужином.

— Я просто быстро двигаюсь.

— Ох, со стороны казалось, будто вы обратились в дым.

Фиолетовые глаза Мэл скосились на драконийскую служанку.

— Виверны не превращаются в дым.

Вера ненадолго умолкла, пока…

— Я слышала, что когда-то жил виверианский король, который мог обращаться в тени, — Мэл напряглась, не понимая, куда клонит разговор. — Говорят, у него была теневая Виверна.

Мэл повернула голову, чтобы как следует взглянуть на свою горничную.

— И где же ты слышала такую сказку?

Вера пожала плечами:

— Да так, слуги байки травят, чтобы скоротать время, Ваше Высочество.

Мэл следовало бы на этом остановиться — не совать нос в чужие дела. Но знание, что Вера выслушивает по замку всякое-разное, зудом будило желание выведать секреты Эша.

— Принц когда-нибудь был официально обручён? — небрежно спросила Мэл, пока горничная смывала пену.

— Не думаю, Ваше Высочество.

— Верно ведь, у него было множество… — Мэл поискала слово. — Поклонниц.

— О, да. Довольно много.

Мэл выбралась из купели, позволив Вере накинуть на неё красное полотенце. Вытираться она не дала — это всё ещё слишком личное. Некоторые их обычаи она была готова принять, но чужие руки на её теле — нет. Мытьё волос — максимум.

— А любил он когда-нибудь? — Мэл открыла шкаф и стала рассматривать платья, наклонив голову, будто куда более интересовалась нарядами, чем ответом.

Она усмехнулась, едва услышала нервный глоток служанки. Обернувшись с платьем в руках, приподняла бровь, ждала.

— Ну… я думаю… — Вера заёрзала пальцами. — Он… это было не…

— Какова она была?

Вера вздохнула, сдаваясь:

— Прелестная. Дочь одного дворянина.

— И что случилось?

— Поняли, что дальше идти нельзя. Он — Принц Огня, а её титулов недостаточно для брака. Так однажды она уехала. Слышала, она обручилась с другим — это разбило ему сердце.

Мэл внимательно наблюдала за служанкой. История была бы правдоподобной, не признайся принцесса Алина, что у девушки, в которую влюбился Эш, были фиолетовые глаза. Значит, как-то уж так вышло, что Принц Огня влюбился в ведьму. Разумеется, всё скрывали. Возможно, знали лишь он и сестра. По мнению Мэл, это выглядело наиболее вероятным.

Она снова всмотрелась в Веру. Объяснить это было трудно; возможно, сказывались её собственные излишняя наблюдательность и навязчивость. Но она подметила, как Вера становится чрезмерно робкой и суетливой, когда замечает на себе взгляд, а стоит ей подумать, что остается одна, как вся осанка меняется. Или как драконийские глаза служанки опасно заостряются, когда кто-то говорит нечто, с чем она явно не согласна. Ни одна другая горничная так не реагировала, те были совершенно покорны, будто пустые холсты без эмоций и выражения.

Чем Вера отличалась?

— А твоя семья, Вера? — Мэл сменила тему, делая вид, что ей наскучил разговор о принце. Она закончила вытираться и позволила служанке помочь с платьем и причёской. — Тоже служат при замке?

Вера покачала головой:

— Нет, они дома.

— Есть братья, сёстры?

Лицо Веры невольно озарилось улыбкой:

— Есть. Две сестры, Ваше Высочество. Вам не представить отчаяния моего отца.

Обе рассмеялись.

— Ты старшая? — искренне спросила Мэл.

— Я как раз младшая. Сестра Доун — старшая, она всеми нами помыкала — меня это до безумия раздражало, если уж начистоту, Ваше Высочество. Наверное, ближе мне была Аллегра — нас всего год разделяет.

Мэл смотрела на служанку в зеркале, и её улыбка становилась всё шире, жёстче, опасней.

Она слушала Веру, и улыбка не спадала. Не дрогнула даже тогда, когда служанка поняла, в глазах мелькнули краткий испуг и недоумение.

— Звучит чудесно, — произнесла Мэл, пропитав голос ядом.

Виверианская принцесса знала: теперь горничная ломает голову над этим взглядом и ухмылкой, — что она сказала такого, чтобы заслужить подобный отклик? Пока Мэл не станет говорить.

Её ждал ещё один танец и ещё один пир. К счастью, оставалось всего три дня до свадьбы. И, Мэл надеялась, больше никаких пиров и танцев ей терпеть не придётся.

Перед тем как выйти, Мэл повернулась к служанке:

— Очень надеюсь когда-нибудь познакомиться с твоими сёстрами.

Вера мило улыбнулась, но улыбка не коснулась глаз. Нет. Взгляд говорил о другом. Об угрозе.

— Это было бы замечательно, Ваше Высочество. Для них честь.

— Если скоро свяжешься с ними — передай привет от меня.

— Боюсь, давно с ними не говорила.

— Жаль.

Мэл оставила служанку приводить комнату в порядок. Она и раньше чуяла в ней что-то не то, но не могла уловить — пока Вера не проговорилась. Любопытно, что у Веры две сестры по имени Доун и Аллегра.

В точности как у двух ведьм, на которых наткнулась Мэл, сорвавшись с Никс над пустошами.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 23

Мне однажды пришлось ехать в Королевство Света по делам Совета. Кажется, Совет начинает подозревать эту землю с её небесами всех цветов, наполненными фениксами. Фениксийцы очень близки к драконийцам, почти как младший брат, который хочет тот же кусок пирога, что и старший. Я им тоже не доверяю. Не доверяю, потому что, если драконийцы что-то затеют, фениксийцы их поддержат. А потом, вероятно, воткнут нож в спину — у них странная дружба. Они постоянно поддевают друг друга, предают, и всё равно идут друг за другом в любой хаос, куда один из них вляпается.

Ничего не могу поделать, я слегка завидую их союзу.

Табита Вистерия

Вера быстро шла по полутёмному коридору, почти бесшумно поднимаясь по винтовой лестнице восточного крыла. Воздух был плотным, пахло тлеющими углями и натёртым деревом, словно сам вечер налёг на каменные стены.

Узкая служебная дверь наверху оставалась приоткрытой — обычное дело. Прислуга пользовалась этим ходом, чтобы в покои королевы не проникал лишний шум. Не рискуя скрипнуть петлями, Вера юркнула в щель, втискиваясь боком.

Внутри королева Сира стояла в центре покоев; зеркальная стена множила её отражение до бесконечности. Служанка аккуратно втыкала в золотые волосы алые бриллианты — камни должны были вторить множеству колец, обвивавших её пальцы. Пламя свечей цеплялось за каждую грань, и королева сияла, как выдыхающийся жар костра.

Вера скользнула взглядом к тумбе у кровати. Там валялись влажные полотенца — по краям уже задубевшие: следы головных болей, которые королева пыталась скрыть и не могла. По покоям были расставлены полупустые чашки с настоями — травники старались, варили снадобья, составляли рецепты. Боли это не трогало.

Сира обернулась и заметила Веру в тени. Лёгким движением кисти отпустила служанок, сама прошла к тяжёлому дубовому столу. Там её ждал бокал густого красного. Вино, в отличие от чаёв, королева не пропускала.

— Нам нужно поговорить.

Вера напряглась.

— До свадьбы три дня, — произнесла королева, медленно поворачивая бокал и пригубляя. — Как только он женится, Эш должен узнать, что он Избранный.

Холодный груз лег на дно Вериного живота.

— Ваше Величество, стоит подождать.

— Почему? — щёлкнула королева, как полено в огне.

— Избранному нужен особый кинжал, чтобы убить Проклятого. Без него проклятие не будет снято, пророчество не свершится, — Вера помялась, лишь потом продолжила: — Пока я не найду кинжал, сделать ничего нельзя.

Королева медленно выдохнула и взглянула в распахнутое окно — туда, где ночь распласталась за стенами.

— Чем дольше он будет женат на ней, тем сильнее я боюсь, что у него возникнут… чувства. И он не исполнит свой долг.

Опасение звучало разумно. Оно преследовало и Веру — ночами, без сна. Только её тревога отличалась от королевской: Вера знала, как устроено проклятие. Королева — при всей своей проницательности — нет.

Сира резко развернулась и скользнула к высокой книжной стене. Ряды томов, тёплые корешки, затёртые пальцами.

Мало кто знал о тихой одержимости королевы историей: как она глотала хроники всех королевств, читала до рассвета, впитывала знания, как другие выдержанное вино.

Однажды, разгорячённая лишним бокалом, она вполголоса пошутила, что должна была стать летописцем. Вера согласилась бы с радостью. Сира знала больше многих учёных; её собрание соперничало с Великой Библиотекой Пламени. И всё же, как драконийке, ей было запрещено переступать порог хранилища. Всё, чему она научилась, прошло через руки слуг, тайком переносящих книги в её покои — безмолвный вызов, о котором королева никогда не говорила вслух.

Сира вытянула с полки увесистый том — кожа потёрта, золото тёплое, как всё, что выходило из скрипториев Королевства Огня. Положила на стол. Отступила на шаг, приподняв бокал. Наблюдала за Верой.

— Мне удалось найти сведения о том, где может быть кинжал, — сказала она ровно, но в голосе дрогнуло что-то внимательное.

Вера подошла быстро, провела пальцами по обложке. Переплёт был чужой. Пахло старой бумагой, но не огненной школы.

Сердце дернулось.

Королева уловила мимолётное узнавание.

— Он из Королевства Света.

Вера застыла.

Королевство Света.

С самого начала два королевства — Огонь и Свет — были ближе всех, словно брат и сестра, связанные общим богом. Они пережили Великую войну вместе, на той стороне вылезли теми же: стоящими и связанными, когда прочие земли осыпались в хаос.

Оба поклонялись Солнечному Богу. Оба ставили свою силу превыше прочего. Связь не треснула и теперь; народы — переплетены.

Драконийцы говорили на общем, но каждый из них учил фениксийский — язык Королевства Света. Язык сияния и гордости.

Вера его не знала. Её не растили в стенах Огня; её не учили языку ближайшего союзника. И если королева поймёт, что на этих страницах для Веры — ни строчки…

Она поймёт, что что-то не так.

— Ну? — глаза Сиры сузились.

— Эм… — Вера отступила, качнула головой. — Не думаю, что это поможет, Ваше величество.

— Почему?

Думай, дай ей крошку, за которую она зацепится на время.

— Кинжал принадлежал Табите — это она наложила проклятие на королевства. Снять его сможет только это оружие, никакое другое, — горло стянулось. — Кинжал должен быть в Королевстве Магии.

Сира кивнула, проводя языком по зубам.

— В той земле — одни руины, — добавила Вера. — Но, быть может, он спрятан в ведьмином замке.

Нет. Ведьмы перерыли каждый угол своего края — забытые гробницы, развалины, места, куда страшно ступать. И всё равно не нашли. Вера ловко увела внимание Сиры к своей родине, понимая: в пустоши никто не сунется. Если королева поверит, что кинжал лежит среди обломков страны, давно ставшей пылью, пусть. Сделать она ничего не сможет. А Вере это давало главное — время.

Неожиданным было другое: королева указала на неё пальцем.

— В пустоши должен отправиться кто-то и найти кинжал. Этим займёшься ты.

— Я? — Вера взвизгнула.

— Ты — горничная, тебя никто не хватится. Поспеши, — королева отмахнулась и потерла виски — подступала боль.

— Но я — горничная принцессы, Ваше Величество, — мягко напомнила Вера, чтобы не раздражать монархиню. — Она заметит моё отсутствие.

Лицо Сиры натянулось.

— Скажем принцессе, что ты заболела. Я выделю другую служанку. Не тебе думать о подобных мелочах. Твой долг — передо мной, а не перед виверианской принцессой. Ступай. Время не ждёт.

Кивнув, Вера скользнула в служебную дверь — тем же отработанным, бесшумным движением.

Как-то незаметно Вера завязла в паутине собственного плетения. Годы она совершенствовала облик — тревожной, незаметной служанки; столь плотная ткань гламура, что никто не сомневался в её месте. А теперь — всё придётся распороть. Снять роль, перестроить лицо, сменить манеру.

Виверианской принцессе понадобится новая горничная. Ею станет Вера.

Она резко выдохнула, раздражение поднялось, когда ступни снова и снова ударялись о холодный камень винтовой лестницы.

Ведьмы не знали, где чёртов кинжал. Но знали наверняка одно — не в пустошах. Этого было достаточно, чтобы у Веры скрипели зубы. Терпение на исходе.

И когда проклятие, наконец, треснет, когда ведьмы вырвутся из тени и возьмут обратно силу, украденную у них…

Вера перережет горло Огненной королеве за то, что тратила её время.

…

Три дня.

Через три дня Мэл Блэкберн свяжут с Эшем Ахероном — узы, клятвы, которых она не желала. Вес этого сидел в животе, стягивал тугим жгутом. Пожалуй, она ожидала худшего. Мужчина, за которого её принуждали идти, не оказался тем безжалостным чудовищем, каким его рисовали шёпоты. Но это не значит, что она его знала. Он всё ещё чужой.

Эш молчал. Всегда на грани. Он не искал её, не пытался навести мост. Держался на тренировочных дворах: днём — сталь и пот, ночью — глухие разговоры с людьми.

БойЧемпионов показал, на что он способен. Он воин, достойный любой арены. Но возбуждение, вспышка адреналина, раскалившая ей кровь, уже выгорела, оставив что-то пустое. Так и будет их брак? Вся близость — в клинке; весь разговор — в звоне стали? Он вообще заговорит с ней за пределами долга? Увидит ли её — по-настоящему?

Мэл подождала, но место рядом пустовало. Эш сидел через весь зал. Она дала ему время, чтобы он прошёл этот путь, подошёл, начал хоть что-то, пока на них не опустят

ярмо брака. Он не пришёл. Шептался лишь с сестрой или с вечным тенью-стражем у плеча.

Пожалуй, так даже лучше. Чем меньше узнаешь — тем легче сделать то, что должно.

Только почему её так злит, что он её игнорирует?

Голос вывел из мыслей:

— Кажется, мы ещё не знакомы.

Мэл подняла взгляд, подбородок всё ещё лежал на ладони — для принцессы поза нелепая, но ей было всё равно. Перед ней стоял принц из Королевства Света.

— Боюсь вас разочаровать, мы уже встречались.

Захиан Нур улыбнулся — весёлые искры, как угли. Он был красив — не драконийской мощью и не виверианской дикостью, а своей… странностью. У него не было рогов. Принц без рогов — мысль забавляла. Чёрные волосы густые, с лёгкой волной; кожа тёплого, солнечного тона. Но главное - глаза. Фениксийцам славы хватало: их глаза были красными, как перо феникса.

— Формально, да, принцесса, — сказал он с заметным акцентом, поднёс её руку к губам. — Но это не считается.

На нём были белые одежды, отороченные золотом — легкий хлопок Дома Солнца. Фениксийцы и драконийцы всегда шли рядом — поклонники одного бога; два королевства, выстроенные на жаре и огне.

Говорили, Королевство Света — рай: небо, исчерченное фениксовыми крыльями; улицы в пальмах и храмах; специи и ладан обвивают город, как любовник.

— У вас действительно есть фениксы размером с лошадей? — спросила она; любопытство прорвало узду. Может, он привёз одного?

— И крупнее, — с гордостью кивнул Захиан. — Мы летаем на них.

Глаза Мэл расширились.

Захиан, не раздумывая, одним движением перемахнул через стол и опустился рядом — слишком близко.

— Разве это может удивить виверианскую принцессу, — поддел он, — когда вы ездите на тварях крупнее драконов?

Мэл улыбнулась.

— Верно. Но феникс — звучит иначе. Их перья и правда искрят?

— Да.

— А огонь у них бывает только перед смертью?

— Нет, нет, — он рассмеялся, качая головой. — Это сказки. Наши могут звать пламя, когда захотят. Обычно в бою. Но когда им приходит срок, они становятся пеплом… и рождаются снова.

По залу полоснул скрежет — ножом по стеклу.

Стул. Резко отодвинули.

Мэл повернула голову, успела увидеть, как Эш тащит свой стул через весь зал. Поставил напротив её стола, сел и уставился.

Захиан не шелохнулся. Облокотился широко расставил ноги; красные глаза сверкнули проказой.

— Что-то не так? — спросила Мэл.

Эш качнул головой.

Захиан усмехнулся, снова повернулся к Мэл — наклонился так близко, что его губы почти касались её.

— Кажется, принц хотел бы узнать о моём королевстве, — прошептал он. Взгляд Мэл сам сорвался на его губы — ошибка. Воздух сгустился. Жар стал тяжёлым, обхватил горло.

Она повернулась к Эшу.

Золотые глаза горели не огнём, а чем-то очень похожим на злость.

Мэл медленно выдохнула, откинулась на спинку — оставила между собой и фениксийцем тонкую полосу воздуха. Жар отпустил; плечи Эша расслабились совсем чуть-чуть.

Захиан, не смутившись, коснулся её руки.

— Вы хотите танцевать?

— Нет, — рявкнул Эш.

Оба поднялись. Между ними только стол.

Напряжение стало живым.

И тут появился Кай.

Мэл лишь успела вздохнуть, как её бедовый брат окинул сцену взглядом, шумно втянул воздух и сморщился.

— Пахнет тестостероном, — оскалился он. — Мэл, пойдём-ка потанцуем с любимым братиком. — И протянул руку.

Мэл не мешкала. Приняла. Ускользнула от двух принцев, напоследок бросила взгляд через плечо.

— Что не так с Принцем Огня? — проворчала она уже на танцполе.

Кай фыркнул:

— Объясняю, сестра. Мужчины не любят, когда другой самец обнюхивает то, что они считают своим.

Мэл со всего размаха наступила ему на ногу.

— Я не его.

Кай поморщился.

— Рад слышать, что ты не упала в обморок от его золотых кудрей. — Он приподнял бровь. — Или всё-таки?

Мэл вскинула подбородок.

— Я не западаю так легко, брат.

Этот банкетный зал отличался от прежних. Небольшой, камерный; стены оплетены лозой, усыпанной мягкими огоньками. С одной стороны — арки в сад; оттуда тянуло ночным воздухом и далёким шумом прибоя.

Мэл повернулась и вновь поймала взгляд Эша.

Он смотрел.

Без выражения. Как всегда словно камень.

А глаза… эти тёплые, огненные глаза…

В них было что-то. Имени ей не находилось.

— Здесь красиво, правда? — произнесла она, возвращаясь к Каю.

Он нахмурился:

— Красиво, — согласился и притянул её ближе; голос стал ниже: — Но помни… не всё золото, что блестит.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 24

Сегодня Хэдриан впервые заставил меня сесть на спину его Виверна.

Теперь я понимаю.

Табита Вистерия

Спать было невозможно.

Эш Ахерон ворочался и смотрел в балдахин, но тишина не стирала картинку, выжженную в голове.

Мэл Блэкберн танцует.

Она двигалась, когда почти все разошлись, одна, в угасающем свете факелов; тело — сплошная плавная линия. Так, как двигались её бёдра, — так не должно.

Он сидел и смотрел. Загипнотизированный. Разломанный.

Хаган что-то говорил рядом, пытался держать разговор, но Эш слышал только бесшумный ритм, под который она плыла. Её тело говорило языком без слов, одними завораживающими движениями.

А потом она посмотрела на него с другого конца зала, одна, потому что брат оставил её ради какой-то драконийской служанки. Фиолетовые глаза зацепили его и она станцевала для него. Сначала медленно, лениво, дразня; потом руки пошли ниже, гладя линию бёдер, поднимаясь обратно, приподнимая прозрачный, и без того слишком тонкий, слишком опасный кусок ткани.

Эш забыл, как дышать.

Она дразнила. А он позволял.

Её пальцы скользнули по обнажённому животу. Выше. Ещё выше…

Эш сбросил простыни и вышел на балкон босиком, с голым торсом. Холодный ветер кусал разгорячённую кожу. Ночью сна не будет. До свадьбы считанные дни, и мысль о том, что его свяжут с чужой принцессой, которую он едва знает, шевелила во рту горечь.

Но после Боя Чемпионов, после того, как он на коже почувствовал её силу, чистый азарт, когда напротив стоял кто-то необузданный…

И после этого вечера, когда Захиан Нур коснулся её руки.

Той самой руки, которой она потом провела по себе, танцуя.

Эш сжал зубы. Мысль, за которую стыдно и от которой не отвязаться: самому коснуться. Утонуть пальцами в диком сплетении её чёрных волос, притянуть, попробовать на вкус, разобрать по дюйму, съесть. Как она будет чувствоваться под ним? Какая на вкус её кожа?

Он закрыл глаза. Картинка: она на его шёлковых простынях, платье разорвано, его губы идут по каждому миллиметр… становилось слишком.

Зарычав, Эш резко развернулся и спустился по каменной лестнице с балкона к укрытому пляжу. Нужна вода. Утопить голод, скребущий изнутри.

Раздевшись, он вошёл в чёрное море. Холод вонзился в жар. Вода была тихой, и только луна серебрила мягкую рябь. Он отплыл дальше, оглянулся на замок — тёмный силуэт в ночи.

Это его дом.

Всё, что он знал; единственный мир, к которому принадлежал. А теперь станет её. Чужая ли она здесь? Тянет ли домой? Хотелось спросить. Услышать, как это — когда

весь твой мир переписывают заново. Но страх запнуться, не найти слов держал подальше.

Тишину разрезал звук.

Эш резко повернулся, вглядываясь в темноту.

Там… недалеко.

Дыхание сорвалось.

Мэл Блэкберн лежала на спине, раскинув руки. Совсем голая. В лунном свете.

Эш чуть не захлебнулся. Он отвернулся, прочистил горло — предупреждение. Её визг подтвердил: услышала.

— Что ты здесь делаешь? — прошипела она.

Он снова нахмурился на тьму.

— Плаваю.

Она закатила глаза:

— Из всех ночей… Ты тоже голый?

— Ты тоже.

Мэл скорчила рожицу:

— И откуда бы тебе это знать?

И — та улыбка.

Колкая, знающая, как нож. Сердце ударило быстрее. Тело застыло, пока она медленно шла к нему, рассекала воду — неторопливо, намеренно. На миг всё, что он видел, — её танец.

Контроль дрогнул.

Взгляд соскользнула… всего на секунду.

Она окатила его брызгами.

— Тогда вон, — сказала.

— Почему я?

— Я была первая.

— Это мой дом.

Мэл склонила голову, приподняла бровь:

— Ах да? Напомнить, что через несколько дней мы поженимся, и это официально станет и моим домом?

Эш усмехнулся низко. Она застыла.

— Пока нет, — прошептал, дразня. Кивнул на берег.

Она плеснула ещё.

Он заслужил. Но богам клянусь, оно того стоило. Потому что он смотрел, как она уплывает, луна целует её спину, вода скользит по коже. Она оглянулась и, если бы взгляд убивал, Эш лежал бы на дне.

Мэл вышла из моря медленно, нарочно медленно. Тело в лунном свете, капли стекали, как жидкое серебро.

Эш простонал. Вслух.

Плохо продумал. Нельзя было отпускать её первой. Теперь, теперь она наклонялась за этим чёртовым платьем: прозрачной тряпкой, которая ничего не прикрывала.

Он стиснул челюсть и резко отвернулся, затягивая себя в узду. Но в голове билась одна мысль: схватить. Прижать к песку. Кожа под ним. Губы — на каждом дюйме. Жадно. Пробовать.

Узда лопнула.

Не думая, не колеблясь, он повернулся к берегу. Готовый взять своё. И…

Пляж пуст.

Мэл Блэкберн исчезла.

Эш резко выдохнул и провёл ладонью по лицу. Сегодня он не спал. Ни секунды.

…

Алина проспала слишком долго и всё равно не отоспалась. Голова ныла тупо и вязко — последствие вина на банкете. Утро разлилось через занавеси — золотое, беспощадное; остатки вчерашнего всё ещё жили в памяти. Она прижала пальцы к вискам, медленно растирая кругами — пустая привычка.

Вчера она ловила Хаганов взгляд через зал: как он незаметно закатывал глаза каждый раз, когда она тянулась к бокалу, когда мёд стекал вниз по горлу.

Ей так и хотелось плеснуть этой дрянью ему в лицо.

Какое ему дело, сколько она пьёт? Не всем дано сидеть в углах, ворчать в темноте и прижимать «долг» к груди как святыню.

Со вздохом она от толкнулась от постели, отдала себя в руки горничных — холодные ловкие пальцы затягивали шнуровку. В воздухе пахло тёплым хлебом и фруктами: завтрак уже подали.

Сорвав кисть винограда с золотого подноса — прохладная кожица успокоила обожжённые губы — Алина босиком вышла на балкон.

Снаружи утренний воздух был свежий; лёгкий ветер обвил плечи, тронул золотые пряди у виска. Она облокотилась на каменный парапет, глядя на горизонт: дальние горы торчали, как зубы, на фоне мягкой синевы моря.

Вчера Кай Блэкберн сорвался в ночь — наверняка за какой-нибудь бедной служанкой. Алину это не заботило. Он — не её проблема. Хочет переспать со служанкой — да хоть со всеми сразу. Почему её должно волновать, чем мужчины забивают себе время? Они всегда делали, что хотели. Всегда.

Она поддёрнула ещё одну ягоду, дождалась сладкого всплеска и дала ему раствориться на языке, прежде чем проглотить.

Хлопнули двери.

Она обернулась — как раз в тот момент, когда вошёл Эш. Тени под глазами — глубокие, тёмные впадины; лицо стало жёстче. Он не спал. Совсем.

Алина чуть приподняла брови, разглядывая его; в уголке губ дрогнула знающая усмешка. Неужели и он — за служанкой?

Нет. Вряд ли.

Вкусы у Эша лучше.

Он сел к столу и вцепился зубами в виноградину.

— Ты не спал? — легко спросила Алина, переходя через покои и наливая в хрусталь свежий сок. Пахло апельсином. Поставила кубок перед братом; он пил медленно, осознанно, избегая её взгляда. — Ты ужасно выглядишь, братец.

Эш промолчал, потянулся к блюду и молча наложил себе всего подряд.

Алина посмотрела на него ещё немного и пожала плечом, решив не копать. Сама же уложила на тарелку яйца, поджаренный хлеб, крошечные пирожные. Её больше не интересовали материнские нотации о мере; если свадебное платье будет тесным, ну и чёрт с ним.

— Не верится, что осталось два дня до свадьбы, — пробормотала она, разрезая тост. — Дел — тьма. У матери, наверное, истерика. Удивляюсь, что она ещё не послала служанку тащить меня из постели.

Эш что-то буркнул с полным ртом.

Алина поморщилась:

— Сначала проглоти, Эш. Когда-нибудь подавишься. — Сморщила нос. — Почему все мужчины едят как звери? Ради всех богов, пользуйся вилкой.

Из него вырвался смешок; он схватил ломоть и швырнул в неё.

Кусок угодил прямо в лицо.

Алина ахнула, возмущённая:

— Эш! Ты вообще-то будущий король! Короли не кидаются едой!

Брат только сильнее расхохотался, золотые глаза вспыхнули озорством. Этого было мало, он метнул в неё горсть винограда и ломтик груши.

Алина едва успела увернуться и уже отвечала: маленький тарт полетел в него. Оба хохотали, как дети, пока массивные двери не распахнулись с гулким ударом.

Алина мгновенно выпрямилась, пригладила юбки; смех осел на губах.

Вошёл Хаган в алом мундире Алой гвардии, выпрямленный до струны, руки за спиной. Двигался точный солдат, и ничего от прежнего тепла. Алина нахмурилась.

Были утра, когда они втроём завтракали, шептались над украденными булочками. Теперь он входил не как друг детства, а как военный; долг стирал прежнюю близость.

Он наклонился и что-то прошептал Эшу.

Брови Алины сдвинулись, когда брат сразу поднялся.

— Что случилось?

Эш вздохнул:

— Мать зовет меня.

Алина положила салфетку, уже поднимаясь:

— Пожалуй, велю подать что-нибудь приличное… — Но не успела встать, голос Хагана рассёк воздух, гладкий, как вытянутая из ножен сталь:

— Не вас, принцесса.

Алина повернулась, скрестила руки на груди:

— Что?

— Королева просит лишь принца.

Губы Алины разошлись — неверие:

— Почему?

Лицо Хагана осталось каменным:

— Свадебные приготовления, которые она желает обсудить с ним.

Эш коротко кивнул и стремительно вышел; дверь закрылась с ощущением окончательной точки. Алина резко выдохнула и опустилась обратно в кресло, раздражение шло по коже горячей плёнкой. Разве она не часть этой свадьбы? Уж наверняка есть решения, где без неё нельзя — планы, приготовления, вопросы, касающиеся не только жениха с невестой. А её оставляют здесь, как забытый довесок.

Фыркнув, она потянулась к ломтику груши, вгрызлась в мягкую мякоть — сок брызнул на язык. Жуя рассеянно, она уставилась на море под балконом: вода сверкала в утреннем свете, гладкая, ровная.

— Почему ты ещё здесь? — голос Алины был прохладен, отстранён; она глядела на неподвижную гладь и не поворачивалась к мужчине за спиной.

— Я хотел поговорить с тобой.

— Тогда говори. — Она снова поднесла грушу к губам; прохладный сок коснулся языка. Взгляд не отрывался от тихой ряби на воде. Солнце делало её золотой, но покой был хрупким — трещал от одного присутствия за спиной.

Этот голос. Прежняя глубина тембра могла превратить её в прах одним шёпотом. Теперь — скрежет по камню.

— Тебе стоит быть осторожнее с виверианским принцем, — Хаган говорил ровно, но под словами шевелилось тёмное. — То, что я увидел на днях, — мерзость. Он потащил тебя в воду. Раз сумел заставить сделать это, что ещё он сможет заставить тебя принцесса?

Алина резко повернулась; злость вспыхнула под рёбрами, как огонь по сухой бумаге.

— Как ты смеешь намекать на такую грязь.

Лицо Хагана было непроницаемо, стойка — неколебима.

— Ты была с ним в воде голой.

— Я не была голой! — Почти голой. — И была я голой или нет — не твоё дело. Ты — никто, Хаган. Никто, чтобы диктовать мне, что делать.

В тёмных глазах мелькнуло что-то опасное, почти жестокое. Миг — и исчезло, оставив осадок тревоги.

Он шагнул ближе; воздух между ними натянулся, как струна.

— Он хочет тебя, Алина. Я вижу, как он на тебя смотрит. Он хочет затащить тебя в постель. — Его дыхание обжигало кожу; слова были липкими от яда. — А когда получит — выбросит, как остальных. Но он никогда не женится на тебе.

Злость Алины хрустнула в костях белым жаром.

— Что ж, — прошипела она, ткнув пальцем ему в грудь, — значит, вас двое. Ни один из вас на мне не женится.

Рука ударила навстречу — железо сомкнулось на её запястье. Захват резанул болью; в хватке слышалась отчаянность.

— Я хотел жениться на тебе, Алина, — голос стал тише, сиплее. — Я всё ещё хочу.

Она дёрнулась; хватка только сжалась.

— Ты причиняешь мне боль. Отпусти.

Сзади раздался кашель — спокойный, сухой — и ударная волна прошла по комнате. Хаган отпрянул, как обожжённый, соскользнул в сторону.

Алина застыла.

Запястье пульсировало, кожа горела от его ядовитых пальцев. Медленно подняла взгляд.

Кай Блэкберн лениво облокотился о косяк двери, тёмный, непроницаемый; смотрел на них. Но под взглядом шевелилось другое — что-то хищное.

Хищник, взявший след.

Он не заговорил.

И не нужно было.

Чёрные глаза скользнули с Алины на Хагана, вонзились в офицера Алой гвардии, как клинок в мякоть.

Кай двинулся. Неторопливый, плавный шаг по полированному камню. Остановился в считанных дюймах, так близко, что дыхание должно было касаться кожи Хагана.

Губы Кая изогнулись; белые острые клыки сверкнули.

Предупреждение.

Обещание.

— Если ты ещё раз дотронешься до неё, гвардеец, — голос был едва слышным, но рассёк воздух, как лезвие, — я не спеша отрежу тебе каждый палец. По одному. —

Шёлк, натянутый на сталь. — Потом перейду к остальным конечностям. И когда закончу, когда ты станешь кровавой, сломанной кучей, — скормлю остатки моей Виверне.

Хаган вдохнул коротко, но не двинулся.

Кай чуть склонил голову; шёпот стал ещё мягче, почти нежный:

— Плевать, как хорошо дрессирована ваша Алая гвардия. Я — демон, рождённый из тьмы. Зверь, вырезанный из теней. Коснёшься её ещё раз — и я покажу тебе, как выглядит загробный мир.

Он развернулся. Не глядя назад, протянул Алине руку. Молчаливое предложение. Но не приказ.

Она колебалась только миг — и вложила золотые пальцы в его бледную, ожидающую ладонь.

Прикосновение Кая было уверенным, крепким, спокойным: он увёл её из покоев — подальше от мужчины, который когда-то держал её сердце, а потом разбил его в осколки.

— Спасибо, — прошептала Алина, когда они спускались по парадной лестнице; воздух был густ от запаха красных роз, вившихся по позолоченным перилам.

— Не позволяй ему говорить с тобой так. И прикасаться, — а голосе Кая звенела сталь; остатки ярости кипели под кожей.

— Я знаю… Всё сложно. — Она замялась у подножия ступеней — вдруг пустая. Замок кипел в последнем угаре предсвадебных хлопот: слуги носились по коридорам с охапками шёлков и золотыми штандартами, шептались о цветах и рассадке. И ни одному из них она была не нужна.

— Он причинил тебе боль? — Кай спросил тише и стал только опаснее.

— Нет. Я в порядке. Честно. — Ложь. Правда — в том, как она машинально поглаживала запястье, будто стирая память чужих, не имеющих права пальцев.

Взгляд Кая упал на движение; челюсть натянулась, как отточенный клинок.

— Чем займёмся утром?

— Что? — Алина моргнула.

Хищная улыбка Кая блеснула, как грань кинжала.

— Сегодня я тебя не отпущу, принцесса. Не после того, что увидел в той комнате. Так что подумай, что нам сделать вместе.

Грудь Алины сжалась.

— Тебе не нужно нянчиться со мной. Ничего больше не случится, обещаю.

Кай наклонился ближе — достаточно, чтобы она почувствовала от него тепло. Голос стал опасно мягким:

— Скажу так, принцесса: если я не останусь с тобой и сам не удостоверюсь, что ты в безопасности, я пойду за ним. И к вечеру в этом замке будет на одного гвардейца меньше.

Алина судорожно сглотнула. Горло стало сухим, как песок.

Образ вспыхнул в голове — место, куда не доходил вес долга, ожидания, память, режущая, как битое стекло. Не думая, она схватила его за руку — холодную, как ветер перед бурей — и потянула вперёд.

— Тогда пойдём. Я хочу показать тебе одно место.

Она зашагала по залам — быстро; огонь в факелах вытягивал их тени по камню. Кай шёл следом — молчаливый, внимательный; бровь чуточку приподнята — любопытство.

Едва они вышли к дверям замка, Алина задрала подбородок к небу и указала.

— Туда. Мы отправимся туда.

Взгляд Кая пошёл по её пальцу — тёмные глаза чуть расширились: вдалеке громоздились утёсы, вершины рвали небо, как зубы древнего зверя.

— Ты хочешь туда подняться? — Смех прошелестел низко, густо, опьяняюще. Обвился вокруг Алины шёлком, оставив под рёбрами незнакомое тёплое.

Ей захотелось услышать его ещё. Найти то, что заставит его смеяться так снова.

Кай стал за её спиной — близко, но не касаясь.

И всё же…

Его дыхание скользнуло по уху, и каждая волосинка на её теле встала дыбом, будто искрой ударило.

— И как же мы туда попадём, принцесса?

Губы Алины дёрнулись.

— Полетим.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 25

Иногда я думаю, действительно ли принцесса Этни любит принца Сорина или она выбрала его как способ бегства. В её земле женщина никогда не будет свободной — от неё ждут лишь рождения наследников мужского пола. Я видела, как Сорин смотрит на неё — благоговейно, будто ему подарили собственное солнце, и он не до конца уверен, достоин ли. Но принцесса Этни порой смотрит в даль так, словно единственное её желание — исчезнуть. Наверное, она всё-таки любит его — иначе не согласилась бы на брак.

Табита Вистерия

Виверна Кая явился, как привидение с небес, разрезав облака тенью, не привязанной к земле. Ее рёв расколол тишину — глубокий, катящийся, как надвигающаяся буря, — и воздух дрогнул, откликнувшись на зов хозяина.

А рядом с ним недвижимо стояла Алина Ахерон, и в её карих глазах было то, чего он никогда прежде не видел, — изумление.

Они поднялись по голому холму по его настоянию и остановились, когда в небе прокатился крик Виверны. Теперь оба смотрели, как эта величественная тварь — созданная из почерневшей стали и полуночного шторма — снижается к ним. Чешуя блеснула обсидианом, а крылья — широкие, лезвийные, как у летучей мыши, — распахнулись на весь размах в стремительном пикировании. Удар приземления взметнул пыль. Земля содрогнулась. Кай перехватил Алину за локоть, удерживая, чтобы её не бросило назад.

— Ниша, будь умницей, — сказал он с весёлой ленцой. Алина дёрнула взглядом к нему, потом обратно к Виверне и нахмурилась.

— Ниша? — переспросила она, с недоверием на языке. Скосила голову, рассматривая зверя пристальнее. — Она — самка?

Улыбка Кая заострилась.

— Разве не видно по характеру?

Глаза Алины сузились.

Кай рассудительно воздержался от очевидной ремарки, как страшно сейчас эта схожесть бросалась в глаза.

— Шучу, принцесса. — Она выглядела неубедившейся. Кай протянул ладонь: — Дай руку.

Алина сморщила брови.

— Зачем?

— Просто поверь мне.

На лице скользнула тень сомнения, и Кай знал — она не из тех, кто легко доверяет, а то и вовсе не доверяет. После того, что он увидел между ней и тем болваном из Алой гвардии, это было понятно. Он мало знал об Алине Ахерон, но её острые грани имели причины. Она не мягкая. Не хрупкая.

Она укреплена.

И всё же — вложила руку в его.

На долю сердца у вивернийца споткнулся ритм. Её золотые пальцы, такие тёплые в его бледной, прохладной ладони, едва заметно дрожали, но она не отдёрнула их.

Ниша фыркнула, обнюхала принцессу с ленивым любопытством; из ноздрей вышла струйка дыма, словно новая знакомая её не слишком впечатлила.

— Ты ей нравишься, — прошептал Кай.

Губы Алины сомкнулись в скептическую линию.

— Совсем не выглядит довольной.

— Это просто Ниша. Она любит быть ворчуньей. — Кай обошёл к боку Виверны и кивком позвал Алину. Та не двинулась. Глаза опасно прищурились.

— О нет. Даже не думай, принц. Я не сяду на Виверну. План был — лететь на драконе. — Осознание ударило быстро; лезвие взгляда впилось ему в грудь. — Ты выманил меня на прогулку. Знал, что твоя Виверна прилетит на зов.

Ухмылка Кая стала волчьей.

— И чем тебе плоха Виверна, принцесса?

Взгляд Алины зажёгся расплавленным золотом.

— Тем, что мне даже на драконе ездить не дозволено. Представь, если я сяду на Виверну!

Кай рассмеялся — густо, бесстыдно.

— Зато станешь первой драконийкой, что это сделала. Представляешь?

И боги, как же он хотел это увидеть.

Алина Ахерон верхом на его Виверне, рассекающая небо — дикая, несдержанная. Он хотел сидеть позади, чувствовать, как её золотые волосы хлещут по лицу, слышать её смех.

И она засмеётся — он знал.

Потому что под корсетом её льда был огонь.

И Кай хотел выпустить его.

Алина вздохнула, сдаваясь:

— Подсаживай. — Кай не медлил. Он помог ей взобраться, проследил, чтобы хват был надёжный, и сам вскочил сзади. Как только обхватил её за талию, она застыла.

— Мне не за что держаться, принцесса. — Её тело напряглось. Но прежде, чем она ответила, Ниша двинулась.

Виверна сменила опору, распахнула огромные крылья; в ледяных глазах мелькнуло озорство.

— Твоя тварь издевается над нами? — спросила Алина с обвинением в голосе.

Кай криво усмехнулся. Ответить он не успел — Ниша рванула вперёд, крылья разрезали воздух. Принцесса закричала, но не от страха. Кай чувствовал, слышал по звуку, как в этом крике звенит смех.

Смех.

И что-то потянуло в его груди.

— Она может быстрее? — голос Алины был захлёбывающимся восторгом. Она откинулась, запрокинула голову к нему на плечо, прижалась спиной, и Кай застыл. Запах её духов клубился тёплой, пьянящей волной.

Взгляд упал — к шее, к мягкой, золотой коже. Он хотел… боги, как он хотел вонзить зубы в её горло, попробовать её жар. Его губы оказались слишком близко к её.

— Конечно, принцесса, — протянул он, дразня. Он ощутил, как у него под ладонями напряглась грудь, как сорвался вздох и румянец поднялся к скулам. — Citius, Nisha!

Виверна послушалась — нырнула в облака, быстрее, ещё быстрее, пока замок не обратился в точку внизу. Земля широко раскрылась под ними — леса, деревни, зубчатый хребет — всё мельчало.

Алина показала направление, и Кай повёл. Они пошли на снижение; ветер визжал в ушах, пока Ниша не ударилась лапами о землю в милях от жерла вулкана. Кай спрыгнул первым.

— Relinquo, Nisha.

Виверна загудела, встряхнула пыль с крыльев.

— И как мне слезать? — Алина всё ещё сидела в седле, руки на груди. Кай раскинул руки.

— Прыгай. Я поймаю тебя, принцесса.

Она колебалась:

— А если промахнёшься?

Улыбка Кая смягчилось, совсем немного.

— Я никогда не промахнусь. Обещаю.

Она прыгнула.

Крик. Рывок. И вот — она у него на руках. Кай держал, не двигаясь.

Её пылающие щёки.

Её губы — сочные, розовые, чуть приоткрытые.

Взгляд опустился. Обожжёт ли его её поцелуй? Она была тёплой, слишком тёплой. Солнце и огонь, золото, к которому нельзя прикасаться. Каково прижать к ней губы? Проверить, что сильнее — её жар или его холод?

Алина кашлянула, и Кай моргнул, очнулся, отпустил слишком резко.

— Relinquo, Nisha.

Виверна взмыла в небо.

Кай глянул вперёд — над жерлом маячили драконы.

— Ты потеешь, — заметила Алина.

— Я виверниец, принцесса. Мы живём в холоде. А у вас тут не совсем зима. И тем более вершина вулкана моей «болезни» не помогает.

— Сними что-то из одежды.

Кай выгнул бровь:

— Тебе бы это понравилось, да?

Алина закатила глаза:

— Прекрасно. Потей до смерти.

— Сниму что-нибудь, если ты тоже.

— Это не пари, виверниец. Неловко тебе. Я — драконийка, для меня это норма.

Кай склонил голову:

— Значит, просто дашь мне растаять? Я твой гость, принцесса. Следовало бы помочь.

— Я не раздеваюсь.

— Ты и не будешь раздетой, если мы оба.

— В этом нет смысла. Сотри самодовольную ухмылку немедленно, виверниец. Раздевайся или нет. В твои детские игры я не играю.

— А если я раздену тебя сам?

Алина застыла; дыхание перехватило, пульс забил барабаном о рёбра. Румянец расползся ярче, как раскрывающийся под солнцем лепесток, и выдал, насколько остро расходятся её решимость и огонь под кожей.

Кай шагнул ближе, его присутствие легло на неё немым обещанием, но он не коснулся. Пока. Только наклонил голову, опуская её к её лицу, пока их дыхания не смешались.

Он облизнул губы — медленно, намеренно.

И она проследила за движением.

Он видел — как её карие глаза чертят путь языку, задерживаются, будто прикидывая, каков он будет на её собственных губах. Кончики его пальцев тронули её подбородок, почти невесомо — призрачное касание. Мягко приподнял лицо — втянул в собственную гравитацию.

— Если хочешь, принцесса, — хрипло, с тёмным краем, — позволю тебе снять одежду с меня. — Он сбросил чёрный мундир; ткань упала на тёплую лаву под ногами, как тень.

И — ждал.

Ждал, как её взгляд опустится, пройдёт по нему, примет его.

Эта задержка пьянила сильнее всего. Неуверенность, жар, то, как у неё подрагивали пальцы по швам — разрываясь между сдержанностью и любопытством. Воздух меж ними густел, как расплав ядра под их ногами.

Тело Кая откликнулось резко — на её колебание, на тяжесть её взгляда, застывшего на пуговицах рубашки. Медлил, медлил, медлил.

Ныло.

Желание прижать её к себе, сожрать, позволить ей поджечь его так, как не под силу даже ему самому, — чуть не проломило удерживающую броню.

Но что-то изменилось.

Огонь в её взгляде осел. Вздох сорвался — не так, как он ждал.

И... она шагнула назад.

Отступление ударило по нему недоумением. Он же видел, видел желание в её глазах, жар, поднявшийся к горлу, резкий вдох, когда их дыхания спутались. Почему она ушла? Что переменилось?

Губы Кая приоткрылись — вопрос уже собирался — но она повернулась, и голос рассёк вязкий воздух, как клинок:

— Быстрее. Я хочу показать тебе гнёзда драконов.

И пошла. Быстро, прибавляя расстояние, уводя себя к краю катера, будто ничего не было.

Кай остался на месте, всё ещё стянутый струной. Он был так уверен. Ошибся?

Сжав челюсти, он подхватил брошенный мундир и шагнул следом.

Гнёзда тянулись по кромке жерла — огромные, древние; края оплавлены, вокруг — редкие угли. Над ними шевелились дикие драконы — поднимали тяжёлые головы, втягивали воздух. Нападать они не станут. По запаху им и так понятно, кто он и что это значит.

Алина стояла на кромке, глядя вниз; лицо смягчилось чем-то похожим на благоговение.

— Захватывает дух, правда? — прошептала она, почти тоскуя.

Кай смотрел не на драконов. На неё. Ветер подцеплял её золотые пряди, вздымал их в жарком течении, и они светились, как прядёное солнце. Излом челюсти, резкие скулы, рога драконийки, короной обрамляющие лицо, — видение огня и ярости.

И он хотел её. О, как он её хотел.

— Да, — выдохнул он. — Прекрасно.

Но речь шла не о виде.

Они молча наблюдали, как в одном из яиц треснула скорлупа и новая жизнь прокладывает себе дорогу в мир. Тишину разрезал мягкий, сырой, звериный звук — мать вскинула голову на зов птенца.

Подошли другие драконы — молодые, ростом с боевых коней, чешуя переливалась, пока они шли, втягивали воздух, любопытные. Кай и Алина легко взобрались на них; твари приняли их без тени колебания.

— Они к тебе тянутся сами, — заметил Кай.

Алина улыбнулась:

— Знаю. Я сюда хожу с подросткового возраста. Они меня уже узнают. — Взаимность в этом признании что-то шевельнула в нём. — Тяжело расти в мужской стране, где мне нельзя всё то, что можно брату. Он летал на драконах с Хаганом, а меня оставляли. Вот я и поднималась сюда.

— Ты весь путь шла пешком? — нахмурился Кай.

Алина закатила глаза:

— Для «принца-воина» ты слишком ленивый.

Кай рассмеялся:

— Я предпочитаю другие упражнения.

Её взгляд соскользнул. Быстро, на миг, но он увидел. Как темнеют глаза, как тело замирает от жара, яростного и чистого.

Кай усмехнулся.

— Могу показать, какие, принцесса.

Алина фыркнула:

— Ты обязан всё превращать в шутку?

Ах, вот оно. Она решила, что он дразнит.

Улыбка Кая погасла:

— Я не шутил, принцесса.

Но она уже отвернулась, не веря.

В нём что-то хрустнуло.

Она ошибалась.

И в этот миг ничего больше не имело значения. Нужно было доказать. Заставить её увидеть. Заставить почувствовать.

Кай перехватил её за предплечье и развернул к себе.

Алина ахнула, ошарашенная. Ладони ударили ему в грудь в немой протест, но он держал крепко.

— Что ты творишь? — шипела она, остро, яростно. Но не отстранилась, когда его ладони поднялись к её лицу, обхватили щеки, заставили смотреть на него. Воздух меж ними заискрился.

Вулкан под ногами — ничто рядом с пеклом, распухшим у него в груди. Голос шёл вполголоса — предупреждение. Обещание.

— Доказываю.

И — поцеловал.

Это был пожар.

Как только его губы нашли её, жар взвился по позвоночнику, ударил в жилы.

Она — огонь.

А он — горел.

Ему хотелось большего. Больше её, больше этого жара, что прожигал его, больше того, как её губы дрожат, приоткрываясь навстречу.

Но ему нужно было знать. Убедиться. Он отступил совсем чуть-чуть. И ждал. Ждал, вспыхнет ли она вместе с ним.

— Ты поцеловал меня только чтобы доказать? — пробормотала она, нахмурившись.

— Я так и сказал.

Он улыбнулся непотребно.

— Ненавижу тебя, виверниец.

Кай хохотнул:

— Нет, не ненавидишь, принцесса.

Он ждал, что она подзадорит, что даст разрешение на новый поцелуй. Он только тронул её губы, а тело взвилось так, что ему не терпелось узнать, что будет дальше.

— Ну? — сморщила она нос.

— Ну что?

— Это всё?

Кай рассмеялся, ладони скользнули по её рукам, мягко растирая кожу.

— Скажи, чтобы я поцеловал тебя, — прохрипел он.

— Я не стану такого говорить.

— Прикажи мне, принцесса.

Его чёрные глаза потемнели, звериные. Алина облизнула губы и он проследил за движением с живейшим интересом. Никто не говорил; рядом слышалось только дыхание драконов. Они смотрели друг на друга. Алина сглотнула.

И принцесса драконьего народа начала расстёгивать его рубашку. Кай окаменел. Застыл. Всё его внимание на золотых пальцах, идущих вниз по пуговицам к животу; рубашка сползла и упала, и из груди сорвался низкий, хриплый звук.

— Ты же говорил, что тебе жарко, — тихо сказала она.

— Поверь, принцесса, дело не в климате.

— Вивернийцам трудно в жаре. — Её взгляд скользнул по его рукам и груди; кончиком пальца она чертила по коже. Это была пытка.

— Какой идиот такое сказал?

— Вивернийцы — создания холода… — Палец пошёл ниже, к краю ремня. — А драконийцы — тепла. Такая комбинация…

— Звучит идеально.

Алина подняла на него взгляд, чуть склонив голову. Прядь светлых волос упала на глаз; Кай заправил её за ухо и обхватил затылок.

— Чего ты хочешь, Кай? — Впервые — по имени. — Что тебе нужно от меня?

Он хотел слишком многого, и слишком далеко они были от его постели, чтобы это «слишком многое» осуществить.

Большим пальцем он провёл по дуге её нижней губы; дыхание сбилось, голову затопили нечестивые картины.

Алина — на его кровати.

Алина — золотая, обнажённая, распластанная под ним, кожа, разгорячённая до жара, вплавленная в его.

Тронуть её — было бы грехом. Отпустить — святотатством. Но думать о последствиях можно потом. Потому что они будут: стоит ему переступить черту — позволить себе даже малую толику её — и всё рухнет.

Сестре до свадьбы с Принцем Огня — считанные дни. Их королевства стоят на зыбком мосту союза. А он — он должен будет вернуться домой сразу после. У него нет

выбора. Как второму сыну — охранять их землю, стоять рядом со своей будущей королевой. Оставаться здесь нельзя. Жить на берегу Королевства Огня, с Алиной рядом — золотой, смеющейся под солнцем, — нельзя. И трогать её так, как он хочет, зная, что придётся уйти…

А если узнают… Если догадаются, что он затащил её в постель, чтобы потом оставить…

Одна мысль вывернула его нутро.

Репутация Алины Ахерон будет разорвана.

Он не станет причиной.

Пальцы отпрянули, как от ожога, и он сделал шаг назад.

В её глазах вспыхнуло недоумение — золотое, расплавленное — и тут же наделось что-то холоднее: злость. И обида.

Она толкнула его плечом, резко, и пошла прочь; обхватила себя руками, будто вдруг замёрзла.

— Принцесса, это не то, о чём ты подумала.

— Не то? — Она обернулась — слова выплюнула. — Ты смеялся надо мной с самого начала. Притворялся, что этого хочешь. Что хочешь меня, — голос сорвался; в уголках глаз, куда его тянуло, блеснули слёзы.

— Конечно я тебя хочу.

Алина закатила глаза:

— А я — нет. Найди другую для насмешек, виверниец.

— Принцесса…

— Не следуй за мной. Это приказ.

Судорога свела челюсть Кая.

Он мог пойти. Мог сделать то, что едва не совершил минуту назад: взять её лицо в ладони. Поцеловать до беспамятства.

Каждая жила орала — «иди». Но он стоял. Прикован к камню под ногами, глядя ей вслед, как она исчезает в петлях горной тропы. Потому что он не мог. Не имел права. Не пока не будет уверен, что сможет разорвать её без того, чтобы разрушить.

Не пока не будет уверен, что за этим не придёт её гибель.

Глубоко вдохнув — и не обуздав ни крошки бури внутри, — Кай позвал Виверну. И проигнорировал, как чёрное, обугленное сердце скрутило, будто внутри что-то только что оторвали.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 26

У драконийцев странное представление о совершенстве. Им будто бы нельзя показывать ничего, кроме силы, красоты и безупречности. Совершенная нелепость. Я видела, как у принцессы Этни дрожат руки, когда она уверена, что никто не смотрит. Она до смерти боится допустить малейшую ошибку. У меня сжимается сердце от мысли, через что ей приходится проходить.

Табита Вистерия

Мэл проснулась в утро своей свадьбы так же, как в любой другой день. Ни озарения, ни прилива восторга, ни трепета ожидания. Лишь тихое жужжание слуг, снующих по покоям, — привычная отрепетированная суета. Одни расставляли завтрак, аккуратно раскладывая блюда, другие готовили парящую ванну, в воздухе густо стояли запах лаванды и мирра. Остальные приводили комнату в безупречный порядок, чтоб ни пылинки, ни складочки, прежде чем прибудут королевские портные с её свадебным платьем. Мэл ещё не видела наряд целиком. Примерки были сугубо утилитарными: кусок ткани, скелет будущего платья. Её мнения о финальном дизайне не спрашивали. Да это и не имело значения.

Эстетика платья её мало волновала. Это не свадьба ради любви, радости или праздника. Это брак необходимости, аккуратно рассчитанная связка двух миров. Клетка, обтянутая шёлком и усыпанная драгоценностями. Но об одном условии она попросила.

Платье должно быть чёрным. Как велит традиция её королевства. Больше ей ничего не было важно — ни вышивка, ни линия кроя, ни тяжесть ткани на коже. Только чёрный — цвет прежних виверианских королев.

Раздался стук, и в комнату, как раз когда Мэл погружалась в ванну, вплыла Хейвен. Тёплая вода обнимала тело, но именно присутствие сестры в первую очередь её успокоило.

— Где Вера? — спросила Мэл, резанув голосом.

— Её свалил недуг, Ваше Высочество, — ответила служанка.

Мэл нахмурилась, но промолчала.

— В день свадьбы морщиться не годится, — поддела её Хейвен, взяв с золотого подноса гнилое яблоко. Даже сейчас, когда двор понемногу привыкал к виверианским обычаям, Мэл заметила, как слуги косились на бурлящие, подпорченные плоды — в их лицах читалось явное отвращение. Хейвен же вгрызлась без тени смущения. — А то кожа скукожится и перекосится.

Мэл только фыркнула, пока ловкие пальцы втирали в кожу головы масла.

— С чего мне заботиться о коже? — проворчала она. — Не верю, что хороший цвет лица удерживает брак.

Хейвен усмехнулась и швырнула огрызок обратно на поднос.

— Любая мелочь помогает, Мэл.

Возможно. Но не тогда, когда жених едва терпит невесту. Не секрет: Эш Ахерон держался на расстоянии. Два дня Мэл видела его лишь в тренировочных двориках, где его единственным собеседником был клинок. Он не искал встреч, не разговаривал, даже взглядом не касался. Не то чтобы она ожидала иного. Может, так и лучше.

— Платье доставлено, Ваше Высочество.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

По комнате пробежала лёгкая дрожь. Мэл вышла из ванны; вода стекала с кожи, пока она закутывалась в самый мягкий в мире рушник. Хейвен пошла следом, её обычная озорная улыбка смягчилась почти до нежности.

— Уверена, оно будет прекрасно, — сказала сестра.

Портной — невысокий драконiец с золотыми усами, закрученными, как языки пламени, — выступил вперёд; грудь колесом, он извлёк платье из шёлкового ларя.

У Мэл в животе всё обратилось в лёд.

Платье было красным. Не чёрным.

Красным.

Таким густым, таким сочным оттенком, что оно блестело, словно свежая кровь.

Губы приоткрылись, но слова рождались с задержкой.

— Но оно… красное, — она повернулась к портному; пурпурные глаза сверкнули сталью. — Красное, как кровь.

Лицо мужчины просияло гордостью — он и не подозревал, куда вступил.

— Разумеется, — провозгласил он. — Драконийские невесты всегда в красном. А женихи — в золоте, символ пламени.

Мэл ощетинилась:

— Но я не драконийка.

Кровь отхлынула от лица портного. Он осторожно попятился, будто только сейчас понял, какой шторм навлёк.

Выражение у Хейвен натянулось:

— Наверное, в сообщении случилась ошибка, — предположила она без особой уверенности.

Челюсть Мэл сжалась.

— Я это не надену.

— Мэл… — Хейвен мягко взяла её за руку, голос стал успокаивающим. — Похоже, выбора нет.

— Оно красное, Хейвен. Единственное, чего я просила, — чёрное платье.

— Знаю, родная, — шепнула Хейвен. — Но до венчания всего несколько часов. Другого платья нет.

Взгляд Мэл упал на проклятый наряд — тот лежал на кровати, сияя алым вызовом. Он был красив. Шедевр драконийских мастерских. Корсаж — в корсет, со сложной шнуровкой; длинные рукава закрывали кисти, оставляя свободными пальцы. Ткань каскадами спадала слоями густого красного; мелкие алмазы, вшитые в тонкие узоры, ловили свет, как искры в ветре.

Это было платье для Алины. Для драконийской королевы. Для невесты, желающей принадлежать этому месту. И всё же — теперь оно было её.

Мэл шагнула в наряд; воздух в комнате застыл, пока застёгивались последние пуговицы. Она не возражала, когда в волосы вплели красные розы. Не дрогнула, когда на рога идеально легла вуаль.

Она повернулась к зеркалу — тишина стала полной.

— Кожа кажется ещё белее, — пробормотала она для Хейвен, совсем тихо. Сестра улыбнулась:

— Ты прекрасна.

И это было правдой. Платье сидело безупречно. Видение царственной сдержанности, тщательной отделки. И всё же — красный оттенял в ней каждую каплю виверианской крови. Чёрные волосы — ещё темнее. Рога — острее. Кожа — призрачно-

бледная, почти противоестественная. А глаза — пурпурные — горели, как аметисты на огне.

Хейвен довольно промычала:

— Думаю, тебе к лицу красный, — протянула она. — Стоит добавить его в наши цвета.

Мэл фыркнула, но звук вышел пустым. Потому что в этот миг, стоя в платье драконийской королевы, с драконийским принцем у алтаря…

Она никогда не чувствовала себя дальше от самой себя.

…

Храм Огня стоял на самом краю бухты, там, где земля тянулась в море, прежде чем изогнуться и раствориться в тумане и воде. Идти было недалеко, но традиция велела свадебной процессии преодолевать путь пешком — торжественное шествие к святому месту, где скрепят клятвы. Эш уже должен был ждать там. Рядом с драконийской семьёй он стоял в сердце храма, залитый солнцем и ожиданием, а Мэл входила последней.

Тяжесть момента — этот неизбежный шаг вперёд — осела в груди, и корсет стянулся ещё туже.

И к тому же — платье.

Слои и слои алого путались у ног, тонкая вышивка цеплялась за пальцы, когда она пыталась чуть ослабить удушающий лиф. Жар земли обтягивал, как вторая кожа; воздух был густ от запаха опалённого камня и солоноватого дыхания бухты. Каждый шаг давался через усилие: башмачки резали ступни, корсет сжимал рёбра в тиски.

И всё же Мэл остро чувствовала взгляды. Флора Хоуторн шла впереди, нежно опираясь на локоть Захиана Нура. Бровь Мэл чуть приподнялась. Любопытно. Сёстры Дома Песка перешёптывались, бросая на Мэл долгие взгляды; их вуали дрожали на ветру, как шёлк пустыни.

Мэл вцепилась в руку Кая — знакомое присутствие брата удерживала её в реальности. Впереди шли Хейвен и Кейдж; в небе над ними по кругу ходила воронья тень Кейджа, карканье резало вязкую тишину.

— Нервничаешь? — отозвался Кай, низко, с привычной насмешкой.

— Сейчас я пытаюсь не упасть в обморок.

— То есть да.

Мэл закатила глаза, от движения голова на миг поплыла:

— Почему отец выбрал такой жаркий край? Я могла выйти за принца Королевства Льда. Он почти сосед. И очень красив.

Кай фыркнул:

— Времени ещё полно. Давай разворачиваемся, — протянул он игривым тоном. — Уверен, никто не заметит, если мы взмоем на Вивернах и улетим.

Уголок её губ дрогнул. На секунду Мэл позволила себе представить — лица придворных, когда невеста пропадёт со своей же свадьбы.

— Тогда начнётся новая война лет на сто.

— Говорят, у каждого брака есть обратная сторона, — Кай толкнул её локтем в бок. — Твоя — это война.

— Ай, Кай, не толкай! Мне и так дышать нечем в этой дряни.

Резкий голос разрезал их шепот:

— Перестаньте. Я вас слышу. Ведите себя прилично.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

В тоне Хейвен звенела сталь — голос будущей королевы был во всей власти. Стоило ей повернуться обратно, как оба высунули языки ей вслед.

Храм Огня вознёсся перед ними — исполин камня и пламени, священный зверь, готовый проглотить их целиком. Два огромных огненных чаши, по обе стороны входа, подбрасывали языки так высоко, что Мэл подумала, подол вспыхнет ещё до того, как она переступит порог. Кай присвистнул:

— Сколько ступеней, как думаешь?

— Достаточно, чтобы я навернулась, — у Мэл упало сердце при виде крутого пролёта к воротам. — Я туда не дойду, брат.

Смех Кая пророкотал рядом.

Хейвен снова обернулась, взгляд, как нож. Её теневой змей разлёгся ленивой петлёй и глядел полуприкрытым глазом, выпуская едва слышное шипение — тонкое предупреждение, бессловесный приказ держать себя в руках под его неусыпным присмотром.

— Их двадцать шесть, — впервые подал голос Кейдж.

— Он молчит неделями, а как скажет, так сразу грузит душу, — застонал Кай.

Кейдж пожал плечами:

— Был вопрос. Я дал ответ.

— Порой, милый брат, лучше бы ты был нем.

— Кай, — цыкнула Хейвен, резко обернувшись, — не оскорбляй брата.

— Донесёшь меня? — проигнорировала Мэл сестрин окрик. — Возьми на руки.

— Даже не думай, — Хейвен вытянула один-единственный, властный палец, — и в тот же миг теневой змей распрямился с неслышной угрозой, голова зависла в воздухе — готовая ударить, вонзить тишину им в глотки одним фактом присутствия, и без яда было достаточно повиновения. — Это свадьба, напомнить?

Мэл фыркнула:

— Я в красном платье. По виверианским меркам это не свадьба.

Кай хрюкнул от смеха, но всякая смешинка выветрилась, когда толпа потянулась по каменным ступеням. Мэл на миг закрыла глаза, втягивая жар солнца, чувствуя, как вес этого дня давит на кости.

У неё не было собственного храма. Но путь она найдёт. Должна.

Как-то они поднялись. Храм нависал святилищем древнего камня; колонны ловили свет и попеременно вспыхивали золотом и кровью.

— Да направят тебя тени, — сказал Кай и поцеловал её в лоб.

Мэл коснулась двумя пальцами лба, повела рукой и поклонилась, шепнув в ответ:

— Да направят тени и тебя.

Он был величайшим воином их земли, и всё же впервые Мэл увидела, как из глаза скатилась одна единственная слеза. Она поймала ее пальцами и коснулась губами его щеки. Не плачь обо мне, брат. Но слова так и не сорвались.

Она обернулась.

И он был там.

Ждал.

Эш Ахерон стоял на возвышении, омытый огненным светом, золотой — как бог, низвергшийся с небес. За его спиной огромные храмовые окна изливали сияние в зал, шёлковые портьеры шевелились на ветру. Мэл забыла, как дышать.

Кай опустил вуаль, она почти этого не заметила. Взгляд дрогнул в дымке ткани, но и через тончайшее марево она нашла его. Ничто — ни шёлк, ни тени, ни целое королевство — не могло ей помешать.

Алтарь был увит красными и золотыми розами; бутоны, точно застывшее пламя, оплетали колонны. Пол вели огненные ряды свечей, и весь храм дышал приглушённым жаром.

«Дыши», — прочитала она по губам брата.

Мэл выдохнула. И — Эш встретил её взгляд.

Его глаза расширились. Она увидела, как расширились зрачки, как напряглась челюсть — миг, когда он по-настоящему её увидел.

Золотой принц. Рождённый огнём воин.

Сиял весь — волосы, кожа, доспех, даже глаза. Будто сами боги включили над ним своё солнце, чтоб она видела его даже во тьме.

Ноги сами знали ступени, и вот она стоит перед ним. Эш приподнял вуаль — их глаза по-настоящему встретились. Словно впервые. Голос жреца звенел в воздухе, как далёкие колокольчики, но Мэл не могла заставить себя слушать. Мир сузился до мужчины напротив, до тяжести неизбежности, навалившейся на грудь.

Рука — его рука — нашла её. Тёплая, уверенная, охватила её дрожащие пальцы. На её палец легло кольцо — золото, как пламя, породившее его королевство. Жест. Знак.

Содрогнувшись незамеченным вдохом, Мэл подняла свои непослушные руки, кончики пальцев коснулись холодного металла его кольца. Миг растянулся тонкой нитью — хрупкой и несокрушимой разом — и она надела ему кольцо, металл на мгновение зацепился за кожу, затем лёг на место.

Скреплено.

Запечатано.

Предрешено.

Гул одобрения вернул звуки в уши Мэл.

— Теперь вам надлежит запечатать брак «поцелуем пламени», — возгласил жрец.

Глаза Мэл расширились, тревога вспыхнула.

— Это всего лишь поцелуй, — шепнул жрец, заметив её испуг. — Никакого настоящего огня.

Сердце Мэл упало.

Поцелуй.

Дыхание сбилось — корсет стянулся, сминая рёбра. Жар в храме пополз выше.

Рука Эша вновь нашла её. И как-то мир выровнялся.

— Эш…

Он поцеловал, и мир воспламенился. Кожа зажглась, дыхание сорвалось, мысли ушли в огонь. Когда он отстранился, Мэл едва могла думать.

— Мне нечем дышать, — выдохнула она.

Эш тихо рассмеялся.

Взгляд Мэл поплыл.

— Нет, правда. Мне нечем…

И Мэл упала в обморок.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 27

Драконийцы страшно горды. Недавно я встретила принцессу Этни, когда ездила с Советом в Королевство Огня. Получился ряд неловких встреч: драконийцы хотели говорить только с ворлоками из Совета. Бесит, как мерзко они обходятся со своими женщинами. Принцесса Этни — душка, но она сделает абсолютно всё, что велит отец. Меня пугает, на какие жертвы ради короны она готова. Ходят слухи, будто она уговаривает отца предложить брачный обет между ней и принцем Сорином из Королевства Света. Все этого и ждут, конечно. Эти королевства веками женятся друг на друге, когда нужна лига или им что-то нужно. Но мне отчего-то кажется, её отец не горит желанием выдавать единственную дочь за фениксийского принца. В этом нет смысла. Сейчас ему от них ничего не нужно.

Табита Вистерия

Мэл очнулась в привычных объятиях собственной постели с мутью в голове и сбившимся дыханием. Рядом лежал остаток её мучений: корсет, разодранный в клочья — тончайшие швы разрезаны лезвием кинжала. Память накатила, как прилив: Эш — точные, быстрые движения — выхватил спрятанное в сапоге оружие и вспорол душегубку-ткань, вернув её лёгким воздух. Он нёс её сквозь тьму, сквозь огонь на руках, обратно во дворец, в безопасные покои.

И теперь он был здесь.

Принц драконийцев сидел в кресле, как затаившийся хищник: голова чуть набок, взгляд, золотой, мерцающий в полутьме, наблюдал, оценивал.

— Ты смотрел на меня, пока я спала?

— Без сознания.

— Ты смотрел на меня, пока я была без сознания?

Он кивнул, без тени смущения. Мэл отогнала странное тепло, вспухшее в груди, смесь неловкости и непрошеного удовольствия, и кивком указала на разрезанный корсет:

— Спасибо, что разрезал.

Ещё один кивок.

— Все драконийские женщины носят такие адские душегубки? — в голосе прозвенело веселье.

Он снова кивнул.

Взгляд Мэл скользнул вниз, только теперь дошло, во что она одета. Пышного красного платья нет; на ней лишь тонкая шёлковая комбинация, что была под ним. Под кожей вспыхнул жар — не от здешнего климата, от другого.

— Кто меня раздевал?

— Горничные, — голос ровный, но выражение — нет. В золотом прищуре мелькнул острый отблеск — молчаливый отбой домыслов. Он неопределённым жестом указал на платье, перекинутое через занавесь к купальне.

Губы Мэл скривились:

— Оно красное.

— Это… — он запнулся, подбирая слова. — Платье для… праздника.

— Будет праздник?

Опять. Кивок.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Со вздохом Мэл соскользнула с постели; прохлада лизнула открытую кожу, когда она босиком пошла к наряду. И даже двигаясь, она чувствовала его взгляд — неторопливый, осязаемый: золотые глаза обводили линии её тела. Она сделала вид, что не замечает.

Платье оказалось свободнее свадебного, но талию всё же сжимало, а длинные рукава и высокий ворот вступали в клинч с жарой, ползущей из каждой щели этого царства. Она нахмурилась:

— Я сварюсь.

Удушливое тепло обвивало, как мокрая пелена, не отпускало ни на какой день.

— Надень своё. — Он небрежно кивнул на один из её сундуков.

Мэл покачала головой:

— Это расстроит твою семью.

Тут он замялся. На миг оказался между словами — видно, как он пытается придать им форму.

— Ты выходила замуж не за мою семью, — наконец сказал он тише. — Ты… — взгляд ушёл в сторону, будто правды он не хотел видеть в упор, — ты моя жена.

Мэл застыла.

Моя жена.

Слова повисли между ними, увесистые, не отменимые. На её пальце блеснуло золото — немой знак уз, теперь скрепляющих их. На его руке — серебро: он отмечен ею так же, как она — им.

Её муж.

Голова закружилась странно — уже не от жары и не от корсета.

— Начать звать тебя «мужем»? — она отшутилась, стряхивая напряжение.

Он только рыкнул — коротко, недовольно — и поднялся:

— Тебе лучше. Я оставлю тебя… —он показал неопределённый жест по комнате: что там полагается делать женам.

Его взгляд ещё раз коснулся её — на один вдох, достаточно, чтобы между ними прошла несказанная искра. Он откашлялся, шагнул к двери… и остановился. Обернулся. Указал на чёрный сундук с той редкой для него окончательностью:

— Надень свои платья, принцесса.

И ушёл.

Мэл выждала секунду, выдохнула и, хмыкнув, повернулась к сундуку:

— Как прикажешь, муж.

…

— Ты не наденешь это, — сказал Кай, сдвинув брови.

— Почему, брат?

— Потому что я вижу твоё тело как в день твоего рождения, Мэл.

— То есть, голое? — Мэл улыбнулась. — С каких это пор ты стал ханжой?

— С тех пор, как в этом замке слишком много самцов и один конкретный светловолосый пялится на тебя так, будто ты еда, а он голодает.

Мэл закатила глаза:

— Это праздник. Принц сказал надеть своё.

— Уверен, огненный остолоп так и заявил. Но сомневаюсь, что он имел в виду это.

Мэл крутанулась перед зеркалом — тяжёлые юбки закружились, словно грозовые тучи в беспокойном ветре. Платья никогда не были её стихией, но это несло вес сильнее

ткани и кружева — оно принадлежало их матери. Должно было перейти Хейвен, как семейная реликвия на неслучившуюся свадьбу, но сестра отдала его Мэл.

Платье было дыханием прошлого: сумеречный серый, как предвечерье; открытые плечи с оборками тончайшего кружева; чёрный филигрань тянулся по лифу и рукавам, стекал по юбке, как живые вьюны, вышивка настолько тонка, будто жила своей жизнью. И при всей своей красоте ткань была опасно прозрачной — показывала больше, чем Мэл бы хотелось.

В садах фонтаны-драконы стояли караулом, из пастей — не вода, а языки огня. Каменные скамьи утопали в зелени; знать развалилась на них с кубками приторного вина. На дальнем краю сада Мэл заметила мост, перекинутый через ленивую реку; вода мерцала в угасающем свете. Ей хотелось ускользнуть туда, спрятаться в шёпоте течения, но судьба решила иначе.

Её поймала волна ожиданий и повела к королеве.

В стороне, под роскошным навесом, королева Сира, и её свита дам возлежали, их смех звенел, как хрусталь. Перед ними тянулся длинный стол — неприличное изобилие — кубки с вином, сияющим рубинами в закате.

Королева подняла унизанные перстнями пальцы, маня Мэл с улыбкой, гладкой, как отполированное стекло. Но даже при этой вежливой дуге губ её глаза, острые, как лезвие у горла, сузились, упершись в платье. Виверианская вышивка не ускользнула.

— Разве тебе не доставили в покои платье, которое я прислала на этот вечер? — она пригласила Мэл сесть.

— Доставили, Ваше Величество. Боюсь, драконийская ткань слишком плотная. Тут слишком жарко для меня.

— Ах да. Мы так переживали из-за вашего обморока, дорогая, — а голосе не было ни крупицы переживания. — Но в свадебном вы были прелестны, правда же? — Дамы дружно закивали.

Кубок Мэл наполнили сладким вином. Она пригубила, стараясь не скривиться от приторности. Как они это пьют? Мерзость.

— Я была изрядно удивлена, когда увидела платье. Вроде бы говорила портному, что оно должно быть чёрным, а не красным, — Мэл улыбнулась мягко и чуть наклонила голову к королеве.

— Чёрным? — Королева Сира выглядела потрясённой. — Зачем тебе чёрное свадебное платье?

— Потому что это наш цвет. По традиции вивернийцы женятся в чёрном.

Смех королевы разлетелся над садом — лёгкий, отмахивающийся:

— Чёрный — для похорон, милая. Я велела портному немедля изменить ваш заказ, услышав такую нелепицу. Мы же не хотим, чтобы гости перепутали свадьбу с похоронами, верно?

Гнев Мэл вспыхнула, дикое пламя под кожей, неукротимое. Она удерживала его — и не удержала. Воздух треснул — бокалы, кубки, блюда разом лопнули; волна разрушения прошла по саду, как внезапная буря. Столовые приборы на каждом столе треснули и разлетелись острыми осколками.

Крики распороли вечер. Даже королева отпрянула — с усмешки сорвалась на шокированные от ужаса глаза.

— Ты в порядке? — Ладони Кая легли ей на плечи — крепко, ровно.

Мэл с трудом нашла воздух:

— Я… не…

— Что это было? — ахнула кто-то в толпе.

Кай молча поднял её со стула и увёл в глубь сада, петляя меж живых стен, пока гул потрясённых голосов не схлынул. В тени Мэл прижала ладонь к животу, выравниваясь.

— Я потеряла контроль.

— Видел, — выдохнул Кай, проведя рукой по чёрным волосам.

— Кто-нибудь понял, что это я?

Он нахмурился, задумчиво:

— Сомневаюсь. С чего бы? Что бы это ни было у тебя… работает не как магия ведьм.

— То есть?

Кай замялся, огляделся, будто убеждаясь, что они одни. Сбросив голос до шёпота, сказал:

— У ведьм при колдовстве на кончиках пальцев появляется зелёный дым.

Мысль Мэл вернулась к двум ведьмам — Дон и Аллегре — над развалинами павшего Королевства Магии: из их рук клубился изумрудный туман. Что значит то, что у неё «получается» необъяснимое, но без этих следов?

Пальцы Мэл сжались:

— Почему никто не воспринимает всерьёз нападение, которое мы пережили в пустошах?

Кай тяжело вздохнул:

— Сейчас не место и не время.

— По-моему, самое оно.

Он помедлил. А потом, вероятно, чтобы заткнуть её настырность, сказал:

— Порой, изредка, на патрулях в некоторых зонах пустошей случаются нападения. Мы держим под контролем. Я не говорил тебе, сестра, потому что всегда находится пара ведьм, желающих напугать нас. И всё.

Грудь Мэл стянулось. Годы он скрывал это от меня. Голос стал ровным, чужим:

— Нужно вернуться, пока не хватились.

Кай смотрелся, считывая предательство в её осанке. Тон его стал предупредительным:

— Сдерживай вспышки.

— Это была не моя вина.

Кай закатил глаза:

— Конечно, Мэл. Верю-верю.

Она двинула ему локтем — ощутимо.

Когда они вернулись, музыка уже звучала вновь, и смех снова переливался над садом. Разгром списали на «бой посуды», на нелепую случайность, достойную лишь пересудов.

Кай чмокнул Мэл в щёку и исчез в веселье. Пусть. Лишь бы оставил пространство. Внутри всё ещё тлел гнев жаром под кожей.

— Прогуляемся, принцесса? — пропел голос за спиной. Мэл обернулась и оскалилась в улыбке фениксийскому принцу, он протянул руку. — Вы восхитительны.

Она вскинула бровь:

— Я и не целилась в «миловидность».

Захиан Нур откинул голову и рассмеялся густо:

— Вы забавны, принцесса.

Мэл оскалила клыки, острые, блестящие:

— Думаю, слово, которое вы ищете, принц, — «несравненна».

Они двинулись по садовым аллеям к реке, где краснокаменный мост выгибался над тёмной водой. Захиан провёл пальцами по древним резьбам на боку моста:

— Знаете, этот мост рассказывает историю двух королевств?

Мэл проследила за его взглядом:

— И что говорят рисунки?

Эти легенды знали все дети её земли. Но ей хотелось услышать их чужим языком — сверить, совпадают ли сказания. Незвано взгляд помчался по толпе, ища золото волос и нечитаемые глаза.

Вздох сорвался, когда она его не нашла.

— Что принц Хэдриан Блэкберн нарушил брачный обет с принцессой Этни Ахерон, — начал Захиан. — Ведьма околдовала его ум и сердце, заставив поверить, будто он любит её. Он тайно женился на ведьме… пока она не убила его.

Мэл провела пальцем по мшистой кладке, впитывая слова.

— Никто не задумался, зачем ей было столько мороки?

Захиан усмехнулся:

— Ведьмы стремились посеять раздор. Они знали: если вынудить принца Хэдриана нарушить брачный обет, начнётся война между Королевством Огня и Королевством Тьмы.

Губы Мэл сжались:

— Но её не было. Все переключились на ведьм.

— Потому что виноваты были они.

Она наклонила голову, глядя на рябь под мостом:

— Или потому, что это был удобный повод задавить их общими силами.

Захиан тихо хмыкнул, прядь чёрных волос упала на красные глаза:

— Допустим, мы никогда не узнаем правду. Это было давно — война людей, которые уже не дышат.

— А мы всё равно о ней говорим, — Мэл снова глянула к огням праздника, и дыхание споткнулось: в толпе блеснули золотые глаза. Смотрел.

— Что стало с Огненной принцессой? — спросила она, заставив себя отвернуться.

— Она вышла за принца Сорина.

— Он ведь из вашего королевства?

— Именно, — Захиан наклонился ближе; воздух между ними сдвинулся. Мэл напряглась и метнула взгляд через плечо — Эш всё ещё там, взгляд горит, лицо не читалось. На миг показалось, он шагнёт, и швырнёт Захиана в воду.

Голос фениксийца стал таинственным шёпотом:

— Так что в венах вашего дорогого мужа течёт и фениксийская кровь. У принцессы Этни не было братьев и сестёр, так что её сын, родившись, стал следующим Королём Огня.

Мэл прикинула:

— А если у драконийцев не родится сын?

Глаза Захиана блеснули усмешкой. Он, конечно, заметил, что Эш наблюдает.

— Женщинам наследовать престол нельзя, принцесса. Если у вас с мужем не будет сына, трон перейдёт к ближайшему мужчине по линии.

— К детям Алины, если она выйдет замуж.

— Именно. Если у неё не будет сына, отойдёт следующему ближайшему мужчине.

Мэл фыркнула:

— Дай угадаю. То есть вам.

Губы Захиана изогнулись:

— Да. Мне.

Солнце окончательно ушло, разлилась ночь. Вдалеке расцвели фейерверки — вспышки цвета на чёрном небе. Мэл приподняла бровь:

— Разве вы не будете заняты? У вас своё королевство.

Захиан усмехнулся, огонь заплясал в красных глазах:

— У меня много братьев и сестёр, принцесса. Сестра Марина первая в очереди. Я там и близко не нужен.

Мэл криво улыбнулась:

— Значит, вы будете молиться, чтобы у меня не родился сын.

Она снова поискала Эша. Но он уже отвернулся.

По предплечьям прошёл странный холодок.

Захиан улыбнулся:

— Я бы пока об этом не тревожился, принцесса. Вы только поженились. И потом, у короля Игана уже есть планы на меня.

Мэл нахмурилась:

— Какие планы?

Его улыбка углубилась:

— Я женюсь на Алине Ахерон.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 28

Иногда я думаю, какими окажутся последствия наших поступков для будущего. Ответ пугает. Самое простое изменение в решении способно перевернуть жизнь. Сломать мир.

Я не хочу стать причиной.

Табита Вистерия

Мэл ускользнула с праздника ещё до того, как ночь дожила до конца. Веселье скисло, стоило услышать новость — Захиан Нур и Алина Ахерон. Помолвка, прошёптанная по коридорам, как языки пламени, лижущие стены Королевства Огня. Знает ли Алина? Хочет ли? Мэл сомневалась. Она знала о Принцессе Огня немного, но достаточно, чтобы быть уверенной в одном: у Алины Ахерон никогда не было роскоши выбора.

Она искала Эша, прочёсывала море лиц и блики свечей, но он исчез, как дым на ветру. И, не найдя, покинула пир, с настроением чёрным, как небо над шпилями дворца.

Переступив порог своих покоев, Мэл резко остановилась. Воздух был неправильный, пустой, оголённый. Её вещей не было. Сундуки, что прежде загромождали пространство, хаос книг и карт на длинном столе — исчезло всё. В гардеробе не висело ни одного платья, не было ни сапог, ни туфель.

Позади шевельнулся звук, тихий, почти нерешительный. Инстинкт вспыхнул; Мэл развернулась в прыжке, готовая ударить, губы оголили оскал.

Горничная пискнула и шарахнулась.

— Простите, Ваше Высочество, — затряслась она, — не хотела вас пугать.

Взгляд Мэл сузился:

— Где мои вещи?

Служанке было не больше двадцати, золотые волосы заплетены в две аккуратные косы. Она сглотнула:

— Их перенесли в ваши новые покои, Ваше Высочество.

— В какие новые? — слова прошипели сквозь зубы; раздражение скрутило живот. И тут же дошло — разумеется. Теперь она замужем. Пространство, что она считала своим, больше не принадлежит ей одной. Теперь она делит его с мужем.

Рык сорвался из горла. Она шагнула ближе, заперев служанку взглядом:

— Где Вера?

В коричневых, по-драконийски, глазах метнулось что-то — слишком быстро, чтобы разглядеть, но недостаточно, чтобы скрыть.

— Она нездорова, Ваше Высочество.

Мэл не поверила ни на миг. Перед глазами вспыхнула сцена в саду — молчаливый обмен знаками между Верой и королевой. И вот теперь горничная внезапно «слегла».

— Твоё имя? — голос гладкий, но под ним сталь.

— Клара, Ваше Высочество.

Мэл приблизилась, глубоко вдохнула. От девчонки тянуло дымом и кедром, а под этим — мёдом, густым, терпким — тем самым, что драконийцы пихают во всё: и в питьё, и в лекарства.

Глаза Мэл потемнели:

— Скажи-ка, Клара, — наклонила голову, наблюдая, как под кожей учащается пульс, — почему ты пахнешь в точности как моя другая служанка, Вера?

В глазах Клары мелькнул страх, но Мэл уловила игру, словно девчонка отрепетировала выражение. У настоящего страха есть запах, вес. Это — дымка.

— Все служанки пахнут одинаково, Ваше Высочество, — осторожно ответила Клара. — Молодые незамужние живут в общих спальнях.

Мэл задержала на ней взгляд ещё миг, затем отступила, позволив девчонке поверить, что ложь сработала. Не сработала. Мэл уже достаточно пожила среди драконийских слуг, чтобы знать: у каждого запах свой, тонкий, но различимый. А у Веры и Клары — один и тот же.

— Хорошо, — холодно сказала Мэл. — Веди меня в мои покои.

Пока — оставим. Есть дела поважнее. Сегодня — первая брачная ночь, и она знала, чего от неё ждут. Верховная жрица объяснила это со всей серьёзностью. И мать тоже. Если Принц Огня захочет… потребует, что тогда? Она не могла перерезать ему горло, покуда её семья в Королевстве Огня. Бегство слишком рискованно. И пророчество… Можно ли использовать любой клинок? Должна ли это быть ночь, полная луна? Ответов не было. И попытка одна.

Они петляли по коридорам в драконийское крыло. Воздух здесь тяжелел, напитывался гарью и старым камнем. Покои короля и королевы высоко, ближе к небу: улети на драконе, коли беда. Комнаты Эша и Алины на этом уровне, но не рядом.

Они миновали длинную галерею, раскрытую во внутренний двор на несколько этажей ниже. Мэл остановилась и перегнулась через каменные перила. Двор был аскетичен. Странно для драконийцев — любителей роскоши и высекания своей мощи в мраморе и стали. Здесь — всего пара плетущихся по стенам растений и фонтан в центре.

Пальцы Мэл сжались на бортике: в каменном узоре переплелись две фигуры. Дракон. И…

— Виверна, Ваше Высочество, — сказала Клара, заметив, как Мэл напряглась.

Губы Мэл сплюснулись:

— Зачем им фонтан с дерущимися драконом и Виверной?

Клара покачала головой:

— Они не дерутся. Они обнимаются.

Мэл моргнула.

— Фонтан — дар, — пояснила Клара уже мягче. — От короля вивернийцев Королевству Огня к браку принца Хэдриана и принцессы Этни.

Брак огня и ночи. Когда-то его праздновали.

Мэл медленно выдохнула:

— Потому этот угол и держат пустым.

Клара нахмурилась:

— Не понимаю, Ваше Высочество.

Мэл отвернулась от перил:

— Это часть дворца, которую они не хотят видеть. Не желают вспоминать, что когда-то мы были едины.

Клара опустила взгляд; руки её сжались по швам.

Они шли дальше, пока не упёрлись в двустворчатые двери из светлого дерева с тонкой резьбой. Мэл хотелось задержаться, прочитать узор, но Клара уже толкнула створки.

Мэл шагнула и дыхание сорвалось.

Она ожидала чужого — холода места, которое не твоё. Вместо этого шагнула прямо в память.

Как-то, невозможным образом она оказалась дома.

Комната была широка, как молчаливый полночный сон, и мягко светилась огнём свечей. С одной стороны балкон, дугой над морем, где волны серебрились под лунным взглядом. Стены из тёмного камня: немыслимо в земле огня. Мэл подозревала — камень расписан, нарочно: чтобы впустить ночь.

Высокие арки, стеклянные проёмы, оплетённые тонкой вязью лиан, завитки почти прятали рисунок. Противоположная стена — стеллажи из тёмного дерева: её книги, архивы, всё перевезено бережно в этот чужой мир.

Свечи горели повсюду, разливая тепло по чёрным поверхностям. Даже перила балкона держали огонь — упрямые, невозмутимые — особый драконийский воск не давал ветру их опрокинуть.

В центре кровать: море тёмного шёлка под высоченными окнами, изголовье из эбена — немыслимой тонкости резьба. Мэл замерла, проводя пальцами по узорам.

Её храм. Одинокое дерево приношений. Её замок на фоне неба, исполосованного Вивернами.

Кусок её мира, вырезанный в сердце его.

— Принц велел устроить покои к вашей свадьбе, Ваше Высочество, — сказала за спиной Клара. — Хотел, чтобы вы чувствовали себя как дома.

Дом ударил прямо в грудь. Мэл резко обернулась, но не успела спрятать внезапную влагу в глазах. Она вышла на балкон, дала ночному жару обжечь лицо, силой втолкнула слёзы внутрь. Плакать нельзя.

— Вас это… расстроило, Ваше Высочество? — голос Клары дрогнул. — Он хотел сделать вам приятно. Чтобы вы меньше тосковали.

Мэл кивнула, не оборачиваясь:

— Спасибо, Клара. Ступай.

— Но я ещё не помогла вам с ночной рубашкой…

— Этого достаточно, — сорвалось жёстче, чем она хотела. Она застыла, слушая, как удаляются шаги. Дверь открылась. Закрылась. Тишина.

Медленно повернувшись, она провела пальцами по полкам, по резьбе, по шёлку. Боль в груди была не одной тоской.

Принц сделал… доброе.

Сколько ушло времени? Сколько дней — недель — он собирал это, узнавал о её земле, сверяя мелочи? Это его королевство. Меняться должна она. А он — дал ей это.

Жестокий принц так бы не поступил.

Слухи рисовали его молчаливым призраком, холодным, несгибаемым. Молчали, да. Но жестокий? Нет. Жестокий не стал бы так стараться, чтобы чужая — жена — почувствовала себя легче.

И всё равно когда-нибудь она должна будет его убить.

Дверь тихо скрипнула.

— Я сама справлюсь, Клара, — отмахнулась Мэл, не оборачиваясь. Ответа не последовало. Она резко повернулась ко входу, и дыхание опять сбилось.

У дверей стоял Эш. Немой, как всегда, смотрел. Золотые глаза скользнули по её платью — тёмные, неразборчивые. Будто спохватившись, он кашлянул.

На нём ещё держалась свадебная форма — церемониальные одежды, явно стесняющие. Взгляд Мэл упал на его руку — серебряный ободок на пальце. Он машинально крутил кольцо, словно не привык к весу.

Со вздохом он начал стягивать одежду, снимая их с той же сосредоточенной аккуратностью, что делает всё. Последним снял меч, поставил почтительно у стены, рядом с сапогами. Остался в простой рубашке и брюках, провёл ладонью по волосам, выдохнул, будто день навалился всем весом.

— Я… — он запнулся, откашлялся. — Не трогай мои вещи. — Кивком указал на разобранные доспех и оружие, прежде чем она успела сказать, что не собиралась. — Служанки меньше заподозрят, если… — ещё пауза, как будто слова приходилось выгрызать. — Если увидят их здесь.

Глаза Мэл сузились:

— О чём ты?

Он посмотрел на неё, по-настоящему, со словами готовыми сорваться… и не сказал.

И только:

— Спокойной ночи, принцесса.

Повернулся и исчез в смежной комнате.

Мэл стояла неподвижно. Вернётся? Ляжет ли рядом, когда она уснёт? Мысль беспокоила сильнее, чем ей хотелось признавать. Она резко выдохнула, оттолкнув сомнение. Если он уходит, пусть хотя бы скажет.

Решив, она шагнула в кабинет и толкнула дверь…

И слова увяли.

Комнату обнимал мягкий свет, пахло пергаментом и чернилами. В кресле, закруглённом, как гнездо, свернулся Эш — спал.

Мэл застыла.

Кресло было знакомым по форме. Такие делали и у неё — глубокие, круглые, похожие на гнёзда Виверн. Сама она часто ночевала в таком, предпочитая его постели.

Сейчас он казался моложе, без жёсткой выправки. Дышал почти не слышно, ровно, спокойно.

Как же это просто.

Он не услышит её шагов. Не проснётся, когда она наклонится, и клинок войдёт меж рёбер. Тёплое сердце стихнет под её ладонью и пророчество свершится.

Мэл сняла плед со спинки кресла. Глупый драконий принц. Сон здесь не спасёт от меня.

И всё-таки при всей этой мысли, при знании, что однажды ей придётся его убить, она накрыла его пледом. А потом вернулась в свою комнату.

…

Эш дернулся, вынырнув из сна, воздух вошёл резко, сердце колотилось. Тени сна ещё липли к коже: чёрные, как пролившаяся тушь, волосы; ногти, царапающие плоть; смех, вьющийся дымом, тёмным, звенящим. Грудь стянуло пустотой, когда остатки сна рассыпались.

Он огляделся. Кабинет. Ночевал здесь, оставив спальню жене. Сколько бы искушение ни шептало на краю сознания, сколько бы часть его ни хотела занять место рядом, он не зайдёт.

Жена.

Звание ещё было чужим, неосознанным.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Эш резко выдохнул, отряхивая остатки сна. Он женат. На виверианской принцессе. Понравилась ли ей комната? Нашла ли утешение в подарке, который он вымерял по крупицам? Или перегнул — навязал близость, где ей не место?

Он поднялся и что-то соскользнуло с плеч. Плед. Он не укрывался. Оставил себя открытым ночной прохладе, надеясь усмирить кипящую под кожей нервную силу. Не помогло. Она была за дверью и этого хватило, чтобы сон был беспокойным.

Мэл Блэкберн сидела на столике на балконе, поджав ноги, вся в утреннем свете. Между губ завис виноград, она застыла, разглядывая его.

Эш тоже застыл. Взгляд метнулся от неё к подносам на тёмном столе. Челюсть напряглась. Если служанки заглянули раньше и увидели нетронутую постель… начнут ли шептать? Брачный союз по клятве — всем должно быть ясно, и всё же… шёпот слуг умеет добираться куда не надо.

Мэл откусила ягоду, не моргнув, сок лениво скатился по подбородку.

— Клара принесла, — сказала она, не сводя с него глаз. — Она никому не скажет, что мы спали порознь, муж. Не хотелось бы, чтобы решили: начали не с той ноги.

Муж.

Она дразнила.

Эш подавил вздох, подошёл и сел на противоположный край, оставив расстояние. Она продолжила есть, глядя на море, беззаботно.

Он потянулся за фруктом…

Бледная, с когтем, ладонь шлёпнула по его руке.

Золотые глаза сузились; в груди низко заворчало. Что с ней не так?

— Гнилое, — промямлила она, пережёвывая.

Он едва удержал гримасу, когда вгляделся в содержимое стола. Тарелка к тарелке — и всё тухлое: распухшие чёрные фрукты, мясо на грани распада. Желудок скрутило.

Мэл жевала, ни капли не смущаясь. Понимание вонзилось остриём. Он ни разу не видел, как едят виверийцы. На пиршествах они вежливо отказывались от драконийской еды и исчезали. Теперь ясно почему. Мэл отмахнулась:

— Клара принесёт тебе еду. А тебе никто не говорил, что ты по утрам страшно ворчлив?

Челюсть Эша скрипнула.

— Ещё сильнее стисни и распилишь стол, — улыбнулась она остро. Клыки блеснули, язвя. — Жалко будет. Мой муж очень старался, обустроив мне это место.

Эш резко выдохнул и уставился на море.

Он слышал, как её улыбка увеличивается.

— Хорошо спал?

Он кивнул.

— Ты каждую ночь собираешься спать в кабинете? — прищурилась она. — Мне бы знать, чтобы организовать завтрак с Кларой. А то станешь ещё ворчливее.

— Не ворчлив.

Она тихо рассмеялась, мягко, и он невольно взглянул.

— Значит, по утрам разговаривать умеешь? — изумление плясало у неё в глазах. — Я уж думала, на тебя наложили чары: до полудня позволено говорить только односложно.

— Несмешно.

Она откинулась, свободная, опасная, улыбка росла:

— Почему ты так говоришь? Я видела, как ты связываешь слова в предложения сестре на ухо.

Эш напрягся:

— Раздражаешь.

Он поднялся уйти.

Часть его хотела объяснить. Хотела, чтобы она поняла, почему слова у него мерные, обрубленные, почему каждое — маленькая битва. Но что, если он скажет… и она рассмеётся? Если посмотрит иначе? Если отпрянет с брезгливостью? Этого он не стерпит.

Он повернулся. Молча.

И она не позвала.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 29

В голове я всегда верила, что с браком с Хэдрианом всё изменится. Ничего по-настоящему не изменилось. Моя любовь к нему течёт глубоко в венах, разливается по всему телу. Может, теперь я люблю его ещё сильнее. А может, это просто следствие времени. Знаю одно: когда он шепчет мне на ухо слово «жена», мир исчезает. Когда я смотрю в его чёрные глаза, я точно знаю — я сожгу все восемь королевств ради него.

Табита Вистерия

Рен Уинтер любила две вещи больше всего на свете — спать под небом, густо засыпанным снегом, и предаваться искусству тихого наблюдения. Но здесь, в душном сердце Королевства Огня, где зима была не более чем далёкой легендой, у неё осталась лишь одна радость.

И она следила.

Две принцессы пустыни двигались целеустремлённо — каждое движение выверено, осторожно. Рен узнаёт лазутчиков издалека, как иначе? Она и сама была одной из них.

С наблюдательного места она видела, как принцесса Хесса послала сестру в дозор и скользнула в дверь тускло освещённой комнаты. Рен начала считать секунды, прикидывая, что может быть за порогом. Ровно через две минуты принцесса вышла, быстро, чётко. Ни слова. Сёстры скрылись в тишине коридора.

Рен спрыгнула беззвучно, подошвы коснулись камня без эха. Взгляд скользнул по коридору. Служебное крыло. Ряды одинаковых дверей — покои тех, кто проживает жизнь незамеченным и неслышимым. Интересно. Какие дела у Хессы и Сахиры в комнате драконийской горничной? Не наткнулись ли они на ту же тайну, что и Рен?

Комнатёнка была ничем не примечательной — мала, проста, бедно обставлена. Узкая койка, скромная тумба с единственной свечой, расплывающейся воском, и сундук у изножья — всё добро хозяйки. Но именно сундук привлёк её внимание.

Он был закрыт не до конца.

Рен цокнула языком и покачала головой. Принцессы пустыни слыли мастерами тайных дел, непревзойдёнными в скрытности, и всё же — небрежно. Параноидальная служанка непременно заметит такую халатность.

Она присела, приподняла крышку ровно настолько, чтобы заглянуть внутрь, — пальцами к вещам не касаясь. Среди складок скромных платьев и служанских рубах лежало искомое — крошечный чёрный блокнот, ничем не примечательный для непривычного глаза.

Рен ухмыльнулась.

Хесса искала не там. Будь у неё таланты Рен, она нашла бы то, что нужно.

Насвистывая себе под нос, Рен вытащила блокнот и с глухим стуком опустила крышку.

— Что ж, не виню их, — сказала она теням. — Они не Провидицы.

И исчезла.

Она проскользнула во тьму так же легко, как туман ложится на озеро: коридоры, стены, потайные ниши — и вот она уже на крыше одной из башен, ноги свесились в пустоту, а город раскинулся внизу, как дышащее чудовище.

Под бледным светом утра она раскрыла блокнот.

Страницы перелистывались под пальцами; аккуратный почерк. Повседневные распорядки горничной. Сетования на повара, в которого она втрескалась. Упоминания дружб и сплетен на нижних этажах.

Рен резко выдохнула. Пустое. Ни одна служанка не стала бы так прятать простенький дневник. «Значит, наложен мираж», — подумала она, — «настоящие записи скрыты за чарами». Без магии она увидит лишь пустую болтовню. И хотя она Провидица и её глаза пронзают многие завесы, на такие чары её силы не хватит.

Спрятав блокнот за пазуху, Рен откинулась затылком к прохладному камню и уставилась на город.

Игра раскрыта.

Оставалось решить, как в неё играть.

…

— Ну и как замужняя жизнь, сестра? Это то, о чём ты всегда мечтала? Или столь же ужасно, как все говорят? — Кай развалился в кресле, закинув ноги так, как умеют только те, кого приличия не тяготят. Улыбка — острая, насмешливая, но под ней — ещё кое-что, нечитабельное.

Мэл нашла обоих братьев в покоях Хейвен. Стол был завален наполовину съеденными блюдами и бокалами. Объяснили: Хейвен ушла обедать с принцессой Флорой Хоуторн — странный союз, хотя неудивительно. Будущая королева Королевства Тьмы не щадила себя, переплетая связи, давно разорванные, и чиня союзы, истончённые столетием холодного молчания.

— Поскольку я замужем всего один день, комментировать не возьмусь, брат, — ответила Мэл и сползла в кресло. Взгляд лег на тома, в которые был уткнут Кейдж, — тяжёлые книги, чьи слова мог распутывать лишь он, с такой одержимостью. Над ним, на шкафу, его теневой ворон — чёрные круглые глаза не моргают, сверлят их без остановки. — Почему вы в комнате Хейвен, а не в своей? — Она постучала пальцем по очереди в их сторону.

Братья переглянулись и одновременно пожали плечами.

— Кейдж, что ты скажешь о Библиотеке Пламени? — Ей нужно было попасть внутрь. Если, где и могли лежать ответы о ведьмах, пророчестве, проклятии, то там. Возможно, и что-то о Великой войне.

— Могу сказать, что тебя туда не пустят, — не поднимая глаз, произнёс Кейдж.

— Это что ещё значит? — Челюсть Мэл напряглась. Она и так знала. Ещё одно нелепое правило, ещё один запрет, ещё один способ держать женщин под плитой архаики.

— Женщин в библиотеку не пускают, — подтвердил Кейдж, не отрываясь от текста.

— Нелепость, — пальцы Мэл сжались в кулаки. — Почему женщинам нельзя в библиотеку?

Кейдж наконец поднял голову; в тёмных глазах мелькнула насмешка:

— Потому что в письменном слове есть знание. Зачем им, чтобы женщины держали такую власть над ними? — Он ухмыльнулся. — Это не выгодно Королю Огня.

Мэл глубоко вдохнула, откинулась на спинку, барабаня пальцами по столешнице. Ей нужно попасть внутрь.

— Кейдж, мне нужна услуга.

Брат вернулся к чтению:

— Опасная?

— Нет. — Она перекинулась взглядом с Каем — смешок в унисон.

— Полагаю, наш брат знает, о чём ты попросишь?

— Понятия не имею, — фыркнул Кай. — Кто вообще когда-нибудь знает, чего хочет наша дорогая сестрица?

Пальцы Мэл замерли:

— Мне нужно, чтобы ты принёс пару книг из той библиотеки.

— Зачем?

— Для… следствия.

Кейдж выдохнул, ведя пальцем по невидимой линии на краю книги:

— О чём?

— О ведьмах.

В уголке его глаза дрогнул крошечный нерв — невольная отметина, незаметная большинству.

— Ещё?

— О пророчестве и проклятии. И, может быть, что-нибудь о Великой войне.

На этот раз Кейдж медлил. Пальцы замерли, плечи едва-едва напряглись. Взгляд оторвался от страницы и уткнулся в Мэл — тихо, прицельно:

— Ты читала обо всём этом дома.

— Да. Но это не наш дом. Здесь наверняка есть то, чего у нас нет, — она не пропустила, как Кай дёрнулся на слове дом. И сама ощутила, как это слово сжимает грудь. Теперь это дом. Хочет она того или нет. Через несколько недель все уедут — в свои земли, замки, жизни, — забыв виверианскую принцессу, привязанную к драконийскому принцу ради спасения всех.

— Я уже был в Библиотеке Пламени, — голос Кейджа стал плоским. — Их писцы не дают вздохнуть, не сморщившись. Сомневаюсь, что позволят вынести хоть что-то без разрешения самого короля.

Кай усмехнулся:

— Можешь попросить мужа — Огненного придурка. — В тоне резануло что-то острое; Мэл на него взглянула.

— Нет, начнёт задавать вопросы. — Хотя, по правде, вряд ли. Эш и так едва с ней разговаривал. Но она не хотела, чтобы он слишком пристально следил за её шагами. Не хотелось подозрений. — Если тебе не дадут, придётся украсть. — Она перевела взгляд на Кая — из троицы главный проказник.

Он застонал:

— Сестра, я тебя обожаю. Правда. Но красть пыльные книги — уволь. Ты замужем за Огненным придурком, а красть у его Королевства, хоть и звучит чертовски заманчиво, не лучшая идея, пока мы пытаемся соединить земли, века друг друга ненавидевшие.

— Это не кража, это займ.

— Нет, это как раз кража, — поправил Кейдж. — Ты берёшь без разрешения. Это и есть определение.

Мэл скривилась:

— Но я верну. Это и есть определение займа. Проверь, — Кейдж уже потянулся к словарю. Прежде чем он открыл рот, Мэл выдернула книгу и стукнула им по его руке. — Хватит. Поможешь или нет?

Кейдж вернулся к строчкам:

— Ты в непосредственной опасности?

— Если скажу «нет»… это повлияет на ответ?

— Скорее всего.

— Тогда да, я в страшной опасности, брат.

Ворон каркнул зло, словно возражая. Мэл метнула в него кусок хлеба; тот прошёл сквозь тень.

— Похоже, моя тень-птица считает, что ты врёшь, Мэл, — голос Кейджа звучал легко, почти игриво — с подкладкой из стали.

— Птица ничего не знает, — бросила она вбок. — Кто знает, вдруг придётся менять. — Ворон шевельнул крыльями, обеспокоенный — хоть и не было угрозы: убить мёртвое нельзя.

— Перестань мучить Спирокса, — сказал Кейдж.

— Это не я мучаю, — Мэл уткнулась на свои ногти. — Так поможешь?

— Не знаю как. Ты сама сказала — воровать должен кто-то другой. Я много кто, но не вор. К тому же меня видели там десятки раз. Пропадёт хоть лист — первым подумают на меня.

Мэл надула губы и склонила голову:

— Если я найду того, кто сможет украсть книги, ты пойдёшь с ним? Чтобы знать, что брать? И свалим всё на него, если что.

— Подумать можно, — вздохнул Кейдж, поднимаясь. — Иногда ты меня пугаешь.

Мэл сияюще глянула на Кая:

— Это «да».

— Это «возможно».

— И куда это ты?

Кейдж одарил их уставшим взглядом:

— В свои покои. В тишину. Почитать. Один и тот же абзац уже пять раз.

— Брат, останься, выпей с нами, — Кай поднял кубок.

Кейдж обречённо вздохнул, и Мэл расхохоталась. Они всегда были такими — перепалки, колкости, много слов, потому что молчание означало признать то, что слишком больно произносить.

— Я не пью вина, — сказал Кейдж. — Как повторял десятки раз.

— Вот я всегда и чувствовал — не родственники мы, — Кай ткнул в него пальцем, довольный.

Кейдж закатил глаза. Он часто делал это с ними:

— Я спрашивал у матери бесчисленное множество раз. К несчастью, родственники.

Мэл театрально ахнула:

— Не может быть! Как Кай может быть нам роднёй? Он же невыносим.

— Невыносимо красив, — поправил Кай.

Кейдж выдохнул, бросил на них последний взгляд и вышел; теневой ворон — следом. Мэл схватила ещё кусок хлеба и швырнула в Кая.

— Это ты его спугнул.

— Перестань переводить еду, — улыбка Кая ширилась. — Знаю, ты принцесса, но стоило бы быть благодарнее. Пара недель в этой проклятой земле — и ты уже как настоящая драконийка.

Рот Мэл сложился в букву «О», миг неподдельного удивления, и смех прорвался. Громко, шершаво, с ударом ладони о стол. Смех наполнил комнату, как тепло — пустоты между ними.

Кай смотрел, медленно улыбаясь, затем налил вина. Драконийского — другого в этой жаркой, гнусной земле не водилось. Густое, красно-золотое, утопленное в мёде, такое сладкое, что казалось грехом. Он подвинул кубок.

— Это было ужасно?

Мэл как раз терла глаза. Слова смыли смех, как вода утекает меж пальцев. Она глядела на него сквозь пальцы, будто так, по частям, говорить легче.

Улыбка Кая исчезла. Голос стал тихим, и в нём звенела сталь:

— Я его убью. — Ни тени колебания. Ни следа от насмешника, что весь вечер смешил её. — Скажи — и я сделаю. Ты знаешь. Пусть все эти королевства ищут себе другую принцессу. Пусть проклинают нас вечность. Мы сядем на Виверн и вернёмся домой, и останемся там. Нам не нужен остальной мир. Только мы.

Мэл опустила руку. Встала, обошла стол, медленно, намеренно. И молча опустилась к нему на колени, устроившись, как в детстве. Прижалась щекой к его груди.

Тело Кая напряглось; руки дрогнули в воздухе.

— Он меня не трогал, — прошептала она.

Задержанное дыхание вышло у него порывом. Вся фигура осела, напряжение вытекло из него одним выдохом.

— Хорошо, — рыкнул Кай. — Попробует — пальцы переломаю.

Мэл закрыла глаза.

Одна слеза вырвалась, прежде чем она успела её остановить. Она глубже уткнулась, пряча, пряча всё. Что это значит.

Что она замужем за мужчиной, который едва умеет с ней говорить. Мужчиной, глядящим на неё, как на обязанность, терпимую обузу, на то, чего лучше избегать. Мужчиной, которого ей придётся убить, чтобы спасти мир. Мужчиной, что вырезал её родину в стенах своих покоев. Мужчиной, за которым она иногда ловит взгляд, не с ненавистью, не с неприятием, а с чем-то мягче. Почти… любопытством. Будто она — загадка. Будто на неё стоит смотреть. Единственный мужчина, который когда-либо смотрел на неё так.

— Если он прикоснётся, он узнает, что такое ярость, — пальцы Кая прошли по её диким, спутанным волосам. Голос — тёмный шёпот.

Мэл выдохнула, и тяжело произнесла слова:

— Он не прикоснётся ко мне, — прошептала она, сердце сжалось от этого отказа. — Думаю, он никогда и не прикоснётся.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 30

У принцессы Этни нет братьев. Будущим правителем драконийцев станет её сын, если он у неё будет. Я почти уверена, что король не хочет отдавать дочь за фениксийца лишь потому, что не желает видеть их у власти в собственном королевстве. Вот почему я почти уверена: он хочет выдать её за виверниица. Если она выйдет за Хэдриана, он всё равно будет скован долгом в своей земле, а их сына вырастят как будущего Короля Огня. Для драконийцев решение безупречное. Виверниицы не вмешаются: у них своих дел полно, а Хэдриану останется лишь подарить драконийцам наследника-мальчика.

Я почти уверена, фениксийцы это поняли и недовольны.

Табита Вистерия

Алина шла по замку, как буря на горизонте,— натянутая до предела, готовая сорваться с первого толчка. Гнев потрескивал в воздухе, тяжёлый, как гром, и те, кто чувствовал его кожей, спешили прижаться к стенам и дать ей пройти. Служанки торопливо приседали, и взглядом провожали принцессу, гадая, что — или кто — разжёг в ней такую ярость.

Она держала шаг ровным, дыхание — мерным, сжимая в груди кипящую волну. И снова, и снова напоминала себе: родители любят её. Пусть далеки, пусть так часто стоят поперёк дороги ей и Эшу — они заботятся. Лишь эта мысль не давала сорваться и бежать.

Мечтала об этом с пятнадцати — уйти, проскользнуть за ворота и больше не оглянуться. Но не делала. Не сделает. Пока здесь Эш. Сейчас — тем более. Даже если у него есть жена.

"Это едва ли считается" , — зло подумала Алина.

Мэл Блэкберн — не настоящая жена Эшу. Ею не будет. Она ничего о нём не знает: ни о ноше, ни о его тихих битвах под грузом ожиданий. И — хуже всего — знать не желает.

Алина фыркнула. Конечно. Виверниийскую принцессу силком сосватали с чужим — не она бы, не стала бы заботиться.

От мысли легче не стало.

Стража у дверей покоев её матери молча распахнула створки. Алина вошла, сохраняя лицо ровным, голос твёрдым. Королева Сира сидела у окна; золотистый свет ложился ей на загорелые руки, пока кисть тянула по холсту длинные жёлтые дуги фрукта в вазе.

— Мам.

— Одну секунду.

Кисть не дрогнула. Алина стиснула кулаки, заставила себя сесть. Секунда вытянулась в минуты: мать писала, как будто миру больше нечего делать.

Наконец королева выдохнула, отложила кисть. Повернулась, оглядела Алину прищуром. Потом кивнула слуге:

— Подай очки.

Тонкая золотая оправа легла ей на переносицу. Морщина между бровей углубилась.

— Шов на платье расползся. Как ты могла не заметить?

— Это не важно!

— Элегантность всегда важна, дорогая.

— Мам, — Алина вскочила и пошла, не в силах усидеть, — утром я обнаружила у себя новое платье. Портной сшил по твоему заказу. О котором я даже не знала.

— И по какой-то причине ты его не надела.

Алина тёрла ладонь о ладонь — давняя дурная привычка.

— Не ёрзай. Принцессе не к лицу такие уродливые жесты.

Алина напряглась, спрятала руки за спину.

— Мам. Платье, что мне принесли, было бело-золотым.

Тишина.

Лицо королевы не изменилось. Она просто взяла кисть снова и отвернулась к холсту, будто слова ничего не значили. Но это значило. Цвета значат. Они чертят границы королевств, клеймят верность, разделяют кровь; они говорят без слов — о прошлом, союзах, войне.

А белый и золото…

Алина шагнула ближе, сердце билось в горле.

— Мы не носим белого и золотого, мам. Это цвета Дома Солнца.

— Я в курсе, Алина, — отозвалась мать, макая кисть в оранжевую краску. В голосе — раздражение, но походка всё так же величава. — Почему бы тебе не задать вопрос, который тебе действительно нужен? Тогда закончим эту глупую беседу.

Алина втянула воздух, удерживая себя от взрыва. Внутри шептал голос: ломай. Сдёрни простыни, разбей банки с краской, сожги платья, что висят ровным рядом. Вместо этого она снова села и, выровняв тон, сказала:

— Отец сегодня что-то объявит?

— Да.

Воздух потяжелел.

— Меня обручают с фениксийским принцем? С Захианом Нуром.

— Да.

Слова рухнули между ними как камни.

И буря в Алине сорвалась.

Она осела в кресло, позволив тяжести лечь плотным саваном. Она всегда знала, что этот день придёт. Понимала с той минуты, как смогла внятно мыслить о жестоких кружевах крови, что мужа себе она не выбирает. Выбора не было и быть не могло. Она — фигура на доске, марионетка в чьих-то сильных руках. Как Эш. Свободы нет: ни любви, ни даже привязанности. Они сделают, как делали до них: кивнут, улыбнутся, сдадут своё будущее на волю трона.

В воображении уже вставала картина.

Её укутывают в фениксийское бело-золотое; она сидит на огромном фениксе Захиана Нура, улетает в королевство света и искр, прочь от всего, что знала. Пиры без конца, улыбки мужчинам, видящим в ней лишь политический трофей. Потом — рано, слишком рано — наследник. Ребёнок, что на миг заберёт на себя мир, прежде чем мир потянется за следующей вестью, следующим ребёнком, следующей выполненной повинностью. Годы пройдут, и она растворится в тихом небытии: не принцесса, а женщина, «сделавшая своё». Захиан будет продолжать плести интриги, подбирать браки их детям, решать, кто достоин, кого используют,— а она… она просто будет. Забытая принцесса.

Алина сжала челюсть.

— Почему Захиан Нур? — спросила ровно. — Он не наследует трон.

Королева чуть повела плечом так же легкомысленно, как последовали слова:

— Три сестры.

Сказано так, будто цифра не имеет веса.

— Я слышала и о тех, кто имел куда больше старших и становился королём.

— Но почему отец…

Королева обернулась, сталь в её взгляде сверкнула:

— Нам нужны союзники, Алина. Ведьмы крепнут, точат на нас ножи. Нас поставят на колья, если мы не подготовимся. Чем больше брачных уз, тем прочней наш Дом.

— Ведьмы? — Алина поднялась. Королева отступила от мольберта и, ни капли не смутившись, потянулась за вином. — Ведьмы слабы. Никто их не видел больше десяти лет. Они, скорее всего, мертвы.

Королева фыркнула изящно, презрительно:

— Ведьмы куда сильнее, чем всем кажется. У меня повсюду шпионы. Они рассказывают мне, что видят.

— Даже если это правда. Брак с принцем Захианом ничего не меняет. Я могла бы выйти за другого. Принц Брин из Дома Снега примерно моего возраста. Почему не он? — Она не хотела за него, но хотела понять. — Он станет королём.

— Хочешь провести жизнь взаперти в ледяном дворце? — усмехнулась королева, голос заострился. — Фениксийцы нам сродни. Того же бога чтут. Обычаи близки. И соседи по границе. И перестань говорить о Захиане Нуре так, будто он дряхлый старик. Он красивый молодой мужчина, на пару лет старше тебя.

— Но отец…

Королева рассмеялась. Не мягко, не дыханием,— остро, знобко:

— Ты правда веришь, что твой отец вообще что-то планирует? Не будь глупой, Алина. Мне не дан голос в этом королевстве, так я шепчу на ухо тому, у кого он есть. Твой отец не заметил бы войну у ворот, пока она не врежется ему в лицо, и то не поймёт, что делать. — Красивое лицо на миг потемнело. — Как ты думаешь, кому пришла в голову мысль выдать Эша за вивернийскую дрянь? Что он сам до этого додумался?

— Зачем? — Желудок Алины скрутило.

— Потому что, Алина, есть пророчество. И Эш — Избранный. Он спасёт нас от ведьм, когда они придут. А пока готовимся к войне.

Алина уставилась. Впервые в жизни подумала: а не сошла ли мать с ума? Может, подготовка к свадьбе её доконала. Непосильная ноша — держать под крышей всех великих людей, штопать союзы, усмирять шёпот двора, нравы принцев и принцесс, их тихие войны вежливости и лжи.

Может, всего этого слишком много.

— Однажды ты станешь королевой Королевства Света, — сказала мать, неторопливо улыбаясь. — Брат будет править здесь, а ты — ими. Я видела это.

— Мам, — сухо проговорила Алина. — Марина Нур — их будущая королева.

Она говорила это раньше. Скажет ещё.

Но теперь мать улыбнулась шире и улыбка стала некрасивой. Холодной. В ней пахло угрозой.

— На это всегда есть решение.

…

Кай услышал визг ярости ещё до того, как увидел её.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Растянувшись на каменной скамье под тенью старого дерева, он перебрасывал яблоко по дуге, ловя ленивым рывком. Утро сулило скуку, вязкую, как жара этой проклятой земли; но, похоже, удача улыбнулась. Из-под арки сада ворвалась принцесса Алина: руки на бёдрах, золотые юбки рассекают воздух. Она что-то бормотала сквозь зубы — остро, ядовито,— и гнев вздымался вокруг неё, как пламя.

Как всегда великолепна. Золото платья закрывало её всю, оставляя работу воображению; Кая это только забавляло. Он часто думал, каково — распеленать то, что спрятано под шёлком и кружевами, добраться до женщины под бронёй долга и запретов. Солнце поймало её блонд — жидкое золото; глаза — самые обычные для драконийцев карие — держали в себе нечто большее, чем цвет. Они горели внутренним огнём, глубиной, которой, казалось, и она сама ещё не знала.

— Вас что-то тревожит, принцесса? — Кай приподнялся, щурясь от света.

Алина ахнула, разворачиваясь, всплеск испуга сменился досадой:

— Да чтоб тебя!

Она выдохнула, собралась, шагнула ближе, раздражение всё ещё шипело в воздухе.

— И что ты делаешь?

— Греюсь на солнце.

Алина наклонила голову:

— Я думала, вивернийцы ненавидят жару. Разве ты не проводишь дни, стонешь, как здесь жарко?

Кай лениво оскалился:

— Вы так внимательно следите, от чего я издаю стон, принцесса?

Краска залила ей шею.

— Не перекручивай! Мне всё равно, от чего ты стонешь, — она скрестила руки, прикусила губу; злость, похоже, нашла новый объект — его. — У меня заботы поважнее.

— Например?

Кай откинулся, потянулся, как довольный кот. Он не мог вообразить, что может заботить Алину Ахерон. Она — королевская кровь: холена, любима. Ест лучшее, носит самое дорогое, делает что хочет. Ну… почти. Странные правила этой земли и бесконечные запреты для женщин он ещё не понял.

Алина вздохнула, опустилась рядом на скамью.

— Меня выдают, — пробормотала тихо, почти по-детски, — за Захиана Нура.

Кай закинул голову на спинку, простонав:

— Это который?

— А разве важно?

— Ну… Если уж меня силком женят, я бы предпочёл, чтобы мне хоть немного нравился человек, — ухмыльнулся.

— Мне всё равно. Меня увезут в чужую землю и сунут мужчину, которого я едва знаю. Он… — она скривилась, — будет подсаживать детей в мой живот, а потом забудет обо мне.

— В твоей живописной подаче звучит действительно мерзко, принцесса.

— Ты издеваешься. Опять.

— Не посмел бы. Не после прошлого раза.

Он прекрасно помнил жар её губ, как она поцеловала его, будто тонула, а он единственный воздух. Но когда он отступил, когда остановил, в её глазах вспыхнула ярость — жарче всякой драконьей кузни.

И вот она снова здесь. Ищущие глаза. Неуверенность.

— Я не знаю, что делать, — призналась она, маленькие кулаки сжались.

Кай посмотрел на неё.

— Скажи «нет».

— Что? — Она моргнула словно у нее не возникало такой мысли. — Сказать «нет»? Королю и королеве Дома Пламени? Они сожгут меня заживо.

— Пробовала?

Алина уставилась так, словно у него выросла вторая голова — смесь неверия и досады:

— Нет, конечно… Но так не говорят им.

Кай наклонил голову, в тёмных глазах насмешка:

— Иногда, если мы никогда не говорим «нет», другой начинает верить, что этого слова не существует. Может быть, принцесса, если ты рискнёшь его произнести, родители поймут, что ты способна отказывать. И — страшно подумать — даже начнут уважать.

Она фыркнула, мысль показалась нелепой:

— Не знаю, как у вас, — скрестила руки, — но тут мои родители «нет» не принимают.

Кай взглянул в крону над ними: ветви ломились от незнакомых плодов. Земля чужая. Но по своему королевству он не скучал.

— У наших деревьев белая кора и чёрные листья, — сказал он. — Они падают лишь когда кто-то входит в Лес Беззвучных Плачей. Каждый лист — душа, привязанная к земле. Он опадёт, только когда душа вернётся домой.

Гнев Алины растаял в тихом чуде.

— А что будет, когда все листья опадут?

Кай улыбнулся:

— Я такого не видел, принцесса. Когда в мир приходит новая душа, рождается новый лист, — он выдохнул, глядя в небо. — Время — река. Как бы ни хотели её повернуть — назад, вперёд, остановить — не выйдет. Река течёт. Всё, что можно, — позволить ей вести.

— Значит, ты думаешь, мне стоит выйти за Захиана.

Кай хохотнул:

— Думаю, принцесса, что за тебя не должны думать другие.

Он посмотрел ей прямо в лицо, ища в нём смелость встать поперёк всем, кто пытается её согнуть. Он знал, как она крепка, как остра, как способна. И всё же… она колебалась.

Трудно ломать землю, построенную на костях древних обычаев. Но, может быть, если у них будет вивернийская будущая королева, что-то изменится.

Губы Алины дрогнули в мягком. Тёплом. Улыбка — как солнце по коже. Она подалась вперёд, взгляд соскользнул к его губам.

Дыхание Кая сорвалось. Он знал, чего она хочет. Каждая жила в нём вопила — сократить расстояние, притянуть, целовать, пока не забудет всё, кроме вкуса ее губ. Плевать на последствия, на честь. Просто взять, что хочешь.

Но Алина обручена. И как бы ни просили её глаза, он знал правду.

Она не его хочет.

Она хочет выбора. Это не о любви. И не о желании. Это о власти. О контроле.

— Ты не хочешь меня поцеловать? — спросила она, голос дрогнул.

— Поверь, хочу, принцесса.

Глаза сузились:

— Тогда почему не целуешь?

Кай резко поднялся, отступил, пока не передумал. Облизнул губы, во рту горчило сожалением.

— Почему? — взвилась Алина.

— Потому что целовать мы будем… ради разных вещей.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 31

Подарки прибывали с самого утра. Помолвка Хэдриана с принцессой Этни — вот о чём теперь говорит весь мир. Мы сейчас в Королевстве Огня, где проходят торжества. Меня отправили сюда от имени Совета, чтобы поздравить пару, но я не могу отделаться от мысли, что мать сделала это нарочно, захотела, чтобы я увидела, как виверian, которого я люблю, празднует помолвку с другой. Думаю, она полагает, что это заставит меня разлюбить его. Не заставит. Я всегда буду любить Хэдриана.

Табита Вистерия

Мэл наткнулась на одинокое дерево случайно.

Оно стояло на краю леса, на вершине выжженного солнцем холма, где трава выгорела и пожелтела до ломкости. Она нашла его во время одной из своих бесконечных беспокойных прогулок, тех, что без цели и конца, под беспощадным небом, от жара которого перехватывало дыхание.

Она не могла идти в Храм Огня — их бог был не её богом. Их алтари, их ладан, их молитвы… всё это принадлежало миру, который она никогда не назовёт своим.

Но это дерево, одинокое, стоящее на пустом холме, напомнило ей дом.

Поэтому она вернулась, неся в руках узелок с фруктами, оставленный служанками. Это было не настоящее одинокое дерево, не в том смысле, как знали их её народ. Его кора была не белой, ветви не голыми. Эта земля не признавала её богов, и возможно, они сочтут оскорблением её колени, преклонённые на неосвящённой почве, — но она всё равно должна была попытаться.

Она просила о священном месте — о простом алтаре, об одном одиноком дереве, посаженном по всем обрядам. Драконийцы выслушали её безразлично, лица их остались непроницаемы, и она так и не поняла, исполнится ли просьба. Она даже думала обратиться к Эшу, но в последнее время он словно избегал её.

Мэл тяжело выдохнула.

И опустилась на колени под этим неосвящённым деревом.

Осторожно вырыла ямку в сухой земле, положила туда фрукты и бережно прикрыла. Затем опустилась ниже, прижала лоб к почве и прошептала молитвы в пыль.

Говорили, что когда-то, очень давно, боги отвечали. Что они говорили, их голоса пронизывали ткань мира, связывая творения своей волей. Но потом случилось нечто. Что-то их разгневало, и теперь они молчали.

Мэл не верила, что они покинули людей совсем. Нет, боги слушали. Просто выбрали не отвечать.

Солнце было беспощадным, вонзая зубы в её нежную кожу, предупреждая, что она задержалась слишком долго. Последний взгляд на приношение, и она повернулась, чтобы уйти…

Хруст.

Шаги.

Мэл застыла, чувствуя, как по шее поднимаются крошечные мурашки.

Она резко обернулась, окинула взглядом пустую равнину. Никого. Дерево, золотая трава, безбрежное небо — всё неподвижно. Но звук был. И шел он только из леса.

Может, странник, как и она.

И всё же…

Что-то другое. Скользящее по позвоночнику ощущение — знание, что она не одна. Что за ней наблюдают.

Мэл двинулась быстро. Вошла в лес, лавируя между стволами, шагая без направления, но слушая, всегда слушая.

Кто-то шёл за ней.

И шёл умело.

Слишком умело.

Она слышала шаги, но не могла определить, где.

Она помнила совет брата: *если за тобой гонятся, не беги. Бегущий — добыча. Остановись. Подожди. Пусть охотник выйдет к тебе сам.*

Мэл остановилась.

Медленно выдохнула, встала прочно, напряглась. Если враг, он не успеет и взять клинок. Она была одной из лучших бойцов всех королевств. Она закончила бы бой до первого движения.

— О-о-о, приве-е-ет!

Голос раздался сверху.

Мэл вздрогнула; тело предало её, сдав короткий вскрик. Она успела лишь поднять взгляд…

На толстой ветке висела вниз головой девушка. Улыбалась Мэл с лукавством лесного духа, чуть покачиваясь, совершенно непринуждённая.

— Ты меня не узнала. Ничего, я бы тоже не узнала. Но ты встречала моего брата, когда представляли наш Дом. Он — Брин, из Дома Снега. А я его близнец, Рен Уинтер. Он родился на две минуты раньше, и теперь ему достаётся корона, а мне — всё остальное удовольствие.

Мэл раскрыла рот, но Рен продолжала, слова текли легко, будто дыхание.

— Извини, если напугала. Я иногда такая незаметная, что сама пугаюсь, когда вижу свою тень ночью, спускаясь на кухню за перекусом. У тебя бывало? Папа говорит, я прирождённая ходок по снегу. Мы, вольверийцы, умеем ступать по снегу так, что и следа не остаётся. Так что по твёрдой земле, вроде этой, двигаться ещё легче — нас и не услышишь.

Легко, будто ничего не весила, Рен перевернулась и спрыгнула на землю.

Она была невысокой — ниже Мэл, — но совершенно похожей на брата. Те же острые черты, те же глаза-льдинки. Мэл помнила близнеца, Брина Уинтера, с королевских приёмов — вежлив, безупречен, как все из благородных Домов. Вольверийцы — народ льда и снега, их королевство лежало далеко на севере, в краю вечных бурь. Их славили за многое — ледяные замки, умение охотиться в метель.

И, конечно, за их волков.

Белых, огромных зверей, способных нести троих всадников на спинах.

Мэл разглядывала Рен, эту странную вольверийку, сумевшую пройти по лесу, не оставив ни следа.

Рен Уинтер будто соткана из самой зимы. Кожа, волосы — белые, как нетронутый снег, словно её вылепили из инея и льда, а не из плоти и костей. Все вольверийцы рождались такими, созданные богами, чтобы сливаться с замерзшими просторами своей земли, исчезать под серебряной тишиной метелей. Единственное, что отличало их от призраков зимнего дыхания — глаза, бледно-голубые, почти белые.

Существо льда под палящим солнцем.

Мэл смотрела, любопытствуя:

— Ты следила за мной?

— Да. — Брови Мэл приподнялись от прямоты ответа. — Но выслушай. Я шла по двору замка, ругалась, что жара меня растопит. Хотела спуститься на кухню, украсть немного льда, чтоб закинуть под рубашку… — Рен поморщилась. — То есть не украсть, а одолжить.

— Как можно одолжить лёд?

Рен задумчиво хмыкнула:

— Справедливо. Так вот, шла я, значит, и заметила странность. Служанка, что должна лежать больной в постели, впустила в замок другую служанку. А та — незнакомка, я её никогда не видела.

Мэл нахмурилась:

— И ты знаешь каждую служанку этого замка?

Рен пожала плечами, без малейшего смущения:

— Мне быстро становится скучно.

Разумеется.

— Так вот, — продолжила Рен, — с тех пор, как я здесь, ни одну служанку не меняли. Новых не приходило, старых не увольняли. Почему вдруг появляется новая? Да ещё так странно? И главное — служанка, что впустила другую, была твоя прежняя — Вера.

— Вера? — Мэл покачала головой. — Не может быть. Мне сказали, что она больна и лежит в постели. Может, уже поправилась.

— Ладно, можешь не притворяться. Я знаю, что ты знаешь: твоя Вера — ведьма.

— Я такого не говорила.

— А она — ведьма, — фыркнула Рен. — Вера должна была отправиться в Королевство Магии, добыть волшебный кинжал по поручению королевы Сиры, чтобы Эш Ахерон вонзил его тебе в сердце.

Желудок Мэл свело. На мгновение мир расплылся.

Кинжал.

Оружие для её сердца.

Голос сорвался:

— Эш собирается… убить меня?

— О нет. Он понятия не имеет. Это его мать собирается заставить его сделать это, — Рен засмеялась — тихо, почти музыкально, будто сама мысль казалась нелепой. — Не бойся, он этого не сделает.

— Ты уверена?

— Абсолютно. Я этого не видела.

— Не видела? — нахмурилась Мэл. — Он же ещё не получил кинжал, значит…

— Ох, я забыла упомянуть, — Рен хлопнула себя по лбу. — Я Провидица.

Земля качнулась под ногами Мэл. Провидица. Её мысли закружились. Она знала лишь одну — ту, что жила глубоко в Лесу Безмолвных Плачей. И никогда не думала, что есть другие.

А вот она — Рен Уинтер, тонкая вольверийка в мальчишеской одежде, совсем не похожая на тех, кого называли прорицателями. Но Мэл давно усвоила: сила не всегда являет себя в ожидаемом обличье.

Она собралась.

— Значит, нужен особый кинжал? — спросила. — Ты знаешь, где он?

— Увы, нет. Я не управляю своими видениями. Большинство из них расплывчаты, как загадки. Мне дают осколки, которые я потом складываю сама.

— Какие видения у тебя были?

Впервые Рен замялась. Прикусила щёку, будто не решаясь.

— Ну… всё сложно. Некоторые я понимаю не сразу, пока не увижу всю картину. Но вот одно — точное: ты вонзаешь кинжал Эшу Ахерону в сердце и убиваешь его.

Мэл ахнула.

Мир перевернулся.

Это было настоящим. Всё. Она знала, конечно. Всегда знала, что её привели сюда ради одной цели. Но услышать это вслух, так уверенно, — ледяная волна пронзила вены.

Тошнота подступила к горлу.

Она не хотела разрушать проклятия. Не хотела быть той, что спасёт мир. Впервые она просто хотела бежать.

Исчезнуть.

Никогда больше не держать кинжал.

Она сглотнула, подавляя рвотный ком.

— Так как же то, что ты видела служанку Веру, — привело тебя ко мне? — хрипло спросила Мэл. Голова болела, мысли путались.

— Потому что Вера на мгновение испугалась, — ответила Рен. — И мне стало любопытно, что её так напугало. А это была ты — шла из замка. Вы были совсем рядом, но с твоего места ты её не видела. Зато она видела тебя-а-а-а.

Мэл отвернулась от вольверийки, вслушалась в шелест листвы. Ветер — горячий, драконий — касался ветвей; для неё он жёг, для местных — был прохладой. Она ждала, что услышит шёпот богов — знак, ответ, хоть что-нибудь.

Но деревья шептали только сами себе.

Боги не отвечали.

С трудом подавив разочарование, Мэл снова обратила внимание на Рен.

Ей предстояло найти Веру. Поговорить с ведьмой, что пряталась под личиной драконийской служанки, и потребовать правду, ту, что слишком долго скрывали от неё.

Но прежде другое. Гораздо важнее.

Кинжал.

Если она найдёт его, если сумеет владеть им, — она сможет положить конец проклятию.

— Что ещё ты можешь сказать о кинжале или о проклятии? — спросила Мэл.

Рен медленно выдохнула, будто разматывая клубок древних знаний.

— Ну… большинство верит, что проклятие появилось из-за Великой войны, что разделила королевства, некогда единые. Но есть записи — письменные свидетельства — в которых говорится, что впервые о нём упомянула принцесса Этни. Говорят, в тот миг, когда война закончилась и ведьмы были побеждены, крики прокатились по всем королевствам. А потом… — она запнулась, голос стал тише. — Потом говорят, что почти каждый король и каждая королева — кроме их детей — умерли во сне. Все. В одно и то же время.

По позвоночнику Мэл пробежал холодок.

— Никто не смог объяснить, — продолжала Рен. — Теперь это называют чумой. Несчастным совпадением. Но королева Этни — перед самой смертью — сказала, что

это не случайность. Она утверждала, что Табита прокляла их всех за то, что они сделали с ней.

Мэл нахмурилась.

— Но ведь Табита околдовала принца Хэдриана. Заставила его магией нарушить обет и предать Этни.

Рен пожала плечами.

— Табита, по сути, и стала причиной войны. Если бы она не наложила чары на Хэдриана, не вынудила его разорвать брачный обет, войны бы не случилось. Говорят, когда она поняла, что сделала, что обрекла собственное королевство на гибель, её захлестнуло отчаяние. И в своём горе она произнесла последнее заклинание.

Сердце Мэл забилось быстрее.

— Проклятие.

— Проклятие, — подтвердила Рен.

Между ними повисла тишина — густая, как нераскрытая правда.

Наконец, Мэл задала вопрос, что мучил её с детства:

— Кто-нибудь вообще знает, что сделает проклятие, когда истекут сто лет? —

Она слышала только обрывки — догадки, предания. Никто не знал точно. Лишь то, что, когда наступит столетняя годовщина войны, случится нечто страшное.

Рен склонила голову.

— Есть слухи, — призналась она. — Одни говорят, что все короли и королевы умрут, как и их предки. Другие — что чёрный туман опустится на земли, утопив всё в вечной ночи. А третьи шепчут, что, если проклятие не снять, ведьмы восстанут и перережут нас во сне. — Она фыркнула. — Последнее, конечно, преувеличение, но суть в том, что никто не знает. Известно лишь одно: когда сто лет завершатся в ночь смерти Хэдриана… что-то придёт за нами.

Лёд лёг тяжестью на грудь Мэл.

— Вот почему, — сказала Рен, — даже если Провидцы не видят, что произойдёт, большинство всё равно пытается остановить это. Я видела ведьм в своих видениях. Видела великую битву, войну, что расколет мир. И… — она замялась, — видела тебя, Мэл. Видела, как ты вонзаешь кинжал в сердце Принца Огня.

Дыхание Мэл сбилось.

Она знала. Знала с того момента, как ступила на эту землю. С того мига, как пророчество сомкнуло на ней невидимые цепи, связав с судьбой.

Но услышать это — из уст той, кто видел…

Это делало всё реальным.

Руки дрожали.

— Значит, что бы я ни сделала, будет новая война? — прошептала она.

Рен вздохнула:

— Если не остановишь проклятие, войны не будет. Потому что не останется никого, кто мог бы сражаться. — Её слова вошли в кости, холодом. — Но, если ты снимешь его, наши королевства потекут кровью. Мир, что держался на тишине, расколется, и война начнётся вновь. Мы, Провидицы, видим. Но пока другим нет веры в наши слова, они пусты, как воздух.

Мэл резко вдохнула, заставляя себя собраться.

— Мне нужно найти этот кинжал, — сказала она, чувствуя, как тяжесть неизбежного давит на грудь. — Откуда ты знаешь, что он способен разрушить проклятие?

Взгляд Рен потемнел.

— Потому что кинжал принадлежал Хэдриану.

Она замолчала.

А потом, с торжественностью смертного приговора, добавила:

— Это тот самый кинжал, которым Табита убила его. И тот, которым потом убила себя.

***

Рен следовала за Мэл по тусклым коридорам, пока они не дошли до покоев Кейджа Блэкберна. Комната тонула в полумраке: тяжёлые шторы наглухо закрывали свет. Воздух пах чернилами и пылью, старой бумагой и воском. Книги и свитки лежали повсюду — сброшенные с полок, наваленные на пол, раскиданные даже по кровати, превращённые в хаотическую симфонию знания.

В центре стоял Кейдж с виолой в руках. Пронзительная мелодия, которую он играл, оборвалась, когда взгляд наткнулся на двух незваных гостей в дверях.

Тёмные глаза сузились от раздражения, но за раздражением мелькнуло нечто иное — острое, настороженное любопытство. Не к сестре.

К ней.

Рен никогда не умела распознавать чужое смущение.

— О, здравствуй! — весело пропела она, шагнув вперёд с напором северного ветра. — Я Рен. Рен Уинтер. Сестра Брина Уинтера, будущего короля Королевства Льда. Ну, не прямо будущего, так нельзя говорить — бедный папа бы в ужас пришёл. Но он ведь не молодеет! — Она подошла ближе, глаза блеснули, заметив инструмент. — О, я всегда мечтала научиться! Покажешь? Все мои братья и сёстры играют на чём-нибудь нелепом. Мама говорит, у меня нет слуха — что бы это ни значило. А один мальчик говорил, что у меня прекрасный голос, может, она ошибалась. Или он был слишком пьян ледяным бульоном. — Она обернулась к Мэл и подмигнула: — Ледяной бульон — это наш напиток, с кучей льда. Делает людей весёлыми. Но я не пробовала — папа говорит, если попробую, никогда не заткнусь.

Кейдж не двигался.

Не раздражение.

Не любопытство.

Он смотрел на неё, как на странное существо, которого впервые видит и не знает — ядовито оно или нет.

Медленно повернулся к Мэл и хрипло спросил:

— Почему она так говорит?

Мэл закатила глаза.

— Она просто весёлая. Тебе бы поучиться.

— Я в порядке, благодарю, — сухо ответил Кейдж, закрывая футляр от виолы с окончательностью приговора. — Зачем ты в моей комнате, сестра?

— О-о-о, мы с тобой пойдём красть документы у стариков в библиотеке! — пропела Рен, глаза сияли проказой. — Мэл уже объяснила, почему сама не может идти.

— Правда? — Взгляд Кейджа потемнел.

— Конечно, — кивнула Рен с пылом. — Она ведь жена Принца Огня, не может быть уличена в краже, если хочет стать будущей королевой этой земли. А вот мы — можем!

— Нет, не можем, — отрезал Кейдж. Лицо стало мрачным, как грозовая туча. Он резко повернулся к Мэл. — Ты сказала, нужно лишь найти кого-то, кто украдёт их!

— Та-да! — Мэл похлопала Рен по спине, быстро развернулась и выскользнула за дверь. — Удачи!

Дверь захлопнулась.

Кейдж стоял молча.

Смотрел.

Рен, совершенно не смущённая, щёлкнула языком и принялась разгуливать по комнате, касаясь всего подряд. Время от времени вытаскивала книгу или свиток, и Кейдж с раздражением вырывал их обратно.

Наконец, терпение лопнуло.

— Почему моя сестра выбрала именно тебя для кражи?

— Потому что я воровка, шпионка и Провидица.

Кейдж замер.

— Провидица?

— Угу. Я вижу вещи.

— Я знаю, что делает Провидица.

— Просто уточняю, а то показалось, будто ты на миг потерял нить, — она сняла ещё одну книгу. — Когда идём в библиотеку?

— Ты девушка. Женщинам туда нельзя. — Но прежде, чем он успел продолжить, она схватила его за руку и потянула. Кейдж застыл. Его никто не трогал. Никогда.

Это было негласное правило — не озвученное, но понятое всеми.

И вот эта невыносимая, нелепая, крошечная вольверийка просто взяла его за руку, как старого приятеля.

Без страха. Без сомнения.

Рен уловила выражение на его лице и тепло улыбнулась:

— Всё хорошо, — сказала она нежно. — Привыкнешь.

Кейдж выдернул руку, зарычав:

— Сомневаюсь.

И всё же пошёл за ней.

С величайшей неохотой.

Одна мысль о том, что ему придётся слушать её всю дорогу до библиотеки, была мучительной. Она не шла — порхала, лёгкая, быстрая, полная неистощимой энергии. Говорила без умолку — живо, напористо, с тем голосом, в котором искрилась проказа.

Кейдж стиснул челюсть, стараясь не показать раздражения.

— Тебе бы понравился мой брат Брин, — заметила Рен, бросив на него лукавый взгляд.

Кейдж едва глянул в её сторону:

— Почему это?

Спрашивать не следовало.

— Потому что он тоже высокий, мрачный и любит хмуриться.

Лоб Кейджа нахмурился.

— Я не хмурюсь.

Рен рассмеялась — звонко, чуть гнусаво, до боли по ушам.

— О да. Вы точно поладите.

Кейдж шумно выдохнул носом.

Она едва доставала ему до плеч, но держалась так, будто владела каждым помещением, куда входила. Он посмотрел на неё сверху вниз, глаза блеснули сталью.

— И с чего такая уверенность? — протянул он. — Ты это видела в видении?

— Нет, просто чувствую, — Рен улыбнулась, ослепительно, без тени смущения. — Но тебе стоит мне доверять, Кейдж Блэкберн. Я ведь вижу вещи.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 32

Совет держит меня в разъездах — из одного королевства в другое. Порой я месяцами застреваю в чужой земле, занимаясь очередной нелепицей по воле Совета. И всё же не могу отделаться от мысли, что это нарочно — держать меня как можно дальше от Королевства Тьмы. Каким-то образом им известно, что между мной и Хэдрианом случилось нечто. И они не хотят, чтобы это повторилось. Так вот я здесь, застрявшая в Королевстве Льда, смотрю, как снег падает из их серого неба, и думаю, чем занят Хэдриан и вспоминает ли он обо мне так же, как я о нём.

Табита Вистерия

Послеобеденное солнце заливало сады золотым светом: там устраивали пышный пикник. Смех поднимался к открытому окну — жестокий контраст неподвижности в комнатах Алины.

Она стояла перед зеркалом и смотрела на отражение — на девушку в белом и золоте, на девушку, которую не узнаёт. Платье мерцало, как солнечные блики на воде, — мастерское творение, призванное возвестить её помолвку с принцем Захианом. Оно было восхитительно. Оно душило.

По щеке скатилась одинокая слеза, тихая дорожка по гладкой коже, исчезнувшая под кружевом воротника.

За окном жизнь шла своим чередом. Тонула только она. Только она чувствовала, как неизбежность давит на рёбра.

Эш ещё не знал.

А когда узнает…

Она не представляла, как он это примет, но точно нелегко. Всю жизнь они были щитом друг другу; их узы — тихий бунт против мира, даже против родителей. Но впервые Алина усомнилась: сумеет ли Эш спасти её теперь.

Хотя бы платье красивое, горько подумала Алина.

Дверь скрипнула, вошла королева Сира. Острый взгляд скользнул по комнате с привычным холодным неодобрением и остановился на дочери.

— Почему ты не снаружи? Отец вот-вот сделает объявление.

— У меня болит голова,— если изобразить недуг, который так часто запирает мать в её покоях, вдруг королева смилуется.

— И?

— Мне нужно было прилечь на пару минут.

Королева закатила глаза:

— Хватит, Алина. Живо вниз.

Очевидно, план провалился. Ладно. Пора к следующему.

Алина резко обернулась и встретила взгляд матери смелее, чем чувствовала.

— Нет.

— Что-о?

Пульс грохнул в ушах. В животе развернулась волна страха, она не хотела, чтобы это прозвучало так резко, так окончательно. Но было поздно.

— Я сказала — нет.

Королева рассмеялась — звуком без смеха: сухо, презрительно.

— Не будь смешной, дитя. Пойдём. — Её пальцы потянулись схватить Алину за руку, но принцесса отступила на шаг, но достаточно.

Маленькое неповиновение.

И его хватило, чтобы в гладких чертах матери треснула первая трещина настоящего раздражения.

— Я начинаю злиться, Алина.

— Мне всё равно,— Алина медленно вдохнула, заставляя руки перестать дрожать. — Я не желаю выходить за принца Захиана. Я отказываюсь.

Она не собиралась следовать совету Кая так… агрессивно. Но слова сами сорвались, и пути назад не было.

Лицо матери помрачнело; следа притворного терпения не осталось.

— Ты сделаешь то, что лучше для семьи. Поставишь нас превыше себя, эгоистка, — прошипела королева.

— Как ты поступала со своими детьми?

Пощёчина опередила боль.

Резкий, хлещущий звук расколол тишину.

Алина ахнула: воздух вышибло, голова дёрнулась в сторону. От силы удара подогнулись колени. Горячая боль вспыхнула на щеке, и, прежде чем она смогла удержаться, глаза наполнились слезами.

Её били и раньше. Но не так. Не с такой силой. Не с такой окончательностью.

Грудь королевы часто вздымалась, но она быстро взяла себя в руки, пригладила платье, будто ничего не случилось. Повернулась к зеркалу, проверяя, чтобы ни одна золотая прядь не выбилась. Голос, ровный, холодный:

— Дам тебе несколько минут привести себя в порядок. Через пять минут жду тебя в саду, Алина.

И, не бросив больше ни взгляда, вышла. Дверь мягко щёлкнула.

Алина не услышала, как мать ушла. Не услышала шёпота служанки, что прижимала к щеке холодный лоскут. Не почувствовала влажного холода на пылающей коже. Она просто сидела на краю кровати и смотрела в окно, на чистое голубое небо за ним.

Всю жизнь она делала то, что от неё требовали.

Повиновалась.

Следовала правилам.

Сидела молча, пока мужчины говорили поверх неё, и смеялись, стоило ей осмелиться иметь мнение о вещах, «слишком сложных для женщины».

Она была куклой. Красивой, нежной, пустой. Куклой, созданной улыбаться, быть на виду, вызывать зависть. А теперь стала ещё хуже.

Теперь — товаром.

Телом, которое продадут за власть. Её мечты, желания, страхи — ничего не значили.

Она — не человек.

Не принцесса.

Она инструмент.

Инструмент, который отполируют и украсят, будут использовать, пока нужда не пройдёт. А потом? Как всё, что потеряло цену…

Её выбросят.

Алина поднялась, не слушая встревоженных возгласов служанок. Их руки тянулись к ней, голоса торопили, но решение уже принято. Она побежала.

По длинным золочёным коридорам её шаги почти не звучали по отполированному полу. Она чувствовала взгляды, удивлённые, расширенные, шепчущие ей вслед. Принцессы не бегают. Принцессы скользят — грациозные, безупречные, созданные для изящества.

Но Алина не остановилась.

Она двигалась целеустремлённо, хоть и не знала, куда именно. Она искала, гналась за одной мыслью, одним именем, одним человеком, которого нужно было найти.

Когда добралась до двери, грудь судорожно вздымалась.

Она постучала.

Дверь распахнулась. На пороге стоял Кай, заслонив проём; губы скривились в ленивой усмешке, когда он увидел её — раскрасневшуюся, сбившуюся, распущенную.

— Ну-с, принцесса, — сказал он голосом, похожим на секрет. — Не ожидал, что заманить тебя в мою комнату окажется так просто.

— Закрой рот, — она протиснулась мимо, проследила, чтобы никто не заметил, как проскользнула внутрь, и резким жестом велела захлопнуть дверь. — Почему ты не на пикнике?

Кай выгнул бровь:

— А что? Ждала меня? — Насмешка исчезла в тот миг, когда его взгляд зацепился за её щёку. Красный след резал кожу; в глазах Кая свет сменился на опасную тьму. Он потянулся к ней, кончиками пальцев едва коснулся пылающей кожи — удивительно бережно. — Кто это сделал?

— Я пришла не за этим.

— Стражник?

Она моргнула, не сразу поняв:

— Что?

— Хаган, — пояснил он, и в голосе звенела сталь. — Он тронул тебя?

Алина покачала головой:

— Нет. Хаган не касался меня. Это мать. Мы поссорились, и… она ударила.

Из груди Кая вырвалось рычание.

— Остынь, Кай, — сказала она. — Ты не пойдёшь нападать на мою мать, королеву.

— Ещё как пойду. — Его тело сжалось, хищник под кожей рвался на волю; чёрные глаза — буря ярости. Но, медленно выдохнув, он чуть опустил плечи. Буря схлынула — не до конца. — Я не против начать ради тебя ещё одну Великую войну, принцесса.

Алина открыла рот и не нашла слов.

Так ей ещё не говорили. Никогда.

Горло перехватило; зрение потемнело по краям. Как же печально, подумала она, что чужеземный принц за несколько недель проявил больше доброты, чем моё собственное королевство за всю жизнь.

— Не хочу, чтобы ты развязывал войну из-за меня, Кай. — Она отвернулась, пытаясь собраться, и оглядела незнакомое пространство. Она никогда не была в мужских покоях — если не считать Эша, но это не в счёт.

Здесь было темно: шторы стянуты, мир держали на расстоянии. Кровать не убрана, простыни спутаны; на столе — недоеденный поднос.

— У нас есть служанки, знаешь ли.

— Не люблю, когда чужие трогают мои вещи, — бросил он.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Взгляд Алины скользил по комнате. Ничего из этого не твоё, подумала она. В углу поблёскивали чёрные доспехи; у стены прислонены несколько видов оружия. На них взгляд и задержался.

Она шагнула ближе; пальцы чесались коснуться.

— Крюковые мечи, — сказал Кай, обогнав её и сняв их с места. Алина инстинктивно отступила от острых кромок. Кай застыл, внимательно глядя: — Не бойся. Я не дам, чтобы тебя что-то ранило.

Почему-то от этих слов в груди разлилось тепло.

Мечи были огромными, мощными. Всё в них — чёрное: металл, рукояти, изогнутые лезвия с крюком на концах. Величественные.

Они звали её.

Пальцы дрогнули.

— Кай, я хочу попросить тебя об одном, — прошептала она, глядя на оружие.

— О чём угодно.

— Научи меня драться. — Его усмешка дрогнула. Она дала тишине повисеть, позволила ему увидеть правду в её глазах, прежде чем договорить: — Я больше не хочу быть беззащитной. И не хочу зависеть от чужой защиты. Не хочу, чтобы за меня развязывали войны. Я хочу быть той, кто их начинает.

Кай долго молчал.

А потом…

Медленно улыбнулся вновь, но иначе. Не насмешливо. Не язвительно.

С удовольствием.

— Я ждал, когда ты попросишь.

***

Сады превратили в сон наяву. Цветы переливались через каждый каменный путь; краски смешивались — мягкие розовые, густые красные, солнечно-золотые. На выжженной траве разложили пледы; корзины ломились от спелых фруктов и деликатесов — щедро и выверено. Слуги с веерами стояли наготове, отмахивая тепло позднего дня — ровно, отрепетированно.

Обстановка должна была казаться идиллией. Но Эшу было не до утешения.

Он явился в простой рубашке и коричневых брюках — за это мать отчитает: скажет, что неряшлив, лишён лоска. Ему было всё равно. Мысли оставались в другом месте — наполовину в тренировке, наполовину уже в следующем деле. Вскоре он поднимется в небо патрулировать границу, где начинались земли ведьм.

Доходило всё больше донесений — шёпот ведьм на рубежах, атаки на дозоры. Некоторые королевства упорно держались слепой самоуверенности: мол, угрозы нет, врага не видно.

Но Эш знал лучше.

Мать годами сажала страх в голову короля. Возможно, на этот раз она права.

Мысли кружили, а взгляд искал — как всегда — то, чему он не давал имени.

Он увидел Мэл рядом с Захианом Нуром, и в животе свело.

Глупо. По-детски.

Его ничто не связывало с ней — ни права, ни повода для ревности, что жгла нутро медленным жаром. Им едва удавалось говорить, не утопая в тяжёлой тишине. Если она предпочла общество фениксианского принца, какое он имел право чувствовать что-то?

И всё же.

Он пересёк сад быстрыми, решительными шагами, не отвечая на поклоны и приветствия. Остановился у Захиана; взгляд скользнул к каменным стенам, которые те разглядывали.

— Вижу, к нам присоединился дорогой принц, чтобы послушать историю замка, — гладко произнёс Захиан с той самой самодовольной ухмылкой, которую Эш начинал по-настоящему ненавидеть.

Эш буркнул.

— Как я и говорил, — продолжил Захиан, невозмутимо, словно читал лекцию учёным, — замку больше тысячи лет. Местами вы заметите иной оттенок камня и иной стиль — его привезли из моей земли.

Эш закатил глаза.

Фениксианцы обожали хвастать. Каждое слово — сахарная глазурь самомнения; любой подвиг — вершина возможного. Раньше это его не занимало.

Теперь невыносимо.

И он совсем не понимал, как Мэл умудряется стоять и кивать, будто ей и вправду интересно.

Ей что, не скучно?

Стоило Захиану отвернуться и махнуть в сторону далёкой колонны, Мэл метнула на Эша взгляд, показала язык и скосила глаза.

Эш едва не захлебнулся воздухом.

Как только фениксианец снова глянул на них, лицо Мэл стало гладким и спокойным; голова чуть наклонилась, будто она внимает каждой бесполезной детали.

Эш подавил смех. Он никогда не видел её такой, во всяком случае, обращённой к нему. Видел вспышки, как она подтрунивает над братом, но не рядом с кем-то ещё. Опускает ли она стены? Доверяет? Должен ли и он?

Мысли мигнули и рассеялись, воздух изменился, что-то сдвинулось.

На вершине каменной лестницы к главному входу стоял король; рядом королева, и он поднял руку, призывая к тишине.

Эш нахмурился. Его не предупреждали ни о каких заявлениях. Этот пикник должен был быть обычной, непритязательной прогулкой.

Чья-то рука коснулась его руки.

— Эш, — тихо сказала Мэл; в голосе звучало то, от чего у него стянуло живот. — Твои родители говорили тебе…

Но голос короля разрезал воздух:

— Друзья, рад, что вы успели — я сделаю невероятное объявление.

Кровь Эша похолодела.

Отец повернулся к королеве с тёплой, торжествующей улыбкой.

— Наш сын сочетался узами с Мэл Блэкберн из Дома Теней — союз, о котором мы не смели мечтать. Два королевства, некогда разъединённые, ныне связаны. И, что кстати, ещё одно королевство вскоре присоединится к нашему Дому.

Эш сглотнул; в мыслях путаница.

Его брак уже заключён. Другому союзу неоткуда взяться.

Если только…

Лёд пролился в вены.

Нет.

Нет, они не посмеют.

Или…

Сад стих.

Эш почти не дышал. Он резко обернулся к Мэл, и в её глазах прочитал понимание. Она уже знала.

И тогда, словно дёрнутая за ниточку, появилась Алина.

Она стояла за родителями; на её золотых рогах — белые маргаритки, вплетённые в длинные волосы. На ней — платье белого и золотого, вышивка — фениксы и драконы, две вечные вражды.

Сердце Эша ударило в рёбра.

Нет.

— Поздравляю принца Захиана Нура и нашу дочь, Алину Ахерон, с помолвкой! — Сад взорвался аплодисментами. — Дом Пламени и Дом Солнца наконец едины!

Шум превратился для Эша в глухой рёв.

Сестра.

Их заставляют проделать с сестрой то же, что сделали с ним.

Нет — хуже.

Он сам выбрал выдержать свой брак: пожертвовал будущим ради королевства, ради неё. Он добровольно отдал свободу, чтобы она сохранила свою.

А теперь…

Теперь её отнимают.

— Эш, — мягко сказала Мэл; тревога звенела на краю слуха, но он едва слышал. Взгляд впился в Захиана Нура.

Фениксианский принц купался во внимании — кивал, улыбался, принимал поздравления. Улыбался. Слишком довольный собой.

У Эша сжались кулаки.

Сжалась челюсть.

Тело наполнилось сдержанной яростью.

Он уже не видел тревоги Мэл. Он видел Захиана Нура, как тот кивает и улыбается, пока толпа жмётся поближе.

— Принц Захиан, — выдохнул Эш низко, опасно.

Тот повернулся, наклонил голову с любезным недоумением:

— Принц Эш, похоже, скоро мы станем братьями. — Он протянул руку на глазах у всех.

Эш чувствовал взгляды. Ожидание. Правильный жест.

Миг растянулся.

А потом он ударил фениксианца в лицо.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 33

Кто бы ни думал, будто боги на нашей стороне, — дурак. У богов есть только одна сторона.

И это их собственная.

Табита Вистерия

Рен шагала за Кейджем Блэкберном по извилистым улицам города Искры, и её слова текли бесконечным потоком, как река после оттепели. Она говорила обо всём и ни о чём, легко заполняя тишину между ними. Кейдж, впрочем, не отвечал и даже не удостаивал её взглядом. Рен это не смущало. Она привыкла. Люди обычно перестают слушать в какой-то момент.

Город Искра, распластанный под замком полумесяцем вокруг бухты, славился рыбой — в воздухе висел запах соли и рассола, вперемежку с более густыми нотами горелых дров и шкворчащего масла у торговых рядов. Невысокие, но крепкие дома из бурого камня, красные черепичные крыши, пригнутые временем и непогодой.

Чем ближе к воде, тем беднее улицы, тем теснее жильё, дома сжимаются в плотные ряды, и бельё свисает, как знамена, между узкими переулками. Выше, где город тянется к горе, меж деревьев выглядывают редкие особняки — богатые драконийские усадьбы, которых не коснулся голод нижних кварталов.

На самом краю, там, где земля сходит на туманные холмы, высилась библиотека Пламени.

Рен отметила её в первый же день — каменный исполин, властная, древняя громада. Тогда она шла по улицам с Брином рядом, их волки ступали тенью, вызывая у драконийцев испуганные взгляды. Люди Спарка поспешно закрывались, хлопали дверями, дёргали шторы.

Драконийцы не любят волков.

Рен скучала по своим.

Их заперли в подземелья, слишком большие, слишком дикие, слишком тревожащие чуткие нервы гостей замка. Рен спорила, уверяя, что для тех, кто добр, они мягки, но это ничего не изменило. И потому каждый день она навещала их: пробиралась в подземные камеры, кормила, выводила на длинные прогулки по уединённым утёсам.

Маленьким волкам дозволили послабление: им можно было оставаться в её покоях — если их не отпускать бродить.

Это занимало её.

Это держало её подальше от невыносимых придворных церемоний — удушливых танцев, фальшивого смеха, бесконечной вежливой скуки. Брин терпел всё за двоих, продираясь сквозь пустые любезности с иными коронованными. Он ненавидел это, но оба знали: Рен лишь испортила бы семейную репутацию своим неумением держать язык за зубами.

Большинство предпочитало молчаливого Брина болтушке Рен.

Вдруг Кейдж щёлкнул пальцами у неё перед лицом.

— Встречаемся на втором этаже, — произнёс он без всякой окраски.

Они укрылись в узком переулке, вне чужих глаз, в паре улиц от библиотеки.

Рен прищурилась:

— А откуда ты знаешь, что книги там, на втором?

— Не знаю. — Он бросил на неё плоский взгляд. — У входа я спрошу у писца первую попавшуюся книгу, сяду, будто читаю. В прошлый раз заметил там, на втором, секцию, куда мало кто заглядывает.

— Ладно. — Рен пожала плечами. — Подожду тебя.

Кейдж не потратил на неё больше ни секунды, растворился в потоке драконийцев.

Рен же повернула в другую сторону, ныряя в переулки. Входить парадной дверью она не собиралась.

Библиотека Пламени была крепостью знания, выстроенной, чтобы задержать время. Грозное здание из древнего камня: стены — толсты, окна — редки и узки, чтобы щадить хрупкие свитки от беспощадного солнца.

Рен на миг задержалась, изучая кладку; склонила голову, прикидывая лучший путь наверх. Старый камень — всегда благо для лазанья. Блоки неравномерны, края стёрты временем, как раз достаточно, чтобы ловкие пальцы нашли зацеп.

Покатав плечи, она вытянула руки, стряхнула задеревенелость и взялась за первый выступ.

Она лезла быстро, как тень по стене. Годы тренировок сделали её проворной: детские полудни в карабканье по башням, по чердачным окнам, по карнизам. Она рано поняла: чем выше залезешь, тем больше тайн откроется.

Слушать из стропил. Смотреть из укрытых гнёзд.

Прежде чем стать воровкой, она была призраком — незримым присутствием, собирающим шёпоты, как украденное золото. Первые уроки воровства обошлись братьям и сёстрам: они ненавидели, когда их вещи «таинственно пропадали», хотя Рен всегда возвращала их.

Ну… почти всегда.

Через несколько минут она уже достигла крыши. Возможно, справилась бы быстрее, не дави на неё жар, он пропитывал кожу потом. Большинство слоёв одежды она уже сдала — оставила тонкую безрукавную хлопковую рубаху: грубая ткань, края неровные — сама отрезала рукава. Серые штаны едва не постигла та же участь, но она вовремя вспомнила: длинные штанины спасают ноги от рассечений, когда карабкаешься.

А вот сапоги — никогда. Мягкая, разношенная кожа, принявшая форму ног годами. Они вели её по льду и снегу, через горы и по крышам.

Хоть жар, хоть мука — сапоги остаются.

С последним рывком она перекинулась через край, припала к тёплому камню крыши.

Под ней раскинулась библиотека Пламени — наполненная тайнами, ждущими, когда их распутают.

А Рен Уинтер умела распутывать.

Она давно привыкла к любопытным взглядами, к озадаченным морщинкам, к шёпоту, когда чужие замечали на ней мальчишескую одежду.

Так было с детства.

Она не видела смысла в платьях — в жёстких корсетах и тонких туфельках, созданных для скольжения по натёртым полам. Ей хотелось бегать. Лезть. Нестись по сугробам рядом с Брином — дикой, неподвластной. Однажды попробовала, полезла на дерево в платье и рухнула так, что сломала запястье. На том и закончила. С тех пор носила то, что носил брат.

Проще.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Люди в их замке привыкли к её странностям — к бесконечному щебету, к тому, что язык у неё никогда не лежит спокойно, к непонятным, обрывочным предупреждениям, слетающим с губ, как загадки без ответов.

Долгие годы её звали чудачкой.

Потом — отмеченной.

В день, когда узнали, что она Провидица, всё переменилось.

Королевство Льда, как и Королевство Тьмы, — набожное; люди крепко держатся богов. Провидицы — редкость. Святыни. Неприкосновенные. Посланники божественных шёпотов, те немногие, кто способен заглянуть в нити судьбы, вплетённые в мир.

Рен, впрочем, не находила утешения в почестях.

Пьедестал — это просто иной вид клетки.

Она отогнала мысль, когда нашла то, что искала: скрытую задвижку, почти потерявшуюся в древней кладке крыши. Дёрнул, и крышка со скрипом поддалась, открыв квадрат тьмы. Вниз уходила лестница.

Желанная передышка от удушающего зноя.

Ловко, привычно она скользнула вниз по перекладинам и ступила на деревянную площадку под самым потолком второго этажа. Толстые металлические тросы держали её на весу, натянутые, как паутина, через всё каменное брюхо зала.

Другая лестница вела ниже. Рен спустилась без труда и растворилась во мраке второго яруса. Прилипла к тени, напрягла слух — ждать, когда появится Кейдж.

Но вместо шагов — другое.

Чьё-то внимание.

— О, привет. — На краю высокой полки восседала дымная ворона; обсидиановые глаза поблёскивали в полутьме. Теневая тварь Кейджа.

Птица наклонила голову, оценила и сорвалась вниз, приземлилась у ног.

Прежде чем Рен успела среагировать, больно клюнула её в голень.

Рен взвизгнула, замахала на призрачную дрянь руками:

— Прекрати! — прошипела она. Ворон лишь хлопнул крыльями и поскакал по сумрачному проходу, время от времени оглядываясь многозначительно. Стоило Рен замешкаться — засмотреться на ряды томов или заслушаться тишину, — он клевал её снова.

— Твоя птица — забияка, — выдохнула она, когда, наконец, нашла Кейджа в одном из проходов: он лениво просматривал корешки.

Ворон самодовольно уселся ему на плечо.

Кейдж едва скользнул по ней взглядом:

— Сомневаюсь.

— Она меня укусила.

Одна тёмная бровь чуть приподнялась — намёк на усмешку:

— Вряд ли достаточно сильно.

— Эй, это невежливо. — Рен нахмурилась. — Вы друг друга стоите — оба злые.

Кейдж проигнорировал её полностью: методично вытягивал тома, листал точно и тихо.

— Эти, — буркнул он, водрузив ей на руки стопку. Рен едва не присела под тяжестью.

— Ты не говорил, что нужно столько, — проворчала Рен. — Я всё это не утащу!

Кейдж раздосадованно выдохнул и уже потянулся вернуть часть томов, но застыл.

Голова чуть накренилась. Слушает.

Рен тоже почувствовала, едва заметный сдвиг воздуха, почти неслышный скрип пола под чужим весом.

Она встретилась с ним взглядом.

— Кто-то идёт, — шепнула.

Кейдж не колебался:

— Беги.

Повторять не требовалось.

Рен рванула, скользя меж стеллажей с бесшумной быстротой тени. Книги норовили выскользнуть из рук на каждом шаге, но она держала, ныряла в повороты, петляла по незнакомым прохода…

… пока не врезалась кому-то в грудь.

Удар отбросил её назад; книги разлетелись, и из горла вырвался испуганный вскрик, рассёкший тишину.

Драконийский книжник, в которого она впечаталась, уставился на неё круглыми глазами, столбенея от чистого неверия.

Рен моргнула, глядя снизу вверх.

А потом — по инстинкту — заорала тоже.

Учёный дёрнулся, потерял секунду и этого хватило: Рен схватила ближайшую книгу с пола и сорвалась с места.

Она не оглядывалась.

Добралась до лестницы, едва не запутавшись в собственных ногах, взлетела на подвесную платформу. Ещё пролёт, ещё отчаянный подъём, и вот она снова на крыше.

Воздух ударил стеной, жаркий, сухой, тяжёлый от солнца.

Рен судорожно втянула воздух, обжигая лёгкие, сердце бухало в рёбра.

Лишь тогда она взглянула на единственный том в руках — единственный трофей, который удалось утянуть.

Мало.

Но сойдёт.

Высоко, на фоне дневного неба, скользила дымная ворона — ровно, уверенно, показывая путь.

Рен последовала.

Кейдж ждал её в тени переулка — спиной к камню, руки скрещены. Тёмные глаза скользнули по её взъерошенному виду, по книге в пальцах, по румянцу от беготни.

И тогда — тем скучающим, доводящим до бешенства тоном, на который способен только Кейдж Блэкберн:

— Долго.

— Как ты выбрался? — искренне удивилась Рен, вскинув на него взгляд.

Кейдж пожал плечами, лицо непроницаемо:

— Сказал, что спутал тебя с учёной, которая предложила помочь.

Взгляд скользнул вниз — по её руке — и остановился на одиноком томе.

— Как воровка ты не впечатляешь, — констатировал он. — Надеюсь, как Провидица ты лучше.

Рен не удержалась — рассмеялась: звонко, свободно, как ветер над ледяной равниной.

— Пока жалоб не было, — весело заметила она и пошла рядом, обратно к замку. — Впрочем, и на мои воровские таланты никто не жаловался… кто ж его знает. — Она

дружески толкнула его локтем: — Тебе бы тоже в воры, Кейдж Блэкберн. Недурно вышло, если позволишь, скажу это вслух.

— Не позволю.

Рен оскалилась в улыбке:

— А, по-моему, тебе даже чуть-чуть понравилось. Просто признавать не хочешь.

— Не понравилось.

— А по-моему…

Кейдж резко остановился, метнув острый взгляд:

— Перестань думать.

Рен приложила ладонь к сердцу, изображая оскорблённую невинность:

— Не могу. Мозг взорвётся — умру.

Он уставился на неё, приоткрыв рот — между неверием и отчаянием.

Рен цокнула языком, подняла руку и щёлкнула пальцами под его подбородком, закрывая ему рот:

— Не разевайся так на людей. Я знала одного мальчика, который знал другого, а тот однажды встретил старика, и тот проглотил муху — рот держал открытым. И ты, может, скажешь: «Ну, Рен, история не то чтобы безумная». А вот поди ж ты — этот мальчик, который знал мальчика, который знал старика, умер на следующий день. — Она вздохнула с печальным видом: — Может, дело было в болезни, что выкосила полгорода, но заставляет задуматься, правда?

Кейдж сжал переносицу и медленно вдохнул, словно вызывал терпение, которого у него не было.

— Ты когда-нибудь перестаёшь тараторить?

— Нет, не думаю. — Она сверкнула улыбкой, ничуть не смущаясь. — Папа говорит, это потому, что я Провидица: странные, пушистые штуки творятся у меня в голове, вот я их и выговариваю наружу. Я не всегда понимаю, что он имеет в виду, но он умный, так что я киваю и соглашаюсь — дело в мозге, и дело в пушистых штуках.

Она подняла глаза к небу, задумавшись.

— Я иногда думаю, как мой мозг выглядит. Ты не думал? Может, он другого цвета или размера. У тебя, наверное, чёрный и довольно большой — чтобы влезть в эту большую голову. — Она показала в его сторону, лукаво. — Наверное, такой большой, потому что ты очень умный. — Кейдж покосился, невпечатлённый. Рен не сбилась с шага: — Есть люди, которым не мешает, что я так много говорю: им одиноко, а мой говор их развлекает. Это ведь неплохо, правда? Когда твоя настоящая сила — сделать кого-то менее одиноким. По-моему, это очень хорошо. Поэтому я и говорю.

И она говорила.

Всю дорогу обратно, наполняя тишину каждым пришедшим в голову образом, любой прихотью, любым наблюдением.

И хотя Кейдж Блэкберн так ни разу и не ответил, хотя ни словом не отозвался на бесконечный поток, Рен заметила, как уголок его губ едва-едва дрогнул вверх.

Будто — почти будто — ему вовсе не претила её компания.

***

Взгляд Мэл упал на книгу, которую Рен и Кейдж оставили на её столе; в груди шевельнулось разочарование — она тут же оттолкнула его. Хотелось большего. Больше источников, больше знания, чего угодно, что осветило бы путь, расплело бы проклятие, висящее над восьмью королевствами, как тень.

Но придётся довольствоваться этим.

— Нас переиграли учёные, — объявила Рен, и в голосе было больше веселья, чем стыда.

Кейдж фыркнул.

Мэл вздохнула, но на губах мелькнула благодарная улыбка:

— Что ж, пусть так. Спасибо. — Она опустилась на стул, провела пальцем по потёртой обложке и раскрыла книгу. Под светом свечи тускло блеснул вытисненный золотом заголовок.

— «История Восьми Королевств». — Губы сжались. — Что-то похожее мы читали дома, верно, Кейдж?

Он кивнул, лицо непроницаемо.

— Может, здесь есть иное.

Кейдж выглядел неубеждённым.

Прежде чем Мэл успела продолжить, Рен перегнулась и, ничуть не церемонясь, вытащила из-за пояса чёрный блокнот и бухнула его рядом с фолиантом.

— И да, на всякий случай: весь день блокнот у меня *не* в штанах болтался.

— Мы и не спрашивали, — пробормотал Кейдж.

— Я сразу, как вернулись, сходила к себе и достала его из тайника.

— Никто не спрашивал, — добавил он.

Мэл их проигнорировала, подхватила блокнот и пролистала. Чернила на страницах были странными — неровными, как расплывшиеся; слова наползали друг на друга, словно слои надписей, оставленных в разное время, скрывая что-то снизу.

— Это дневник… — Она вопросительно взглянула на Рен.

— Твоей служанки Клары, — пояснила та, постукивая по крышке. — Спрятан был глубоко, в сундуке.

Мэл сузила глаза, вглядываясь в плывущую вязь. Под видимым лежало другое — спрятанное, ускользающее на грани.

— На нём чары, — сказала Рен.

— Мираж? — Пальцы Мэл крепче сжали книгу.

— Ведьминское дело. Они накладывают мираж. Не знаю как, я же не ведьма. Но я знала одну девушку, которая знала ведьму, и та говорила, что ведьмы - мастера на такие штуки — заставляют вещи казаться другими для нас, не-ведьм.

— Как снять? — Голова гудела, но лицо осталось спокойным. Рен не упоминала видения, где Мэл пользуется магией. Знает ли? Или не догадывается о том, что Мэл начала подозревать о себе?

Пока что тайна останется запертой.

Не мешкая, Рен выхватила блокнот из её рук:

— Идём к источнику. Нашли в комнате твоей служанки — значит, идём к ней и спрашиваем, зачем она прячет волшебный блокнот в сундуке. Наверняка ведьма, как и Вера.

— Хорошо. — Мэл поднялась. — Но лучше подождать до завтра, когда она придёт убирать. Уже поздно, и Принц Огня… то есть мой муж, скоро вернётся отдыхать. — Рен кивнула, отсалютовала преувеличенно и вихрем выскользнула в коридор.

Тишина осела следом.

— Она невыносима, — буркнул Кейдж.

— И всё же я никогда не видела, чтобы ты говорил столько, — сладко улыбнулась Мэл. Кейдж одарил её уничтожающим взглядом, но она не отступила, поддразнила: — Пара дней с ней — и будешь болтать не меньше.

Он выдохнул медленно, устало, будто одно её присутствие высосало силы.

Тёмные глаза обвели комнату, задерживаясь на резьбе мебели, на колышущемся свете свечей, на знакомых виверианских узорах в каждой детали. Он не сдвинулся с места — тень в полночном, неподвижная, но внимательная.

— Принц всё это сделал для тебя? — кивнул он длинным, бледным пальцем; голос — нечитабелен.

Мэл отвернулась и кивнула.

— Хм.

В звуке было что-то иное. Странная тяжесть, придавившая один слог.

— Что? — спросила она, глянув через плечо.

Кейдж лишь пожал плечами.

Движение медленное, равнодушное — жест человека, который не привык шевелиться без нужды.

Но голос — в голосе было нечто иное.

Непроизнесённое.

— Боги порой ужасно жестоки, — прошептал он, взгляд скользнул по комнате — тяжёлый, почти печальный.

— Что ты имеешь в виду?

Кейдж не ответил. Лишь повернулся и бесшумно вышел.

Мэл осталась стоять в полутьме свечей, обняв себя руками, и медленно оглядела комнату — пространство, которое Эш сделал для неё.

Дар, который должен был быть обузой, тяжестью.

А оказался добротой.

И, стоя в доме, который ей дали в чужой земле, она поймала себя на мысли: брат прав.

Боги и правда бывают жестоки.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 34

Говорят, у ведьм и колдунов фиолетовые глаза потому, что мы — первые создания богов. Будто это метка, божественная метка.

Сейчас мне это кажется скорее проклятием.

Табита Вистерия

Эш вошёл и нашёл её в ожидании.

Виверианская принцесса сидела за столом, перед ней раскрытая книга, но по тому, как подбородок покоился на ладони и как неподвижно было её лицо, он сомневался, что она перелистнула хоть страницу.

Всё ещё странно было думать об этих покоях как о «их». По правде — это её комната. Он старался не задерживаться, оставляя ей хоть какое-то одиночество, незамутнённое его присутствием. Он и сейчас мешкал у дверей дольше, чем следовало, надеясь, что к его возвращению она уже уснёт.

И всё же она была здесь.

На ней было простое белое хлопковое платье — мягкая, невесомая ткань по коже, тонкая бретелька соскальзывала с плеча по изгибу. Бессознательная небрежность — одежда для удобства, не для чужого взгляда. Он отвёл глаза.

— Я дождалась, — сказала она; мягкий голос был обрезан чем-то новым. Тревогой.

Её фиолетовые глаза задержались на нём, всматриваясь.

Эш стянул через голову рубаху и швырнул её на ходу, прошёл в кабинет. Осел в кресло и принялся за шнуровку сапог — измотанный.

— Нужен был воздух, — пробормотал.

— Сильно досталось за то, что ударил принца Захиана?

Эш пожал плечами.

Разумеется, досталось. Родители кричали часами — ярость и холодные, точные слова, режущие по живому. Он всё разрушил, так они сказали.

Но он не разрушил ничего, кроме носа Захиану.

И что с того? Его сестру обрекали на нежеланное будущее, приковывали к мужчине, которого она не выбирала. И ради неё он сделал бы это снова.

Завтра от него потребуют предстать перед двором и «смягчить разрыв» — публично унизиться, принести извинения.

От одной мысли его подташнивало.

Алина не сможет выйти и говорить вместо него, как всегда, делала, когда его голос выдавал слабость. Родителям всё равно. Его «полезность» иссякла. Им хотелось, чтобы он опозорился, споткнулся о собственные нервы, чтобы весь мир увидел, как он задыхается. Чтобы он понял, как «заставил чувствовать» их.

Эш выдохнул и потер уставшие глаза.

В поле зрения легла пара рук — быстрые пальцы взялись за шнурки прежде, чем он успел отдёрнуть ноги.

Он едва не дёрнулся — удивлён.

Мэл присела на корточки перед ним и уверенно, неторопливо развязала узлы; тёмные пряди упали ей на щёки, очертив лицо.

У него перехватило дыхание.

— Ты разозлился из-за сестры. Потому что её заставляют пройти через то, во что толкнули тебя. Никто не станет винить тебя за это.

— А ты? — тихо спросил он.

Она подняла на него взгляд; фиолетовые глаза словно искали в лице несказанное.

— С чего бы мне? — сказала она.

Ведь его ярость на брачный обет — то, как он сопротивлялся — уже объявила миру, будто он презирает саму мысль быть связанным с ней. Она, похоже, понимала. Её пальцы замерли на его сапоге и медленно отступили.

— Я не ненавижу тебя, Принц Огня, — уголки губ тронула призрачная улыбка.

И, боги, эта улыбка.

В Эше что-то сдвинулось — опасно.

Сердце спазмом сжалось, боль растеклась по груди медленными, мучительными волнами.

Она — его жена.

Девушка с полуночными волосами и проклятыми глазами. Девушка, рядом с которой каждое слово грозило сорваться в заикание, так тщательно скрываемое.

Девушка, которую ему хотелось целовать.

Снова и снова.

Пока губ он не почувствует.

Мэл поднялась, разгладила платье, будто между ними ничего не произошло.

— Пройдёт, — сказала она. — Через несколько дней забудут о драке. — Кивнула на кресло: — Ты опять спишь здесь, в кабинете?

Слова повисли между ними, невесомые, и всё же тяжёлые.

Приглашение? Или просто признание той границы, которую он держал?

Он подумал о том, чтобы пойти за ней. Подумал — встать, шагнуть ближе, стереть расстояние и смотреть, как платье соскальзывает с плеч, ложится у ног. Подумал — лечь к ней под простыни, прижаться, позволить жару собственного тела вытеснить мороз, который будто держится на её коже даже в этом знойном краю.

Пальцы на подлокотнике дрогнули.

Он промолчал.

И в этой тишине она отвернулась.

— Спокойной ночи, Принц Огня.

***

Мэл разбудил резкий шорох тяжёлых штор, душная темнота разом исчезла, рассечённая утренним светом. Золотой луч пересёк кровать, вместе с ним в груди вспыхнуло предвкушение.

Наконец-то.

Сегодня будут ответы.

Клара будет вынуждена объяснить всё — правду о Вере, об одном и том же запахе, и о том, не замешана ли она тоже в ведьмовских узорах.

Но стоило Мэл разглядеть служанку, порхающую по комнате, предвкушение свернулось в ком.

Это была не Клара.

Улыбка исчезла.

— Где Клара? — спросила она, и в голосе звякнуло предупреждение.

Служанка вздрогнула; поднос с яблоками со звоном рухнул на пол. Девушка спешно собирала их, дыша часто и поверхностно; лишь собравшись с духом, пролепетала:

— Её сегодня нездоровилось, Ваше Высочество. Она попросила меня заменить её.

Губы Мэл скривились в усмешке. Ложь.

Она отбросила одеяло и вскочила, уже на бегу — к двери. Ночная рубашка белой дымкой тянулась за спиной, ловя ранний свет. На пустую половину комнаты, где ночью был Эш, она едва взглянула. Его не было, наверняка ушёл на тренировочные дворы до рассвета. Он всегда уходил бесшумно, впрочем, дело было не в скрытности. Мэл спала так глубоко, что даже молния над головою её не подняла бы, если тело не пожелает.

— Ваше Высочество, вы ещё не одеты! — выдохнула служанка, расширив глаза, когда Мэл пронеслась мимо.

Мэл было всё равно.

По лестнице — по две ступени, к крылу для гостей. Она знала каждую комнату — уже выучила наизусть и шла безошибочно.

Покои Рен Уинтер находились рядом с покоями её брата Брина; в том же коридоре жили дикие и непослушные особы из Дома Дикой Стали.

Мэл не постучала.

Влетела — мельком отметив скромную обстановку — и взгляд тут же нашёл небольшую фигурку, распластанную на кровати.

Рен лежала в самой неприличной позе из доступных природе: руки и ноги звёздочкой, голова свисает с матраса, по губе тянется тонкая дорожка слюны.

Мэл схватила вольверийку за плечи и встряхнула так, что кого попроще — разломило бы пополам.

В углу приглушённо пророкотало.

Мэл застыла, обернувшись: из тени на неё смотрели двое волков — серебряные глаза прищурены, шерсть на загривке поднята — их хозяйку держат грубо.

Мэл знала, что огромных волков Рен и её брата отправили в подземелья, но не догадалась, что малых разрешили оставить в покоях.

Медленно она отпустила Рен и повернулась к зверям.

Опустилась на четвереньки, встала низко, склонив голову, молча изучая. Волки втянули воздух, брали её запах.

Они не бросились. Лишь осторожно отступили — инстинкт почуял тихую, тлеющую угрозу, что жила у неё под кожей.

— Ты немного пугающая, — раздалось с кровати.

Мэл глянула через плечо: Рен уже сидела, потирая глаза, скорее забавляясь, чем тревожась.

Но Мэл было не до смеха.

Она резко выпрямилась:

— Она не пришла, — слова низко пророкотали. — Должна была понять, что блокнот пропал. Прячется. Надо найти её.

— А нельзя было подождать до завтрака?

Мэл железной хваткой ухватила Рен за руку:

— Поймать, пока не сбежала.

— Ладно, ладно, — простонала Рен, но уступила; выудила украденный блокнот из-под кучи одежды на кровати.

С понятливым взглядом опустилась к волкам и подвела им к носам книгу.

Едва ноздри дрогнули, улавливая след, звери сорвались с места — выстрелили из комнаты, уводимые запахом.

Мэл и Рен бросились следом — две тени по коридорам замка, в погоне за правдой.

***

Клара быстро спускалась по винтовой лестнице — дыхание ровное, руки аккуратно спрятаны в складках платья, будто так удастся унять дрожь. На самых ранних утренних часах она обнаружила пропажу блокнота. Проклятье.

Это означало одно: ей снова придётся менять облик.

Воссоздавать себя требует времени — новое лицо, новая фигура, новая ложь. Мираж — тонкая работа, и первый облик всегда даётся дольше всего. Ей нужны часы, прежде чем она сможет сбросить это тело и незаметно соскользнуть в другое. До тех пор — только прятаться.

Хватило простой отговорки. Тихо шепнуть другой служанке о недомогании. С учётом того, что Веры уже не было, теперь и Клара «заболела» — скоро слуги начнут шептаться о хвори, что бродит среди них.

Она поспешила по узкому коридору мимо кухонь; в воздухе густо стояли запахи жареного мяса и свежего хлеба. За дверями гремели кастрюли о чугунные плиты, повара кричали, требуя живости. Этот хаос прикрывал её отступление, когда она потянулась к деревянной дверце у каменной стены.

Доска скрипнула, открывая крошечный, заброшенный сад — заросший, забытый. За ним тянулась высохшая, растрескавшаяся земля — пустырь, по которому давно никто не ходил, так что большинство и забыли о нём.

Той самой тропой она когда-то вводила ведьм в замок.

Теперь этой же тропой уйдёт сама.

Клара шагнула в сухой воздух; жар поднял запах пыли и выжженной травы. Дверь тихо щёлкнула за её спиной. Она выдохнула, позволила себе миг облегчения.

Рык рассёк тишину.

Тело застыло; она повернулась.

Два волка.

Оскалены, взгляды — жидкое серебро, тела пружинятся, готовы рвануть.

Клара подняла руки; пальцы дёрнулись, призывая единственную магию, которую она позволяла себе. Вокруг кончиков пополз зелёный дым — тёмный, извивающийся в сухом утреннем воздухе, как змеи.

Первый волк метнулся.

Клара скрутила пальцы и ударила прямо в грудь — всплеск силы отбросил зверя, он прокатился по земле и замер. Второй зарычал, подняв загривок; почва под лапами задрожала от удерживаемой ярости.

Он прыгнул следом, и Клара не замедлила. Ещё один жгут зелёного света — и лапы примерзли к земле толстой, блестящей коркой льда.

Она едва успела повернуться — первый уже встал и шёл на неё снова. Её сила поднялась, готовая сорваться, но замороженный волк рванулся и разорвал оковы.

Оба прыгнули разом.

Клара лишь успела вскрикнуть, когда их тяжесть вбила её в землю. Она отбивалась, магия свистела в воздухе, растягиваясь в яростный крещендо.

Свист перечеркнул всё.

Волки остановились.

Мгновенно отступили, пятясь, хоть взгляды оставались остры, тела — натянуты, ждали нового приказа.

За ворот платья ухватили рукой и рывком посадили её. Пыль осела. Над ней, в сиянии восхода, стояли Рен Уинтер и Мэл Блэкберн.

Клара выругалась сквозь зубы. Так близко. На миг она даже забыла, что всё ещё в облике Клары. Возможно — *возможно* — удастся обернуть это себе на пользу. Видели ли они, как она колдовала? Она была прикрыта садом, когда на неё напали волки. Они могли видеть лишь следы. Неужели боги разок оказались милостивы?

— Думаю, тебе есть что объяснить, Клара, — оскалилась Рен, сложив руки на груди.

Клара заставила себя задрожать; глаза — шире, взгляд — растерянный, пусть одышка сыграет на руку.

— Прекрати, — сказала Мэл. — У нас есть вопросы.

Клара разомкнула губы, сомкнула брови в идеальной непонятливости:

— Я не понимаю. Я шла в город, чтобы найти…

Что-то мягко стукнулось ей в живот.

Она опустила взгляд.

Чёрный блокнот.

Желудок скрутило.

Снаружи — изумлённый вздох, прыгающий между ними взгляд; внутри — ругательство. Если они поймут, как снять мираж, если сумеют прочесть то, что внутри…

— Зачем тебе блокнот под чарами? — спросила Рен.

Клара моргнула, выстраивая лицо в безупречное незнание:

— Чарами? Что это значит?

— Не строй дурочку, — прошипела Мэл, присев рядом и вцепившись в блокнот. — Мы знаем, что Вера — ведьма. Забавно, да? Сначала моя первая служанка оказалась ведьмой и пропала, и её сменяет вторая, у которой имеется книга, воняющая магией.

Мысли Клары лихорадочно перещёлкнулись.

Они не видели, как она колдовала.

Не видели.

Подавив улыбку, она сжалась и выдохнула торопливо:

— Я… я нашла его. Вера уронила.

— То есть он не твой?

Клара мотнула головой:

— Я хотела вернуть. Клянусь.

Мэл постучала пальцами по крышке, прикидывая:

— Что ж… В таком случае ты не будешь против, если я… — Она раскрыла блокнот.

И начала рвать страницы.

Клара взвилась прежде, чем подумала. Крик вырвался острый, рваный, словно Мэл рвала не бумагу, а её кожу.

Движения Мэл стихли. Она наклонила голову; медленная, знающая улыбка тронула губы:

— Хм. Реакция — что надо, верно, Рен? Особенно для той, кто просто «берёг» книжку для подруги.

— Это не моё, — выплюнула Клара, выравнивая дыхание. — Если я отдам испорченное, Вера решит, что виновата я.

— Забавно, — вмешалась Рен, — она даже не дрогнула, когда мы сказали, что Вера — ведьма. Значит, знала. Может, соучастница.

— Нет! — пискнула Клара, голос сорвался на отчаянный визг. — Я простая служанка, клянусь!

— Отлично, — сказала Мэл и резко поднялась, увлекая Клару с кресла. — Тогда отведёшь нас к Вере. Как только увидим её — свободна.

Клара замерла; вены залило паникой. Она могла отвлечь. Могла воспользоваться магией, перекроить облик, стать Верой, пока они моргнут.

Но они не спустят с неё глаз.

Можно — драться и бежать.

Или — признаться.

Сердце Клары бухало, пока она взвешивала.

Она никогда не хотела зла Мэл Блэкберн. Напротив. Хотела помочь. Но если открыться сейчас, а Мэл отдаст её драконийцам…

Последствия будут непростительны.

Клара позволила Мэл вести себя обратно — по полутёмным коридорам, вверх по винтовым маршам — к покоям виверианской принцессы. Их путь не привлёк ни взгляда: две особы крови и служанка при них — обычная картина. Никто не взглянул дважды. Никто не догадался, что за хрупкими шагами принцесс и послушной походкой служанки прячется нечто тёмное, опасное.

Мэл закрыла дверь мягким щелчком, отрезала мир. Плотно усадила Клару в кресло, и тяжесть момента легла к горлу лезвием.

И тут Клара поняла — Мэл ни разу не спросила, где комната Веры.

Ей это было не нужно.

Клара выдохнула, медленно, обречённо:

— Ты уже знала.

Мэл коротко кивнула, довольная:

— Мне показалось забавным посмотреть, как ты вспотеешь, пытаясь нас провести. Хотела понять, как ты соберёшься обернуться Верой так, чтобы мы не заметили.

— Так почему же я не вспотела? — сухо спросила та.

— Было бы жестоко, — пожала плечами Мэл, лицо непроницаемо. — Ты продолжишь притворяться?

С этими словами нервная маска спала с Клары, как смытая водой; вместе с ней — и золотые пряди.

Воздух вокруг дрогнул от магии, и дрожь пробежала по образу: дрожащая, светловолосая служанка исчезла. На кресле сидела другая — рыжеволосая драконийка с маленькими коричневыми рогами и лицом, которое Мэл узнала мгновенно.

Вера.

— Рада видеть тебя снова, Вера, — произнесла Мэл. — Но я имела в виду не это. Покажи своё истинное лицо, ведьма.

Фырканье — раздражённое, и иллюзия рухнула, как дым под ветром. Рыжеволосая дрогнула, сложилась и растворилась.

И вот она — настоящая.

Женщина редкой красоты; бронзовая кожа — полотно чёрных чернил: узорные тату, взбегающие по кистям, вьющиеся змеями по предплечьям до локтей — ведьминские метки, не спутать.

А глаза.

Не карие. Не голубые.

Фиолетовые.

Зеркало глаз Мэл.

Ведьма смотрела на них с насмешливой ленцой, будто они явились по её зову, будто это она призвала их в эту комнату, а не наоборот.

Она медленно выдохнула; губы изогнулись в полуулыбке:

— Что ж, что ж, — протянула она. — Полагаю, стоит похлопать.

Вера заметила, как Мэл напряглась. Та ожидала маску — да. Была готова к обману. Но голос, прозвучавший — холодный, жестокий, тяжёлый силой — это был не голос той служанки, которую Мэл знала.

На миг в глазах Мэл мелькнуло что-то непривычное.

Жалость.

И ведьма поняла: Мэл по ней скучала.

По другой Вере. По той, что возилась с её платьями, расчёсывала по утрам спутанные волосы, ровно складывала простыни — и ни разу не говорила с тихой, ядовитой сталью, которая сейчас звенела в словах этой женщины. Но той Веры никогда и не было, верно?

Всё — ложь.

— Как тебя называть? — спросила Мэл.

Ведьма откинулась в кресле так, будто это трон:

— Вера. Это моё имя. — Она лениво провела пальцем по резьбе подлокотника. — Мне не хотелось менять. Пару лет назад оно было в моде в этих землях. У драконийцев значит «лето». А в ведьминских землях — «вера». Одно из немногих имён, что живут в нескольких королевствах.

— Зачем ты здесь? — Мэл не повелась. Её не интересовала поэзия имён.

Ведьма приподняла бровь. Есть вещи, которых она не скажет — ни им, ни кому-то ещё. Но на этот раз она позволила сквозь губы проскользнуть тонкой щели правды.

— Я здесь, чтобы помочь тебе, — спокойно ответила Вера. В фиолетовых глазах темнели камни света. — Помочь тебе убить твоего мужа.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 35

Хэдриан был у меня первым во всём.

Я хочу, чтобы он стал и последним.

Табита Вистерия

Алина шла по мшистой земле, шаг за шагом углубляясь в лес, укрытый тенью. Тишина деревьев висела над ней, как бдительный страж; шорох листвы нашёптывал тайны, которых она не понимала. Вдали ухнула сова — предостережение, унесённое ветром.

С утра она видела укротителей драконов: они гнали чешуйчатых великанов через лес; крылья тянули по замковым стенам длинные тени и растворялись в кронах. Скоро существ запрут в подземных логовах под замком до того дня, когда Виверны вновь уйдут в свои небеса. Алина наблюдала из одиночества окна, легко касаясь стекла пальцами.

Теперь, одна среди стволов, она плотнее закуталась в золотой плащ. Ткань мерцала даже в приглушённом свете — царский маяк в месте, созданном для тени. Капюшон сшили со щелями для рогов, но сама сверкающая вещь убивала всякую надежду на скрытность. Она была искрой в темноте — невозможной для игнорирования.

— Золотой плащ делает тебя заметной, как язва на ладони, принцесса.

Алина резко обернулась на голос Кая; сердце подскочило, но она не видела его.

— Где ты? — спросила она, натянутая, как тетива. Лес тревожило, слишком много укрытий для врага, слишком много слепых углов.

— Найди меня.

— У меня нет времени на твои дурацкие игры, Кай Блэкберн. Ты должен учить меня драться, а не играть в прятки, будто нам по пять.

В ответ прокатился низкий, дразнящий смешок:

— Тише, принцесса. Не то настроение у моей ученицы, — в голосе цокнуло шутливое неодобрение. — Это важный урок. Порой сильнейшим приходится учиться прятаться. А в другие разы находить.

Алина резко выдохнула; холодный воздух заколол горло. Хотелось стали в ладони, ощутимого веса клинка, а не этой загадочной гимнастики. Она сдалась: спустила плащ с плеч и бросила на корни рядом.

— Как мне тебя найти?

— Слушай.

И Алина слушала.

Слушала мир иначе, чем прежде.

Скрытую спешку невидимых существ в подлеске; шорох кроликов в их бесконечном поиске корма. Слушала, как ветер прошивает листья, рисуя в воздухе невидимые узоры. Слушала деревья с их многовековой хрипотой — ветви скрипели, будто в тихом разговоре. Ровный пульс крыльев в небе.

И тогда, под всем этим, она услышала.

Шаги. Мягкие. Осторожные. Но *есть*.

Она развернулась как раз в тот миг, когда Кай вышел из-за спины; ухмылка острая. Он подхватил её, не дав споткнуться о корни.

— Отличная ученица, принцесса.

— Спасибо.

Гордость вспыхнула на миг.

— Хотя, — добавил он со смехом, — в основном потому, что у тебя лучший учитель.

Алина закатила глаза:

— Ты не умеешь делать комплименты, не испортив их, верно?

Кай лишь повёл плечом, в чёрных глазах сверкнула упрямая веселость. Он развязал чёрный мешок и показал ряд оружия, блестящего, как вода. Алина потянулась, он хлопнул по её пальцам.

— Терпение, принцесса.

Проворчав себе под нос, она расправила плащ на земле и села на него, платье пачкать не хотелось.

Кай присел, выкладывая железо, как сказочник выкладывает главы: сила, слабость, вес стали, назначение формы. Он говорил о смертоносности легко, как знающий вино говорит о сортах.

И, наконец, достал клинок для неё.

Длинный и тонкий, обманывающе лёгкий; грань сверкала иглой.

— Этот будет твоим, — сказал Кай, передавая саблю на вид тонкую, как трость. — Без кромки, значит, с очень острым остриём. Держится двумя руками.

Алина глянула — и разочарование скользнуло к желудку.

— Но это не для боя.

— Все мечи для боя, принцесса.

— Но он… — она запнулась, не желая звучать неблагодарно, но ощущая контраст с суровой сталью, что носили виверианe. — Он как зубочистка.

Смех Кая мягко прошумел в ветвях.

— Он лёгкий и, главное, пробивает любую броню. — Он встал у неё за спиной, тенью лёг по лопаткам; руки повели её пальцы по рукояти. — Ты удивишься, но порой важнее быть тихой, чем славной. Никто не вспомнит ни тебя, ни твой меч, если ты мертва.

Алина попыталась *не* замечать тепло его груди у своей спины; твёрдую ладонь на своих пальцах. Не думать о дыхании у шеи, о том, как по рукам пробегают дрожки.

Будто вспомнив и сам, Кай кашлянул и отступил.

Они продолжили.

Он поправлял стойку: шире стопы, колени смягчить. Его руки скользили по талии, ставя баланс; каждое касание жгло, оставляло след, который она изо всех сил старалась игнорировать.

Но было трудно, когда каждый кусочек кожи заставлял сбиться дыхание; когда мозг предавал, рисуя, как она вжимается в ствол, как его губы на её губах, как пальцы уходят дальше, чем позволяет «тренировка».

— Принцесса, ты слушаешь?

— Что? — щёки горели.

— Приподними руку.

— Больно держать, — огрызнулась она и опустила руку.

Кай хмыкнул:

— Бой — цена телом, принцесса. Прогулки по садам не сделают тебя готовой.

Она поджала губы. Верно — мышцы ныли даже от простых поз. В отличие от виверian, её почти не сажали на спину зверя вести сквозь бурю и огонь. Её «нагрузка» — изящные шаги под материнским присмотром.

— И ещё, одежду сменить бы, — заметил Кай. — Тренироваться в тесном лифе и длинных юбках — плохая идея.

— У меня нет другой одежды, — ответила Алина. — У меня нет отдельного гардероба с рубашками и брюками. Я никогда не носила ничего, кроме длинных платьев и корсетов.

— Тогда одолжу свою. — Он пожал плечами так, будто это не было неприличным. — Принесу завтра лишнюю рубашку.

— Я не могу носить твоё.

— Почему?

— Потому… — она судорожно искала хоть что-то, — оно будет слишком велико.

Его улыбка потемнела, стала глубже:

— Или ты боишься, что, надев мои вещи, почувствуешь меня на своей коже, принцесса? Было бы заманчиво, да?

— Не думаю, — ответила она слишком резко, — учитывая, что сама мысль поцеловать меня тебе отвратительна. Не вижу, как меня может соблазнить мужчина, которому я неприятна.

Его челюсть опустилась.

Храмовые колокола ударили вдали — звон стёк по земле, как веление небес. Алина обернулась; сердце толкнулось в рёбра. Полдень.

Её брат должен был стоять перед двором — перед собратьями из всех королевств — и приносить извинения за удар по фениксианскому принцу. Алина стиснула зубы.

Времени нет. Эшу она нужна.

— Алина, я…

— Я должна идти, — она сунула клинок Каю и схватила золотой плащ. — Речь начнётся вовремя, я обязана успеть до неё.

— Твой брат справится и без тебя, принцесса.

Алина застёгивала застёжки, злой рывок пальцев:

— Мой брат… — она запнулась, крепче сжав ткань. Нельзя предавать секрет Эша. — Ему я нужна.

Кай усмехнулся.

— Что? — прошипела она.

— Ничего, — он пожал плечами. — Беги — держать его за ручку.

— Как ты смеешь. Ты ничего не понимаешь!

— Я ничего не понимаю? — в глазах вспыхнул гнев. — Потому что всё, что я вижу — ты *всегда* бежишь к брату. По первому зову. Днём и ночью. И у меня один вопрос: а кто заботится о *тебе*?

Алина сбилась. Ей такого не задавали. Губы раскрылись, но слов не было. Пока…

— Он мой брат. Так поступают братья и сёстры. Если вы, виверианe, не способны понять, мне вас жаль!

Кай выдохнул; гнев разошёлся в нечто более тяжёлое, печальное:

— Я не говорил, что ты не должна помогать брату, принцесса. Но если другие обрезают тебе крылья и не дают летать, стоит задуматься, — он кивнул на мешок с железом: — Зачем ты просила учить тебя меня? Твой брат воин не хуже меня. Могла попросить его.

— Потому что он… — Алина уставилась на оружие. Правда комом в горле. — Он станет Королём Огня. У него — обязанности.

Кай рассмеялся:

— Уверен. Хотя чаще я вижу, как он прячется или тренируется со своими.

— Хорошо. Чего ты хочешь услышать? — Она развела руками, устало. — Да, я жизнь положила на брата. Отодвигала своё ради него. Но я — никто. Я просто драконийская принцесса; звучит важно почти везде, но у нас это значит — продадут замуж за высшую ставку. Что и случилось. А брат — в том же. Он *не хотел* быть королём, но *будет*. Нас обоих поставили на пути, которых мы не выбирали. Такова жизнь.

— И вам, с вашими виверианскими «делай что хочешь», легко смеяться и отмахиваться. Может, в вашей земле так можно; у нас — нет. У нас корона — прежде всего, — голос упал до шёпота, оголился болью: — И при всех твоих упрёках напомню, когда праздники закончатся и меня увезут в новый дом, ты поедешь к себе исполнять долг второго сына.

Она видела, как у него свело челюсть, как задеревенели плечи. Будто она ударила.

Ей было всё равно.

Кай не имел права судить, будучи таким же пленником своей судьбы.

— Не смотри так, виверian, — сказала она, но дыхание сбилось, когда он шагнул. И ещё шаг. Пульс сорвался в бег. Она отступали, пока кора не уткнулась в позвоночник.

Он наклонился; его дыхание упёрлось ей в губы.

— Ты ошиблась в одном, принцесса, — прохрипел он, как гром до грозы. — Ты не «никто». Ты — чёртово солнце, Алина Ахерон.

И он поцеловал её.

Не осторожно, не украдкой — не так, как прежде. Без узды. Без границ.

Губы Кая накрыли её — голодные, пылающие, отчаянные. Язык скользнул между её губ, и из её горла сорвался всхлип. Его руки вплелись в её волосы — жадно, властно, прижимая к стволу, словно он больше не отпустит.

Алина горела под ним.

Её пальцы сжали чёрную рубашку, притянули его ближе, ещё, пока тела не слились, пока жар между ними не стал нестерпим.

Его ладони спустились вниз, схватили её за бёдра, подняли, будто она ничего не весила. Алина застонала, обвивая его ногами за талию; юбки стекали по ним золотым пламенем.

И… треск.

Она моргнула, ошеломлённая, и увидела, как Кай, не терпя, рвёт корсаж.

— Слишком много ткани, — проворчал он и сорвал остатки.

Алина вспыхнула до самых корней волос, но он уже опустил взгляд, чёрные глаза пожирали её оголённую кожу.

— Так лучше, принцесса, — промурлыкал он.

Медленно, мучительно он снял последний шёлковый слой, обнажив её перед утренним воздухом.

Губы его опустились; язык прошёл по коже, дразня, обожествляя. Голова Алины откинулась к дереву, стон сорвался сам. Пальцы впились в его волосы, удерживая, молча прося: *ещё*.

— Чего ты хочешь, принцесса? — спросил он у её кожи, тихо, порочно, дыхание жгло каждую точку прикосновения.

Алина дрожала, не в силах ответить.

Они оба знали: это всё, что у них будет. Один вырванный миг, украденный у мира, который никогда не позволит им быть вместе.

Но этот миг был *её*.

Она наклонилась, коснулась его уха губами и едва слышно прошептала:

— Заставь меня гореть, Кай.

И он заставил.

Алина горела, как солнце — под его руками, под тяжестью его тела, под мрачным голодом его взгляда, когда он смотрел, как она растворяется в стоне за стоном, и его имя было молитвой на её губах.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 36

Иногда любить другого так больно, что не можешь дышать. Достаточно смотреть на него, знать, что он — твой, а ты — его, и это — прекраснейшее чувство на свете. Но когда не знаешь, что чувствует он, — это душит. Хочется лишь признаться, почувствовать его кожу своей кожей, и всё же страх отказа — как клинок, входящий в сердце. Любовь — пытка.

Но кем бы мы были без неё?

Табита Вистерия

Тронный зал мерцал золотом свечей, воздух тяжело висел от невысказанного, пока знать и послы собирались в ожидающей тишине. Утром Эш провёл на плацу: сталь о сталь, тело — до изнеможения, в тщетной надежде, что пот и мышцы заглушат бурю в голове. Не вышло.

Он просил позвать Алину — в голосе звучало отчаяние, — но слуги лишь качали головами. Никто её не видел. Вместо этого ему сунули сложенный пергамент — её почерк, ровный и красивый, те слова, которых он сам не мог сложить. Она сидела допоздна при свечах, сочиняя речь, которую его язык не подчинялся произнести.

Завтра он выедет к границам. Шёпоты о ведьмах множились, ползли по королевству, как нарождающаяся буря. Эш хотел увидеть сам, правда ли предупреждения.

Он резко выдохнул, повернулся к зеркалу. Парадный наряд — золото с алым — душил, мишурная тюрьма из жабо и стоячих воротников. Он жаждал веса доспеха, холодка стали на коже. Как Алина переносит эти нелепые регалии каждый день?

— Перестань дёргаться, — голос Хагана звякнул лёгким раздражением. Он прислонился к косяку, скрестил руки. Взгляд обежал пустую комнату и вернулся к Эшу, губы стянуло недовольной складкой: — Жена не пойдёт с тобой вниз?

Эш не ответил, хотя вопрос тяжело сел в грудь.

Он позаботился уйти до пробуждения Мэл. Ускользнул, когда небо ещё дышало оранжевым и серебром, до того, как двор проснулся, прежде чем успел бы увидеть её за утренним столом — в ночной рубашке, с волосами, рассыпавшимися по плечам, — сонную, живую. Он бежал, пока она не спросила бы мягко, своим любопытством, и пока не предался бы тянущей боли в груди — поднять её на руки и унести обратно в постель.

— Пора, — сказал Хаган, не предлагая, приказывая.

Эш заставил ноги идти. Сапоги мерно стучали по камню, пока он спускался в зал.

Стоило ему войти, все взгляды поднялись. Воздух сгустился, предвкушение закрутилось в зале, как поднимающийся дым. Инстинктивно Эш расправил плечи, выпрямил спину — рефлекс солдата, броня воина. Он не дрогнет. Не здесь. Не при них.

Пробираясь сквозь разъезжающуюся толпу, он нашёл взглядом Мэл. Она стояла в стороне; её фиолетовые глаза были обращены только к нему. Глоток застрял в сухом горле.

Он занял место в центре помоста, повернулся к морю лиц. На краю зрения мелькнуло движение — Захиан Нур, ухмыляющийся, словно ему обещали представление. Челюсть Эша сжалась; он удержал себя от того, чтобы второй раз сломать фениксианцу нос. Но Захиан — ничто, пустяк против главного отсутствия, что выгрызало его изнутри.

Где Алина?

Зал стих.

Капля пота медленно скатилась по виску; Эш стёр её. Лица перед ним расплывались. Пальцы, сцепленные за спиной, впились ногтями в ладонь. Слова… где слова?

Голова каменела.

Пергамент жёг через ткань у груди, но первая строка не вспоминалась. Текст, который Алина написала для него, спасательный канат, — пропал, утёк песком.

Во рту пересохло. Грудь стянуло.

И страх взял горло.

А если засмеют? Если увидят?

Руки дрожали. Он сильнее сцепил их за спиной, приказывая телу замолкнуть. Почему он не может? Почему своё же тело предаёт его так, как не предал ни один враг?

Сердце колотилось.

Дыши. Просто дыши.

Он раскрыл рот и попытался вытолкнуть звук. Он будет посмешищем, если не прочитает простой речи. Недостоин.

— С-сегодня… я пр-р… пришёл к в-вам… — Стоило первому запинку рассечь воздух — он понял. Понял.

По толпе пробежала рябь. Сдвиг. Шорох. Услышали. Замечали.

Его провал стоял перед всеми.

Что подумают воины? Пойдут ли за ним? Доверят ли вести их? Нужен ли народу король, который не может говорить?

Горло захлопнулось, мышцы застопорились. Ни вдохнуть, ни двинуться, ни…

Чья-то рука легла в его ладонь.

Твёрдая. Непоколебимая.

Эш обернулся, сбив дыхание: рядом стояла Мэл.

Она сжала его дрожащие пальцы — заземлила. Тихое обещание. Немой щит. Канат.

— Мы собрались, чтобы просить прощения, — сказала Мэл, и её голос пошёл, как шёлк, без запинок. — Мой муж — Принц Огня, и нрав у него, как вы знаете, иной раз закручивается пламенной вьюгой. Но ему искренне жаль содеянное, — она повернулась к Захиану и улыбнулась — ни тёпло, ни холодно, выверенно. — Он приветствует принца Захиана Нура и поздравляет пару.

Аплодисменты взорвались и покатились волной.

Захиан поднялся на помост и протянул руку. На губах — насмешка.

— Всё прощено, брат.

От того «брат» Эшу захотелось что-нибудь сломать. Но тело стояло неподвижно — статуя, холодная и упрямая.

Мэл, почувствовав его оцепенение, взяла его под руку и увела от Захиана и толпы.

— Моему мужу нужен отдых. — Ложь была очевидной, но никто не возразил. Кивали, шептались, готовые разносить его за спиной.

Эшу было всё равно.

Потому что, пока Мэл вела его из зала, её рука держала его.

Она довела его до их покоев, закрыла дверь мягко, окончательно. На миг так и осталась у дерева, спиной к нему, обняв себя, будто разыскивая невидимое тепло. Эш

не повернулся. Он не вынес бы взгляда фиолетовых глаз, видевших его провал. Он видел их в воображении — острые от осуждения, губы — искривлённые от смешка. Может, она рассмеётся. Может, возненавидит — за то, что связали её с принцем, который дрожит перед толпой; с мужчиной, недостойным короны.

Он вышел на балкон, вцепился в каменные перила, втягивая солёный ветер, глубоко, рвано. Море уходило в беспокойную даль под жгучим полуденным светом. Он закрыл глаза, пытаясь остудить шторм в груди. Но услышал её шаги, лёгкие, неторопливые. Она остановилась рядом.

Мэл опёрлась о балюстраду; волосы рассыпались, как чернила, закрыли пол-лица. Она была как сама ночь — соткана из тени и шёпотов, неподвластная страху.

— Отец держал меня в каменных стенах почти всю жизнь, — сказала Мэл тихо, ровно. — Я была счастлива, но моё счастье имело границы — высокие ворота, за которыми скрывали меня от глаз. Слишком многие хотели посмотреть на принцессу с ведьминскими глазами. Одни падали на колени в дрожащем благоговении, шептали молитвы ужаса, уверяя, что я — бог, посланный карать. Другие плевали при одном упоминании, и ветер уносил их проклятия.

— Так они спрятали меня — будто это меняет, кто я. Но тайны умеют просачиваться в щели, и мир всё равно знал. Шептал о девочке с проклятыми глазами, о знаменье, рождённом в Доме Теней.

Она выдохнула, собравшись:

— Частица меня боялась выйти за те стены — боялась взглядов, суда, который придёт не за поступки и не за слова, а за один факт моих глаз. Я говорила себе: не важно. Что мне безразличны шёпоты и косые взгляды. Но глубоко внутри сидела мысль — меня отвергнут, увидят во мне недостойное, нечистое — за то, что я не могу изменить… — Голос на вдохе дрогнул едва слышно, но она выпрямилась.

— Но я научилась: страх — всего лишь призрак ума. И поняла, что я сильнее их мелкой злобы. Сильнее их шепота, их настороженных глаз. Да, они смотрели, шушукались, но их страх не мой груз. Это то, что я в силах вынести.

Тело Эша, скованное стыдом, понемногу расслаблялось, пока её голос ложился бальзамом на рвущиеся нервы. Он чуть повернулся, глядя на принцессу, устремившую взгляд за горизонт, словно миру не дотянуться до неё. Она говорила так, будто уже победила те страхи, что держали его.

— Ты, обнаружишь, Принц Огня, что то, чего ты боишься, не так страшно, как придумалось, — сказала она и повернулась, встретив его взгляд. — А может, и так. Но ты сильнее.

Эш сглотнул, проталкивая слова сквозь узел в горле:

— К-король… — голос споткнулся, но он продавил, сжав челюсть. — К-король не д-должен б-боя… бояться г-говорить. К-король не д-должен з-заикаться. Король д-должен быть сильным.

Мэл наклонила голову, прицениваясь к словам:

— Король может быть тем, кем сам решит. В этом и есть король. А сила, Принц Огня, бывает разной.

Она отошла, распахнула створки и поманила проходящую служанку. Велела принести еду — поесть в покоях. Потом села за столик у балкона; ветер перебирал её непокорные кудри. Она выглядела незакованной. Неприручённой. Женщиной, которую мир не сломал, хоть и пытался.

Стукнули в дверь, и внутрь потянулась цепочка слуг с золотыми блюдами. Эш смотрел, не раскрываясь, как Мэл берёт жареную куриную ножку с грацией воина, вынимающего клинок. Она откусила без церемоний — плевать на этикеты королев и принцесс.

Взгляд Эша упал на её тарелку — подзапечённое мясо, густые тёмные соки. Гниль. Та пища, которую любят виверианцы.

Мэл поймала его взгляд и усмехнулась:

— Каждому — своё, — сказала, прожёвывая. — Полагаю, у драконийцев свои… омерзительные деликатесы. Нас с детства пугали рассказами, будто вы едите младенцев.

У Эша скрутило живот.

— Это омерзительно.

Мэл пожала плечами и оторвала ещё кусок мяса.

Они ели молча, пока она — слишком небрежным, чтобы быть случайным, тоном — не спросила:

— Почему тебя зовут жестоким принцем?

Пальцы Эша сжали вилку.

— К-кто так меня зовёт?

Губы Мэл тронула улыбка, но она не ответила. Он вздохнул и опустил взгляд на тарелку:

— Мир в-видит то, что х-хочет в-видеть. Видит т-тихого принца, который в-время проводит один или с в-воинами, и р-решает, что он з-замышляет худое. Вот и н-называет его ж-жестоким.

Он никогда ещё не говорил при ней так много. Но Мэл не дёрнулась от его заикания. Не отвела глаз, не занервничала. Просто слушала. И впервые Эш подумал, что, возможно, вес его слов важнее, чем то, как они спотыкаются на языке.

— Видят девочку с дикими волосами и босыми ногами и решают, что она дикарка, — ответила Мэл, откинувшись на спинку стула.

Эш поднял взгляд; в груди шевельнулось нечто неразличимое.

— П-охоже, мы все н-не лучше друг друга. В-видим то, что х-хотим в-видеть.

Она наклонила голову, изучая его через стол:

— А что видишь ты, муж?

Грудь ему сжало.

Пауза.

А потом — голос твёрже, чем он рассчитывал:

— Тебя.

***

Алина опоздала к речи брата. Она неслась по извилистым коридорам; юбки путались в ногах, дыхание жгло лёгкие, и всё же, когда она влетела в Тронный зал, там уже было пусто. По замку тянулось эхо разговоров — призраки прошедшего; шёпоты о случившемся достигли её, прежде чем она успела спросить.

Брат стоял перед всеми, пытался протолкнуть слова и не смог. Он споткнулся, он мучился, и её рядом не было.

Она была в лесу. С Каем.

Тошнотворная волна перевернула внутри. Алина вывалилась в сад, ухватилась за ближайший куст и её вырвало.

Что со мной не так?

Её собирались обвенчать с принцем Захианом, долг был на первом месте, а она позволила другому мужчине коснуться себя. И хотела этого. Законы её королевства запрещали ей держать меч, а она ускользала в лес и тренировалась тайком. Брат нуждался в ней, а она бросила его ради вкуса украденного виверианского огня.

Если королева узнает, бросит её в темницу.

Холодный, насмешливый голос донёсся сквозь солнечную тишину:

— Похоже, жена твоего брата не так уж и зла, как некоторые думают.

Алина резко обернулась, вытирая рот. К ней шла принцесса Флора Хоуторн; изумрудное платье мерцало в солнечных бликах.

— Она метнулась и произнесла речь за него, — продолжила Флора, чуть склоняя голову с одобрением.

— Мой брат иногда… пугается, — пробормотала Алина.

— О, не тревожься, принцесса. — Флора отмахнулась, и её тёмная кожа светилась под полуденным солнцем. — В моём королевстве не судят. Бабочка остаётся прекрасной, даже если у неё помятое крыло. Красоту нельзя мерить лицом, согласна?

— Это легко говорить, когда тот, кто говорит, сам признан красивым.

Флора рассмеялась, мягко, певуче, и, взяв Алину под руку, повела её неторопливым шагом по саду:

— Пройдёмся. Не думай о брате. Он в хороших руках.

— Ему могу понадобиться я, — Алина замялась, косясь на замок.

Выражение Флоры смягчилось:

— Уверена, так и есть. Но его жена вступилась и теперь с ним. Я бы оставила их. — Она кивнула на цветущие аллеи: — Было бы глупо не воспользоваться днём. Он изумителен.

Алина сглотнула и кивнула, прикусывая губу.

— Ты рада своей помолвке с принцем Захианом?

Взгляд Алины скользнул к Захиану у фонтана, он говорил с пустынной принцессой с лёгкостью человека, привычного к обожанию. Горло сжалось.

— Разумеется. Для меня большая честь.

Флора наклонилась ближе; её дыхание коснулось уха Алины:

— Тебе стоит потренироваться, принцесса. Неубедительно.

Кровь Алины похолодела. Она всмотрелась в фэйскую принцессу, ища злость, насмешку, любой знак намерений.

Флора лишь улыбнулась:

— Не волнуйся. Никому не скажу. Думаю, почти все понимают, что ты не горишь желанием выйти за принца. Клятвенные браки вернулись — скоро нас всех начнут выдавать в другие королевства, как и прежде.

— Тебе повезло. Ты станешь королевой. Никто не увезёт тебя из твоей земли.

Улыбка Флоры истончилась, стала неясной. Прежде чем Алина успела извиниться, прежде чем вернуть резкость своих слов, взгляд Флоры ушёл за её плечо.

По саду быстрым шагом шёл Кай Блэкберн. Губы Флоры дёрнулись, будто она распутала то, что Алина так старалась спрятать.

— Тогда оставлю вас, — она высвободила руку и отошла, и уже исчезая, прошептала: — Не позволяй им подрезать тебе крылья.

Алина едва успела осмыслить, как Кай уже был рядом — шаги быстрые, целеустремлённые, неостановимые. Сердце забилось в груди в кулак. *Нет. Только не сейчас.*

Она резко развернулась и пошла в другую сторону.

— Принцесса.

Она проигнорировала и, заставив лицо улыбаться для оборачивающихся дам, продолжила идти.

Но Кай был быстрее. Его пальцы сомкнулись на её предплечье, развернули её к нему — так резко, что по спине вспыхнул жар.

— Что ты, делаешь? — прошипела она, низко, дрожа.

— *Я* что делаю? — его дыхание обожгло ей ухо. — Это ты убежала так, будто за тобой семеро демонов из подземья.

— Я спешила.

— Ты бежала *от меня*.

Алина выдернула руку:

— Нет.

— Тогда почему…

— Потому что это была ошибка, — сказала она тихо, но остро, и слова рассекли воздух между ними, как клинок. — Мне надлежит выйти замуж. Покинуть дом и поехать в иной. Это был единственный раз, я почувствовала, что задохнулась в своей жизни, и захотела поцеловать тебя. Но это всё. Теперь мы продолжим, будто ничего не было.

— Я не хочу делать вид, будто ничего не было.

Алина метнула взгляд на любопытные глаза вокруг, схватила его за запястье и втянула в ближайшую галерею — в тихий коридор, где воздух густ от тени.

— Придётся. Через несколько недель ты вернёшься домой.

— Тогда поезжай со мной.

Дыхание Алины остановилось. Она подняла глаза, в голове загремела невозможность этих слов. Она искала на его лице шутку, хоть что-то, что докажет: он не всерьёз.

Но там была лишь искренность. И, куда опаснее, — надежда.

Губы её приоткрылись, но слов не было. *Сможет ли?* Отказаться от всего — долга, имени, короны — и уйти за этим мужчиной в неизвестность?

Кай поднял руку; убрал выбившуюся золотую прядь, заправил её за ухо. Его губы едва коснулись её — и глубоко, внизу, пополз огонь. Ей хотелось снова почувствовать его вкус, сгореть в нём. Прямо здесь, в этом коридоре, в этом проклятом замке, — быть его.

Но она положила дрожащие ладони на его грудь и оттолкнула.

— Я не могу, Кай. — Его брови сдвинулись, губы раскрылись, но она поспешила дальше: — Если я так сделаю, что изменится? Я всё равно буду принцессой, отправленной в чужую землю, без цели.

Дыхание Кая споткнулось:

— Не будешь. *Ты выберешь.* — Тёмные глаза искали её — отчаянно, умоляюще. — Ты выберешь *меня*.

У Алины заныло в груди. Она никогда не слышала его таким — оголённым, хрупким.

Она подняла ладонь, коснулась его щеки, дала пальцам запомнить его черты.

— Но на этот раз, — прошептала, голос сломался, — я хочу выбрать *себя*.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 37

Совет всегда следил за тем, чтобы мы держали истинную силу в секрете. Остальные королевства не знают, на что мы способны. Да, они видели, как мы творим магию, но только в той мере, какую Совет считает допустимой. С ранних лет нас учат сдерживать силу в присутствии чужих. Никогда нельзя показывать незнакомцам, на что ведьмы и колдуны по-настоящему *способны. Мне это всегда казалось странным. Зачем скрывать? Зачем позволять миру видеть лишь крошечные осколки нашего дара — крошки, рассыпанные на дорожке для чужого любопытства.*

Наверное, Совет думает, что это убережёт нас, если однажды кто-то восстанет против нас. Но мне всё чаще кажется, чего именно боится Совет? *Что они делают такого, из-за чего ждут предательства? Ведь именно мы должны удерживать восемь королевств от распада. Но с каждым днём я всё сильнее боюсь, что именно мы — причина их трещины.*

Табита Вистерия

Мэл провела остаток дня взаперти в своих покоях — вместе с Принцем Огня.

Всё остальное: неотданные долги разговоров с Верой, непрочитанные страницы украденного тома, проклятый кинжал, ускользающий из рук — отодвинулось в тень. Ведьма никуда не убежит. Клинок, скрытый в недрах истории, ещё подождёт.

Но время уходило.

Оно просыпалось сквозь пальцы, как песок из разбитых часов.

И всё же на несколько украденных часов Мэл позволила себе забыть. Забыть о проклятиях и долге, о войне и крови — и просто быть рядом с ним.

Они ели вместе, бок о бок, говорили о книгах и странных различиях между их мирами.

Она рассказала о дереве, под которым выбрала молиться, - единственном месте в этом королевстве, где чувствовала себя хоть немного связанной с чем-то большим.

А Эш слушал. Тихо, сосредоточенно, с той внимательностью, что режет воздух.

Он пообещал найти ей место, где она сможет молиться по-настоящему.

И она поверила.

Он говорил больше, чем когда-либо прежде. Уже не тот молчаливый принц, что отвечал полусловом. В его голосе появилась теплая глубина, и Мэл не могла отвести взгляд. Он даже смеялся.

Рассказывал истории детства — о проделках с Хаганом, о хмурой Алине, забытой в коридорах дворца, о матери, отчитывающей сестру за то, что она снова взобралась на стену или схватила меч, которого касаться ей не позволялось.

— Я должен был учить её в с-секрете, — пробормотал он. — Но мы в-вы-росли, и она к-казалась д-довольной, с-частливой.

— Ты хоть раз спрашивал её об этом?

Пауза. В золотых глазах мелькнуло что-то, чего Мэл не смогла прочитать.

— Не д-достаточно.

За окном небо выцвело до кроваво-красного, последние отблески дня истекали в сумрак.

Мэл вышла на балкон, привлечённая далёкими криками Виверн. Где-то там, над горами, звали её звери.

— Завтра я и-иду в п-патруль, — сказал Эш, становясь рядом. — К г-границе.

— Я еду с тобой. — Он открыл рот, но прежде, чем слово сорвалось с губ, она приложила палец к его губам. — Даже не думай сказать, что не могу, Эш Ахерон. Я не драконийка. Я принцесса виверианцев, и у нас женщины не сидят, наблюдая, как мужчины делают то, что можем сделать и мы. Мы — равные. Мне не нужна защита. Чем быстрее ты это примешь, Принц Огня, тем быстрее мы поймём друг друга.

Улыбка, которой он ответил, была опасна. Ослепительная, как вспышка солнца сквозь сталь. Мэл будто ощутила, как внутри что-то сжалось, повернулось на острие. Незнакомое. Опасное.

Солнце — вот кем он был.

А её прислали, чтобы *погасить* его.

Он осторожно обхватил её пальцы, отводя руку от своих губ.

— Я как раз х-хотел с-сказать, п-принцесса, — его глаза засветились, — не х-очешь ли п-полетать на д-драконе, к-когда п-пойдёшь в п-патруль с-со мной?

О.

Мэл моргнула, дерзость её распалась на мягкость. Она кивнула, в глазах блеснул живой интерес.

Виверн она знала с детства — дикие, необузданные, с крыльями как клинки.

Драконы иные: меньше, четырёхлапые, созданные для точности, не для хаоса.

Она задумалась, *как это будет — лететь на одном из них.*

Последний свет ушёл за горизонт, ночь обвила их плечи.

Эш вернулся к столу, небрежно потянулся за гроздью винограда, не замечая, как её взгляд скользит по нему.

Боги, какой он был красивый.

Раньше она не позволяла себе *видеть* это. А теперь — невозможно не видеть.

Его кожа, словно золото под огнём свечей, будто сам Бог Солнца выточил его из пламени и спустил на землю.

Движения лёгкие, сильные, выверенные. Вены под кожей, усталость, свет, и ни капли чудовища.

Она пришла, чтобы убить чудовище.

А нашла мужчину.

Смеющегося. Несущего бремя, что не под силу ни одному смертному.

Как, во имя богов, она должна вонзить кинжал в это сердце?

Мэл последовала за ним в кабинет. Он опустился в кресло, развязывая ремни сапог. Треск огня, шелест ткани — тишина была натянута, словно перед бурей.

Он поднял взгляд, вопрос в золотых глазах.

— Не уходи, — прошептала она.

Брови Эша дрогнули.

— Я н-никуда не и-иду.

Мэл шагнула ближе, остановилась прямо перед ним.

Она никогда не касалась его волос, хотя часто задумывалась, мягкие ли они — как золото, растопленное в лучах солнца.

Осторожно провела пальцами, задевая основание рогов.

Эш застыл.

Мгновение. Другое.

Потом его взгляд потемнел, вглядываясь в её лицо.

— Не прячься от меня.

Глоток. И — тихо, будто клятва, высеченная в вечности:

— Обещаю.

Мэл сглотнула, сомкнула губы, потом протянула ему руку. Без слов. Привычный ритуал.

— Ты опять спишь здесь, в кабинете? — спросила она всё тем же голосом, что каждую ночь.

Проверка. Надежда. Тихая просьба.

Она ждала отказа. Ждала, что тишина вновь расколет между ними ледяную трещину.

Но что-то изменилось.

И оба это знали.

Шершавые пальцы Эша скользнули в её ладонь — тепло, шероховатость, сила. Контраст, от которого она не хотела отказываться.

Мэл повела его в спальню. Каменные плиты под ногами шептали под их шагами.

Перед огромной кроватью она остановилась, дыхание сбилось.

Медленно, почти благоговейно, её дрожащие пальцы нашли пуговицы его алого камзола.

Одна. Другая. Ткань разошлась, как пламя, расходящееся от угля.

Её руки скользнули по груди — гладкая кожа, крепкие мышцы, жар под кончиками пальцев. Губы приоткрылись.

Руки Эша очертили её ключицы — лёгкое, но обжигающее прикосновение.

Он потянулся к лямкам её платья, стягивая их с плеч медленно, почти торжественно.

На коже проступили мурашки. Его взгляд — расплавленное золото, неутолимое — скользил по ней, пока ткань сползала вниз, падая к ногам тёмной лужей шелка.

Нагота под мерцающим светом свечей. Она стояла перед ним, открытая, хрупкая, дерзкая.

Он коснулся её губ кончиком пальца, обвёл контур рта, спустился ниже — по линии шеи.

Мэл выгнулась, принимая его, будто в ответ на молитву.

Пальцы Эша двигались ниже, вдоль изгибов её тела, вниз — всё ниже, пока жар не вспыхнул между бёдер.

Он остановился, губы тронула тень улыбки — обещание. Дразнящее.

И повёл её к кровати.

— Эш…

Его имя сорвалось на выдохе, в мольбе, в дрожи.

Он накрыл её губы — мягко, требовательно, без остатка.

Потом спустился по линии челюсти, по шее — язык повторял путь его пальцев.

Мэл застонала, выгибаясь навстречу, отдаваясь, требуя.

Его руки нашли её грудь, лаская, играя, поклоняясь.

Губы скользнули ниже, горячее дыхание сводило с ума.

А потом — его рот оказался между её бёдер, и мир исчез.

Её стон разорвал воздух. Пальцы вцепились в его золотые волосы, тянули, беспорядочно, отчаянно.

Она ощущала, как тело теряет форму, растворяясь в нарастающем удовольствии — в буре, готовой обрушиться.

Когда ей показалось, что больше не выдержит, его пальцы присоединились к языку — и она сорвалась.

Крик. Дрожь. Волны блаженства захлестнули, смывая всё вокруг.

И всё же он не остановился.

Прежде чем её пульс утих, он уже был на ней, — его губы впились в её губы в медленном, сокрушительном поцелуе. Она обвила его ногами за талию, притянула ближе; ногти прочертили спину, и он вошёл в неё — растягивая, присваивая, поджигая.

Он замер — натянутый, как тетива, — выжидая её. Отдавая ей управление. Но Мэл не хотела контроля. Она хотела его. Внутри себя.

Медленно она двинулась сама — направляя, требуя, — пока боль не растаяла в удовольствии, пока огонь не пожрал их обоих.

Эш застонал и прошёлся губами по её челюсти, по уху, по линии горла. Каждый взгляд, каждый поцелуй, каждый толчок — он поклонялся ей. А Мэл снова и снова ломалась под тяжестью этого поклонения.

Её имя слетело с его губ, как отчаянная молитва, когда он достиг вершины; тело вздрогнуло, руки сжали её, словно она — единственная привязь, удерживающая его в этом мире.

Повисла тишина — только их рваное дыхание да глухой отзвук пережитого.

Мэл рассмеялась — без воздуха, вымотанная; грудь то поднималась, то опадала, пока Эш перекатывался на бок и прижимал её к себе так, будто не вынесет сантиметра расстояния. Рука не разжималась на её талии, удерживая рядом, удерживая своей.

— Думаю, мы напугали соседей, — произнесла она, смех ещё пузырился в горле.

Эш повернулся к ней — в глазах было то, от чего она вспыхнула; что-то благоговейное, изумлённое. Его пальцы гладили дугу её живота, словно чертили карту, запоминая каждую линию.

— Ты меня нервируешь, Принц Огня.

— Почему? — тихо.

— Потому что смотришь на меня так, словно…

— Словно как?

Она прикусила губу, глядя на него, чувствуя его, точно зная:

— Словно тебе так понравилось, что ты хочешь сразу повторить. — Он улыбнулся — медленно, хищно, и волна пробежала по её коже. — Если начнёшь, я не смогу уснуть.

— Кто сказал, что ты б-будешь спать?

Пульс сорвался в бег.

— Ах да? — фиолетовые глаза Мэл сверкнули любопытством. — И что же я буду делать?

Эш снова навалился на неё, запер её в себе — в жаре, в весе, в обещании взгляда. Не раздумывая, она подняла руки и обхватила его золотые рога; его ладонь уже скользнула между её бёдер.

— Будешь стонать всю ночь, принцесса.

И Мэл стонала.

Снова.

И снова.

И снова… пока ночь не сдалась рассвету.

…

Мэл разбудил мягкий шорох, в покои вошли слуги с подносами. Увидев сплетённые тела принца и принцессы — нагие, переплетённые, как корни запретного

дерева, — они споткнулись, вспыхнули и поспешно оставили еду, словно вторглись в святое.

Мэл рассмеялась — светло, звоном, на всю комнату. Похоже, драконийцы боятся обнажённой кожи больше, чем стали.

Её смешки шевельнули Эша. Он спал, закинув руку на её талию; тёплое дыхание касалось затылка. Он низко проворчал, поцеловал между лопаток и пошёл ниже; пальцы вновь заскользили по знакомому ландшафту её тела.

Пара минут и его рот превратил её смех в стоны.

И ещё на несколько часов мир снаружи перестал существовать.

К тому времени, как они выбрались из простыней и поднялись, слуг снова пустили в покои — но те не смели смотреть Мэл в глаза, пока наполняли купель и раскладывали одежду.

Мэл потянулась к амазонскому платью для выездов — простому, хорошо сидящему, серому; натянула прямо на голое тело, затянула шнуровку на талии, ладонями пригладила ткань — и вернулась в спальню.

Эш застыл.

Золотой взгляд потемнел, прожёг её, как грозовую тучу, за которой он гнался бы без оглядки.

— Все выйдите, — сказал он, и голос зазвучал, как тлеющие в ветру угли.

— Эш, мы опоздаем, — одёрнула она, смеясь, когда он перехватил её, поднял на руки и закружил, как безумец. — Твои люди, наверное, ждут с рассвета.

Он коснулся кончиком носа её носа, ладони уверенно легли на бёдра.

— Ты п- права. Но вечером… я хочу в в-анну — с тобой. И… — его пальцы тронули ткань на её талии, играя шнуровкой, будто готов сорвать её здесь и сейчас. Взгляд упал ниже, жадный, туда, где серый материал обнимал её тело. Он прикусил нижнюю губу, словно от боли. — И я хочу тебя на этой к-кровати. В этом п-платье.

Как он это сказал — прерывисто, как молитву — по спине у неё прошёл холодок.

Они, наконец, вышли во двор, где драконьеры уже подали скакунов; утро хрустело, пахло углями и прогретой на солнце чешуёй. У собравшихся воинов Алой гвардии полированная броня ловила золотой свет.

Кай стоял в нескольких шагах от Хагана — лицо острое, как клинки у бедра; от него тянуло грозой.

Мэл подошла, смягчив голос:

— Зачем ты здесь, брат?

— Неужто захочешь забрать себе всё веселье, сестрёнка? — Мэл показала ему язык. Он усмехнулся, шагнул ближе и вполголоса добавил: — Оказывается, на драконах разрешают летать и Алой гвардии, не только королевской семье.

Это было логично. Если бы в небе имели право быть лишь мужчины королевской крови, там остались бы один Эш и король. Конечно, гвардейцам полагается честь — воинам нужно уметь держать небо.

Эш стоял у двух драконов: один — поменьше, алый, как догорающая звезда; другой — крупный и золотой, чешуя переливалась, как расплавленное золото. Он кивком позвал сперва Мэл, потом Кая.

Грудь Мэл сжалась.

Глупо — до детской наивности — было верить, что Эш сдержит своё слово. Что тот жар, каким он окутывал её в тишине их покоев, останется при дневном свете.

Потому что сейчас, на виду у всех, Принц Огня снова ушёл в молчание.

Тихий. Далёкий. Недосягаемый.

Её пальцы сжались в кулаки.

И — касание.

Пальцы в её чёрных волосах, вплетаются в пряди, как шёпот ветра в кронах.

Мэл обернулась, сердце грохнуло, и упёрлась в расплавленный взгляд Эша. Он улыбнулся — мягко, уверенно, *её*. Наклонился и коснулся губами её лба; ладонь сошла с волос, легла на горло, большой палец провёл по пульсу.

Гнев обратился в пепел.

— Я обещал, — шепнул он.

А потом его губы нашли её… и мир исчез.

…

Рен положила подбородок на шершавую столешницу и лениво дула на смятый бумажный шарик, слепленный от скуки. В полутёмной комнате, у окна, сгорбился Кейдж — перелистывал том за томом, в глазах копилась раздражённая злость. Он просеивал бесконечные страницы, вылавливая хотя бы намёк на местонахождение кинжала. Вера, распластанная на стуле, как запертая хищница, наблюдала за обоими с молчаливой настороженностью.

— Это нелепо, — бросила Вера, пальцы отстукивали по подлокотнику сдержанную ярость. — Мне не нужна нянька.

— Это не нянька, — поправила Рен, ухмыльнувшись. — Это похищение.

Ворон с полки сорвался, разрезал тишину крылом и плюхнулся на середину стола с резким карканьем.

— О чём он? — Рен склонила голову на бок, глядя на тенистую птицу.

Кейдж, не отрываясь от книги, даже не посмотрел:

— Интересуется, почему только я действительно работаю, хотя мне меньше всех есть дело до этого проклятого предмета. — Голос ровный, сухой. — Вместо того, чтобы препираться, как дети, возьмите, наконец, по книге.

— Я не люблю читать, — призналась Рен, машинально грызя ноготь. — Я всё больше на улице была, с братцем Брином. Мы со сказками не дружили, а вот младшие сёстры — те да. Гвэнит и Гвинейра обожают истории. Заставляли и меня слушать, но я редко понимала, к чему они.

Вера изогнула бровь, заинтересованно:

— Тогда расскажи нам историю.

— Не вздумай, — отрубил Кейдж — негромко, но с угрозой. — Она только что сказала, что ненавидит истории.

Глаза Рен заискрились; спина выпрямилась — вызов принят. Заставить замолчать Рен Уинтер? Особенно Кейджу Блэкберну? Никогда.

— Ладно, — сказала она, довольная их невольным вниманием. — Расскажу вам, как моему брату Эрвену дали его имя, — она подалась вперёд; голос замедлился, поймал речитатив сказа, её акцент тянул слова, как песня ветра. — У вольвериан дети всегда рождаются парами. Всегда. — Взгляд скользнул по ним, проверяя, слушают ли. — Сначала были мы с Брином, потом — Гвэнит и Гвинейра, и последним — Эрвен. Но близнец Эрвена… умер.

Пауза.

Даже у Веры потемнело лицо.

— Когда младенец рождается, его оставляют в снегу — чтобы дикий волк принял его, — продолжила Рен тише, почти благоговейно. — Если волк не приходит —

младенец умирает. Таков путь вольвериан. Если волк выбирает тебя — вы связаны на всю жизнь. — Пальцы забарабанили по столу, будто вспоминая хруст стылого настила. — Всегда приходят два волка — по волку на каждого близнеца. Забирают детей, греют всю ночь и к утру возвращают. — Губы её поджались. — Но, когда родился Эрвен, его волк пришёл… а сестрин — нет. Она замёрзла в снегу. Ему дали её имя, хоть «Эрвен» — девичье.

Выдох — лёгкий, как иней.

— Он говорит, иногда видит её. Будто она — волчица, стоит над ним. Он с ней говорит. — Рен пожала плечами, но в глазах блуждала тень. — Мы верим, что наши мёртвые возвращаются дикими волками. Но… не знаю, и правда ли брат видит её.

— Почему нет? — спросила Вера.

— Потому что я — Провидица, — Рен развела ладонями. — И я её не вижу. Раз уж кто-то должен видеть — это я, верно?

Кейдж, снова листая страницы, не отрывая взгляда, произнёс:

— Возможно, — сказал он. — А возможно, нет. Они были близнецами; их узы могли перешагнуть смерть так, как даже Провидица не различит.

— Пожалуй, да.

Тишина вернулась — шелест страниц, редкое «кар» ворона. Тяжесть безделья давила Рен на плечи; взгляд метался по скучной комнате.

— Мэл ушла в патруль, — пробормотал Кейдж у окна, будто прочитал её мысли, — и от этого Рен стало не по себе.

— Что ты имеешь в виду? — Вера рывком встала — стул едва не опрокинулся.

— Принц драконийцев и она поехали к границе. Кай утром сказал, их не будет почти весь день.

Лицо Веры побелело. Губы приоткрылись — ужас.

— Вера, что случилось? — спросила Рен.

Ведьма развернулась стремительно, голос зазвенел сталью:

— Ведьмы. — В глазах вспыхнула срочность. — На стене их атакуют ведьмы.

— Откуда ты т-так уверена?

Вера стиснула зубы:

— Потому что… — она запнулась, мотнула головой, нетерпеливо. — Просто послушайте. Границы больше не безопасны. На них нападут.

— Моя сестра умеет драться, — сказал Кейдж.

— Ты не видишь общую картину. Если Эш умрёт или Мэл — проклятие не снять. Им обоим нужно дожить до того момента, когда у Мэл в руке будет этот чёртов кинжал. Даже если она умрёт, а кинжал будет у нас не сработает. Нужна именно Мэл, чтобы вонзить его Эшу в сердце.

— Откуда ты всё это знаешь? — у Рен скрутило живот.

— Объясню по дороге. — Вера уже протискивалась к двери. — Нужно успеть их догнать.

— Они на драконах, — резко выдохнул Кейдж, провёл рукой по тёмным волосам. — У меня есть Виверна, но захочет ли она меня — неизвестно. А на волках мы добираться будем слишком долго.

— Тогда полетим! — объявила Рен.

Хмурь Кейджа стала гуще:

— И *как*, по-твоему, мы это сделаем?

Губы Рен изогнулись — остро, как зимний ветер:

— У меня есть парочка друзей. Они охотно подвезут нас на своих летающих конях.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 38

Иногда мне хочется иметь волшебное зеркало — глянул в него и увидел исход всего. *Если знаешь будущее, ты перестаёшь его бояться. Неважно, что оно покажет: оно случится, а значит, можно готовиться. Но когда не знаешь, когда гадаешь, куда заведёт один выбор и куда уведёт другой, — нервы рвёт в крошево. Я невольно завидую Провидицам и их видениям.*

Но я слышала о магии, что позволяет видеть.

О кровавой магии.

Она запрещена, но говорят, сильнее её нет.

Я могу и не быть Провидицей…

Но я могу ею стать.

Табита Вистерия

Мэл смеялась — широко и без удержу, и ветер уносил её смех в открытое небо, пока драконы неслись над миром. Восторг полёта никогда не тускнел, но это был иной танец, чем с её Виверной. Драконы меньше, их крылья режут небосвод редкими, выверенными взмахами; движения ровнее, спокойнее. Никс под ней всегда была бурей — мощной и непредсказуемой, — а тут… тут она скользила в высоте так, будто стала невесомой, будто само небо сложило её в объятия.

Под ними раскидывалось Королевство Огня — дикое, неопрятное в своей красоте. Зубчатые хребты вулканов распороли землю, словно клыки древних богов; потемневшие склоны шептали о давнем разорении. За ними тянулись золотые пески до самого горизонта, а там их подбирали сапфировые волны моря. Замок Искры, прижитый в бухте, сиял, как драгоценность на тронной скале — башни тянулись ввысь, будто желали успеть за ними.

Путь к границам займёт часы. Замок хоть и велик, но стоит в одном из малых городов королевства. Настоящее сердце драконийской державы — Файрхарт — лежит за вулканическими грядами, камень, дым и непрестанная жизнь. Эш кивнул вниз, перекрикивая свист ветра:

— Файрхарт!

Мэл вгляделась в лабиринт улиц и высот башен. Сколько этого королевства ей ещё неведомо? Дни ушли за стенами замка, на его террасах, но что там, дальше? Люди, тайные уголки, нерассказанные истории? В груди дрогнула тихая жажда: на обратном пути пройтись по улицам, услышать пульс этой чужой земли, которой ей суждено называться домом.

Ниже бурый обжёг сменился кроваво-красным камнем, и лишь изредка упрямые всплески зелени: маленькая, цепкая жизнь, вцепившаяся в жёсткую породу. Чуть ниже проплывали драконы: алые чешуйки ловили солнце, всадники в красном шли строем.

—Алая гвардия! — крикнул Эш. — Учения!

Взгляд Мэл скользнул к Хагану, летевшему несколькими корпусами сзади; он, как всегда, прочёсывал небо настороженно. Его манера держаться, то, как он *привязан* к Эшу, — словно немая клятва. До неё долетали шёпоты о прошлом: вырос при дворе, ушёл в Алую гвардию, вернулся другим. И ещё — как меняется Алина, когда он рядом: спина каменеет, пальцы сжимаются, будто она ждёт чужого, несказанного удара. Мэл подумала, что под поверхностью этой истории, пожалуй, скрыто больше, чем оба готовы признать.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Стена вынырнула из марева впереди — железно-серая рана, рассёкшая землю. Сто лет назад таких преград не ставили, но война поменяла всё. Теперь Королевство Магии стояло в каменной клетке — тайны его погребены под слоями времени и молчания.

Мэл уже мельком видела стену, однажды, много лет назад, в патруле с Каем; ещё когда летела в Королевство Огня, пройдя над ней и рухнув в ведьмину землю, пойманная судьбой и неудачей. Но стоять перед ней теперь, ощущая, как история давит на грудь, — совсем другое.

Она посадила дракона на один из деревянных помостов, вросших в стену; конструкция глухо пружинила под когтями. Эш сел рядом; Кай и Хаган чуть поодаль. Мэл отсекла взглядом наэлектризованную грань между братом и гвардейцем и повернулась к земле за стеной.

Королевство Магии тянулось перед ней тихим безмолвием. Забытый мир волокнистой травы и осыпающихся руин, дыхание его — лишь лёгкий шорох в ветре. Земля заброшена, предоставлена гниению, и всё же здесь было что-то… наблюдающее. Будто под камнями и тенями что-то ещё шевелится.

Она спустилась с помоста, вслед за Эшем к одному из дозорных башенных узлов. На стене стояло мало стражи; кто был — скучал до оцепенения. Если ведьмы ударят, их раздавят за минуты. Мысль холодила. Никто здесь не воспринимает угрозу всерьёз.

— Стражи так мало, — заметила она.

Хаган фыркнул:

— А на что их больше? День-деньской таращиться в пустошь? Хорошо ещё, король собирается расширяться, оттяпать приличный кусок. Стену снесём — дело того стоит.

Мэл застыла:

— Что?

Пальцы Хагана сами нашли рукоять кинжала:

— Думал, она в курсе. — Резко глянул на Эша.

Вперёд шагнул Кай, голос низко и остро:

— Объясни.

Эш выдохнул, не поднимая глаз на Мэл:

— Пока т-только слух. Король хочет в-зять часть земли у в-ведьм, чтобы р-расширить королевство.

Глаза Кая сузились до щелей; он уставился в промежуток — нет, в *отсутствие* промежутка — между Мэл и Эшем. Взгляд давил, как невысказанное предупреждение — тонкое лезвие под бархатом. Он видел поцелуй. Она знала это так же верно, как то, что солнце встаёт на востоке. Видел, как смягчилась стойка Эша, как сменился рисунок его движений, как на миг распахнулись золотые глаза, когда-то бывшие одной сталью и огнём.

Взгляд скользнул на Мэл, измеряя; что хотел сказать — удержал. Пока.

— Вот почему повсюду поползли слухи о ведьмах, — сказал, наконец, он. — Хоть сделает он это, хоть нет — одного намерения хватит, чтобы ведьмам был повод собраться.

Хаган усмехнулся:

— И как это ведьмы узнают план?

Вера. И кто знает, сколько ещё таких? Скольким ведьмам удалось проскользнуть в замок — под личинами служанок, поваров, портных? Если Вера слышала о намерениях, значит, ведьмы уже знают. И теперь у них есть повод подняться.

Она раскрыла рот, чтобы сказать...

Грохот, оглушительный, как удар молота по небу, разворотил воздух.

Стена дрогнула.

Мэл отшатнулась, закрывая лицо, второй взрыв разнёс башню, и камень с пылью хлынули дождём.

Стража заметалась, закричала.

— Ведьмы!

Кровь Мэл оледенела. Она рванулась к проёму — за стеной пустошь была пуста, как и прежде: лишь поля до горизонта.

— Где они? — выдохнул Хаган. — Поле чистое!

Третий взрыв.

Дыхание Мэл сорвалось.

—Их нет в поле, — сказала она. — Ведьмы пользуются миражем.

Понимание ударило ровно в тот миг, когда дверь дозорного узла распахнулась.

Вошли двое стражников — красные мундиры, золотые рога, светлые волосы.

Только это были не стражники.

На глазах иллюзия стекла, как воск, — и остались две фигуры в чёрном, с глазами, сияющими, как отполированный аметист. Первая ведьма подняла ладонь, пальцы скривились — меж ними засвистел зелёный дым, обвившись, как живое.

Губы ухмыльнулись ленно и хищно.

—Ну надо же, — мурлыкнула она. — Что у нас тут?

Магия в её руке нарастала, треском, силой.

И тогда, пронзив кутерьму, встряхнув небеса, рев Виверны расколол небо.

…

Рен представила Кейджу валькирий — имена вписались в его память не из любопытства, а потому что он *никогда* не забывал услышанное. Перед ним стояли три воина-женщины; у ног — их крылатые кони. От них исходила тихая угроза, будто они каждое мгновение готовы сорваться в атаку. Их присутствие несло вес старых битв и немых побед; серебряные пластины доспеха отражали расплавленный цвет неба.

Кейдж уже хотел заметить, что блестящая броня на конях выглядит избыточной, когда валькирия с тёмно-каштановыми волосами резко подалась вперёд и, не колеблясь, *лизнула ему щеку*.

Смех Рен взлетел колокольчиком; Кейдж окаменел, отшатнулся всем телом, как от пощёчины. Он метнул на неё такой взгляд, что им можно было выжечь рощу, Рен лишь крепче прижала ладонь к животу, захлёбываясь весельем.

Они вскочили в седло; крылатые скакуны встряхнули перистые гривы и взмыли. Рен ехала рядом с Тирой — рыжей воительницей на чёрном жеребце с крыльями цвета грозовой тучи. Астрид, золотокорая и ледоглазая, подхватила Веру — на белом коне, так бледном, будто вырезанном из лунного камня. А позади Кейджа, к его явному несчастью, устроилась Фрейя — взгляд острый и непроницаемый, пока их конь рвался в высоту.

Всю дорогу Кейдж молчал; раздражение гулко билось под рёбрами. Он ненавидел тесноту, чужое дыхание впритык — рядом человек, которого он едва знает. Ему бы одиночество, свою тихую крепость, где не давит ничьё присутствие. Его брат, Кай, убил бы за это место — Кай восхищался валькириями: их славой, их красотой. Ходили старые легенды: стоит одной валькирии ступить на поле — и война застынет; одного её вида хватит, чтобы подкосить колени закалённым воинам. Кейдж сомневался.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Великая война бушевала, несмотря на их усилия. Королевство Воздуха, дом этих крылатых, оказалось единственным, кто не примкнул ни к одной стороне; их копья проливали кровь лишь ради тщетных попыток остановить бойню. И в итоге — не смогли. Ведьмы не простили им нейтралитета, а валькирии — себе своей слабости.

Рёв разорвал небо.

Кейдж обернулся в седле; живот ухнул, когда знакомая тень рванула сквозь облака. Никс. Могучие крылья рассекали небеса; сапфировые глаза на миг поймали его взгляд — и Виверна снова ударила оглушительным ревом, нырнув в бурый горизонт.

Что-то не так.

— Это плохой знак, — сказал Кейдж.

— Ты не призывал Виверну? — спокойно спросила Фрейя.

Кейдж мотнул головой:

— Если Никс здесь — значит, Мэл в опасности.

Фрейя без колебаний вонзила пятки в бока зверя, и тот сорвался быстрее. Остальные рванули следом; ветер выбивал дыхание, мир внизу сплющивался в размытую ленту. Кейдж подался вперёд, острым взглядом прочёсывая землю в поисках Мэл. Сначала всё казалось нетронутым, пока горизонт не вздрогнул, и в небо не вспухла ослепительная зелёная вспышка.

Секция каменной стены осыпалась лавиной камня и пыли.

Кровь Кейджа похолодела.

Никс уже нависла над дозорной башней — когти рвали кладку, одно лишь касание грозило разнести конструкцию. Драконы Эша кружили рядом; их тревожные крики отдавались эхом над полем.

Кейдж и Фрейя резко ушли ниже, проходя широкими дугами над хаосом. Внизу Никс хлестнула шипастым хвостом; башня треснула, каменные глыбы покатились вниз. Мэл и остальные бежали, вырываясь из ловушки под прикрытием Виверны. И тут, дальше, сама земля сдвинулась.

Одна за другой на пустоши вспыхнули зелёные огоньки. Сначала — словно безвредные огненные язычки вдали. Потом пламя росло, менялось, обрело форму — и из изумрудной дымки вышли они.

Ведьмы. Колдуны.

Фигуры сгущались, как призраки, шагнувшие из другого мира, и у всех — тот же странный, неестественный фиолетовый цвет глаз, что у Мэл.

Кейдж повёл вниз, разворачивая коня Фрейи к стене. Приземлился в приседе, соскочил одним движением. Крылатый конь сложил огромные крылья; Кейдж похлопал его по шее — молчаливая благодарность — и повернулся лицом к надвигающейся буре.

Ведьм становилось больше — одна за другой, и вот уже всё поле кишело их присутствием.

Поднялась ладонь. На кончиках пальцев вспыхнула магия.

Зелёный болт сорвался вперёд и врезался в стену. Камень дрогнул под силой взрыва.

Фрейя втянула воздух:

— Ведьмы, но они…

— Нас всех обманули, — губы Кейджа сжались в тонкую линию.

Ещё один взрыв распорол воздух.

Мэл ушла в небо; Никс раскрыла крылья настежь и понеслась к врагу. Спустя один удар сердца за ней пошёл Эш — его дракон резал ветер, как клинок.

Кейдж сжал кулаки.

Безумцы. Их сожгут, если они войдут в линию огня ведьм.

— Снова в седло, — бросил он Фрейе, уже готовясь рвануть в воздух. — Они сами себя убьют.

Но он не успел.

Фрейя охнула.

За её спиной возникла ведьма, одной рукой сжав горло валькирии, вдавив ту на колени. На руках у ведьмы чернели знаки, мерцая, как живая тушь; в них пульсировала нерастраченная сила.

Кейдж шагнул вперёд; ярость хлестнула. Он уже взмахнула, но из зелёного дыма вынырнула вторая тень.

Вера.

Двигалась смертельно точно: локоть в висок — и ведьма, не успев дёрнуться, сложилась на землю без сознания.

— Нам надо уходить, — сказала Вера, фиолетовые глаза вспыхнули, когда она повернулась к Кейджу. Он замер, настороженно глядя на неё. Будто почувствовав его сомнение, Вера тяжело выдохнула; в её взгляде горела странная убеждённость. — Я знаю, они — мои. Но проклятие важнее. Если Мэл или Эш погибнуть, погибнем все. С местью разберёмся потом.

Над ними рыкнул дракон. В небе полоснул синий огонь.

Кейдж сделал выбор. Двинулся.

И тут…

Вера застыла. Её глаза расширились от ужаса. Кейдж проследил за её взглядом — сердце сжалось.

Все ведьмы разом повернули внимание к Виверне.

К Мэл.

Кейдж раскрыл рот, крикнул её имя.

Поздно.

Мир проглотил ослепительный зелёный свет.

…

— «Citius, Никс!» — голос Мэл сорвался в ревущем ветре; просьба казалась отчаянием. Могучие крылья Виверны резали небо, как две обсидиановые косы. Но этого было мало. Совсем мало.

Внизу ведьмы вздымались чёрной волной — фигуры текли через зелёный дым, вившийся вокруг них, словно беспокойные духи. Сколько их? Сотня? Больше? И если это только те, кто сидел в засаде у стены, сколько ещё рассеяно по королевствам, затаившись в тенях, ожидая идеально выверенного часа?

Они были слепы. Самоуверенны в мысли, что ведьмы — лишь отголосок старой войны, призраки павшего королевства, слишком сломанного, чтобы подняться. Верно, указ короля Огня их расшевелил. Он не просто посягнул на их землю — он объявил войну.

И ведьмы не отдадут дом.

Мэл не могла их винить.

— Мэл, берегись!

Голос Эша разрубил мысли, как лезвие. Внизу его дракон уже плевался пламенем — не по врагу, а по пустоши вокруг: предупреждение, последняя попытка отпугнуть. Это не удержит. Ведьм не устрашить.

И тогда — будто по невидимой команде — вся сотня взглядов обернулась к Мэл.

Сотня рук поднялась в унисон; воздух уплотнился силой, загудел — зелёное пламя копилось на кончиках пальцев.

Никс резко заложила вираж; Мэл рванула Виверну в ломаный зигзаг, срывая прицел. Бесполезно. Как бы она ни уходила, руки ведьм держали её в прицеле. Магия доберётся.

Выше. Нам надо выше.

Мэл толкнула Никс вверх, вверх, вверх — к облакам.

Позади сгущалось *что-то*.

Вспыхнул шквал зелёного дыма.

Нет.

Мэл успела повернуть голову и увидела её.

Аллегра.

Сестра Веры — такая же, как в последний раз в Королевстве Магии: буйные кудри по спине, глаза того же неестественно-фиолетового оттенка, как у самой Мэл.

Времени не было. Мыслей — тоже.

Пальцы Мэл метнулись к кинжалу в сапоге.

Поздно.

Руки Аллегры легли ей на плечи.

И — толчок.

Крик Мэл проглотил ветер; она рухнула в пустоту.

Ничего.

Под ней только небо и длинное, безжалостное падение к земле.

Сверху взвыла Никс — изломалась в воздухе; огромные синие глаза распахнулись инстинктивным ужасом. Она тянулась — отчаянно, безнадёжно — к хозяйке.

И тогда...

Зелёный свет.

Сотня болтов магии вошла в цель.

Взрыв отрезал миру звук.

Стоны Никс стали не звуком, а раной в самом воздухе. Небо треснуло; Виверну разорвало пополам; кровь и плоть, ухваченные ветром, превратились в дождь.

Мэл видела это.

Видела, как существо, которое она любила, которому доверяла, с которым делила душу,

исчезает.

Из нее вырвался крик, пока она падала, падала, падала.

И в этот миг ведьмы убили не просто Виверну.

Они породили чудовище.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 39

Нет ничего страшнее, чем узнать ужасную правду и понять, что как бы ты ни поступил, мир уже никогда не станет прежним.

Я уничтожу всё.

Абсолютно всё.

Все будут меня ненавидеть.

Но иначе нельзя.

Табита Вистерия

Эш застыл в ужасе, наблюдая, как Мэл, рвущаяся вверх, гонит Никс к небу — тщетная попытка обогнать саму судьбу. Вокруг небо содрогалось от магии; зелёные щупальца дыма скользили по воздуху, выслеживая её, как голодные волки.

На земле он оказался всего мгновение назад — меч уже в руке, дыхание рваное, — встав между Кейджем, Рен и двумя валькириями, заслоняя их от ведьм, надвигающихся, как буря с горизонта.

Но всё исчезло, когда он услышал рёв.

Крик Никс разрезал небо, словно боевой рог смерти, расколовший поле боя. Голова Эша резко взметнулась, кровь похолодела. В вышине Мэл, отчаянно отбивающаяся от фигуры, вырвавшейся из зелёного дыма, из самого кошмара.

Первым порывом Эша было вскочить на дракона, взлететь и разорвать любого, кто осмелится коснуться его жены. Он уже открыл рот, чтобы крикнуть Рен, Кейджу и валькирии бежать, пока ведьмы не обратили магию на них.

И вдруг...

Всё тело застыло.

Она была здесь.

Всего в нескольких шагах.

Прошлое вырвало воздух из его лёгких.

Лицо, которое он когда-то знал слишком хорошо. Лицо, что преследовало его в самые тёмные ночи, шептало в снах о предательстве.

Адара.

Душа Эша качнулась. Он не видел её много лет, едва помнил последний раз, когда взгляд встретился с этим прекрасным, страшным лицом.

Им было по шестнадцать, когда она вошла в его мир. Дочь аристократа, сияющая, недосягаемая, а он, Принц Огня, пал, как безрассудный, тянущийся к солнцу, чтобы сгореть дотла.

Она была всем. Ради неё он бы оставил королевство.

А потом дрожащими руками она сняла иллюзию.

Она не была драконийкой.

Она родилась ведьмой.

Правда расколола его, остались только осколки в груди. Он проклял её фиолетовые глаза, возненавидел чернильные узоры, вьющиеся по рукам, молил забыть, как её белые волосы скользили между его пальцами.

И вот — она снова перед ним. Призрак из другой жизни.

Их взгляды столкнулись. Один миг — и в нём целая война, без звука, без слов.

Но глаза Адары скользнули мимо, мимо мальчишки, которого она сломала.

Куда важнее.

Мэл.

Мэл, которая падала.

Мир перевернулся, когда Эш обернулся. В животе всё ухнуло. Его жена рушилась с небес, невесомая, беззвучный крик рвался из горла и терялся в ветре.

Нет.

Нет, нет, нет.

Эш вырвался из оцепенения прошлого. В ярости выкрикнул приказ, и дракон сорвался в небо, рванув вперёд с бешеной скоростью. Он ещё мог успеть. Ещё мог спасти её.

Но ведьмы внизу уже подняли руки.

Одна цель. Одна воля.

Магия собралась в единый смерч — волну зелёного пламени, рождённую для последнего, непростительного удара.

Никс.

Глаза Эша расширились в безмолвном ужасе, когда сотня болтов силы обрушилась на Виверну разом.

Мгновение парализующей тишины.

Мир взорвался.

Ударная волна прорезала небо. Последний рёв Никс стал звуком, которому не место в живом мире — таким сыром, таким нечеловеческим, что само небо задрожало.

Виверну — сердце, крылья, силу — разорвало в клочья.

Кровь. Огонь. Плоть — дождём с небес.

А Мэл...

Мэл не упала.

Мэл стала чем-то другим.

Что-то проснулось в Мэл.

Пробудилось из глубины, куда она годами запирала его, прятала под слоями страха и сдержанности, боясь даже признать.

Но теперь — нечего скрывать. Нечего изображать.

Её сила сорвалась с цепей.

Она прорвалась сквозь кровь, взвыла бурей, готовой сжечь мир до пепла — разорвать плоть, испепелить врагов.

Тело Мэл рассыпалось в ничто. Больше не плоть. Больше не ограничена смертным. Она стала тенью — веществом кошмаров, эхом тьмы, скользящей незаметно сквозь хаос.

Она — буря на горизонте. Смерть в темноте.

Она возникла рядом с Никс, павшей зверем, но и сама оставалась бесплотной — призрак, окутанный горем. Дым в обличье девушки. Её ладонь — текучая, беспостоянная — легла на неподвижное крыло Виверны.

Никс больше не дышала.

Душа великой сущности уже ушла в Лес Безмолвных Плачей, туда, где отдыхают потерянные под призрачными ветвями.

Мэл не могла плакать. Не в этой форме.

Зато могла заставить мир кричать за неё.

В небе дракон Эша больше не удерживал ярость. Он не предупреждал, не колебался — его гнев прошёлся по полю, оставляя лишь пламя и руины.

Но ведьмы уже обратили взоры на него, снова подняв руки.

Мэл подняла взгляд. Её тёмные, пустые глаза мигнули. Дракон был слишком медленным, слишком большим, слишком заметной целью.

Они его убьют.

Они отнимут его и его тоже.

Мэл не раздумывала. Двигалась быстрее ветра, быстрее мысли — живая тьма пронеслась над полем, тело изгибалось в воздухе, пока ведьмы выпускали чары.

Дракон едва успел перевернуться, уходя из-под удара, но магия всё же чиркнула по брюху.

А Эш...

Эш сорвался вниз.

Нет.

Мир раскололся вокруг Мэл.

Небо исчезло. Поле расплылось.

Остался только он — падающий.

Она рванулась и стала ветром.

Но ведьмы заметили её.

В небо выстрелил вихрь зелёного огня.

Он настиг его в полёте.

Крик Эша, вырванный из груди, будто его рвали на части. Тело закрутило, спираль падения; Мэл бросилась следом, окружая его тенями, обнимая, укрывая, пока они падали вместе.

Она приземлилась мягко, сила поглотила удар.

Но золотые глаза Эша были закрыты.

Грудь не поднималась.

Дыхание Мэл сбилось; края души начали расползаться.

Нет, нет, нет.

Крик боли поднимался изнутри, но прежде чем он вырвался, сквозь туман пробился голос:

«Мэл, нужно уходить!»

Кай.

Он бежал к ней — меч в крови, доспехи в трещинах, голос острый от спешки.

«Он мёртв.»

Слова — шёпот. Мольба. Рана.

Кай замешкался всего на миг, потом наклонился и перекинул тело Эша себе на плечо.

— Нет, он не мёртв, — его голос звенел сталью. — Нас слишком мало. Нужно уходить. Прикрой меня.

Мэл заставила дрожащие руки повиноваться.

Она поднялась, её тёмные пальцы сомкнулись на рукояти меча.

И тогда — она стала смертью.

Ведьмы падали перед ней, как листья в буре. Клинок пел, сила ревела; тела взлетали, будто куклы, отброшенные капризным богом. Она была возмездием. Она была яростью, обретшей плоть.

Тёмная принцесса, существо войны, владевшее не только сталью, но и самим воздухом.

Когда она добралась до стены, Кай уже усаживал Эша на спину дракона, зверь был ранен, но дышал.

Мэл взобралась следом, прижимая тело Эша к себе, будто так могла удержать его в этом мире.

Она осмелилась взглянуть назад.

Никс лежала неподвижно на поле битвы, тело без души, что когда-то в ней жила.

Чёрное сердце Мэл истекало кровью, скорбь растягивалась по небу, гремела громом, дрожала в костях.

И тогда она закричала.

Это был не крик девушки, потерявшей любимого.

Это был боевой зов.

Проклятие.

Обет.

Этот день ведьмы запомнят навсегда — день, когда они запечатали свою судьбу.

Валькирии, Виверны и драконийцы взмыли в небо, уносясь к горизонту.

Глаза Эша дрогнули и приоткрылись. Из его губ вырвался глухой стон — жгучая боль пронзила бок. Под рёбрами ныло тупо и ритмично; каждый вдох был мукой, каждое движение — пыткой. Зрение мутнело: над ним темнел балдахин кровати, тяжёлые шторы закрывали свет, погружая комнату в полумрак.

И тогда, как волна, накатили воспоминания — бой, ведьмы, падение. Мэл.

Сердце забилось яростно. Паника сжала грудь, он резко сел, вскрикнув от боли — резкой, беспощадной, огненной.

Чьи-то ладони прижались к его груди — твёрдо, но осторожно, опуская его обратно.

— Где она? — голос сорвался, охрипший, дрожащий от нетерпения.

Карие глаза Алины сузились, в них смешались раздражение и облегчение.

— Тебе стоило бы беспокоиться о себе, Эш. Твоя жена цела и где-то молится, как делает уже три дня.

— Три дня? — слова едва прошли сквозь губы. Голова кружилась, пульс грохотал в ушах. Он повернулся к балкон, будто чудом Мэл могла выйти из тени, вернуться к нему в том виде, в каком он видел её в последний раз.

В виде, который не должен был существовать.

Одним мигом она была принцессой-виверианкой, падающей с небес; в следующий — чем-то иным, страшным, невиданным.

Не смертной.

— Отец велел считать всё происшедшее небылицей.

— «Небылицей»? Что это знач-значит?

— Значит, он делает вид, будто ничего не было.

— А как он объясн-няет мои раны? — зубы Эша стиснулись; под кожей вспыхнула злость. — Как он объясн-няет смерть Виверны?

Алина откинулась в высоком кресле у его постели, теребя вышитый край рукава. Кресло было из чёрного дерева — редкость, которую Эш когда-то добыл для дворца. То, чего в драконийском дворе не видели десятилетиями.

— Несчастный случай, — сказала она сухо. — Ты упал во время полёта. А Виверна… Отец сказал, вот почему женщинам не дозволено ездить верхом в этом королевстве.

Выдох Эша был резким; ярость закипела в жилах. Кулаки сжались, ногти впились в ладони. Конечно. Ещё один повод, чтобы унизить женщин.

Взгляд Алины стал настороженным. Она куснула губу, потом тихо спросила:

— Что именно случилось?

— Ведьмы напали на стену, — Эш облизнул пересохшие губы; каждое слово царапало горло. — Мы глупо думали, что их больше нет. Они… ужасно сильны, Алина. Я не видел ничего подобного.

Она напряглась, пальцы стиснули ткань платья.

— Мать была права.

— Что? — Эш нахмурился.

— Ничего, — слишком быстро покачала она головой, будто стирая мысль. Потом потянулась и сжала его ладонь. — Благодари Солнечного Бога, что Его свет обжёг тебя, но не убил.

— Я видел её, Алина. Среди них.

Реакция была мгновенной. Спрашивать не пришлось.

Воздух между ними стал острым, холодным.

Алина плюнула на пол из отполированного мрамора; ярость исказила её тонкие черты. Потом, спохватившись, быстро стёрла след носком туфли, пробормотав извинение.

— Ненавижу её.

— Это я виноват, — голос Эша сорвался. — То, что случилось с Мэл… Я был слишком з-занят, смот-ря на неё. Мог спасти Виверну.

— Нет, Эш. Ты ничего не мог сделать.

— Тебя там не было.

Алина вздрогнула, будто он ударил её.

— Нет, не была.

Эш закрыл глаза, вина стиснула грудь когтями.

— Прости.

Он хотел спросить о Мэл, знает ли кто-нибудь, что она сделала, чем стала, — но слова застряли. Вместо этого память кольнула другой картиной, тревожившей всё это время.

— Алина, ты знаешь Кейджа Блэкберна и Рен Уинтер?

— Не близко.

— С ними был кто-то ещё. Но это… нелогично.

— Кто?

— Наверное, померещилось, — он покачал головой. — Не важно. Но я к-клянусь, будто ведьма шла с ними.

Нос Алины сморщился.

— Глупости, Эш. Почему Кейдж Блэкберн и Рен Уинтер будут путешествовать с ведьмой? Вероятно, она нападала, а ты в хаосе перепутал.

Челюсть Эша оставалась напряжённой. Мысль не отпускала. Ведьма не билась против них. Она билась вместе с ними.

И он почти уверен — в небе было три валькирии.

Три.

Каждая несла кого-то.

Если не ведьму, то кого?

— Эш, тебе нужен отдых. Ты спал три дня. Надо вернуть силы.

И вдруг его осенило.

Дыхание застряло в груди.

Он понял, почему узнал ту ведьму.

Не потому что видел раньше.

Нет. Из-за другого — из-за черт лица, из-за того, как белые волосы блестели, как бронзовая кожа отливала золотом.

Потому что она была как...

— Адара, — имя сорвалось с его губ, тело застыло.

Алина резко обернулась, глаза сузились.

— Что?

Эш встретил её взгляд; лицо побледнело.

— Она была похожа на Адару. — Осознание ударило обоих одновременно.

Дыхание Алины перехватило, ужас проступил в её чертах.

Эш с трудом сглотнул, прошептал:

— Как будто они… сёстры.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 40

В последнее время я узнала немало о валькириях. Их принцесса, как оказалось, вовсе не носит титул, монархии в их королевстве не существует. Они сами выбирают воина, что станет королевой, и спустя несколько лет остальные вновь решают, кто станет её преемницей. Они утверждают, что так исключают возможность коррумпированной власти, что каждая валькирия будет услышана.

Совет ведьм устроен похоже: его члены тоже когда-то избирались ведьмами и колдунами. Но за эти годы я видела, как он прогнил. Теперь преемников выбирают не народ, а сами сидящие в Совете — родня, сыновья, дочери вместо, возможно, куда более достойных. Да, требуется обучение, и Совет должен одобрить кандидатуру, но всё равно это кажется неправильным. Я войду в Совет не потому, что ведьмы моего королевства избрали меня, а потому что моя мать уже там. Да, я трудом заслужила место, но кто сказал, что другая не работала бы усерднее?

Я намерена попасть в Совет.

Чтобы разрушить его изнутри.

Табита Вистерия

— Я знала, что найду тебя здесь, — голос Хейвен раздался среди покачивающейся травы, тихий, но уверенный.

Мэл не повернулась сразу. Она стояла на коленях в тени своего одинокого дерева, ладони дрожали, в них вдавилась влажная земля — она только что закопала очередное подношение. Три дня. Три дня на коленях перед богами, в мольбе. Три дня шепча имя Никс в почву, будто сама земля могла сжалиться и вернуть ей украденное.

Однажды ночью она рухнула от усталости, свернувшись в траве, как увядающий цветок. А проснувшись, увидела Кая, сидящего рядом, молча охранявшего её сон и отгонявшего тьму.

Теперь она подняла голову, медленно, тяжело, словно из глубокого сна. Тело казалось пустым. Душа — ещё хуже.

Она повернулась, подтянув колени к груди, и прищурилась от солнца, очерчивающего лицо сестры золотом. Черты Хейвен были напряжённы, чёрные глаза полны той скорби, что только вывернийка могла понять по-настоящему.

Скорби от потери зверя. Части собственной души.

— Эш очнулся.

Дыхание Мэл остановилось.

— Он в порядке? — Сколько раз она сидела у его постели, наблюдая, ожидая, умоляя богов, чтобы он открыл глаза? Она приехала сюда, чтобы убить его, а теперь сама мысль о потере стала невыносима. — Я должна его увидеть. Немедленно.

Она вскочила слишком резко, но Хейвен поймала её за запястье, не давая уйти.

— Нам нужно поговорить, — мягко, но настойчиво сказала она. — Ты избегаешь нас.

— Нет. Я молилась и заботилась о муже.

Чёрные глаза Хейвен сузились.

— Мэл.

Мэл сглотнула. Она не хотела этого разговора. Попыталась пройти мимо, игнорируя звон в ушах, но…

— Ты прошла через Тень.

Мэл застыла.

Слова Хейвен ударили, как лезвие.

Она не двинулась. Чувствовала на себе тяжесть взгляда сестры, жар, поднимающийся к шее.

— Ты перенесла ведьм через поле силой мысли, Мэл.

— Кто тебе сказал?

Хейвен вздохнула.

— И правда хочешь хранить от меня тайны? Кай знает. Кейдж тоже.

— Значит, Кейдж рассказал.

— Неважно, кто рассказал. Важно то, что это была не ты.

Мэл медленно повернулась к сестре.

— Прости.

— Ты знала?

Тяжесть вопроса опустилась на грудь, как камень. Знала ли? Она всегда чувствовала — в ней есть нечто иное, спрятанное, тёмное, затаённое. Но использовать это? Управлять, как тогда, в бою?

— Да… нет, — Мэл провела рукой по спутанным волосам. — Я знала, что во мне есть сила, но… не насколько.

Хейвен резко вдохнула, подняла взгляд к небу, словно ища там терпения у богов.

— Зачем ты согласилась выйти за принца? — спросила наконец. Голос был тихим, но под ним звенела боль, глубокая, режущая сильнее любого клинка. — Ради объединения королевств? Или есть что-то, чего ты от меня не сказала?

Живот Мэл свело. Она вновь почувствовала себя ребёнком, застуканным за проступком, беспомощно роняющим слабые оправдания.

Её сила пробудила в ней чудовище, но потеря Нийкс, почти потеря Эша оставила только пустоту.

Пустую оболочку. Жалкий ком боли и вины.

— Чтобы убить его.

Тело Хейвен напряглось.

— Из-за проклятия.

Мэл кивнула.

Сестра выдохнула резко, пальцы сжались в кулаки. На шее, обвивая её, как живое украшение, шевельнулась теневая змея, глаза вспыхнули, почуяв тревогу хозяйки. Две бездонные тьмы уставились на Мэл, но она не ответила взглядом, отвернулась.

— Мэл… ты хоть подумала, что было бы потом? — голос Хейвен стал острым, она уже мерила шагами траву у дерева. — Что случилось бы после убийства Принца Огня? Я должна стать королевой Королевства Тьмы, того самого, что однажды нарушило брачный обет и развязало Великую войну. Представь, какой хаос начался бы, если бы ты действительно совершила задуманное! — Она огляделась, понизив голос. — Если бы ты убила его, знаешь, что сделали бы со мной? С Каем? С Кейджем?

Мэл зажмурилась.

— Я не пыталась.

— Пока нет.

Мэл стиснула кулаки.

— У меня не было кинжала.

— Послушай себя! — голос Хейвен сорвался, полон раздражения. — Всё это время я строю союзы, ищу союзников, готовлю почву для нашего будущего, а ты… всё это

время планировала убийство своего мужа! Что бы стало со мной, если бы ты успела? Что с Каем? С Кейджем? Думаешь, ты бы просто убила его и исчезла? О нас ты думала хоть раз?

— Нет, но…

— Ты могла рассказать мне, Мэл. С самого начала.

— Я пыталась! — голос Мэл сорвался. — Пыталась предупредить всех о проклятии, но никто не верил! Даже сейчас ты смеёшься над самой идеей! Но то же говорили и о ведьмах — и вот! Они уже идут за нами, Хейвен!

Между ними повисла тишина, тяжёлая, как сама история их народов.

— Может, и правильно, — тихо сказала Хейвен.

Хейвен рассеянно вертела кольцо на пальце, погружённая в мысли. Пальцы Мэл были пусты — напоминание о том, что она — четвёртая по рождению, а значит, ошибка в истории.

Четвёртых детей не рождалось никогда. Для них не было даже кольца.

— Никто никогда не умел ходить по Тени, — тихо сказала Хейвен.

Кроме первого короля вивернийцев, если верить древним сказаниям.

Мэл пожала плечами.

— Добавим это в список моих странностей.

— Если ведьмы готовятся к войне, родители должны знать, — Хейвен развернулась, зашагав к замку. Мэл замялась, следуя за ней. В движениях сестры — таких уверенных, решительных — было что-то, от чего внутри у Мэл всё сжималось.

— Мне незачем больше оставаться здесь, — сказала Хейвен. — Хотела ради тебя, но теперь это важнее. Кейдж останется рядом с тобой, а я возьму Кая и вернусь домой.

— Хейвен, нет, — Мэл схватила её за руку, останавливая. — Чтобы попасть домой, нужно пройти через пустоши. Это слишком опасно.

— Возможно, именно этого они и добиваются. Им нужно, чтобы мы оставались здесь, запертые. Но зачем? Пока мы сидим в Огненном Королевстве, они могут напасть на другие, и мы ничего не узнаем. Я должна попробовать. — Она поцеловала сестру в щёку. — Как только доберусь, пришлю письмо. Мы поговорим снова. Обещаю.

Мэл не ответила. В глубине души она сомневалась, что письмо вообще придёт.

Эш резко повернулся к двери, сердце стучало в груди от одной мысли, что за ней стоит Мэл.

Алина раздражённо выдохнула, жестом велела слугам перегородить вход, даже не спросив, кто пришёл. Она отдала строгий приказ — никого не впускать без разрешения.

Но прежде чем служанки успели двинуться, створки распахнулись настежь. Комнату сотрясла сила входа Мэл. Она ворвалась, как буря — вся гнев и вызов, глаза — фиолетовое пламя, вспыхнувшее в полночь.

Принцесса вивернийцев даже не взглянула на Алину — только бросила слугам короткий приказ: убираться. Те исчезли мгновенно.

— Ему нужен покой, — рявкнула Алина, вскакивая.

Мэл не обратила внимания. Её взгляд был прикован к одному — к Эшу. И когда их глаза встретились, всё остальное исчезло.

Она подошла к огромной кровати, взобралась без колебаний, ползла к нему, как охотница к добыче. И прежде чем Эш успел хоть слово вымолвить, хоть подумать — она уже была на нём, ладони обхватили его лицо, её кожа коснулась его кожи.

И мир перестал существовать.

Осталась только Мэл.

Его Мэл.

— У него весь торс в синяках, и два ребра сломаны, — сердито сказала Алина. — На нём нельзя сидеть!

Мэл перевела на неё взгляд — медленный, холодный, как у волчицы, разглядывающей мошку. Уголки губ приподнялись — не в улыбке, а в чём-то опасном, колком.

— Он мой муж. Я сижу на нём, как пожелаю.

Эш положил ладони поверх её рук, пытаясь разрядить напряжение. Он не собирался смотреть, как две женщины рвут друг друга из-за него.

— Алина, прости. И спа-сибо за всё, — тихо сказал он.

Мэл коротко буркнула:

— Да, спасибо.

— То есть теперь я свободна? — губы Алины приоткрылись от возмущения. — Как служанка?

— Да, — рыкнула Мэл, глаза сверкнули, как отполированные аметисты.

— Нет, Алина. Просто я хочу пару часов с женой.

Спина Алины выпрямилась, челюсть сжалась. Слова не успокоили её. Золотые туфли скользнули по каменному полу, и, не взглянув больше ни на кого, она вышла. Двери захлопнулись гулким ударом.

Эш тяжело выдохнул, потёр виски. Его сестра никогда так себя не вела. Почему она злилась? Она ведь знала, что Мэл будет рядом. Знала, что он очнулся после долгих дней без сознания — разве это не естественно, что он хочет быть с ней?

— Она не умеет делить тебя, — тихо сказала Мэл.

Эш поморщился.

— Мне не нра-вится, куда ты клонишь.

Мэл закатила глаза.

— Вся жизнь твоей сестры — забота о тебе. А я отняла у неё эту роль. Это нелегко — прожить годы, имея одну цель, и вдруг остаться без неё. Оказаться в пустоте и бояться, что новой цели не найдёшь.

— Но она…

Мэл улыбнулась мягко, наклонилась ближе, её дыхание коснулось его губ.

— Я уже спрашивала тебя, Эш Ахерон, задавал ли ты сестре вопрос, чего она хочет. Возможно, теперь она, наконец, узнает.

Сердце Эша сжалось. А ведь правда — вся жизнь Алины крутилась вокруг него. Неужели, женившись, он лишил её смысла? Он верил, что однажды она найдёт что-то своё.

— Я помо-гу ей, если не с-сможет сама, — сказал он.

Мэл едва коснулась его губ.

— Нет, Эш. Это не твоя дорога. Каждый сам ищет свой путь. Одиноко, но иначе не узнаешь, что он — твой.

Руки Эша скользнули по её бёдрам. Ему нужно было чувствовать её, убедиться, что она реальна.

Он приподнялся, не обращая внимания на боль в рёбрах, на всё, кроме женщины на его коленях. Мэл не остановила, не велела лечь. Напротив — провела пальцами по его золотым волосам, мягко, будто сама боялась, что он исчезнет.

Он мог бы сидеть так вечно.

Пусть рухнет весь мир — лишь бы она осталась, вот так, рядом.

— Ты красива, Мэл Блэ-кберн, — прошептал он, голос хрипел от желания.

Мэл улыбнулась, не отвечая. Её взгляд сказал всё. Пальцы скользнули по его коже — пламя и лёд в одном движении.

Он тонул в ней.

Она наклонилась, коснулась губами его губ — медленно, дразня, пока терпение не лопнуло. Он притянул её ближе, углубил поцелуй, теряя себя во вкусе, в её тепле, в том, как она таяла в его руках.

Тихий стон вырвался из её груди, пронзая его, как вспышка жара.

Он крепче обхватил её талию, прижимая к себе. Когда она двинулась, скользнула по нему, он едва не потерял рассудок.

— Сядь на меня, Мэл, — прошептал он у её губ.

Она сорвала с него штаны, бросила их куда-то прочь, будто само наличие ткани между ними оскорбляло богов. Низкий стон сорвался с его груди, когда она опустилась, впуская его в себя — тёплая, живая, сводящая с ума.

Эта женщина станет его погибелью.

И она знала это.

Её хищная, знающая улыбка изогнулась, когда она остановилась, не двигаясь, растягивая муку, заставляя его ждать.

— Прошу, — выдохнул он, пальцы вцепились в её бёдра.

— Повтори, Принц Огня, — прошептала она, прикусив его ухо.

— Я ранен, — хрипло рассмеялся он.

— Повтори.

— Сядь на меня, Мэл. Прошу.

Она поцеловала его медленно — лениво, мучительно, касаясь губ, линии челюсти, пульса на шее. И Эш понял: ради неё он бы пал на колени перед всеми Восьмью Королевствами. Ради неё он бы оставил всё.

Её движения стали ритмичными, плавными, разрушающими контроль. Молнии прошли по венам; челюсть Эша сжалась, пальцы вонзились в её бёдра, удерживая, пытаясь не сорваться.

Но Мэл была неумолима. Её движения ускорялись, резче, увереннее, как будто она завоёвывала его.

Из горла вырвался крик удовольствия, и он сломался.

Он сорвал с неё платье, желая чувствовать всё: кожу, тепло, дрожь. Руки скользили по ней, запоминая каждую линию, каждый вздох, каждое движение.

Её запах опьянял.

Её жар разрушал.

Он был с другими. Даже с Адарой — когда-то, в прошлой жизни. И верил, что ничего подобного не бывает.

Как же он ошибался.

Ничто не сравнится с Мэл Блэкберн, оседлавшей его, её чёрные волосы — вихрем, кожа светится на фоне его тела.

Она — хаос и божество в одном. Существо, вылепленное самим Богом Солнца из полуночи и пламени.

Её голос пленил его. Её аромат сводил с ума. Само её существование ставило его на колени.

Да, это было желание, но глубже, чем плоть, он знал: это нечто иное.

Всё началось, когда они сражались на Бое Чемпионов. Тогда семя проросло в нём — тихо, незаметно, пока теперь он не понял: жизни без неё он больше не представляет.

Он не мог представить себе мир, в котором её не было бы рядом.

Его жена.

Его Мэл.

И он проведёт остаток жизни, познавая её, разбирая на бесконечные грани, влюбляясь всё глубже с каждым днём.

Она сломалась в его объятиях, вскрик сорвался с её губ, тело дрожало, когда волны удовольствия прокатывались через неё. Он последовал за ней — в то же ослепительное небытие, дыхание вырвалось из груди.

Мэл обессиленно опустилась рядом, вся — пылающая, сияющая, глаза блестели от восторга.

Она положила голову ему на грудь, туда, где не болело, и он выдохнул, проводя пальцами по бесконечным чёрным прядям её волос.

— Прости, — прошептал он хрипло. — За Никс.

— И ты.

Эш замер.

Он хотел спросить её о ведьме, которую видел с Кейджем и Рен. О той, что была так похожа на Адару.

Но одно лишь имя — *Адара* — было, как яд, просачивающийся в этот миг. Он не мог осквернить им то, что между ними сейчас.

Не сейчас.

— Какова она была?

Тело Эша напряглось. Она читала его мысли? Или он произнёс это вслух, не осознав?

Или... что-то иное?

Он видел, на что она способна — её силу, её магию. Неужели она и вправду услышала его?

Он должен будет спросить. Скоро.

Прежде чем кто-нибудь в замке поймёт, кем она стала.

Прежде чем его мать или отец узнают.

Прежде чем весь мир осознает, какого чудовища они создали.

— Она была не настоящей, — выдохнул он, голос дрожал от тихой скорби. — Та деву-шка, в которую я влюбился, была иллюзией.

Адара разрушила его. После неё он поклялся больше никогда не любить.

Никому не позволять вцепиться в его душу. Не впускать никого, чтобы потом не быть разодранным изнутри.

Та любовь его уничтожила. Превратила всё внутри в гниль.

— Она единственная, кого ты когда-либо любил? — спросила Мэл.

Вопрос был прост. Без ревности — только любопытство.

Но в животе у Эша что-то болезненно сжалось.

Если солжёт — ранит её.

Если скажет правду…

Может быть, слишком рано.

Может, они ещё не готовы к весу этих слов.

Но, когда он заговорил, ответ сам сорвался с губ.

— Нет.

Он почувствовал, как её тело застыло рядом, дыхание задержалось.

Сердце гулко билось в груди, пока он ждал её реакции.

— С тех пор я полюбил другую, — выдохнул он едва слышно, но уверенно. — Я люблю другую.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 41

Валькирии всегда были защитницами Восьми Королевств.

Но я знаю: в последние годы между ними и Советом растёт напряжение. Они не согласны с решениями, что Совет принимает, и я боюсь, наш союз может рухнуть. Валькирии присягнули защищать все королевства, но если сочтут, что одно ставит другое под угрозу, — их долг вмешаться.

Я лишь не уверена, на чьей стороне они будут, когда наш мир разорвётся надвое.

Табита Вистерия

Кай понятия не имел, как принцесса драконийцев нашла его. Их отъезд держали в секрете, но вот она шла прямо к нему, как гроза надвигается на равнину, глаза горят, будто способны поджечь вулканические пики. В нескольких шагах стояла Хейвен на вершине продуваемого холма, подзывая свою Виверна. На лице — сплетение спешки и сдержанности. Кай медленно выдохнул, готовясь: дорога домой обещала быть утомительной.

— Алина, я…

Пощёчина пришла быстро, с хлёстким звуком, отбросив его голову вбок. Первая реакция — усмехнуться. За что получил вторую.

— Ты уезжаешь?! — её голос срывался, как ветер сквозь пламя.

Щека горела, но он не чувствовал ничего, кроме жара в её взгляде. Хорошо. С яростью он справится — она, как огонь, подчиняется. Разрушает его всегда не гнев, а скорбь.

— Да. Моя сестра должна немедленно вернуться. Личные причины. — Он проигнорировал прожигающий взгляд Хейвен, будто чёрные глаза могли прошить его насквозь. Она всегда видела его насквозь. Обратный путь будет интересным.

— И ты не собирался ничего сказать?

— Не думал, что тебе это важно, принцесса.

Она открыла рот и тут же закрыла. Он уже научился читать её. Видел, как разум перелистывает варианты, как Кейдж страницы своих бесконечных книг. Она боролась с собой: половина рвалась вслед, вскочить на его Виверну и лететь, вторая — заставляла остаться.

Кай хотел протянуть руку, сказать: *поехали, я позволю.* Но она была права. Всю жизнь она жила ради других, в цепях воли своего народа, которому вырезали судьбу в камне задолго до её рождения.

Она должна была сама разорвать эти цепи.

С почтением, почти трепетом, Кай взял её ладонь и коснулся губами, как делают драконийцы. Её пальцы дрогнули, но когда он поцеловал золотую кожу, она улыбнулась.

— Я не хочу, чтобы ты уезжал, — сказала она тихо, сдерживая боль, чтобы та не прорвалась.

— Знаю. — Он коснулся кончиком пальца её щеки, стирая одинокую слезу. — Я тоже не хочу, принцесса.

— Тогда не уезжай.

Он наклонился, хотел лёгкий, прощальный поцелуй, но как только ощутил вкус её губ, — утонул. Руки легли на талию, притянули ближе, её рот открылся под его, язык скользнул навстречу, и мир раскололся, воспламенившись от огня между ними.

Он думал, что знает, что такое жажда. Но это было иное.

Она — яд, как лихорадка в крови. И если он не остановится, утонет.

С усилием он оторвался, дыхание сбилось, руки дрожали. Хейвен ждала. А если он продолжит целовать драконийскую принцессу, не улетит. Он просто уведёт её обратно в замок, прижмёт к тёплой стене и выучит её тело наизусть. То, что случилось в лесу, — всего лишь искра рядом с пожаром, что рвался наружу сейчас. — Ты была права, принцесса, — хрипло сказал он.

— О чём? — она моргнула, всё ещё в тумане желания.

— Тебе нужно выбрать себя.

На лице мелькнула боль и тут же сменилось решимостью. Тот самый взгляд, что был у неё, когда она сказала, что не позволит запереть себя, что вырежет собственную судьбу, чего бы это ни стоило.

Рёв рассёк небо. Две чёрные Виверны опустились, земля дрогнула под их тяжестью. В воздухе запахло гарью, но сильнее был иной запах, невидимый, густой: утрата.

Отсутствие Никс чувствовалось, как рана, что не заживает.

Кай отвернулся от принцессы, пошёл за сестрой к зверям. Не обернулся. Не сказал «прощай». Не мог. Если бы увидел её — стоящую на ветру, сияющую, — погиб бы.

Но Алина Ахерон никогда не умела отпускать просто так.

Она бросилась за ним, и прежде чем он успел остановить, вцепилась в него с отчаянной силой, уткнувшись лицом в его грудь. Боги, как же он едва не сломался.

Он обнял её. В последний раз.

— Запомни, принцесса, — прошептал он в её волосы. — Ты — самая бесстрашная женщина, какую я встречал. И я не забуду тебя хотя бы за одно это.

Он поцеловал её в лоб — дольше, чем следовало. Потом повернулся и взобрался на Виверну.

Не обернулся.

Не увидел, как она смотрела ему вслед, пока он растворялся в небе.

Но почувствовал. И, боги, как это болело.

— В десятый раз за день — нет, я не замышляю убийство, — Вера раздражённо вздохнула, поднося чашку к губам, но тут же откинулась, когда Рен вновь хлопнула ладонью по столу. — Ведьмы пытаются защитить стену, потому что я предупредила их о плане Короля Огня захватить нашу землю. Предупредила — не более.

Рен и Кейдж обменялись взглядами — без слов, но полных сомнений. Ведьму держали под стражей в покоях Кейджа — пленницу поневоле, под его мрачным надзором. Он ворчал об этом часто, но как ночное существо, почти не спящее и вечно зарытое в книги, он был идеальным стражем.

Валькирии же выбрали выжидательную позицию: дипломаты по натуре, они всегда балансировали на грани конфликта, вмешиваясь лишь тогда, когда чаша перевешивала к разрушению.

— Я ничего не замышляю, — повторила Вера устало. — И если бы замышляла, то уж точно приняла бы облик драконийки. — Она кивнула на трёх валькирий, расположившихся вокруг — в потёртых доспехах, молчаливых и опасных. — Вместо этого я сижу здесь — без маски. — Она подняла руки, покрытые чёрными татуировками, фиолетовые глаза не дрогнули.

— Тогда объясняй, — сказала Рен, плюхаясь в кресло. — Никогда не видела столько ведьм.

— Ты вообще ни одной не видела, — не поднимая взгляда от книги, заметил Кейдж. — Кроме Веры.

Рен фыркнула, откинув прядь белых волос с лица.

— Думала, ведьмы вымерли. Ну… не вымерли, но что вас почти не осталось.

Вера усмехнулась.

— Конечно, думала. Все думали. Мы выживали, как могли.

— Значит, ты пришла помочь Мэл убить Эша Ахерона, — протянула Рен, глаза сузились. — Зачем?

Валькирии шевельнулись, напряжённые, настороженные, как перед ударом клинка. Вера выдохнула, перевела взгляд на карман Рен. Когда заговорила, голос её был хриплым, будто от откровения, которого она боялась.

— Из-за той чёрной книжки, что ты таскаешь с собой. Это дневник. Но не горничной-драконийки. Это дневник Табиты Вистерии.

В комнате воцарилась тишина.

— Это невозможно, — сказала Астрид — светловолосая валькирия в таких несуразно открытых доспехах, что Рен всегда сомневалась, выполняют ли они хоть какую-то функцию. Она шагнула вперёд, голубые глаза сузились. — Табита Вистерия умерла во время Великой войны. Она убила Хэдриана Блэкберна, а потом перерезала себе горло.

Вера чуть склонила голову, без тени впечатления.

— Да, спасибо за историческую справку. Но раз уж мы *все* знаем эту историю, может, ты замолчишь хотя бы на минуту, пока я закончу? — Она перевела взгляд на Рен. — Я знаю, тебе покажется это невозможным, так что…

Её ладони вспыхнули зелёной магией, и прежде чем Рен успела отреагировать, невидимая сила сомкнула ей рот. Приглушённый вскрик заглушил тишину комнаты: Рен в панике схватилась за лицо.

— Ты всегда так умела? — хмыкнул Кейдж, наблюдая за её попытками вырваться с явным удовольствием.

Вера спокойно отпила остывший чай.

— Как я уже говорила. Это почерк Табиты. И да, все считали, что она погибла на войне. Но это доказывает обратное. А ещё — доказывает, что проклятие реально. Годовщина смерти Хэдриана уже близко, и когда она наступит, проклятие пробудится. Единственный способ его снять — если Мэл воткнёт кинжал в сердце Эша Ахерона.

— Почему именно они? — спросил Кейдж.

— В дневнике сказано: чтобы проклятие было разрушено, драконiец королевской крови должен добровольно пожертвовать собой ради вивернийца. Только их любовь к собственному врагу сможет спасти всех. В словах самого проклятия говорится то же.

— «И лишь когда пламя пронзит тень, всё будет прощено», — тихо процитировал Кейдж.

— Именно. Пламя — огонь, драконiец. Тени… кто-то считает, что речь о вивернийцах, другие — о ведьмах.

— Мэл, — произнёс Кейдж. — Она — и то, и другое.

По лицу Веры скользнула тень сомнения.

— Я не до конца в этом уверена. — Она кивнула в сторону Рен. — Может, наша дорогая Провидица проверит, так ли это.

Все взгляды обернулись к Рен, которая отчаянно замахала руками, мыча сквозь невидимую печать.

— Или, возможно, сама Мэл объяснит, что мы видели у стены, — добавила Вера.

Кейдж кашлянул, в его голосе звенела сдержанная ярость:

— Моя сестра никому ничего не должна, ведьма. Один из наших Виверн мёртв из-за таких, как ты.

Вера устало выдохнула, закатив глаза к потолку.

— Я, правда, сожалею о потере. Но я не хранительница каждой чёртовой ведьмы и её прихотей, — она умолчала лишь об одном: даже собственные сёстры — Аллегра и Доун — не подчинялись ей. И пусть так и останется. Только Мэл Блэкберн знала об их кровном родстве, и Вера собиралась сохранить это в тайне.

— Суть в том, — продолжила она, фиолетовые глаза потемнели, — что сотня лет почти истекла. Через несколько недель смерть Хэдриана отметит своё проклятое столетие. И если Мэл не вонзит кинжал в сердце Эша Ахерона до этого дня — проклятие придёт за нами всеми. Дневник не шепчет, какая участь ждёт, но, уверяю вас, это будет то, чего мы не переживём.

В комнате стало холоднее. Даже пламя свечей будто колебалось, не зная, остаться ли или уступить место тьме.

— Тогда почему, — резко спросила Астрид, — ведьмы у стены сражаются против нас, а не пытаются разрушить проклятие?

Вера устало потёрла висок.

— Потому что, как и остальные королевства, большинство из них не верит в него. За годы многие убедили себя, что проклятие, даже если оно существует, их не коснётся. Ведь его наложила одна из них, не так ли? Зачем же ему пожирать собственных детей?

— А ты думаешь иначе? — уточнил Кейдж.

Вера усмехнулась, без радости:

— Я не настолько безрассудна, чтобы играть на «а вдруг». В проклятии не сказано, какие королевства пострадают. Никому не обещано пощады. И я, на минуточку, не собираюсь ставить жизнь на милость давно мёртвой ведьмы. Я исхожу из того, что Табита Вистерия прокляла все Королевства, включая своё.

Кейдж отошёл от окна, где стоял, наблюдая, как ночь сгущается. Его длинные бледные пальцы скользнули по обложке дневника. Взгляд метнулся к Рен, та сидела, скрестив руки, лицо горело от бессильного раздражения.

— Откуда ты знаешь, что именно принца нужно пронзить?

— Так написано. Принца должны заколоть тем же клинком, что убил Хэдриана Блэкберна.

Медленный выдох сорвался с губ Кейджа.

— Полагаю, дневник, разумеется, не указывает, где этот проклятый клинок спрятан?

Вера покачала головой.

И тут Рен замахала руками, привлекая внимание. Когда Вера сняла чары, вульверинка шумно втянула воздух, будто вынырнула из глубины.

— Ох, кошмар! Я думала, с ума сойду!

Вера закатила глаза.

— Ты молчала всего десять минут.

— Я не бываю тихой дольше, разве что когда шпионю или ворую. Мой брат Брин говорит, я даже во сне болтаю, можешь поверить?

— Могу, — сухо бросил Кейдж.

Рен отмахнулась, не обратив внимания на сарказм, и наклонилась к дневнику:

— Я знаю, кто может знать о кинжале. Когда я пробралась в комнату Клары… то есть в *твою* комнату, — она кивнула Вере, — это было потому, что кто-то другой уже туда влез. Я насторожилась: чего они ищут? Наверное, не поняли, что дневник настоящий, но верят, что проклятие существует, и пытаются остановить его по-своему.

Все взгляды обратились к ней.

— Кто? — спросила Астрид.

Медленная, хитрая улыбка расползлась по лицу Рен — улыбка девчонки, которая знает слишком много тайн.

— Хесса и Сахира, — ответила она. — Две принцессы из Пустынного Королевства.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 42

Я обнаружила нечто, что меняет всё. Принцесса Этни рассказала мне, что существовала причина, по которой она убедила Хэдриан нарушить брачную клятву. На самом деле она вовсе не собиралась выходить за принца Сорина. Я всегда была права. Он никогда не был ей по-настоящему дорог. Она сделала всё это, потому что Великая война должна была случиться. Я всё ещё не понимаю цели, а она утверждает, что я никогда и не пойму. Но я должна верить ей — всё происходит не просто так. Я спросила её, почему, зачем она всё это натворила. Почему она думает, что знает то, что знает. Мне следовало давным-давно догадаться об истинной сущности принцессы. Принцесса Этни — Провидица.

Табита Вистерия

Алина сидела неподвижно, приковав взгляд к тонкому мечу, прислонённому к стене, — невысказанное прощание, молчаливое признание в том, что её бросили. Кай оставил его здесь — последний дар, жестокое напоминание о своём отъезде.

О его выборе оставить её.

Она покусывала край ногтя, глядя на проклятую железяку; ярость бурлила под кожей. Он поклялся тренировать её, научить путям стали и выживания, и всё же он ушёл. Кто теперь станет её наставником? Кто покажет, как владеть оружием не только руками, но и сердцем? Она не могла справиться в одиночку, а её брат… её брат уже давно ускользнул из её рук. При мысли об Эше желудок скрутило горьким узлом, пронзило чем-то, что не было ни гневом, ни печалью, а лишь ноющей пустотой там, где раньше было её место. Она больше не была ему нужна.

Её отбросили, заменили другой.

И хотя это жалило, в глубине души Алина знала: так будет лучше. Она не хотела прожить жизнь в служении тем, кого любила. Она хотела стоять на своих ногах, освободившись от оков ожиданий, сковывавших её с рождения. Она хотела быть свободной.

Но сначала ей предстояло научиться отпускать.

И это — больше, чем мечи, больше, чем война, больше, чем долг, — было самым трудным уроком из всех.

Стук в дверь разбил её мысли, выдернув из тихой бури в груди. Алина резко выдохнула. Она найдёт другого учителя. Дворец кишел воинами, и наверняка один из них согласится тренировать её втайне. Два имени уже пришли ей на ум.

Служанка откашлялась, нервно переминаясь с ноги на ногу.

— Что такое? — спросила Алина, едва удостоив девушку взглядом; имя служанки затерялось в тумане забот принцессы.

— Королева требует аудиенции.

Алина закатила глаза, разглаживая складки своего пунцового платья. Аудиенция. Какое громкое слово для чего-то столь тривиального — мать вызывает её, словно нашкодившего ребёнка для выговора. Без сомнения, это очередная нотация, очередное утомительное порицание за то, что она уделяет недостаточно внимания Захиану Нуру.

Как будто ей не всё равно.

Через два дня замок наполнится музыкой и вином, утонет в золоте и шелках, чтобы отпраздновать помолвку, которой она никогда не хотела. Банкет будет роскошным, гости — сверкать драгоценностями, а воздух сгустится от аромата

фальшивых улыбок. И когда веселье закончится, другие принцы и принцессы, наконец, вернутся в свои королевства, исполнив долг перед празднеством.

Но не Алина.

Меньше чем через неделю её увезут в чужую страну, чужачкой среди чужаков, где в её честь закатят ещё один пир. Ещё один венок из цветов возложат ей на голову. Ещё одна ночь в позолоченных цепях перед свадьбой.

От этой мысли желудок сжался.

Она следовала за служанкой по коридорам; знакомые стены смыкались вокруг неё, словно клетка из красного камня и золота. Алина поправила рукава платья, пальцы то и дело приглаживали волосы, проверяя, не выбились ли непослушные пряди. Глупые старания — никакой идеальный фасад не мог скрыть ярости, кипевшей под кожей.

Она не видела мать с той самой пощёчины.

Воспоминание об этом жгло, саднило унижением, грозя подняться к горлу, как желчь. Но Алина проглотила его, словно горькое лекарство, которым пичкали её в детстве, расправила плечи и шагнула в логово дракона.

Дыхание Алины перехватило, когда она увидела брата, сидящего в полумраке покоев. Он не должен был находиться здесь — не сейчас, не так скоро. Его кожа, всё ещё бледная от перенесённых ран, резко контрастировала со свободной рубашкой, наброшенной на плечи. Он выглядел хрупким, истрёпанным по краям.

Но времени зацикливаться на этом не было.

Королева Сира отослала последнюю замешкавшуюся служанку резким взмахом кисти, прежде чем повернуться к Алине. Её пальцы, холодные и непреклонные, вцепились в руку дочери, затаскивая её глубже в комнату с силой, противоречащей её царственной грации.

— Наконец-то, дитя! Что заняло у тебя столько времени? — Её голос, напряжённый и сбивчивый, едва скрывал сквозившее в нём отчаяние.

Алина вырвала руку, потирая место, где остался след от хватки матери.

— Что случилось, мама? — Её взгляд метнулся к Эшу, который сидел неподвижно; выражение его лица было нечитаемым, но настороженным. — Эшу ещё нельзя вставать с постели.

— Это слишком важно, — огрызнулась королева.

— Разве это нельзя было обсудить в комнате Эша?

Взгляд королевы заострился, за стальными глазами вспыхнуло подозрение.

— Нет. Виверианская принцесса могла услышать, — тна неопределённо махнула рукой, обводя комнату. — Здесь безопасно.

Алина потёрла переносицу, её терпение истончалось.

— В чём дело? Ты нас нервируешь.

Королева прекратила мерить шагами комнату и повернулась к Эшу; в её взгляде горел огонь.

— Сын мой, то, что я собираюсь тебе сказать, имеет величайшее значение. Ты должен выслушать — выслушать и сделать так, как я скажу, — иначе мы все погибнем.

Холодок пробежал по спине Алины от тяжести материнских слов. Погибнем? Она никогда раньше не видела мать такой — настолько переполненной тревогой, настолько безумной.

Эш переглянулся с Алиной, отражая её замешательство.

— Мама, о чём ты говор…

— Ты — ключ ко всему! — Королева рванулась вперёд, обхватив лицо Эша дрожащими руками.

Алина замерла. Никогда в жизни она не видела, чтобы мать проявляла такую нежность. И это — больше, чем лихорадочный блеск в глазах королевы, — пугало её сильнее всего.

— В тот миг, когда ты родился, я почувствовала, как сошлись звёзды, — продолжала королева благоговейным шёпотом. — Я видела, как ты восстал из пепла. Всё было предначертано, всё вело к этому моменту. Я боялась, что кинжал никогда не найдут, но я увидела место, где он спрятан, в своих снах. — Она крепко сжала его ладони. — Теперь, наконец, ты можешь снять проклятие.

— Мама, какой кинжал? О ч-чём ты г-говоришь? Ты же н-не веришь в проклятие, — сказал Эш. — У нас есть б-более насущные проблемы, о которых стоит б-беспокоиться. Ведьмы напали на с-стену, а о-отец отмахивается от этого, словно ничего и н-не с-случилось.

— Послушай меня, — взмолилась она. — Ведьмы сейчас не имеют значения. Если проклятие не будет снято, с тобой случится нечто ужасное.

— При чём здесь Эш и проклятие? — Сердце Алины колотилось в груди.

Мать повернулась к ней, глаза её были полны уверенности.

— Я уже сказала вам. Он — Избранный. И если проклятие останется в силе, он пострадает.

Алина бросила быстрый взгляд на брата, который сидел тихо и неподвижно, стиснув челюсти. Он не слушал её слова, он оценивал мать, выискивая трещины в её логике, тот самый надлом безумия, что пустил корни.

Все в Восьми Королевствах знали о проклятии — старый шёпот, передаваемый из уст в уста, медленно увядающий до легенды. Мало кто верил в него. Да и как они могли? Легко отмахнуться от пророчества, когда угроза маячит где-то вдалеке, не привязанная к настоящему. Это была сказка, не более того.

И всё же их мать стояла здесь, трясясь от убеждённости.

Эш выдохнул через нос.

— Что я должен сделать, чтобы с-снять его?

Лицо королевы озарилось отчаянной надеждой. Но Алина знала — она знала, — что Эш спросил не потому, что поверил, а пытаясь унять истерику матери. Если есть что-то простое, что он мог сделать, чтобы успокоить её разум, он бы сделал это.

Но ответ королевы был каким угодно, только не простым.

— Ты должен поразить Мэл Блэкберн в самое сердце.

Тишина. Оглушительная, раздавливающая душу тишина.

Краска схлынула с золотистого лица Эша, его черты словно окаменели. У Алины желудок скрутило так сильно, что к горлу подступила тошнота от слов, которые их мать бросила с такой небрежностью.

Она хотела, чтобы он убил Мэл?

Тело Эша напряглось, прежде чем он заставил себя встать, стиснув зубы от боли, пронзившей его. Была ли причина в ранах или в ужасе от слов матери, Алина не могла сказать.

Королева потянулась к нему, её пальцы сомкнулись на его запястье, как на спасательном круге.

— Эш, мой милый мальчик, послушай меня.

— Не. Трогай. Меня.

Голос, сорвавшийся с губ Эша, был чем-то совершенно иным. Рык, звериный оскал, предупреждение, выкованное в расплавленной ярости.

Алина вздрогнула.

Она видела брата в гневе и раньше. Видела, как ярко и беспощадно горит его нрав. Но это… это было другое.

Его золотые глаза, когда-то тёплые, как солнце, полыхали чем-то смертоносным.

Гневом.

— Пожалуйста, попытайся понять… — голос королевы Сиры дрожал, расползаясь по краям, как гобелен, слишком долго пролежавший на солнце. Алина никогда не видела мать такой — это была не королева льда и точности, не женщина, которая управляла своим миром с безжалостной эффективностью. Это был кто-то, потерявший опору, распадающийся на части прямо у них на глазах.

— Я всё это затеяла ради этого, — продолжила королева, её тон стал острым, как клинок. — Ты правда веришь, что твой отец был вдохновителем брачного обета? Что это было сделано из благородного стремления объединить королевства? — Она издала пустой смешок, горький и лишённый юмора. — Мне плевать на другие королевства и на единство! Это было сделано по одной-единственной причине, чтобы эта девчонка приехала сюда, а ты мог вонзить кинжал в её проклятое сердце.

Последовавшая тишина была удушающей.

Алина могла бы поклясться, что видела, как дёрнулась рука Эша, словно на кратчайший миг он подумал о том, чтобы ударить женщину, давшую ему жизнь. Его ярость была живой, дышащей, бурей, сдерживаемой лишь чистым усилием воли. Но хотя он не поднял руку, его тело сотрясала такая необузданная злоба, что Алина почти ожидала, что он сорвётся и разнесёт комнату в щепки. Его грудь вздымалась и опадала в тяжёлых, хриплых вдохах, каждый из которых отдавался в повреждённых рёбрах.

А затем, не сказав ни слова, он развернулся.

Чтобы уйти. Чтобы сбежать.

Но Алина перехватила его руку; её пальцы легко легли на его горящую кожу.

Буря ярости в его золотых глазах сместилась, сузилась на ней, заострилась. На мимолетную секунду показалось, что он может вырвать руку. Но затем, после секундного колебания, что-то смягчилось, совсем чуть-чуть, вздох сдержанности поверх бушующего пламени.

— Возможно, нам стоит выслушать, — прошептала Алина, голос её был осторожным, но твёрдым. — Слушать не значит соглашаться с чем-либо из этого. Но она была права насчёт ведьм, она предупреждала меня о них, а я ей не поверила.

— Я н-не у-убью Мэл, — голос Эша был подобен отдалённому грому, тяжёлому от едва сдерживаемого гнева. Его слова, медленные и взвешенные, были обращены не к Алине, а брошены как перчатка королеве. — Если это з-значит, что я у-умру, тогда я у-умру в ч-честь своей ж-жены.

Королева резко выдохнула, прижав руку к виску, словно пытаясь унять хаос в своём разуме. Алина хорошо знала этот жест. Мать страдала от головных болей столько, сколько Алина себя помнила, иногда настолько сильных, что они запирали её в покоях на несколько дней.

Был ли это один из тех случаев? Или что-то другое?

— Мама, — осторожно спросила Алина. — Откуда ты вообще знаешь, что проклятие реально?

Впервые с тех пор, как они вошли, королева Сира запнулась.

Она опустилась на край кровати, ссутулившись, её взгляд стал отсутствующим, потерянным в чём-то, что могла видеть только она. И когда она, наконец, заговорила, её голос был тихим.

— Головные боли, — сказала она. — Они со мной с самого детства. Но это не просто головные боли. Это нечто большее. Я скрывала правду от мира годами, но я слушала их — то, что они шепчут мне. И со дня рождения Эша они показывали мне его судьбу. Они показывали мне, что случится, если проклятие не будет снято.

Кровь застыла в жилах Алины.

Дыхание стало частым и поверхностным, осознание просачивалось в кости, как якорь, утягивающий её в тёмные воды.

Мать говорила вовсе не о головных болях.

Эш тоже это понял. Она увидела тот миг, когда ярость схлынула с него, миг, когда его тело замерло — не в спокойствии, а в чистом, ошеломлённом понимании.

Алина сделала шаг ближе к брату, пальцы ныли от желания схватить его за руку. Удержаться за что-то, за что угодно, что привязало бы её, прежде чем она потеряется под тяжестью того, что, как она знала, последует дальше. Но она не коснулась его. Вместо этого она сцепила руки в замок, собираясь с духом.

— Мама, — спросила она голосом, едва громче шёпота, — что это?

Королева подняла взгляд, её глаза были нечитаемы, губы разомкнулись.

— Это видения.

…

Глубоко под замком, в недрах древнего камня, подземные горячие источники мерцали, как жидкий янтарь, их пар лениво клубился в тусклой, освещённой факелами пещере. Запах минералов и тепла густо висел в воздухе, смешиваясь с далёким эхом капающей воды. Большинство гостей давно покинули купальни, шокированные беззастенчивой наготой пустынных принцесс, но Хесса и Сахира были приятно удивлены, обнаружив, что одну тень так просто не отпугнуть.

— Теперь ты можешь выйти из тьмы, принц кошмаров.

Томный голос Хессы нарушил тишину, когда она подплыла к краю бассейна, лениво положив руки на горячий, скользкий камень. Её пальцы постукивали по поверхности — медленный, ритмичный звук, приманка для хищника, который, как она знала, наблюдал. Пара тёмных кожаных сапог материализовалась в поле её зрения. Откинув голову назад, она позволила взгляду скользнуть вверх, губы изогнулись в улыбке — одновременно знающей и порочной.

Кейдж Блэкберн.

Виверианский принц нависал над ней, высеченный из тени и молчания, выражение его лица было нечитаемым, а присутствие — неподвижным, как обсидиановые скалы его королевства.

— Ты здесь, чтобы присоединиться к нам? — спросила Хесса, слегка сдвигаясь, чтобы дать ему лучший вид на свою обнажённую кожу, блестящую в свете огня.

Кейдж присел на корточки, погрузив длинный палец в парящую воду.

— *Ца. Каама аяш йаа.* — Нет. Я пришёл искать тебя.

— *Ни на?* — Зачем?

— Потому что у меня есть к тебе несколько вопросов.

У водопада Сахира улыбнулась, медленно, терпеливо. Их улыбки всегда были их самым грозным оружием — заточенные грани игры, которой они овладели давным-давно. Они владели красотой как клинком, маскируя цель под соблазном. Никто

никогда не видел сквозь вуаль искушения, а к тому времени, когда замечал, было уже слишком поздно.

— Я отвечу на твои вопросы, если… — Хесса провела пальцами по поверхности воды, наблюдая, как пляшет рябь, — ты залезешь в воду к нам.

Она ждала, смакуя момент, и восхитилась, когда Кейдж двинулся с нарочитой медлительностью, стягивая сапоги, затем рубашку, затем штаны. Мышцы под его кожей перекатывались, словно ожившее произведение искусства. Он был жилистее своего брата Кая, меньше зверя и больше лезвия, но в этом теле таилась чистая, сжатая сила.

Когда он погрузился в парящие воды, Хесса скользнула к нему, прижимаясь вплотную, её руки легко легли ему на плечи.

— Ты так напряжён, принц, — её голос был шёлковой лаской у его уха, пальцы разминали его плоть с привычной лёгкостью. — О чём ты хотел меня спросить?

Держа руки на нём, она могла направлять разговор так, как ей заблагорассудится.

— Почему ты была в комнате служанки-драконийки?

Пальцы Хессы запнулись. Едва заметно, но Кейдж заметил. Эти нечитаемые глаза потемнели: фокус хищника обострился на добыче.

И тогда она сделала то, что умела лучше всего.

Её руки обвились вокруг его шеи, обнажённая кожа скользила по его коже; каждое касание — приглашение, каждый вздох — обещание. Большинство мужчин теряли рассудок от одного лишь намёка на удовольствие. У тела был свой способ разрушать защиту разума, заставлять вопросы ускользать, словно песок на ветру.

— Любопытство, — сказала она легко, проводя губами по изгибу его челюсти. — Мы хотели посмотреть, как выглядят покои служанки-драконийки.

— Можешь перестать притворяться, — голос Кейджа был клинком, прижатым к горлу, — холодным и острым. — Я знаю, как вы с сестрой действуете. Знаю, что при желании ты могла бы перерезать мне глотку меньше чем за несколько секунд.

— За секунду.

— Я знаю, что вы используете соблазнение, чтобы получить желаемое.

Хесса осталась близко, не прерывая игры. Мужчины всегда думали, что они выше этого, пока не оказывалось, что это не так.

— Со мной это не сработает, — предупредил Кейдж.

О. Вызов.

Она прижалась к нему всем телом, позволяя пальцам скользить ниже, всё ниже; её ноги обвили его талию, словно змея, сжимающая добычу в кольцах.

— Ты уверен? — прошептала она, её дыхание обжигало его горло.

Её пальцы дразняще скользнули по его груди, по животу, замирая как раз там, где все мужчины в итоге сдавались. Она обхватила ладонью его член под водой, выслеживая предательскую реакцию, потерю контроля.

— Или ты предпочитаешь мою сестру?

Губы Кейджа дрогнули в едва заметной ухмылке.

— Ни ту, ни другую.

Хесса глянула вниз, отмечая его реакцию или, скорее, её отсутствие. Её глаза блеснули чем-то тёмным и опасным.

— Значит, предпочитаешь что-то более похожее на то, что есть у тебя?

Кейдж наклонился к ней, голос его напоминал рокот далёкого грома:

— Именно так, принцесса.

Чары рассеялись.

Хесса отшатнулась от него, словно обожглась; губы скривились в оскале. Она попятилась в воде, ярость плясала в тлеющих угольках её взгляда.

— Чего ты хочешь, принц? Мы осматривали красоты замка и случайно наткнулись на комнату служанки, — выплюнула она. — Мы хотели взглянуть. Разве это преступление?

— Смотря как посмотреть, — Кейдж откинулся на бортик бассейна, невозмутимый, совершенно равнодушный. — Вы что-нибудь взяли?

Бледные глаза Хессы вспыхнули чем-то нечитаемым, прежде чем она скрыла это за ухмылкой.

— Зачем ты на самом деле здесь, *амир*?

Тонкие губы Кейджа едва заметно изогнулись при сандхийском слове, означающем «принц». Он ответил не сразу, и одно это заставило нервы Хессы вспыхнуть тревогой. Что-то было не так. Что-то было неправильно. Она глянула в сторону Сахиры, читая то же тихое беспокойство во взгляде сестры.

Они прибыли в Королевство Огня с одной целью — смотреть, слушать, разузнать шёпот о проклятии. Они всегда были наёмницами, чья верность мимолётна, как зыбучие пески, но существовали истории — истории, похороненные глубоко в пустыне, сказки о неоплаченных долгах и неотомщённых духах.

Народ пустыни всегда был народом тихого благоговения, их жизни были сплетены с шёпотом песка и тайнами ветра. Когда-то, давным-давно, они стояли плечом к плечу с ведьмами; их союзы скреплялись не чернилами и пергаментом, а священными клятвами и древними ритуалами. Они танцевали под серебряным сиянием лун-близнецов, и их молитвы возносились, словно дым, к богам, которые их слышали.

Но одной верой сыт не будешь, а верность забытым не сулит выживания. Когда Великая война отбросила свою длинную тень на королевства, народ пустыни столкнулся с выбором — не чести или родства, а необходимости. Золото текло из сокровищниц Королевства Огня и Королевства Света, и так они стали наёмными клинками, воинами, чья преданность измерялась монетой, а не убеждениями.

И всё же война — неверная любовница, и когда отзвенел последний меч, когда королевства закрыли свои границы и прочертили линии на пыли, народ пустыни остался неприкаянным. Богатство, что когда-то поддерживало их, обратилось в ничто, а руки, что когда-то платили им, отвернулись.

Голод и разруха пронеслись по дюнам мстительной бурей. Некогда гордые наёмники стали попрошайками под солнцем, которому когда-то поклонялись. И тогда начались истории — шёпот о старых неоплаченных долгах, о богах, отвративших свои лики в гневе. Многие верили, что их страдания — божественная кара, проклятие, обретшее форму самих песков, которые они когда-то называли священными.

Ибо они предали родичей, выбрали алчность вместо веры, и теперь боги, в свою очередь, предали их.

— Полагаю, у нас одни цели, — Кейдж выдохнул, темно и медленно, наблюдая за ней. — Мы ищем одно и то же.

Хесса нахмурилась, выводя ногтями узоры на поверхности воды.

— Ищем что, *амир*?

Его ухмылка стала глубже; тёмное веселье зазмеилось в его голосе, когда он перешёл на её родной язык.

— *Дагаа, амираа.*

(Кинжал, принцесса.)

Он наклонил голову, давая словам впитаться; его следующая фраза стала клинком, прижатым к её горлу.

— *Хатаа амир нар.*

(Чтобы убить им Принца Огня.)

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 43

Я всегда находила любопытным, как большинство королевств верят в одних и тех же богов, но молимся мы им по-разному. Виверианe молятся у своих одиноких деревьев, благословлённых богами. У ведьм есть долгие ритуалы, которые мы проводим в особые даты, чтобы почтить богов, а народ пустыни очень осторожен с едой — они едят мясо только в особые дни, а в остальные раздают его как подношение богам. В некоторые ночи им вообще запрещено пить вино, а некоторые блюда должны быть приготовлены особым образом, чтобы почтить богов перед трапезой. Я всё ещё мало знаю о волверианцах, но намерена узнать больше о Королевстве Льда.

Табита Вистерия

Мэл погрузила пальцы в хрупкую землю, уложив гнилую грушу в ладони, прежде чем поместить её под узловатые корни одинокого дерева. Воздух был густым от тепла умирающего солнца, тишина опускалась на землю, словно саван. Она прислушивалась, пытаясь уловить шёпот богов, хотя бы слабейший намёк на наставление. Но, как всегда, они хранили молчание.

Ей нужен был ответ.

Долг требовал, чтобы она думала прежде всего о королевствах, чтобы ставила судьбу мира выше собственных желаний. И всё же другая часть её — ноющая, отчаянная часть — хотела лишь взять Эша за руку и сбежать. Исчезнуть в безвестности, найти место, где никто не станет их искать, где они могли бы просто существовать в покое, в любви, в тихом утешении друг другом.

Но у богов были иные планы.

Она не могла убить его.

Эта мысль застряла камнем в горле, неоспоримая истина, которую ей пришлось принять. Сколько бы раз она ни пыталась ожесточиться, сколько бы ночей ни провела, убеждая себя, что это единственный выход, ответ оставался прежним. Она не станет, не сможет вонзить кинжал в сердце Эша Ахерона. Вместо этого она встретит проклятие лицом к лицу. Она примет его с распростёртыми объятиями, позволит ему вырезать свой гнев на её костях, позволит забрать всё, если потребуется.

— Пожалуйста, дайте мне найти другой путь, — прошептала она богам.

Шаги нарушили тишину вечера. Мэл обернулась; дыхание перехватило при виде Эша, идущего к ней. На нём была свободная рубашка, ткань едва скрывала раны, всё ещё таившиеся под его золотистой кожей. Он двигался с осторожной точностью, щадя раненый бок, но его улыбка — мягкая и предназначенная только для неё — была такой же неизменной, как всегда.

Она сощурилась от яркого солнца, но ноги сами понесли её вперёд, прежде чем она успела остановиться. Она говорила себе, что не побежит к нему, что будет держать дистанцию, что не позволит себе утонуть в его присутствии. Но она была бессильна против него. Против того, как его золотые глаза сияли расплавленным огнём, против глубокого, рокочущего ритма его голоса, от которого мурашки бежали по спине.

Как жестоко — любить его вот так.

— Тебе не следует быть здесь, — сказала она. — Ты должен лежать в постели и отдыхать.

— Ты з-звучишь жутко похоже на мою с-сестру, — поддразнил он, и на его щеках углубились ямочки, когда он потянулся и игриво дернул её за один из рогов. — Я хотел п-прогуляться. А ты, к-кажется, на-настойчиво избегаешь меня.

Мэл отвела взгляд, боясь того, что он может прочесть на её лице. Конечно, она избегала его. Как она могла этого не делать? С тех пор как он произнес те три слова — слова, разрушившие весь её мир, — она бежала. Ибо как она могла стоять перед ним, зная, что когда-то планировала убить его? Зная, что, хотя она и выбрала не делать этого, она всё ещё несла тяжесть этого предательства, словно клеймо на коже?

Что, если он узнает? Что, если он никогда не простит её?

— Я не избегаю тебя, — пробурчала она; ложь горчила на языке.

— Нет, избегаешь. — Он постучал пальцем по кончику её носа, а затем поцеловал его — невесомо, как пёрышком. — Но я понимаю почему. Я с-смутил тебя своими словами.

— Нет, Эш, дело вовсе не в этом.

Скажи ему. Расскажи ему всё.

Но страх тугим кольцом сжался вокруг горла, душа признание, прежде чем оно успело вырваться. Вместо этого она с осторожной поспешностью притянула его в свои объятия, прижавшись щекой к его груди. Он выдохнул, окутывая её своим теплом, и положил подбородок ей на макушку. Мэл вдыхала его, запоминая его запах, смакуя его, как спасательный круг, потому что боялась, что однажды потеряет его навсегда.

— Ты меня нюхаешь? — В его голосе сквозило веселье.

Мэл лишь кивнула, зарываясь в него глубже.

Он поморщился, и она отстранилась, с тревогой оглядывая его.

— Всё в порядке, Мэл, — заверил он её с мягкой уверенностью. — Ты не сделала мне больно. Ты н-никогда не с-смогла бы причинить мне боль.

Она вздрогнула.

— Не говори так.

Эш нахмурился.

— Почему?

Мэл отвернулась от него; взгляд притянуло одинокое, иссушенное ветрами дерево, стоявшее безмолвным стражем на фоне багрового неба. Её фиолетовые глаза скользили по его узловатым ветвям, тянущимся к небу, словно отчаянные руки, молящие о милосердии. Ветер шелестел в его редкой листве, нашептывая тайны, которые она не могла разобрать, насмехаясь над ней своим жестоким безразличием. Она вскинула подбородок, сузив глаза, глядя на небеса в поисках какого-нибудь знака, какого-нибудь ответа, но нашла лишь бесконечный простор золота и огня, уходящий в небытие.

Боги смотрели.

И она почти слышала, как они смеются.

— Потому что я не знаю, правда ли это.

…

В тенистой нише сада были искусно разложены подушки; мягкое одеяло расстелили под роскошным набором любимых лакомств Алины. Зрелище должно было утешать, даже баловать, но её желудок оставался сжатым от тревоги. Хотя она ничего не ела с утра, мысль о еде вызывала отвращение; на её месте поселилась пустая ноющая боль.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Захиан Нур протянул руку, безмолвно предлагая помощь, когда она опускалась. Она приняла её не из необходимости, а из практических соображений — её туго зашнурованный корсаж и слои вышитых юбок не предназначались для того, чтобы полулежать в такой недостойной манере. Драконийцы строго придерживались правила обедать за столами, и она никогда не понимала пристрастия фениксийцев сидеть на земле. Как, впрочем, и народа пустыни или Фейри, которые, по-видимому, предпочитали то же самое.

— Полагаю, мне придётся привыкнуть к фениксийским платьям, когда я перееду в твоё королевство, — сказала она, с деланной грацией поправляя позу. Усилие было тщетным — косточки корсета безжалостно впивались в тело, перехватывая дыхание.

— Ты можешь носить всё, что тебе угодно, — легко ответил Захиан; его поджарое тело вытянулось на боку, пока он надкусывал медовую грушу.

Алина наблюдала, как дрогнуло его лицо, как красные глаза слегка сузились от приторной сладости. Зрелище было настолько неожиданным, что смех сорвался с её губ прежде, чем она успела его сдержать.

— К этому нужно привыкнуть, — сказала она.

— Я искренне не понимаю, как у драконийцев до сих пор есть зубы, — сухо заметил Захиан, оглядывая ассортимент пропитанной сиропом выпечки и засахаренных фруктов. — Всё такое сладкое.

Несколько слуг держались на почтительном расстоянии; их плетёные опахала мягко покачивались, сражаясь с беспощадным жаром послеполуденного солнца. Алина почти не замечала зноя, привыкшая к неумолимому пеклу своей родины, но беспокоилась за Захиана. Его бронзовая кожа ещё не блестела от пота, выражение лица оставалось спокойным, но она гадала, не страдает ли он молча под тяжестью полуденной жары.

— Ты выглядишь довольно грустной, — сказал Захиан.

Алина напряглась, повернувшись, чтобы сердито взглянуть на него.

— Это довольно грубое замечание.

Захиан усмехнулся, ничуть не смутившись.

— Прости меня. У нас, фениксийцев, есть досадная привычка говорить то, что мы думаем. — Он взял с подноса ещё одну грушу, лениво разглядывая её. — Но я верю, что это правда. Это потому, что уехал Кай Блэкберн?

Упоминание виверианского принца было подобно кинжалу, скользнувшему между рёбер.

Алина ахнула, возмущённая.

— Конечно нет! Мне совершенно плевать на него.

Захиан медленно жевал, с весельем оценивая её своим алым взглядом. Он слизнул липкий нектар с пальцев; каждое тягучее движение было намеренным, словно он наслаждался тем, как она смутилась.

— Всё в порядке, принцесса. То, что мы помолвлены, не означает, что наши сердца не могут принадлежать другим.

— Моё сердце никому не принадлежит, Захиан Нур.

— М-м-м.

Алина повернулась к нему, пытаясь ответить таким же испытующим взглядом, но попытка вышла слабой.

— А твоё? — бросила она вызов, выискивая хотя бы крошечный проблеск правды в его вечно всезнающем взоре.

Принц-фениксиец лишь улыбнулся, сводяще с ума нечитаемо.

Алине пришлось признать: объективно Захиан был захватывающе красив. Он обладал непринуждённой красотой поцелованного солнцем бога: смуглая кожа, тронутая огнём, чёрные волосы, взъерошенные с тем художественным беспорядком, что не требует никаких усилий. Его телосложение, длинное и жилистое от мышц, говорило о человеке, рождённом танцевать среди клинков. В другой жизни она, возможно, была бы очарована, жаждала бы, чтобы её увезли в далёкое королевство, прочь от долга и ожиданий.

Но при мысли о том, чтобы поцеловать кого-то, связать себя с кем-то, кто не был Каем Блэкберном, что-то внутри заныло, открылась свежая кровоточащая рана, залечить которую она не могла.

Прежде чем Захиан успел ответить, что-то сверкнуло в его алых глазах; его внимание резко метнулось мимо неё. Алина проследила за его взглядом, обернувшись как раз вовремя, чтобы заметить Флору Хоуторн и её сестёр, прогуливающихся по саду; их неземное присутствие напоминало ожившую картину.

Сгорая от любопытства, она снова посмотрела на Захиана, ожидая привычной насмешливой ухмылки. Но его лицо потемнело — не от интриги, не от восхищения, а от чего-то пугающе близкого к враждебности.

— Что такое? — спросила она, теперь уже тише.

Захиан моргнул, словно приходя в себя, и напряжение в его плечах спало.

— Ничего, — пробормотал он слишком небрежно. — Тебе стоит держаться подальше от этой особы.

— Почему?

Захиан потянулся за очередной грушей, разломив её пальцами пополам. Не говоря ни слова, он предложил половину Алине. Она колебалась лишь мгновение, прежде чем взять её: в этом простом акте совместной трапезы было что-то странно интимное.

— Флора Хоуторн знает слишком много, — сказал он наконец.

— Слишком много о чём? — надавила Алина, слизывая липкий сахар с губ.

Взгляд Захиана на мгновение скользнул к её рту, прежде чем вернуться к принцессе Фейри вдалеке.

— Обо всех, — пробормотал он. — Ей нельзя доверять. Никому из Фейри нельзя.

Алина слегка подалась вперёд.

— Почему? Она всегда была очень любезна со мной.

Смех Захиана был тихим, но резким.

— Уверен, что так и было. Ходят слухи, что Фейри хотят возвращения ведьм — и что они сделают всё возможное, чтобы это случилось. До Великой войны оба королевства были связаны так, как нам, остальным, никогда не понять. Говорят, они желают восстановить то, что было утрачено.

Алина сглотнула, обдумывая его слова.

— И ты думаешь, если ведьмы вернутся… всё сможет стать как прежде?

Ухмылка Захиана исчезла. Его пальцы лениво вертели надкушенный фрукт на ладони, челюсти едва заметно сжались.

— После того, что мы с ними сделали? — Он покачал головой. — Если ведьмы вернутся, принцесса, это будет не мир.

Его красные глаза сверкнули, горя как угли угасающего костра.

— Это будет война.

…

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Запах горящих благовоний льнул к полумраку комнаты, клубясь в воздухе призрачными щупальцами, пока Хесса небрежно разлеглась поперёк кровати Кейджа. Это было вторжение, от которого у него зудела кожа, не то зрелище, когда она погружалась в парящий бассейн часами ранее, обнажённая и томная, а это. Это бесцеремонное присвоение его пространства, это вторжение в его тщательно оберегаемое одиночество.

— Говорят, боги создали нас, потому что им было скучно, — задумчиво произнесла Хесса, потягиваясь, как кошка, на простынях; её тёмные глаза плясали от веселья, пока она изучала напряжённую позу Кейджа.

Он стоял у края комнаты, наблюдая за абсурдностью происходящего, за количеством тел, набившихся в пространство, которое никогда не предназначалось для компании. Рен сидела, скрестив ноги, на полу, методично затачивая три коротких кинжала, которые прятала в кармане. Вера, как всегда непринуждённая, барабанила татуированными пальцами по деревянному столу; её лицо было непроницаемым. Сахира, сестра Хессы, лениво взгромоздилась на тот же стол, несмотря на ранние протесты Кейджа, что есть вполне пригодные для использования стулья.

Но больше всего его внимание удерживала Мэл.

Его сестра сидела в стороне, напряжённая, не сводя тихого, пронзительного взгляда с Веры. Кейдж видел, как она вернулась в замок ранее, сплетя пальцы с пальцами Принца Огня, а её смех тянулся за ней, как мягкий перезвон храмовых колокольчиков. Он никогда не видел её такой… свободной. Такой совершенно необременённой.

Возможно, именно это и тревожило его больше всего.

— Почему эти собрания всегда проходят в моей комнате? — пробормотал наконец Кейдж с ноткой раздражения в голосе, окидывая взглядом разношёрстную компанию.

— Потому что я, по всей видимости, пленница, — протянула Вера, даже не потрудившись поднять взгляд.

— Ты не пленница, — резко возразила Мэл. — Мы просто внимательно присматриваем за тобой.

Вера выгнула бровь.

— Потому что вы мне не доверяете.

Выражение лица Мэл не смягчилось.

— Ты ведьма, — сказала она голосом, пропитанным тихим ядом. — А ведьмы — твоя сестра — сбили мою Виверну с небес, оставили её изломанной и бездыханной. Так что нет, я тебе не доверяю. На самом деле я бы с огромным удовольствием вырезала твоё сердце из груди, дюйм за дюймом, и смотрела бы, как ты тонешь в собственной крови.

Губы Веры искривились; блеск в её глазах был скорее насмешливым, чем испуганным.

— Это угроза, принцесса? — спросила она низким голосом, в котором сквозило что-то одновременно опасное и понимающее. — Почему бы тебе тогда этого не сделать? Возьми ту месть, которой ты так жаждешь.

Мэл подалась вперёд; её присутствие напоминало грозовую тучу перед ливнем.

— Потому что ты мне нужна. Но поверь мне, ведьма. В тот миг, когда ты перестанешь быть мне необходима, я прикончу тебя и всю твою родню.

Вера лишь вздохнула, переведя взгляд на Хессу с томной лёгкостью, словно разговор утомил её, словно тяжесть угроз Мэл была не более чем шёпотом осеннего ветерка на её коже.

— Ещё говорят, что боги создали ведьм первыми, — сказала она. — Одарили их магией, чтобы посмотреть, что они смогут создать с её помощью. Есть старая сказка, которая гласит, что именно ведьмы первыми вдохнули жизнь в великих волков Королевства Льда. Боги, очарованные их творениями, преисполнились зависти и возжелали создать нечто более великое. — Её взгляд скользнул к Рен, и понимающая улыбка заиграла на губах. — Вот почему, как говорят, боги создали драконов, Виверн и всех прочих существ этого мира. Каждый бог сотворил своего зверя, убеждённый, что его создание превосходит остальных. Бог Солнца, Высокомерный, превыше всех, заставил своих детей поверить, что других богов вовсе не существует.

Мэл издала сухой, безрадостный смешок.

— Расскажи это драконийцам и фениксийцам.

— Они единственные из Восьми Королевств, кто до сих пор цепляется за единого бога, — сказала Вера, склонив голову, словно находя эту мысль забавной.

Терпение Мэл истощалось.

— Почему мы ведём этот разговор?

Улыбка Веры стала острее, язвительнее.

— Потому что твой бог, тот, что создал Виверн, — это Бог Мёртвых.

Тишина накрыла комнату, густая и тяжёлая.

Вера слегка подалась вперёд; её голос стал почти мелодичным, почти жестоким.

— Подходяще, не правда ли?

Мэл повторила её движение, её собственный голос стал шёпотом стали.

— Хочешь познакомиться с моим создателем?

Смех сорвался с губ Веры, богатый и полный издёвки.

— Не сейчас, принцесса. — Она откинулась назад, потягиваясь, словно всё это было грандиозным представлением, устроенным для её развлечения. — Однажды, вероятно, скорее, чем мне хотелось бы, я встречу своего. Но до тех пор у нас есть куда более насущные дела. Если мы не разберёмся с этим проклятием, — она подняла татуированные пальцы и постучала ими по столу, подчёркивая свои следующие слова, — мы все встретимся со своими богами куда раньше, чем нам бы хотелось.

Хесса поднялась с кровати; коричневый шёлк её халата соскользнул с плеч, когда она потянулась за книгой, которую Рен и Кейдж украли из библиотеки. Привычным движением пальцев она пролистала хрупкие страницы, остановившись на разделе, описывающем Пустынное Королевство. Её палец, унизанный кольцами из кованого золота, постучал по замысловатой иллюстрации — кинжал, костяная рукоять которого была испещрена древними символами, а изогнутое лезвие сверкало даже на рисунке.

— Вот оно, — заявила она голосом, полным уверенности, — оружие, которое мы ищем. Клинок, что положит конец проклятию.

Она повернулась к собравшимся; её подведённые кайалом глаза потемнели от ожидания.

— Мы с сестрой прибыли сюда, полагая, что оружие может находиться в этом королевстве или у одного из гостей королевской свадьбы. Но мы ничего не нашли.

Кейдж шагнул ближе, сузив глаза и изучая изображение кинжала. Рукоять была не похожа ни на одно драконийское оружие, её украшения были безошибочно узнаваемы — рождённые в пустыне. Странные знаки, защитные сигилы народа

песков, вились по всей её длине, оплетая белый круглый камень, вставленный в навершие, — талисман их народа, зеркало их неземных бледных глаз.

— Это традиционный пустынный кинжал, — сказал Кейдж, проводя пальцем по тексту. — Почему нож, которому суждено снять проклятие, должен принадлежать вашему королевству?

— Потому что, — ответила Сахира голосом, полным раздражения, — когда принц Хэдриан Блэкберн был помолвлен с принцессой Этни Ахерон, каждое королевство прислало им дары огромной значимости. В записях перечислены они все, и им подарили лишь одно оружие — кинжал, дар от Пустынного Королевства.

Хесса кивнула, подхватывая нить там, где её оборвала сестра.

— Хэдриан никогда с ним не расставался. В архивах он упоминается часто: его любимый клинок, легче меча, удобнее в ближнем бою. — Она снова постучала по странице, привлекая внимание к белому камню, вставленному в рукоять. — Всё наше оружие носит этот знак — символ наших глаз, нашей земли.

Взгляд Кейджа потемнел.

— И вы верите, что Табита Вистерия использовала этот кинжал, чтобы убить его?

Губы Хессы изогнулись в понимающей ухмылке.

— Табита не смогла бы перерезать горло Хэдриану его собственным громоздким полуторным мечом, — сказала она. — Нет, ей нужно было что-то более быстрое, что-то, чем она могла бы нанести удар одним решительным движением.

Мэл, которая сидела в задумчивом молчании, наконец, заговорила.

— Тогда почему кинжал так и не нашли?

Хесса повернулась, выражение её лица было непроницаемым.

— Что ты имеешь в виду?

— Если в легендах есть хоть доля правды, — рассуждала Мэл, — Табита схватила кинжал, убила Хэдриана, а затем лишила жизни себя. И всё же, когда тела были обнаружены, оружие исчезло. Почему?

Сахира пожала плечами.

— Скорее всего, украли — за такой клинок дали бы высокую цену.

Губы Мэл сжались в тонкую линию; недовольство пролегло складкой на её лбу.

— Не сходится, — сказала она скорее себе, чем остальным. — Тело Хэдриана так и не вернули в моё королевство для погребения. В записях утверждается, что солдаты из Королевства Огня обнаружили место трагедии, оставили Табиту гнить, но забрали останки Хэдриана, чтобы вернуть их в Королевство Тьмы в знак уважения. Но тело так и не прибыло, и ни одна историческая книга не может объяснить почему.

— Была война, — вмешалась Вера, хотя её взгляд обострился от интриги. — Тела теряются.

— Теряются, — согласилась Мэл. — Но не тела тех, из-за кого разгораются войны. — Её взгляд снова скользнул к книге, к кинжалу, так тщательно выведенному чернилами. — И мы знаем из собственных записей Табиты, что она так и не умерла по-настоящему. Что, если… Что, если Хэдриан тоже не умер? Что, если она никогда не убивала его? Разве дневник об этом не говорит?

Пальцы Веры скользнули по краям потрёпанных страниц, прежде чем подтянуть тетрадь ближе; её брови сошлись в задумчивости.

— Страницы были вырваны, — сказала она; разочарование плясало в её фиолетовых глазах, как угли на угасающем ветру. Она медленно, размеренно выдохнула. — Невозможно сказать, действительно ли он встретил свой конец, или

истории, которые нам рассказывали, — не более чем искусно сплетённые иллюзии. Быть может, она вообще не убивала его. Быть может, само проклятие — выдумка.

Тишина опустилась на комнату; тяжесть её слов погружалась в сознание, как камни в глубокую воду. Кейдж наблюдал за сестрой, когда та встала, крепко скрестив руки на груди; её разум плёл паутину мыслей, слишком запутанную для остальных. Её острые зубы прихватили край большого пальца — нервная привычка, — когда она начала мерить шагами комнату. Кейдж узнал этот взгляд — далёкий блеск озарения, медленное, методичное распутывание тайны.

— Годовщина уже близко, — мягко напомнила Хесса. — А мы всё ещё не знаем, где лежит оружие.

Мэл резко остановилась, уперевшись руками в стол; её фиолетовые глаза были прикованы к открытой книге. Что-то промелькнуло на её лице — откровение, столь внезапное и интуитивное, что Кейдж неосознанно сделал шаг вперёд, притянутый им.

— Что такое? — спросил он, не в силах сдержать нетерпение.

Губы Мэл разомкнулись, затем снова сомкнулись. Она повернулась, её глаза встретились с его взглядом с нескрываемым изумлением.

— Я знаю, где кинжал, — выдохнула она; слова почти потонули в тяжёлой тишине комнаты.

Она сглотнула, пальцы вцепились в край книги, словно ища опору.

— И я знаю, у кого он.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 44

Во время своих странствий я узнала, что в разных королевствах есть весьма опасные группы, которых стоит остерегаться. Виверианe в целом, вероятно, самые опасные из всех. В Пустынных Королевствах существует отряд, сформированный исключительно из женщин, называемый «дунайки»; их обучают с пяти лет, чтобы они стали безжалостными наёмницами. Я слышала, что король пустыни всегда отправляет своих дочерей стать частью дунаек, и это традиция, передаваемая из поколения в поколение. Другая группа, о которой я много узнала, — это Алая гвардия в Королевстве Огня. Она состоит только из воинов-мужчин, и их обучение длится всего год, но я слышала, что оно столь короткое из-за своей интенсивности. Продлись оно дольше, они бы не выжили. Я бы не отказалась увидеть дунаек и Алую гвардию под одной крышей. Было бы довольно интересно понаблюдать.

Табита Вистерия

Рен лежала, раскинувшись на выветренном камне уступа башни; одна нога небрежно свисала над бездной. Солнце полыхало над головой, безжалостное и неумолимое, раскрашивая её светлую кожу расплавленным золотом. Ленивый ветерок почти не спасал от гнетущей жары Королевства Огня, и она тосковала по холодным объятиям своей родины — по тяжёлому, хмурому небу, по воздуху, поцелованному морозом, по уюту очага, пылающего назло хватке зимы.

Она забралась на башню не ради уединения, хотя предпочла бы его. Вера сидела в нескольких дюймах от нее; жуткая бледность её белых волос почти не отличалась от волос самой Рен. Это была идея ведьмы — выйти наружу, сбежать из тесных стен комнаты Кейджа, где воздух сгустился от раздражения. Особенно страдал виверианский принц, который, привыкший к теням и изоляции, начал терять терпение от их затянувшегося общества.

— Я тебе не враг, — сказала Вера; её голос был ровным, тихим.

Рен не посмотрела на неё. Вместо этого она держала свои бледно-голубые глаза устремлёнными в огромное, беспощадное небо, отказываясь щуриться от яркости. У неё не было терпения слушать заверения ведьмы.

— Ты говоришь, что ты здесь, чтобы помочь Мэл убить принца, — протянула Рен голосом, полным скептицизма, — и всё же ты не расскажешь нам ни слова о ведьмах. Ни их планов, ни их численности, ничего. Как я могу верить хоть единому твоему слову?

— Они мой народ, — огрызнулась Вера, тон стал резким. — Я не предам их вот так.

Рен издала медленный, размеренный вздох.

— Тогда я не могу доверять тебе.

Она перекатилась на бок, приподнявшись на локте.

— Ведьмы напали на нас у стены. Они убили Виверну Мэл. Есть ли за этим что-то большее или нет, ты всё равно ведьма, и в глазах твоего рода мы всё ещё враги.

Вера издала звук разочарования, тихий рык раздражения, но спорить не стала. В этом было мало смысла. План уже был приведён в действие: пока Мэл отправилась добывать кинжал, остальные оставались здесь, присматривая за ведьмой, словно за зверем в клетке, готовым к броску.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Никто не знал, что замышляют ведьмы, и замышляют ли вообще. Тишина, последовавшая за битвой у стены, была тревожной, как жуткое затишье перед бурей, грозящей разорвать небо. Никакая мстительная орда их не преследовала. Новых атак не последовало. Мир затаил дыхание, балансируя на краю чего-то невидимого.

А в залах замка король Иган вёл себя так, словно ничего не случилось. Словно столкновение магии и огня было не более чем шёпотом ветра, мимолётным и несущественным.

Опасная игра в притворство. Игра, которая могла стоить им всего.

— На что похоже твоё королевство? — спросила Рен, склонив голову в сторону ведьмы.

Вера заколебалась.

— В основном это руины.

Укол сожаления кольнул Рен. Она не хотела ступать на зыбкую почву, но прежде чем она успела забрать вопрос назад, Вера продолжила; её голос звучал как далёкое эхо чего-то утраченного.

— Когда-то, говорят, это было самое прекрасное из всех королевств. Реки прорезали землю, словно вены, перенося лодки от деревни к деревне. Болота тянулись на мили, и хотя многие считают их мрачными и безжизненными, в них было своё тихое величие. — Печальная улыбка тронула уголки губ Веры. — Городам не было равных. Высокие шпили, сотканные из магии, библиотеки, дышащие знаниями, — наш дом был чудом.

— Где теперь живёт большинство ведьм? — спросила Рен; любопытство просочилось в её голос.

— Разбросаны, — признала Вера. — Некоторые ушли, искали убежища в других землях, скрываясь под мороками. Другие остались, восстанавливая то, что было утрачено.

Рен нахмурилась.

— Но если вас так много, почему бы не использовать вашу магию, чтобы всё исправить?

Густая, гнетущая тишина накрыла их, плотная и наэлектризованная, как бездыханное затишье перед тем, как небеса разверзнутся яростью.

Волоски на руках Рен встали дыбом, покалывая кожу. Она не шелохнулась. Она не станет съёживаться под этими аметистовыми глазами, которые теперь буравили её с нечитаемым выражением.

— Смысл не в этом, Рен, — сказала наконец Вера, и в её голосе звучала тяжесть столетий. — Мы храним руины, чтобы помнить, что у нас отняли. Чтобы никогда не забывать, что с нами сделали.

— Но помогает ли это хоть кому-то жить дальше? — спросила Рен, выгнув бровь.

Вера тихо вздохнула.

— Полагаю, что нет. — Затем, помолчав, она признала: — Некоторые города были отстроены заново.

— А откуда ты родом?

— Элмвич.

— И какой он?

Впервые в голосе Веры появилось тепло.

— Это маленький городок, приютившийся у болот. Он был сожжён дотла во время Великой войны, но мы отстроили его, камень за камнем, пока он не стал в точности

таким, каким был сто лет назад. — Мягкая улыбка призраком скользнула по её губам. — Быть может, однажды я покажу его тебе, Рен Уинтер.

В груди Рен потеплело от неожиданного предложения.

— Так ты нас не ненавидишь? — спросила она голосом, едва громче шёпота.

Вера замешкалась, выражение её лица было нечитаемым.

— Это… сложный вопрос. — Она медленно выдохнула. — Не думаю, что могу на него ответить. Пока нет. — Затем тише: — Но я не ненавижу тебя.

Улыбка Рен была слабой, но искренней. Возможно, надежда всё-таки есть.

Но прежде чем она успела ответить, её что-то ударило. Невидимая и неизбежная сила пронзила её разум, словно нож шёлк. Её тело окаменело. Небо над головой расплылось. Зрачки закатились, радужки обратились в пустые белые омуты.

Видение захватило её.

Оно вырвало её из настоящего в будущее — будущее, где проклятие не было снято.

Мир исчез.

Не сожжён, не разрушен, не истерзан войной. Просто… исчез.

Ни смеха. Ни голосов. Ни жизни.

Всё погрузилось в глубокий, вечный сон. Королевство призраков, нетронутое временем.

Всё, кроме одного.

Тело Рен дёрнулось, когда она вернулась в себя; сдавленный вздох вырвался из горла. Башня покачнулась под ней, когда реальность встала на место. Дыхание вырывалось рваными хрипами, конечности дрожали от пережитого.

Голос Веры прорезал туман.

— Что ты видела?

Ведьма была теперь ближе, взгляд острый, лицо искажено тревогой.

Рен прижала дрожащую руку ко лбу, пытаясь унять дрожь.

— Некоторые видения, — прохрипела она, — как пазлы. Кусочки швыряют в тебя, и ты должна собрать их воедино. — Она сглотнула; во рту пересохло. — Но на этот раз… на этот раз я видела будущее.

Вера придвинулась ближе, её руки сжались в кулаки.

— Какое будущее?

— Будущее, в котором проклятие не остановлено.

Долгая пауза. Затем:

— И что ты видела?

Рен повернулась к ней; тяжесть видения давила на грудь.

— Там ничего не осталось, — прошептала она. — Никого не осталось. Мы все… пали. Соскользнули в какой-то бесконечный сон.

Вера резко втянула воздух.

— Кроме одного.

— Кого? — спросила Вера.

Пальцы Рен вцепились в ткань туники.

— Эша Ахерона.

***

Мэл нашла мужа на тренировочном дворе, где он, по всей видимости, вёл весьма жаркую дискуссию с Хейганом. С того места, где она стояла, прислонившись к нагретой солнцем каменной стене, ей было видно, как Эш морщился каждый раз,

когда притворялся, что у него есть силы поднять меч, а его лучший друг едва скрывал веселье.

Она улыбнулась, наблюдая, как принц-дракониец делает вид, что больше не ранен, что его тело не предаёт его каждым натужным движением. Упрямый дурак.

— Я искренне считаю, что тебе стоит прислушаться к Алому гвардейцу, — окликнула она его; в голосе звучала усмешка.

Эш повернулся к ней, его золотые глаза сузились в притворной обиде.

— Ты на его с-стороне? — спросил он недоверчиво. — Я твой м-муж, если нужно тебе напомнить.

Мэл не ответила. Вместо этого она поспешила к нему, запечатлев долгий поцелуй на его щеке, словно это простое действие могло отогнать назойливый голос в голове, кричащий ей отправляться за кинжалом. Она проигнорировала его. Она подождёт празднества по случаю помолвки, когда все взгляды будут прикованы к торжеству, когда никто не заметит, как она ускользнёт в ночь.

Что означало: у неё остался один день. Один день, чтобы провести его рядом с ним. Один день, прежде чем всё изменится.

— Надеюсь, ты не настолько глуп, чтобы пытаться поднять меч в твоём состоянии? — спросила она у самого его уха, задев зубами мочку, ничуть не смущённая присутствием его лучшего друга, стоящего в нескольких футах.

Дразнящие нотки в её голосе не укрылись от него, как и то, как потемнел его взгляд, скользнув по её чёрному платью. Его зрачки расширились, выражение лица сменилось обещанием, которое Мэл знала слишком хорошо, — обещанием того рода, что заставит её выдыхать его имя в глубину ночи.

— Как насчёт того, чтобы мы с Хейганом сразились, а ты посмотрел? — предложила она, выгнув бровь.

Правый глаз Эша дёрнулся, и она рассмеялась.

— Обещаю не ломать твоего лучшего друга, — прошептала она, и тепло её дыхания на его коже вызвало у него дрожь.

Расправив плечи, Мэл изучила Хейгана, когда тот начал кружить вокруг неё. Он был вооружён двумя драконийскими короткими мечами, их волнистые клинки сверкали на солнце. В отличие от богато украшенного оружия драконийской знати, мечи Алой гвардии не имели никаких украшений — ни инкрустированных камней, ни затейливой гравировки, только сталь, отточенная для единственной цели — войны.

Мэл оставила свой меч в покоях и не могла использовать здесь свои силы — не на открытом месте, не перед столькими любопытными глазами. Слишком многие уже видели, на что она способна у стены, включая Хейгана. Эш заверил её, что его друг никогда не расскажет об этом, но доверие — вещь хрупкая, и Мэл не хотела рисковать своим. Остальные пока молчали о том, чему стали свидетелями. Возможно, истины, сияющей в её фиолетовых глазах, было достаточно для объяснения. Или, может быть, их молчание было рождено не пониманием, а рассеянностью — умы были слишком обременены нависшей тенью проклятия, чтобы зацикливаться на том, кем или чем она была на самом деле.

Она жаждала уйти в тень, раствориться в самом воздухе, но сейчас было не время. Этому тоже придётся подождать, пока она не отправится за кинжалом.

Хейган сделал выпад.

Мэл увернулась, перехватила его руку и крутанула его вперёд с такой силой, что он рухнул на землю, выронив меч. Но он был быстр, куда быстрее, чем она ожидала.

Через секунды он уже был на ногах. Однако Мэл оказалась быстрее. Один из его клинков теперь лежал в её руке.

Их мечи столкнулись, зазвенев на тренировочном дворе подобно раскату далёкого грома. Мэл чувствовала: Хейган сдерживался. Он был из Алой гвардии, обучен для войны, и всё же в его ударах была сдержанность, тщательный расчёт в движениях.

К тому времени, как она ударом головы опрокинула его обратно на землю, собралась целая толпа, подбадривая её криками.

Но Мэл не обращала на них внимания. Её глаза нашли Эша, наблюдавшего за ней из толпы зрителей; его губы изогнулись в едва заметной улыбке. И она почувствовала это — тяжесть его гордости, весомую и всеобъемлющую, окутывающую её, как нечто осязаемое, нечто реальное. Это было пьянящее чувство. Когда на тебя так смотрят, когда тебя так ценят.

Он был светом. А она — она была чем-то более тёмным, сотканным из теней, которые он, сам того не ведая, начал разгонять.

Никого из наблюдавших драконийцев, казалось, не волновало, что она дерётся как одна из них. Возможно, они привыкли к странным повадкам виверian, или, может быть, им просто было всё равно, что делает их будущая королева,, до тех пор, пока их собственные женщины не станут следовать её примеру.

Тень перечеркнула двор, и взгляд Мэл метнулся вверх как раз вовремя, чтобы увидеть кружащую в вышине птицу Кейджа. Её крик эхом разнёсся, как предзнаменование, как предупреждение.

Отвлечение стоило ей дорого.

Локоть Хейгана врезался ей в подбородок, заставив отступить назад, споткнувшись. Она обернулась, ища глазами причину тревоги, и взгляд её зацепился за арку, где стоял Кейдж; его лицо застыло в нечитаемой маске. Холодок пробежал по спине. Она уже видела этот взгляд.

Он заставил её нервничать.

Мига замешательства хватило. Меч Хейгана оказался у её горла прежде, чем она успела полностью восстановить равновесие; сталь прижалась к коже ровно настолько, чтобы пустить единственную чернильно-тёмную каплю крови.

— Вам стоит сдаться, Ваше Высочество, — сказал он, в его голосе сквозило тихое веселье.

Мэл чуть-чуть наклонила голову, позволяя лезвию оцарапать кожу на долю глубже. Одинокая чёрная струйка скользнула по изгибу её горла.

— Возможно, это тебе стоит сдаться, гвардеец.

Она выгнула бровь, бросив взгляд вниз.

Хейган проследил за её взглядом — его дыхание сбилось в тот миг, когда он осознал то, чего не заметил.

Маленький кинжал, который она прятала под юбками, был прижат опасно близко к его паху.

Он тяжело сглотнул.

Что-то тёмное промелькнуло в его карих глазах — что-то, чего Мэл не могла до конца разгадать. Но прежде чем она успела проанализировать это, всё исчезло, сменившись лёгким смехом, когда он отступил, низко кланяясь.

— Вы сражались хорошо, как обычно, Ваше Высочество, — сказал он, но под словами скрывалось что-то ещё. Что-то невысказанное.

Мэл лишь кивнула в ответ, отвесив лёгкий поклон, прежде чем отвернуться; ноги сами понесли её к брату.

Она проигнорировала тяжесть взгляда Эша, жгущего спину, немой вопрос, вплетённый в то, как он смотрел на неё, гадая, почему после всего этого она не в его объятиях.

— Нам нужно поговорить, — сказал Кейдж, низко склонив голову; его губы коснулись раковины её уха, когда он прошептал: — У Рен было видение.

Холодное дыхание дурного предчувствия обвилось вокруг позвоночника Мэл, но она кивнула, следуя за братом по слабо освещённым коридорам замка. Он повёл её не к своим покоям, как она ожидала, а направился к маленькому дворику, который она узнала как место, где впервые говорила с королевой наедине.

Запах роз густо висел в тёплом воздухе, их лепестки полностью раскрылись, пламенея багрянцем в умирающем свете. Она рассеянно провела пальцами по шёлковым бутонам, проходя мимо, отвлекаясь на их красоту, несмотря на тяжесть, давящую на грудь.

— Кейдж, куда мы идём? — спросила она, но он не ответил. Вместо этого он подвёл её к двери, вырезанной из тёмного древнего дерева, спрятанной в лабиринтах глубин замка. Мэл знала, что лежит за ней. Туннели под крепостью. Темнота встретила их, когда они шагнули внутрь, густая и всепоглощающая, но для виверian бездна была желанным спутником. Они не боялись ни тишины глубин, ни теней, что льнули к их коже, как шёпот забытых богов.

Они шли глубже; шаги отдавались эхом от кроваво-красных каменных стен. А затем, как раз перед тем как они достигли извилистых пещер, ведущих к логовам драконов внизу, Кейдж остановился.

— Рен видела, что случится, если проклятие не будет снято, — сказал он низким голосом, едва громче шёпота, словно если произнести это слишком громко, оно может стать реальностью. — Мы все погрузимся в вечный сон. Все до последнего. — Он повернулся к ней, и хотя в темноте она не видела его лица полностью, она почувствовала тяжесть его взгляда, его уверенности, опустившейся на неё, как буря, готовая разразиться.

— Всех, кроме одного, — закончил он. — Твоего мужа.

— Но почему он? — прохрипела она. — Почему весь остальной мир растворится в тишине, а он останется… — Её горло сжалось вокруг этой мысли, губы плотно сомкнулись, чтобы не дрожать. — Значит, если я ударю Эша кинжалом, то сниму проклятие, но обреку его на смерть. Если я ничего не сделаю, проклятие падёт на нас всех, а он будет бродить по руинам мира в одиночестве.

Кейдж склонил голову; движение было медленным, почти скорбным.

— Я не могу…

— Мэл, почему ты всё ещё здесь? — Голос Кейджа стал резким, мягкость исчезла. — Ты знаешь, где кинжал. Чего ты ждёшь? До вступления проклятия в силу остаются считанные дни, а я нахожу тебя на улице, на тренировочном дворе, играющей на мечах с Эшем и его друзьями, словно это не более чем игра.

— Я тяну время, брат, — призналась она, обхватив себя руками, словно пытаясь защититься от неизбежного.

Кейдж фыркнул.

— Тянешь время? — Он позволил слову повиснуть между ними, как обвинению.

— Я уйду завтра, — сказала она, медленно выдыхая. — Во время празднества по случаю помолвки. Все будут слишком отвлечены, чтобы заметить моё отсутствие.

Смешок брата был сухим и недоверчивым.

— Сильно сомневаюсь, что Принц Огня не заметит.

Мэл улыбнулась, но в этой улыбке не было тепла.

— Вот почему ты останешься здесь. Чтобы отвлекать его.

Долгая тишина повисла между ними. Глаза Кейджа, темнее полуночи, изучали её с пониманием, которым, как она хотела бы, он не обладал.

— Ты оттягиваешь его смерть намеренно, Мэл? — спросил он наконец нечитаемым голосом.

Она не дрогнула.

— Нет, брат.

Она вскинула подбородок, выпрямив спину, хотя каждая кость в её теле ныла от тяжести лжи. Она не покажет слабости, не сейчас, не когда её собственная решимость трещала по швам. Она не скажет Кейджу, что от мысли вонзить кинжал в сердце Эша Ахерона её тошнит, что она боялась, что предпочла бы вырезать своё собственное, прежде чем смогла бы сделать это.

— Я добуду кинжал и убью его.

И с этими словами она развернулась на каблуках, зашагав к выходу, прежде чем брат успел сказать что-то ещё. Ей не нужно было доказывать ему свою правоту. Ей не нужно было оправдывать то, что уже было начертано судьбой.

Но пока она шла, что-то в воздухе изменилось.

Запах — слабый, но неоспоримый — вился по туннелям, просачиваясь в лёгкие, как шёпот предостережения.

Мэл замешкалась.

Чувства покалывало тревогой; пальцы дёрнулись к кинжалу, пристегнутому к бедру. Она бросила быстрый взгляд вокруг, но туннели оставались пусты. Только Кейдж стоял позади неё, наблюдая.

И всё же…

Она не могла отделаться от ощущения, что кто-то — что-то — подслушивало.

Мэл вернулась в свои покои; тяжесть мыслей давила на плечи, как призрачные объятия. Она расстегнула платье дрожащими пальцами, позволяя ткани соскользнуть с тела и собраться у ног, словно тени, пролившиеся на пол. Запах розового масла и жасмина висел в воздухе, пар клубился над ожидающей ванной, маня её в своё тепло.

Она шагнула внутрь, погружаясь глубоко в воду; тёмные ресницы сомкнулись, когда она позволила жару снять напряжение с мышц. На мимолетное мгновение она представила, как опускается глубже, позволяя теплу поглотить её целиком, растворяя в небытии.

Двери со скрипом отворились.

Уголки губ Мэл дрогнули, когда она услышала тихое шарканье ног, за которым последовало поспешное отступление её служанок, которых выставили вон. Ей не нужно было открывать глаза, чтобы знать, кто вошёл.

Вода яростно выплеснулась через края ванны, когда Эш без колебаний забрался внутрь, сдирая с себя одежду так, словно раздеваться перед ней было самым естественным делом в мире.

— Мы не поместимся, — выдохнула она, поджимая ноги к груди, чтобы освободить для него место.

Он хмыкнул в ответ, не впечатлённый её жалобой, прежде чем схватить её за ноги и развести их в стороны, перекинув через бока своего тела. Дрожь пробежала по ней, когда её обнажённая кожа встретилась с его, грудь прижалась вплотную к его груди.

Эш взял мыло, неуклюже намыливая её влажные локоны; его пальцы прочесывали пряди с очаровательным отсутствием грации. Он создавал больше хаоса, чем заботы: вода лилась на пол, мыло попадало ей в глаза, пока она со смехом не отбила его руки, моргая от рези.

— Безнадёжен, — поддразнила она, и звук её веселья стал мимолётной передышкой от бури в её разуме.

Она переключила внимание на его раны, осторожно промывая их тонкими пальцами. Она игнорировала тяжесть его взгляда, сверлящего её, отказывалась замечать, как его глаза блуждают по её лицу с такой нежностью, что у неё защемило в груди.

— Я не могу сосредоточиться, когда ты так дышишь на меня, — пробормотала она.

Его пальцы нашли её подбородок, приподнимая его, заставляя встретиться с ним взглядом.

— Что случилось? — спросил он низким, испытующим голосом.

Мэл замерла.

Правда была ядовитой тварью, свернувшейся в глубине горла, умоляющей о свободе. Она хотела выплеснуть её, хотела разбить хрупкую иллюзию между ними и признаться, что их любовь, если это вообще можно было так назвать, родилась из предательства. Что её послали убить его, а теперь, теперь она не могла вынести мысли о том, что потеряет его. Что, какой бы путь она ни выбрала, какое бы решение ни приняла, Эш Ахерон был обречён.

Вместо этого она проглотила её, как яд.

— Ничего, — солгала она.

Его челюсти сжались, золотые глаза искали в её взгляде что-то — что угодно, — что объяснило бы печаль, стягивающую уголки её рта. Он был мужчиной, высеченным огнём, отлитым во что-то разрушительно прекрасное, и на мимолетное мгновение она позволила себе представить мир, где могла бы сохранить его. Где она не была бы связана долгом, судьбой, проклятием, требующим его крови.

Она проклинала богов за их жестокость.

Она проклинала себя за свою слабость.

— Мэл, что…

Она заставила его замолчать поцелуем, отчаянным поцелуем, прижавшись губами к его губам в безмолвной мольбе забыть, перестать спрашивать, потеряться в ней, как она жаждала потеряться в нём. Она не хотела думать. Она не хотела чувствовать. Она хотела исчезнуть во вкусе его кожи, в том, как его руки блуждали по ней, словно он никак не мог насытиться ею.

Завтра она уедет, чтобы добыть кинжал — клинок, предназначенный пронзить его сердце.

Сегодня она будет поклоняться ему так, словно это их последняя ночь.

Он не заметил слезы, скользнувшей по её щеке, когда она прижалась к нему; её губы чертили отчаянные дорожки вдоль его челюсти, вниз по горлу. Она запоминала каждый дюйм его тела, тепло его золотой кожи, то, как напрягалось его тело под её

прикосновениями, звук его дыхания, перехваченного в горле, когда она принимала его, двигая бедрами в ритме, от которого вода выплескивалась через край ванны.

Мэл целовала его лоб, висок, приоткрытые губы, словно могла поцелуями стереть судьбу, ожидавшую его. Словно могла высечь его образ на ткани своей души, чтобы, что бы ни случилось после, какая бы тьма ни ждала их, она никогда не забыла бы.

Позже, когда огонь угас и ночь растянулась, долгая и безмолвная, Мэл лежала без сна рядом с ним, наблюдая за медленным вздыманием и опусканием его груди.

Она представила, как её собственные руки сжимают рукоять кинжала, как сталь зависает над его сердцем — смертельный удар, который положит конец всему.

Её пальцы сомкнулись вокруг призрачного клинка.

Она плакала в тишине, шепча его имя богам, которые никогда не отвечали ей прежде, умоляя их спасти его.

Но боги, как всегда, хранили молчание.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 45

Наш сын родился поздней ночью. Он здоров и силён. Война с каждым днём становится только злее и кровопролитнее. Я знаю, что Хэдриан не находит себе места и хочет быть там, снаружи, делать что-то, всё, что в его силах, чтобы остановить происходящее. Но прямо сейчас всё, что мы можем, — это прятаться. Его королевство отвернулось от нас, и я слышу, как он плачет по ночам, когда думает, что я сплю. Абсолютно все, кого мы любили, ушли, встав на сторону драконийцев, чтобы спастись. Моё королевство не выстоит против остальных, их слишком много. Я бы хотела как-то помочь Совету, но даже они отреклись от нас, обвинив в войне Хэдриана и меня. Теперь всё, что мы можем, — это прятаться и ждать, молясь, чтобы война скорее закончилась. Я боюсь за нашего сына и за будущее, которое его ждёт.

Табита Вистерия

Мэл зарылась глубже в объятия Эша, словно могла бросить там якорь, вдали от бури, маячившей на горизонте. Она не сомкнула глаз ни разу за всю ночь, не смела этого сделать, боясь, что, если уснёт, утро наступит слишком скоро и утащит её обратно в реальность. Теперь, когда ранний свет просачивался сквозь задрапированные шёлком окна, она не хотела ничего, кроме как забыть о существовании мира — потеряться в тихом убежище рук мужа, где тяжесть судьбы ещё не давила на плечи.

Эш пошевелился под ней; тепло его губ коснулось её лба в ленивой, полусонной ласке.

— Доброе утро, — сказал он, его голос был хриплым от сна.

— Ещё нет, — взмолилась она, крепче сжимая его в объятиях, словно чистая сила воли могла остановить ход времени.

Мягкий смешок рокотом отдался в его груди, завибрировал у её щеки.

— Нам нужно вставать. Сегодня п-праздник в честь п-помолвки моей сестры.

Мэл вздохнула, зная, что он прав, и всё же ненавидя мысль о том, чтобы покинуть их постель. Её конечности потянулись, как у кошки, нежащейся на солнце; тело смаковало последний, мимолётный миг покоя, прежде чем тяжесть миссии пригрозила задушить её. Сегодня она уедет. Сегодня она начнёт путь, который приведёт её к кинжал, тому самому оружию, предназначенному положить конец Эшу Ахерону.

Горло сжалось от этой мысли.

— Разве мы не можем просто остаться здесь? — прошептала она, проводя пальцами по жёстким линиям его челюсти, прежде чем запечатлеть мягкий поцелуй на подбородке. — Может, я смогу убедить тебя задержаться со мной в постели ещё немного.

Золотые глаза Эша потемнели, за ними разгорелся медленный, тлеющий огонь. Мэл знала этот взгляд: как расширялись его зрачки, как губы слегка приоткрывались, словно ожидая, надеясь, что она сократит расстояние между ними. И она это сделала. Их поцелуй был медленным, тягучим, полным чего-то опасно близкого к поклонению. Сначала его губы были мягкими, дразнящими, пока стон, застрявший в глубине её горла, не сломал что-то внутри него. В мгновение ока он оказался сверху, вдавливая её тело в простыни, его рот завладел её ртом с новой настойчивостью.

Мэл ахнула, запуская руки в его волосы, но затем тревога пробилась сквозь туман.

— Твои раны, — сказала она, слегка прижимая ладонь к повязкам, обернутым вокруг его торса. — Ты сделаешь себе больно.

Эш выдохнул смешок, опустившись ровно настолько, чтобы потереться носом о её нос.

— Я переживал и худшее, — поддразнил он, прежде чем провести языком по уголку её рта; жест был настолько неожиданным, что она взвизгнула, извиваясь под ним.

— Эш, прекрати! — рассмеялась она, вяло отталкивая его в грудь, но он лишь ухмыльнулся; озорной блеск в его глазах заставил её желудок скрутиться так, что это не имело ничего общего с нервами.

Она легко провела пальцами по его коже, чувствуя твёрдые мышцы под ней; рука замерла над раной, которая едва не отняла его у неё. Лоб нахмурился, беспокойство узлом завязалось в груди.

— Больно? — спросила она тише, почти нерешительно.

Эш замер под её прикосновением, его золотой взгляд пил её, и в выражении его лица мерцало что-то глубокое и благоговейное.

— Не так с-сильно, как с-смотреть на тебя, — сказал он.

Брови Мэл сошлись на переносице.

— Что ты имеешь в виду?

Его кадык дёрнулся, когда он сглотнул; пальцы лениво скользнули по её обнажённому плечу.

— Каждый раз, когда я вижу тебя, это с-словно моя грудь рас-раскалывается и я остаюсь без ды-дыхания.

Укол боли пронзил её сердце.

— Почему? — спросила она, хотя часть её уже знала ответ.

Губы Эша разомкнулись, голос был едва громче шёпота.

— Потому что ты моя. Потому что мне никогда по-н-настоящему не везло, пока они не зас-заставили меня вступить в брак по клятве. Потому что я н-никогда не был счастлив, пока не встретил тебя, — он замолчал, вглядываясь в её глаза, ожидая, всегда ожидая, разрешения поцеловать её.

Сердце Мэл сжалось так сильно, что ей показалось, она сейчас рассыплется под тяжестью этого чувства.

Она хотела сказать ему, что ей тоже больно смотреть на него. Что каждый раз, встречаясь с ним взглядом, она чувствовала себя так, словно стоит на краю чего-то огромного и неумолимого. Что боги жестоки, невыносимо жестоки, раз вложили его в её руки, дали ей вкусить, что значит быть любимой, только чтобы вырвать это в конце.

Она хотела рассказать ему всё.

Но не могла.

Поэтому вместо этого она потянулась к нему, запустила пальцы в его волосы, притягивая его губы обратно к своим, заставляя замолчать его, замолчать себя, замолчать правду, с которой никто из них не был готов столкнуться.

Пальцы Мэл запутались в его золотых волосах, сжимая рога с отчаянием женщины, теряющей себя в единственном, что всё ещё казалось реальным. Сильные руки Эша развели её ноги, его дыхание рваным шёпотом коснулось её уха, прежде чем он вошёл в неё. Она ахнула, ногти впились в его спину, когда его движения стали быстрее, грубее — оба цеплялись за иллюзию, что у них всё ещё есть время.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Двери в их покои распахнулись как раз в тот миг, когда тело Мэл задрожало, её голос сорвался на имени Эша, умоляя, прося его не останавливаться. Он и не остановился. Его тело двигалось в такт с её, неумолимо, отчаянно; мозолистая рука сжимала её грудь, когда она повернула голову, встретившись взглядом с незваным гостем, посмевшим прервать их.

Хейган.

Глаза Алого гвардейца расширились, прежде чем он развернулся и захлопнул двери, откашлявшись, словно пытаясь изгнать этот образ из памяти. Но Мэл не остановилась. Она слизала пот с шеи Эша, наслаждаясь стоном, рокочущим глубоко внутри него, когда он излился в неё. Ухмылка заиграла на её губах, когда она выгнула бровь, глядя на Хейгана, безмолвно подбивая его заговорить.

Эш, однако, внезапно вспомнил, что он драконец. Он слез с неё, схватив простыню, чтобы прикрыться; его лицо вспыхнуло смущением, которое не было свойственно её роду. Мэл не сделала попытки прикрыться, выставляя свою наготу напоказ, и с удовольствием отметила, как покраснели щеки гвардейца, когда он отвёл взгляд.

— В чём дело, Хейган? — потребовал ответа Эш; его голос всё ещё был хриплым от напряжения удовольствия и боли.

— Я пришёл предупредить вас, — ответил Алый гвардеец.

Эш тяжело выдохнул.

— О ч-чём?

Тёмные глаза Хейгана метнулись к Мэл, выражение его лица было нечитаемым.

— О ней, — сказал он просто, жестом указывая на неё, когда она лениво выбиралась из постели, потянувшись за белым хлопковым платьем, перекинутым через стоящий рядом стул. — Она лжёт тебе. Я слышал, как прошлой ночью она с братом сговаривалась убить тебя.

Мэл застыла.

На долю секунды мир перестал вращаться. Прошлой ночью она что-то почувствовала, вторгшееся присутствие в тенях, шёпот чего-то чуждого. Но она проверила. Там никого не было. Как Хейган скрылся от неё? Он был Алым гвардейцем, да, но она была виверианской принцессой. Она была лучше.

Это не укладывалось в голове.

Эш рассмеялся, глубоким, недоверчивым звуком.

— Не будь см-смешон.

— Она упоминала проклятие, — надавил Хейган.

Веселье Эша исчезло. Мускул на его челюсти дёрнулся, ярость затемнила глаза.

— Это чёртово п-проклятие, — прорычал он. — Нет никакого грёбаного п-проклятия, Хейган.

— Есть, — настаивал Хейган. — Спроси её. Она готова ударить тебя ножом в сердце ради него.

Комната затаила дыхание.

Мэл не двигалась. Не говорила. Не могла дышать.

А затем она почувствовала это — момент, когда эти золотые глаза упали на неё, острые и ищущие, сдирающие слои её молчания. Воздух стал тяжелее, густым от невысказанной правды. Он натянул брюки и пересёк комнату на одном дыхании; его пальцы замешкались, прежде чем коснуться её руки, так мягко, так нерешительно, словно он боялся обнаружить, что слова Хейгана — не безумие.

— Мэл, всё в порядке, — сказал Эш. — Я ему н-не верю. Я знаю, что это н-неправда.

Её сердце треснуло.

Даже сейчас, после всего, он доверял ей. Он верил в её доброту, верил в её любовь.

И она этого не заслуживала.

Она повернулась к нему, и когда её фиолетовые глаза встретились с его взглядом, она увидела это — тот самый миг, когда на него снизошло осознание. Выражение его лица изменилось, сменяясь с уверенности на что-то иное, что-то хрупкое и раненое. Доверие, которое он дарил так свободно, начало давать трещины.

Её голос дрожал.

— Я думала, это единственный способ спасти нас всех. Но потом я, наконец, нашла тебя, Эш. Я не собиралась доводить это до конца. Я обещаю.

— Она планирует уехать сегодня, чтобы забрать кинжал, — перебил Хейган.

Мэл сорвалась.

Взмахом кисти она высвободила магию, отправив Алого гвардейца в полёт спиной вперёд, прямо в двустворчатые двери. Удар сотряс комнату, выбив воздух из его лёгких. Прежде чем он успел оправиться, Мэл сжала кулак, и двери захлопнулись, запечатывая вход.

Она повернулась к Эшу; её гнев растворялся в чистом отчаянии.

— Я могу объяснить, — прошептала она.

Но его лицо — его прекрасное, любимое лицо — уже рассыпалось. Его глаза, эти озёра расплавленного золота, мерцали от непролитых слёз.

А затем, так тихо, что это разбило её вдребезги, он сказал:

— Нет. Не объясняй.

Она потянулась к нему, нерешительно, в ужасе. Её ладонь обхватила его щёку, и на кратчайший миг он подался навстречу прикосновению, позволяя её теплу укачать его. Его слёзы полились, безмолвные, полные боли.

— Я не знала тебя раньше, — попыталась она; голос срывался. — Но потом всё изменилось. Проклятие…

В тот момент, когда она произнесла это слово, он отшатнулся.

Он вырвался из её хватки, отступая назад, словно её прикосновение обожгло его. Пространство между ними стало огромным и невыносимым, густым от предательства. Его выражение больше не было открытым, больше не было тёплым — это было лицо, которое он носил, когда они впервые встретились: холодное и непроницаемое, маска безразличия, что резала глубже любого клинка.

— Эш, пожалуйста, — всхлипнула она, снова потянувшись к нему.

Он отвернулся.

— Уходи, — сказал он; голос его был грубым, ломким. — Иди и забери к-кинжал. Делай то, ради чего п-пришла сюда, Мэл Блэкберн.

И затем он исчез.

Двери захлопнулись за ним; от силы удара сотряслись стены, раскалывая последние остатки хрупкого мира, который они построили вместе.

Мэл рухнула на пол, прижавшись лбом к холодному камню, когда крик вырвался из её горла — звук горя столь чистого, что он мог бы расколоть небеса.

…

Алина провела утро, запершись в своих покоях, симулируя интерес к книге, которая не могла увлечь её беспокойный разум. Она перечитывала один и тот же

отрывок снова и снова, слова расплывались в бессмыслицу, пока разочарование не взяло верх. С тяжёлым вздохом она швырнула книгу на кушетку и откинулась на подушки, резко выдыхая. Скоро день украдёт её одиночество, и её выставят напоказ перед двором, тонущую в добрых пожеланиях и поздравлениях с браком, который она никогда не выбирала.

Обед ей принесли в тишине; служанки порхали вокруг с мягким шелестом юбок, старательно отводя глаза. Она не могла заставить себя играть роль хозяйки, когда вечер потребует от неё полного представления. После трапезы комнату захлестнул вихрь движения: швеи и камеристки набросились на неё, готовя к грандиозному зрелищу, которое ждало впереди.

Платье шили неделями — безупречное сочетание драконийского и фениксийского стилей, сплетённое в мастерском проявлении дипломатии. Белый шёлк составлял основу наряда, но он был позолочен вышивкой: толстые нити переплетались в сложные узоры с глубокими алыми самоцветами, утопленными между ними. Юбка была бескомпромиссным воплощением драконийского стиля — объемная, царственная, которую невозможно игнорировать. Вуаль, длинная и невесомая, ниспадала на её рога — нежный контраст с острой силой, которую они олицетворяли. Её золотые волосы были выпрямлены на фениксийский манер, в них были вплетены крошечные рубины, ловившие свет, словно угольки. Тёмный кайал обрамлял глаза, превращая её в нечто потустороннее — видение огня и света.

По крайней мере, она была одета. Женщины-фениксийки с их скандально открытыми платьями и смелой демонстрацией кожи не разделяли драконийской любви к тайне.

Алина повернулась к окну; её взгляд притянуло к бесконечной глади моря, где вдалеке маячил парящий остров валькирианцев. Возможно, там лежал её путь к побегу, возможно, если судьба будет добра, она найдёт способ ускользнуть и выкроить себе иную долю. Жизнь стали и ветра, битв и свободы. Но пока она будет играть свою роль, улыбаться, когда нужно, и ждать своего часа.

Последним штрихом стала тяжесть золотых колец, с благоговением надетых на каждый палец. Она сжала руку в кулак, безмолвно клянясь, что ни один принц — ни один король — никогда не отнимет их у неё. Если они захотят их забрать, им придётся забрать их вместе с её пальцами.

Тихий стук в дверь.

— Королева требует вашего присутствия, Ваше Высочество, — объявил слуга.

Алина подавила стон, поводя плечами, словно могла стряхнуть бремя ожиданий. Чего её мать может хотеть сейчас? Это всё ещё была странная, чуждая мысль — её мать, Провидица. Они не разговаривали с момента откровения, с её видения о проклятии и её настойчивости в том, что Мэл должна умереть, чтобы снять его.

Свита Алины тянулась за ней, как беспокойные тени, когда она шагала по роскошным залам; шёлк платья стелился вокруг неё рекой золота и лунного света. Слуги семенили по пятам, приподнимая тяжелые юбки, чтобы она не споткнулась, — нелепость, которую она презирала. Какой смысл в платье, для которого требуются четыре помощника просто для того, чтобы позволить ей идти? Раздражение бурлило под кожей, но она проглотила его, заставив себя принять спокойный вид, когда массивные двери в покои матери распахнулись.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Темнота встретила её как нежеланная рука, густая и непреклонная, поглощая свет из коридора. Алина замешкалась лишь на вздох, прежде чем жестом велеть слугам уйти.

— Мама?

Низкий стон донёсся с кровати, и в груди Алины всё сжалось.

Королева Сира лежала, свернувшись в шёлковой бездне простыней; её тело скручивало, словно в муках какой-то невидимой пытки. Лоб блестел от пота, влажная ткань была прижата ко лбу, дыхание сбивалось.

— Что случилось?

— Мои видения… — прохрипела королева, садясь с усилием, которое казалось мучительным. — Они становятся хуже. Я не смогу присутствовать на празднествах. Дай мне взглянуть на тебя.

Холод, не имевший ничего общего с температурой в комнате, пополз по позвоночнику Алины. Она осторожно приблизилась, остановившись у изножья кровати, где резные деревянные драконы нависали с балдахина; их освещённые огнём глаза, казалось, светились во мраке. Могла ли мать действительно видеть её в такой темноте?

— Они превзошли себя, — сказала королева; её взгляд блуждал по силуэту дочери.

Алина разгладила платье на бедрах; тяжёлая ткань зашелестела под пальцами.

— Оно красивое, — признала она, хотя не стала бы тратить дыхание на споры о его непрактичности с королевой. — Но мне нужно идти. Я не хочу опоздать на собственный праздник.

Ложь. Оставались ещё часы до того, как её призовут спуститься в королевской процессии, но она отчаянно хотела сбежать из удушливого воздуха этой комнаты.

Королева Сира проигнорировала её, похлопав по месту рядом с собой в приглашении. Алина не осмелилась сесть без помощи — не в этом чудовищном платье, — но шагнула ближе, положив неуверенную руку на кровать, не зная, ищет ли она способ успокоить мать или саму себя.

— Они идут, — прошептала королева голосом сырым и ломким.

Алина напряглась.

— Кто?

— Ведьмы.

Сердце её споткнулось, но она заставила себя сохранить самообладание. Какая-то её часть хотела фыркнуть, отмахнуться от этих слов как от безумного бреда женщины, лишившейся рассудка из-за собственных видений. И всё же — что, если она права? Мать называла себя Провидицей. Хотя Алина никогда не видела, чтобы та впадала в транс, ни разу не была свидетельницей божественной тени пророчества в её взгляде, она не могла отрицать тяжесть, звучавшую в голосе королевы.

— Всё начинается, — надавила королева; её карие глаза горели с пылом, от которого у Алины скрутило желудок.

— Что начинается, мама? — спросила она голосом, едва громче шёпота.

— Война.

Алина резко выдохнула.

— Мама, война закончилась сто лет назад.

Королева Сира покачала головой, откинувшись на богато украшенное изголовье; истощение прорезало морщины на её царственных чертах.

— Я видела это, Алина. Я видела конец всего. И это начинается сегодня.

Холодный ужас сжался вокруг рёбер Алины, выдавливая воздух из лёгких.

— Сегодня? — эхом отозвалась она, недоверчиво качая головой. — Мама, сегодня празднование моей помолвки. Сомневаюсь, что из-за этого разразится война, — она выдавила смешок, но он прозвучал пусто.

И всё же тревога грызла её.

Ей хотелось бежать.

Ей хотелось найти Эша, вложить свою ладонь в его и привязать себя к чему-то твердому, чему-то настоящему. Всегда были только они против всего мира, их связь оставалась непоколебимой под натиском долга и ожиданий. Но сейчас, сейчас Алина чувствовала себя по-настоящему совершенно одинокой.

— Однажды ты станешь прекрасной невестой-фениксийкой, — сказала королева, её взгляд смягчился, став далеким и скорбным. — Видения изменились. Ты будешь править фениксийцами, но не сейчас. Терпи, Алина. Это твоя судьба. Тебе придется пройти через ад и вернуться обратно. Вытерпи это.

Взгляд королевы скользнул по ней, остановившись на платье с выражением почти благоговения.

— Должна признать, это прекрасное красное платье.

Дыхание Алины перехватило.

— Мама, — прошептала она, — платье белое.

Выражение лица королевы не изменилось. Её губы сжались, взгляд оставался далёким, расфокусированным.

Дрожь проползла по позвоночнику Алины.

Она развернулась; тяжесть комнаты давила на лёгкие. Она бросилась к дверям, распахнув их с силой, напугавшей ожидавших снаружи служанок.

— Помогите мне, — выдохнула она. — Уведите меня отсюда.

Ей было всё равно, кто увидит.

Ей было всё равно, что подумают.

Всё, чего она хотела, — сбежать от смеха, сорвавшегося с губ матери, — смеха, который эхом разносился по коридорам, словно предвестник чего-то гораздо, гораздо худшего.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 46

Я завидую той любви, что связывает Хэдриана и его братьев. Я тоскую по братьям и сёстрам, по такой безусловной любви. Я никогда не знала, что такое настоящая любовь, пока не встретила Хэдриана — то, как он любит, так легко и так страстно, никогда не требуя ничего взамен. Словно любить тебя — это привилегия. Хэдриан и его братья великолепны, добры и самые яростные защитники своей семьи. Я не могу сдержать слёз радости, зная, что они считают меня частью своей семьи тоже. Не могу дождаться, когда наш сын встретится со своим отцом и дядями, чтобы быть благословлённым их любовью.

Табита Вистерия

Мэл стояла под светом солнца; небо полыхало расплавленным золотом и тлеющим оранжевым, но она ничего не чувствовала. Пустой призрак, бредущий через мир, нетронутый его красотой. Голоса вокруг неё сливались в гул, далёкий, словно она была погружена под толщу невидимых вод, уплывая всё дальше и дальше.

Кейдж задержался рядом с ней; его голос был резким, но тщетным, он провёл последние полчаса, призывая свою Виверну.

— *Даку, венире!* — Его команда прозвенела в вечернем воздухе, и, наконец, существо появилось — тень, разрезающая пылающее небо.

Даку был самым младшим из Виверн, единственным самцом среди их сестринства. Зверь Хейвен, Аяру, — старшая и мудрая. Ниша — такая же непостоянная и необузданная, как Кай. И Никс — Никс, которая была самой дикой из всех, близнец, связанный с душой зверя, что теперь спускался с небес.

Виверна приземлилась с яростным взмахом крыльев; её рев сотряс воздух, ядовитый хвост рассек землю. Кейдж шагнул вперед; одна лишь властность его присутствия усмирила существо, заставив подчиниться.

— Он мал, но стремителен. У тебя не должно возникнуть проблем с перелетом через земли ведьм. И он быстр, — сказал Кейдж; голос его был ровным.

Мэл лишь кивнула. Мысль о том, чтобы оседлать другую Виверну — не Никс, — вызвала тошнотворный спазм в желудке, но она не позволила себе почувствовать это. Не сейчас. Пусть ведьмы перейдут ей дорогу, она разорвет их на части без колебаний.

Однако мести придется подождать. Сначала ей нужен кинжал.

Ветерок закружился вокруг них, теплый и сухой, и она прошептала в него:

— Эш знает.

Выражение лица Кейджа не изменилось, но она почувствовала тяжесть его вопроса еще до того, как он заговорил.

— Как?

Она уже начала идти к ожидающей Виверне; конечности налились невысказанной яростью.

— Хейган, — ответила она голосом, пропитанным тихим ядом. — Остерегайся его, брат. В его сердце гниль.

Возможно, это была простая верность Эшу, ошибочная попытка защитить своего принца. Но всё же что-то в этом гвардейце-драконийце тревожило её.

Взбираясь на Даку, она медленно выдохнула, прижав два пальца к своему лбу.

— Пусть тени укажут тебе путь, брат.

Кейдж повторил её жест; его поклон был легким, но торжественным.

— Пусть тени укажут путь тебе.

С последним оглушительным рёвом Виверна взмыла в небо; земля внизу стремительно уменьшалась.

Сухой, удушающий зной Королевства Огня остался позади, когда Мэл пронеслась мимо великой стены; её нависшая громада была мрачным напоминанием о том, что было потеряно. Она не смотрела вниз, даже когда сердце прошептало вопрос, который она не смела задать: лежит ли тело Никс всё ещё там, брошенное, но никогда не забытое?

Она стиснула зубы, но не посмела оглянуться.

Вместо этого она погнала Даку быстрее; ветер рвал её волосы, тело подалось вперед вместе с инерцией зверя.

Она возвращалась домой.

…

Рен нашла брата купающимся в непринужденном очаровании принцессы Сахиры; его смех был богатым и беззаботным, пока они ждали начала вечернего пира. Большой зал сиял в теплом свете золотых люстр, слуги сновали между вельможами, как беспокойные светлячки; позолоченные кубки с медовым вином блестели в их руках. Маленькие изящные тарталетки, присыпанные мелким сахаром, разносили гостям, чтобы те оставались довольны в ожидании грандиозного выхода Алины и Захиана.

Ее взгляд скользнул по залу, отметив короля, окруженного кольцом советников и льстецов, хотя королева подозрительно отсутствовала. Странно. Особа королевской крови не должна пропускать такое событие.

Но больше всего её внимание привлек Эш Ахерон — Принц Огня стоял в стороне, застывший как статуя, с выражением лица, высеченным из камня. Алые гвардейцы маячили рядом с ним; их приглушенные перешёптывания лишь разжигали огонь в его глазах. Что-то вывело его из равновесия.

У Рен оставалось еще несколько мгновений свободы, прежде чем долг призовет её обратно, прежде чем ей придется покинуть веселье, чтобы вернуться наверх и присматривать за Верой. Валькирианка Фрея пока дежурила там, но Рен знала, что не может задерживаться надолго.

Она поерзала, одергивая тонкую ткань своего платья. В кои-то веки она решила одеться как леди, хотя тяжесть наряда раздражала её. Платье принадлежало её матери — изысканный оттенок глубокого синего, расшитый серебряными нитями, складывающимися в узоры волков и хрупких снежинок; его красота казалась неуместной в удушающей жаре королевства. Её волосы были украшены жемчугом, ниспадающим тонкими цепочками на лоб и вплетенным в синюю ленту, удерживающую её дикие локоны. Хрупкая вещь, этот наряд, а Рен ненавидела чувствовать себя хрупкой. Как Хесса и Сахира умудрялись увешивать себя золотыми цепями, с украшениями от ушей до носа, ослепительными, но громоздкими, было выше её понимания.

— Вот ты где, — сказал Брин, хватая её за руку; его ухмылка была острой, как у волка.

— От кого мы прячемся? — прошептала Рен, зеркально отражая его усмешку.

— От всех. — Его ухмылка стала шире. — Хотя мне определенно нравятся эти пустынницы. — Он глянул через плечо на двух принцесс, которые, в свою очередь, обменялись понимающим взглядом с Рен.

— Они красивые, — признала Рен, но её глаза снова метнулись к брату. Он был впечатляющей фигурой — высокий и стройный, с резкими, волчьими чертами лица и цепким взглядом охотника. Когда-то люди отмечали их сходство, но время развело их. Брин продолжал расти, в то время как Рен оставалась маленькой, хотя в их кровном родстве нельзя было ошибиться, когда они стояли бок о бок.

Его белые волосы падали на плечи, часть их была заплетена в воинском стиле их родины руками самой Рен, как того требовал обычай волверианцев в их королевстве. Чем сложнее коса, тем лучше воин, и Рен позаботилась о том, чтобы коса Брина была заплетена достойно.

Мелькание движения краем глаза привлекло её внимание, и она ухмыльнулась.

— О-о-о.

Кейдж Блэкберн скользнул в зал с грацией тени; его появление было таким незаметным, словно он был здесь всегда. Но заинтриговало её не его опоздание, а отсутствие его сестры.

Мэл исчезла.

Значит, она уехала за кинжалом.

Желудок Рен скрутило, но она сохранила бесстрастное выражение лица. Это всё ещё не объясняло, почему Принц Огня дуется, как побитый пёс. Они поссорились? Или он, наконец, узнал правду?

— Прекрати, — сказал Брин. — Не будь любопытной.

— Ты хуже меня.

— Нет, не хуже.

Рен проигнорировала его, схватив за запястье и потащив к Кейджу, который разглядывал картины на стенах с таким интересом, с каким можно смотреть на облупившуюся краску.

— Видишь что-нибудь, что тебе нравится? — поддразнила Рен, подкрадываясь к нему.

Губы Кейджа едва дрогнули — скорее мягкий оскал, чем ухмылка.

— Это мой брат, Брин Уинтер, из Дома Снега, — представила она, выжидательно глядя на Кейджа, ожидая, что он поприветствует его. Но виверианский принц остался невозмутимым, его тёмные глаза едва сместились.

— Приятно познакомиться, — ровно произнёс виверианец.

— Он тоже любит хандрить.

— Я не хандрю! — рявкнули они оба в унисон.

Ухмылка Рен была торжествующей. Кейдж слегка повернул голову, бросив на Брина косой взгляд, едва заметный, но оценивающий.

— Кейдж, будь паинькой и составь компанию моему брату, пока я схожу пригляжу за той маленькой ситуацией в твоей комнате.

Брин нахмурился.

— Зачем ты идёшь в его комнату? Рен, тебе стоит вести себя как леди, иначе, как говорит папа, ты никогда не найдёшь мужа.

Рен скривила губы в отвращении, сдувая прядь волос с лица.

— Следи за языком, братец, пока я не вымыла его с мылом за такие глупости. Я никогда не выйду замуж.

— Слава богам, — пробормотал Кейдж.

Рен крутанулась и сильно ткнула его локтем под рёбра, ухмыльнувшись, когда даже Кейдж издал сдавленное кряхтение от неожиданности.

— Не будь засранцем, Кейдж Блэкберн! — Она повернулась к Брину, глаза сверкали. — Тебе следовало бы защищать мою честь!

Брин лишь поднял руки в притворной капитуляции, едва скрывая смех.

— Я бы не посмел вмешиваться, сестрёнка.

И вот так просто двое мужчин разразились хохотом, разделяя невысказанное веселье за её счёт.

— Ладно, смейтесь надо мной оба! — фыркнула Рен, разворачиваясь на каблуках и удаляясь с преувеличенным раздражением. Но как только она скрылась за углом, на её лице расплылась злая ухмылка.

— Ох, мальчики, вы чертовски просты, — пробормотала она, вприпрыжку направляясь обратно в комнату Кейджа.

…

Спустя часы, проведённые за вином и под деликатные переборы мягкой музыки, наполнявшей воздух, наконец, объявили о начале грандиозного пира. Гостей проводили к их местам под сияние золотых люстр; длинные столы ломились от роскошных яств и шелков. Кейдж провёл большую часть вечера в неловком напряжении, вынужденный — не кем иным, как Рен — проводить время с её братом.

К его лёгкому удивлению, Брин Уинтер был совсем не похож на свою острую на язык, вечно болтающую сестру. И всё же в чём-то он был пугающе похож. Хотя Кейдж скорее утопился бы в расплавленной стали, чем признался бы в этом волверианской принцессе, он обнаружил, что переносит её присутствие легче, чем следовало бы. Возможно, потому что она обладала странной способностью заставлять тишину исчезать, и по какой-то причине он не возражал против этого.

— Ты кажешься честным принцем, — сказал Брин; его голос был густым, как северные снега его родины, когда он опустил ложку в дымящуюся миску с супом перед ними — драконийским деликатесом, густым от грибов и мёда. — Но я бы хотел знать, почему моя сестра в твоей комнате.

Кейдж фыркнул, его тёмные глаза блеснули лёгким весельем.

— Она присматривает кое за чем для меня.

Голубой взгляд Брина заострился, вспыхнув подозрением.

— Она ввязывается в неприятности?

Кейдж откинулся на спинку стула, постукивая пальцами по резному дереву.

— Я не так хорошо знаю Рен, но то немногое, что мне известно о волверианской принцессе, — это то, что неприятности, кажется, следуют за ней, куда бы она ни пошла.

Брин усмехнулся, кивая так, словно это была вселенская истина.

— Да, это моя сестра. Маленькая, но могучая, — его тон был полон гордости, и он зачерпнул ещё ложку супа. — Мне нужно знать, в какие неприятности она влезла, или я могу верить, что она справится?

Кейдж едва притронулся к еде, отодвинув миску. Он поест позже, когда с кухни пришлют что-нибудь съедобное в его покои.

— Она справится.

— Хорошо.

Кейдж открыл рот, чтобы сменить тему, расспросить о самом волверианском принце, когда мелькание движения через зал привлекло его внимание.

Хейвен.

Она вошла в Большой зал с грацией тени, её присутствие было незаметным, но острым, каждое движение — воплощение тихого властвования. Кейдж напрягся, тут же поднимаясь с места, чтобы поймать её взгляд. Она увидела его сразу, но не спешила приближаться, останавливаясь то тут, то там, чтобы обменяться любезностями со знакомыми лицами; выражение её лица оставалось нечитаемым.

Когда она, наконец, опустилась на стул рядом с ним, вежливо кивнув Брину, прежде чем повернуться к Кейджу, он не стал терять времени.

— Почему ты здесь?

— Я уехала прошлой ночью, — сказала она. — Я не могла пропустить празднование помолвки, Кейдж. Это выглядело бы неправильно, когда наша сестра замужем за Принцем Огня. Кай решил остаться.

Кейдж переварил эту информацию; мысли закружились. Интересно.

— Мэл уехала сегодня рано утром.

Острые чёрные глаза Хейвен блеснули непониманием.

— Что? Куда?

— Она взяла Даку и полетела домой.

Вздох сорвался с губ Хейвен, когда её пальцы скользнули к теневому змею, свернувшемуся вокруг её шеи, лаская его дымчатую форму с рассеянной фамильярностью, как раз когда подошёл слуга с дымящейся миской супа в руках. Она отказалась быстрым покачиванием головы.

— Ну, по крайней мере, Кай будет там, когда она прибудет, — сказала она скорее себе, чем ему. Затем нахмурилась. — Но почему она уехала сейчас? Она пропустит праздник помолвки.

Кейдж бросил на неё взгляд. Позже.

Она прочла его выражение мгновенно. Она всегда так делала. Хейвен отсутствовала недолго, но в её отсутствие казалось, что прошла целая жизнь.

— Как наши родители? — спросил Кейдж уже мягче.

— Волнуются, — прошептала Хейвен.

— Были проблемы при перелёте через пустошь?

— Нет, никаких.

Но в её тоне было что-то, что заставило Кейджа взглянуть на неё внимательнее. Пальцы Хейвен сжались на кубке перед ней, но пить она не стала. Вместо этого она наклонилась ближе, понизив голос.

— Это было крайне странно, Кейдж. Вся земля казалась… пустой. И выглядела пустой. Словно всю жизнь из неё выкачали. Словно ведьмы исчезли.

— Ну, земля всегда пустынна, когда Кай патрулирует. По крайней мере, так он утверждает.

Хейвен покачала головой, лицо её было серьёзным.

— В этот раз всё иначе, Кейдж. Это чувствовалось… намеренным. Не так, словно они прятались от патрулей, а словно они были где-то ещё.

Медленная, тревожная мысль закралась в его разум.

Он позволил взгляду скользнуть по залу, сканируя лица собравшейся знати, мерцание свечей, отражающееся в шелках и золотых кубках, в сверкающих платьях и высоких воротниках. Море богатства и декаданса. И всё же желудок скрутило от дурного предчувствия.

Вера уже доказала, что ведьмы могут проникать в замок, безупречно смешиваясь с прислугой. Если она смогла это сделать, сколько других последовало за ней? Сколько

улыбающихся придворных были не теми, за кого себя выдавали? Слуги, разливающие вино, гости, шепчущиеся над едой, — сколько из них наблюдали, выжидали?

Наверняка у него паранойя. Если бы в зале были ведьмы, Фейри почуяли бы это. Принцесса Флора Хоуторн с её острым, всезнающим взглядом — уж она бы точно их увидела.

Но когда его тёмные глаза обыскивали комнату в поисках безошибочно узнаваемого каскада серебряных волос, желудок сжался.

Её там не было.

Как и её сестёр.

— Ты видел Флору Хоуторн? — резко повернулся он к Брину.

— Кейдж, в чём дело? — Хейвен выпрямилась рядом с ним, чувствуя, как в нём внезапно возросло напряжение.

Его руки сжались в кулаки по бокам.

— Ничего, — сказал он, но слово отдавало ложью. Его тело уже двигалось, поднимаясь из-за стола. — Оставайся здесь. Мне нужно поговорить с Рен кое о чём. Я скоро вернусь.

Кейдж двигался по замку с тихой точностью тени, выражение его лица было маской холодного безразличия, не выдающей тревоги, свернувшейся в животе. Его острые глаза, однако, впитывали всё — мерцание факелов на камне, тяжёлую тишину, давившую на коридоры как предзнаменование. Все души собрались в Большом зале на празднование помолвки, за исключением нескольких заметных отсутствующих. Королева Сира, прикованная к постели одной из своих печально известных мигреней. Мэл, которая уже исчезла в ночи. И Алина с Захианом, которые должны были вскоре появиться перед тем, как их помолвка будет официально скреплена.

А затем была Флора Хоуторн.

Или, вернее, её отсутствие.

Принцессы Фейри нигде не было видно. Как и её сестёр, Уиллоу и Сьерры.

Тонкая струйка страха поползла по его позвоночнику.

Кейдж запрокинул голову, глядя на тёмную фигуру, сидящую на каменных арках.

— Спирокс, найди Фейри.

Теневой ворон взъерошил крылья, каркнул один раз в знак согласия и взмыл в пустоту замка.

Кейдж резко выдохнул, поправляя манжеты рукавов, и продолжил путь, следуя молчаливой тропой, которую Спирокс прокладывал для него через извилистые коридоры. Он не мог объяснить напряжение, осевшее глубоко в костях, колющее осознание того, что что-то не так. Замок казался… гулким. Опустевшим.

Где Алая гвардия?

Почему воздух отдаёт чем-то гнилым?

Спирокс издал резкое карканье впереди него, зависнув у двери. Кейдж замедлил шаг, сузив глаза. Комната Флоры.

Он постучал, ожидая ответа.

Тишина.

Спирокс яростно захлопал крыльями; тревожность в его движениях нервировала. Кейдж дёрнул ручку — заперто. Его беспокойство усилилось.

Собравшись с духом, он врезался плечом в дверь. Она застонала, но не поддалась. Ещё раз. Дерево содрогнулось, но осталось упрямым. С третьим, жестоким толчком дверь распахнулась под ним, и Кейдж ввалился внутрь, едва сумев удержаться на

ногах. Он раздражённо выдохнул, стряхивая пыль с рукавов, благодарный, что никто не стал свидетелем столь неизящного появления.

Затем он поднял взгляд, и дыхание в его лёгких замерло.

Комната, выполненная в драконийском стиле, была очень похожа на его собственную — позолоченная чрезмерным декором, богатые красные и золотые тона, задрапированные поверх светлого дерева. Балконов не было, только высокие окна, едва достаточные, чтобы пропускать солнечный свет.

И всё же самым грандиозным в комнате была тишина.

Неестественная, удушающая тишина.

Три сестры-Фейри сидели за столом в жуткой неподвижности. Не шевелясь. Не моргая.

Кейдж сделал шаг вперёд, его мышцы напряглись, каждая клетка его существа кричала об опасности.

Что-то было не так.

Флора сидела во главе стола, слегка опустив лицо; дреды падали ей на плечо толстыми белыми канатами. Самые их кончики были тёмными. Красными. Такими же были её руки, деликатно покоящиеся на столе.

Кейдж подошёл к ней, колеблясь лишь мгновение, прежде чем протянуть руку.

Осторожно он приподнял её подбородок.

У него перехватило дыхание.

Единственная, идеальная линия перерезала её горло; кожа разошлась так чисто, что это выглядело почти изящно. Глубокий багрянец пролился на грудь, пропитывая ткань платья, собираясь на столе лужей в гротескной демонстрации элегантности.

Её сестёр постигла та же участь.

Убийство, исполненное с точностью. С мастерством. С умыслом.

Дверь за его спиной со щелчком захлопнулась.

Медленно Кейдж выпрямился.

В дверном проёме стояла фигура; её силуэт был очерчен тусклым светом факела.

Женщина.

Молодая.

Знакомая.

Опасно злобная улыбка расцвела на её лице.

— Вера? — Голос Кейджа был едва громче шёпота. Его разум боролся с тем, что видели глаза. Это была она, и всё же… это была не она. Сходство было пугающим. Идентичным, даже. Но было что-то неправильное, что-то в воздухе, что приводило каждый инстинкт в его теле в боевую готовность.

Тёмные брови девушки слегка сошлись на переносице, прежде чем веселье вспыхнуло в её глазах.

Спустя удар сердца она подняла руки, и зелёная магия затрещала на её пальцах, как лозы огня. Прежде чем он успел среагировать, взрыв силы вырвался из её ладоней, врезаясь ему в грудь.

Боль пронзила его, когда его отшвырнуло назад; тело столкнулось с тяжелым деревянным столом. От силы удара ножки стола подломились под его весом, и звук трескающегося дерева эхом разнёсся по комнате, когда Кейдж рухнул на пол среди обломков.

Голова шла кругом.

Рёбра горели огнём.

Но больше всего его тревожило то, как она стояла над ним, ухмыляясь.

Она присела на корточки, скрючив пальцы; её ногти скользнули по его щеке в издевательской пародии на любопытство. Медленная, намеренная царапина — ровно настолько, чтобы ужалить.

Её взгляд метнулся к телам, окружающим их, затем обратно к нему; губы приоткрылись, язык мелькнул, словно она могла попробовать хаос, висящий в воздухе, на вкус.

Затем она прошептала:

— Откуда ты знаешь мою сестру?

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 47

Это ужасает: как легко все те, кого ты так сильно любишь, могут повернуться к тебе спиной.

Табита Вистерия

Рен развалилась на кровати Кейджа, раскинув руки в стороны; пальцы лениво выводили узоры на тонкой ткани, пока она пялилась в потолок, утопая в скуке. Матрас под ней был мягче её собственного, подушки — пышнее, набитые отборным утиным пухом; этот возмутительный факт лишь ещё больше портил ей настроение. Она фыркнула, беспокойно поёрзав, на мгновение утешившись мысленным образом Кейджа и Брина, вынужденных вести натянутую беседу, захлёбываясь в неловком молчании. Эта мысль вызвала смешок на её губах — краткое бегство от нарастающего раздражения.

— Так каков именно план, Рен?

Голос Веры прорезал тишину, резко контрастируя с её обычным сухим недовольством. На этот раз в нём было что-то холодное — что-то, от чего медленный, ползучий озноб пробежал по позвоночнику Рен.

Она нахмурилась, склонив голову в сторону ведьмы.

— Что ты имеешь в виду?

— Вы все держите меня запертой в этой комнате уже несколько дней. Сколько ещё вы собираетесь держать меня здесь?

Нос Рен зачесался, но даже пока она почёсывала его, она почувствовала, как медленное кольцо тревоги сжимается вокруг неё. Оно накрыло её, как тяжёлое шерстяное одеяло, удушливое и непрошеное.

— Осталось недолго, — осторожно ответила она. — Когда Мэл вернётся с кинжалом и снимет проклятие, тогда…

— Тогда что? — перебила Вера; её голос был окрашен чем-то болезненным. — Вы мне доверитесь?

Одеяло тревоги было сорвано лишь для того, чтобы смениться чем-то худшим — чем-то удушающим, подушкой сомнения, прижатой к лёгким. Рен почувствовала это в груди раньше, чем увидела на лице Веры. Ведьма смотрела на неё; черты её лица исказились чем-то почти полным сожаления. Почти… скорбным.

— Тебе не следовало доверять мне, Рен.

Слова упали, как камень в стоячую воду. Круги холода пошли по поверхности.

Рен с трудом сглотнула.

— О чём ты…

— Я думала, времени будет больше, — продолжила Вера, качая головой. — Я не думала, что у Мэл уйдёт столько времени, чтобы добыть кинжал.

Игла ужаса вонзилась в позвоночник Рен, запуская когти ей в рёбра.

— Что ты несёшь? — потребовала она.

Вера склонила голову, взгляд её стал расчётливым.

— Где твой брат, Рен?

— В Большом зале, — настороженно ответила она, выпрямляясь на кровати. — В окружении гостей и слуг. И в зале, полном стражи.

Вера вздохнула, звук заставил пульс Рен забиться предупреждающим набатом.

— А ты уверена, что все эти слуги — те, за кого себя выдают?

Желудок Рен скрутило.

— Что ты имеешь в виду?

Медленная, лишённая веселья улыбка тронула уголки губ Веры.

— Помнишь ту служанку, которую я провела в замок? — пробормотала она. — Это был не единственный раз, Рен.

Тошнотворная тишина повисла в воздухе.

Рен соскочила с кровати.

— Что ты наделала?

Вера откинулась назад; её длинные белые волосы рассыпались по плечам, как пряди зимнего инея.

— Я? — задумчиво произнесла она. — Ровным счётом ничего. Я была здесь, не так ли? Запертая в этой комнате. Ты же видела меня? — Её фиолетовый взгляд вспыхнул, острый и знающий. — Однако, — добавила она, наклонив голову, — на твоём месте я бы нашла твоего брата. Быстро. Сомневаюсь, что к концу ночи там останется хоть кто-то.

Воздух в лёгких Рен стал ломким.

Ложь. Это должна быть ложь. Отвлекающий манёвр. Уловка.

И всё же…

Вера была ведьмой. Она могла уйти в любой момент, вырваться на свободу одним шёпотом магии. Она этого не сделала. Она оставалась взаперти, выжидая. Зачем?

Рен не осталась выяснять.

Первый крик пронзил коридоры замка.

И она побежала.

…

Алина вошла в полутёмную комнату; её платье шелестело по полированному полу при каждом шаге. Комната была скромной, меньше, чем ожидалось, но огромный балкон заливал её золотым светом: умирающее солнце подожгло горизонт. Длинный деревянный стол тянулся между ними, уставленный деликатесами, которые она не могла заставить себя проглотить. Захиан уже сидел, держа в руке бокал тёмно-красного вина, лениво перебирая ассорти из фруктов и копчёной ветчины.

— Ты выглядишь чудесно, — заметил он в тот момент, когда она вошла; голос его звучал гладко, непринуждённо.

Алина позволила служанкам усадить её на стул напротив него; из-за огромного стола и её тянущейся вуали беседа казалась почти абсурдной. Как она должна была создать хоть какую-то видимость близости с мужчиной, которого едва знала, когда даже их рассадка походила на переговоры?

Она поколебалась, прежде чем спросить:

— Ты нервничаешь?

Она тут же мысленно отругала себя за вопрос — слишком личный, слишком откровенный.

Захиан усмехнулся, по-видимому, позабавленный её попыткой светской беседы.

— Всё в порядке, принцесса. Конечно, я нервничаю. Я должен жениться на Принцессе Огня, самой прекрасной драконийке из когда-либо живших. Любой мужчина нервничал бы, ты не находишь?

Алина слегка наклонила голову, размышляя.

— Я не мужчина, — задумчиво произнесла она сухим тоном. — Поэтому, видимо, я не нахожу.

Его смех был лёгким, приятным звуком, мягко отозвавшимся эхом между ними.

— Принцесса, в моём королевстве женщины-фениксийки не согласились бы с таким утверждением.

Этому, по крайней мере, стоило порадоваться. Но мимолётное тепло его слов мало чем помогло прогнать тени из её разума. Вопреки здравому смыслу, она украдкой бросила взгляд через балконные двери; её взор потянулся к горизонту, где вдалеке в тумане висел парящий остров валькирианцев. Она гадала, думает ли о ней Кай. Помнит ли он, какой сегодня день. Есть ли ему дело. Или она исчезла из его мыслей так же легко, как свеча, задутая ветром?

Она подавила боль. Скоро. Скоро она проложит свой собственный путь, сразится за свою судьбу.

Голос Захиана вернул её обратно.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

Алина кивнула, прежде чем осознала, что вуаль, скорее всего, скрыла это движение.

— Да, просто устала. — Она повернулась к ближайшей служанке, собираясь попросить чаю, но никто из них не пошевелился. Они стояли неестественно тихо, спины прямые, как у статуй, глаза пустые.

Странный холодок пополз по спине Алины.

— Что-то случилось? — спросила она, но ответом ей была лишь тишина.

Тревога скользнула в живот. Она повернулась к Захиану, собираясь спросить, заметил ли он странное поведение слуг, но прежде чем она успела, тяжёлые двери распахнулись, и внутрь шагнул Хейган.

Алина с трудом сдержала стон разочарования. Неужели именно сегодня вечером он должен был маячить здесь, как нежелательная тень?

Она демонстративно проигнорировала его, щёлкнув пальцами в попытке подозвать другую служанку. И снова никто не пошевелился.

— Они не ответят тебе, — сказал Хейган.

Алина напряглась.

— Почему нет?

Выражение лица Хейгана не изменилось.

— Потому что они под заклятием.

Внутри у неё всё похолодело.

— Заклятием?

— Они могут видеть и слышать всё происходящее, — продолжил он, неспешно шагая вперёд, — но не могут пошевелить ни единым дюймом своего тела.

Захиан вскочил на ноги; ножки стула резко скрежетнули по камню. Напряжение в комнате сгустилось, обвиваясь вокруг них, как змея.

— Что это значит? — потребовал ответа Захиан.

Хейган резко выдохнул, словно его терпение уже иссякало. Его черты исказились, раздражение вспыхнуло во взгляде.

— О, да заткнись ты.

И затем зелёный дым сорвался с его пальцев.

Прежде чем Алина успела среагировать, невидимая сила ударила Захиана, швырнув его обратно в кресло, которое уже было поднято невидимыми руками. Дыхание вырвалось из него сдавленным хрипом.

Алина вскочила на ноги, руки дрожали от сдерживаемой ярости.

— Не смей причинять ему вред, Хейган.

Алый гвардеец склонил голову; веселое недоумение мелькнуло на его лице.

— Или что?

Насмешка в его тоне была невыносима. Разум Алины лихорадочно искал план, какой-нибудь способ сбежать, но давящая тяжесть платья, туго затянутый корсет — всё в её наряде было создано для красоты, а не для битвы. Даже если бы она рванула к двери, она никогда не успела бы вовремя.

Хейган вздохнул.

— Вообще-то, если подумать… он мне не особо нужен здесь для этого разговора.

— Что…

Всё произошло слишком быстро.

Хейган шагнул за спину Захиана и резким, лёгким движением сломал ему шею.

Тошнотворный хруст эхом разнёсся по комнате.

Алина закричала.

Она пошатнулась назад, рухнув в своё кресло; конечности онемели, мир внезапно накренился. Тело принца повалилось вперёд, голова неестественно свесилась набок.

Она не могла дышать.

— Что ты наделал? — выдавила она; голос дрожал.

Хейган едва удостоил труп взглядом.

— О, мне жаль. Ты правда хотела выйти за него? — Он ухмыльнулся, и это некогда красивое лицо исказилось в нечто чудовищное. — Да ладно тебе, Алина. Я оказал тебе услугу. Ты просто не хочешь этого признать.

Его голос, когда-то обаятельный, теперь сочился чем-то маслянистым и жестоким.

Алина могла лишь смотреть, руки на коленях тряслись так сильно, что ей казалось, они никогда не остановятся.

— Зачем? — прошептала она; слово разбилось, как осколки стекла.

Хейган резко выдохнул — вздох был пропитан чем-то тёмным и зазубренным — и прислонился к столу; его присутствие растеклось тенью между Алиной и безжизненным принцем. Мерцающий свет свечей мало чем смягчал жестокость, исказившую его некогда знакомое лицо.

— Потому что мой отец был драконийским ублюдков, — его голос звучал почти небрежно, но яд в нём обжигал. — Я никогда его не видел. Он был лордом, который трахнул мою мать, а потом решил, что она недостойна брака. Когда она сказала ему, что носит его ребёнка, знаешь, что он сделал? Он попытался задушить её.

Жестокая ухмылка призраком скользнула по его губам, глаза сверкнули чем-то извращённым и безнадёжным.

— Чего он не знал, конечно, так это того, что моя мать была ведьмой под мороком драконийки. Она наложила на него приворот, заставила жениться на себе, а потом перерезала ему горло, пока он спал. Она унаследовала всё, и когда я родился, мне дали его титул, его имя, его права. — Он обвёл рукой комнату. — Вот так я и оказался в этом замке, притворяясь одним из вас. Частью благородного двора. Достаточно близко к глупому маленькому Принцу Огня и его наивной сестре, чтобы сыграть свою роль безупречно.

Дыхание Алины стало поверхностным, тело напряглось, когда слова вонзились в неё, словно клинок.

— И вот он я, — продолжил он голосом, полным издёвки, — трачу всю свою грёбаную жизнь, притворяясь, что мне не всё равно, притворяясь, что люблю,

притворяясь, что мне есть дело до моего так называемого лучшего друга и пресной маленькой принцессы, которая боготворила землю, по которой я ходил, — его смешок был низким, дразнящим. — Тебе стоило видеть себя, Алина. С этими щенячьими глазами, в отчаянии, думающая, что влюблена в меня. — Его взгляд обострился от абсолютного веселья. — Было чудесно наблюдать, как ты распадаешься на части. Знать, что ты у меня на ладони, забрать у тебя всё, лишить тебя невинности, словно ты была чем-то драгоценным. А потом, когда ты тонула во мне, я получил возможность смотреть, как ты разбиваешься вдребезги, когда я ушёл.

Алина задрожала. Слёзы начали падать прежде, чем она смогла их остановить, стекая по щекам безмолвными дорожками предательства. Его слова били по ней, как камни по хрупкому стеклу, каждый слог надламывал что-то внутри.

Нет.

Это не может быть правдой.

Это должно быть ложью.

Она знала Хейгана всю свою жизнь. Он был её самым близким спутником, её партнёром по спарингу, её первой любовью, мальчиком, который целовал её под лунным светом, который шептал обещания ей в губы. Они выросли вместе. Сражались вместе.

А теперь — это.

Воспоминания, которыми она когда-то дорожила, свернулись во что-то гнилое.

Её желудок жестоко скрутило при мысли о его руках на её теле, о том, что они делили в темноте. Близость, которую она когда-то ценила, теперь казалась осквернённой, превращённой в жестокую игру, о которой она даже не подозревала.

— Ты лжёшь, — прошептала она хриплым голосом, но знала правду. Знала с того момента, как слова слетели с его губ.

Хейган выдохнул через нос; тень нетерпения скользнула по его лицу. А затем, одним движением руки поверх лица, его рога исчезли.

Желудок Алины ухнул вниз.

Его некогда тёплые карие глаза перетекли в безошибочно узнаваемый оттенок фиолетового.

Дрожащий вздох сорвался с её губ.

— Ты…

— Чернокнижник. — Его ухмылка стала острее.

Алина скрутилась в сторону, и её вырвало. Содержимое желудка выплеснулось на полированный пол, желчь подступала к горлу, пока реальность давила её. Хейган лишь наблюдал, равнодушно; его смех заполнил пространство, словно молот, бьющий по стеклу, разбивая вдребезги то немногое, что осталось от её самообладания.

Она вытерла рот рукавом платья; мир кружился.

— Но ты наполовину драконiец, — прохрипела она; разум цеплялся за логику, за что-то твёрдое, чтобы удержаться.

В тот миг, когда слова слетели с её губ, улыбка Хейгана исчезла, сменившись чем-то грубым и звериным.

— Заткнись, — прошипел он; всё его тело натянулось от ярости. — Я не драконiец. Эта мразь, а не человек, никогда не будет ничем иным, кроме как проклятым инструментом, даровавшим моей матери способ привести меня в этот мир.

Алина сглотнула, пытаясь успокоиться.

— Мне жаль, что с тобой это случилось.

Губы Хейгана скривились в веселье.

— Нет, не жаль. — Он склонил голову, глаза блестели. — Видишь ли, в чём дело, Алина. Я рос с тобой. Я знаю, когда ты лжёшь.

Его движения были слишком быстрыми. Он оттолкнулся от стола, шагая к ней с непринуждённой угрозой.

Алина встала и попятилась, инстинкты кричали ей бежать.

Она не сделала и двух шагов.

Его рука сомкнулась на её горле.

Она ахнула, когда он швырнул её обратно в кресло; хватка была крепкой, но пока не давящей. Просто предупреждение. Обещание.

— Чего ты хочешь? — прохрипела она.

Его пальцы сжались сильнее, ровно настолько, чтобы у неё перехватило дыхание.

— Видеть, как ты страдаешь, Алина, — его голос был низким, насыщенным жестокостью. — Это всё, чего я когда-либо хотел. Видеть, как вы с Эшем страдаете. Я мечтал об этом моменте всю свою жизнь. Я представлял его сотней разных способов. Как я, наконец, смогу сломать тебя. Как заставлю тебя заплатить за то, что у меня отняли. Моё королевство, мой дом.

Он разжал руку, и Алина с шумом втянула воздух; в груди жгло.

— Это было давно, — прокаркала она.

Самоконтроль Хейгана рухнул.

— Вы пытались это исправить? — прорычал он, его лицо оказалось в дюймах от её лица. — Нет. Вы все сидите в своих хорошеньких дворцах, смеётесь, гарантируя, что ведьмы никогда не вернут власть. И почему? — Его пальцы впились в подлокотники её кресла, костяшки побелели. — Потому что вы все знаете правду. Вы знаете, насколько мы могущественны. Вы знаете, что вы натворили. Семь королевств дрожат при мысли о том, что мы восстанем снова.

Алина покачала головой, голос срывался.

— Хейган, я не имею к этому никакого отношения.

Его лицо исказилось от отвращения.

— Не начинай, Алина. Я не выношу это жалкое выражение на твоём лице. — Его дыхание было тяжёлым, неровным. — Твой предок — принцесса Этни Ахерон — причина, по которой мы здесь сегодня. Из-за её отца, который возненавидел ведьм за нарушение брачной клятвы. Из-за него мой народ потерял всё. Так что не сиди здесь и не говори мне, что ты ни при чём. — Алина вздрогнула, когда его голос сорвался на рык. — Твоя кровь — вот причина, по которой у меня нет дома.

— Хейган…

— Заткнись.

Он схватил её за руку жестокой хваткой, выдергивая из кресла с силой бури, ломающей хрупкую ветку. Пол встретил её карающим ударом, воздух покинул лёгкие с испуганным хрипом. Прежде чем она успела отползти, он навалился на неё, его вес давил вниз как непреодолимая сила, запирая её под собой.

Блеск стали поймал тусклый свет, и пульс Алины замер от ужаса. Кинжал был у него в руке. Что он собирается делать?

Резким рывком он сорвал вуаль с её головы, пальцы впились в лицо, сжимая так, что она готова была поклясться, кости треснут под давлением. Его дыхание было тёплым, жестоким на её коже.

— Не двигайся, Алина. Чем больше ты будешь дёргаться, тем больнее будет.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Её тело дрожало, паника вонзила когти в грудь. Она боролась с ним, отчаянно пытаясь увидеть, где кинжал, что он задумал, но его хватка была безжалостной, его тело — железной тюрьмой над ней. Она не могла пошевелиться. Не могла сбежать.

— Что ты делаешь? — Её голос дрожал от вкуса ужаса. Она лягалась, извивалась, боролась с ним изо всех сил. — Хейган, пожалуйста, пожалуйста, прекрати! Не надо — что бы ты ни собирался делать…

Боль ударила как молния, ослепляющая, безжалостная, неумолимая.

Крик вырвался из её горла, дикий и рваный, разбиваясь о стены, когда её тело выгнулось в агонии. Кровь брызнула ей на лицо, тёплая и густая, рисуя на полу жуткие узоры. Металлический запах наполнил лёгкие, удушая её.

Как бы яростно она ни сражалась, как бы отчаянно ни билась, он не дрогнул. Он был прав, чем больше она сопротивлялась, тем сильнее жгло.

— Хейган, пожалуйста! — Её голос сломался, мольбы тонули в жестокой тишине комнаты. — Прекрати! ПРЕКРАТИ! Я сделаю всё что угодно, пожалуйста, я не могу, я не вынесу…

Она зарыдала, звук растворился в хриплых вздохах. Тело бесконтрольно дрожало под ним, мука превратила её ни во что иное, как в сплошную оголённую, трепещущую рану.

А затем, где-то посреди ужаса, посреди крови и агонии, Алина ушла.

Разум освободился от страданий, уплывая далеко-далеко, за стены, за пределы боли. Она очутилась на острове, где воздух целовал землю более нежными руками, где женщины стояли гордые и бесстрашные, владея сталью и перьями, где они знали, как сражаться, как никогда больше не быть бессильными.

Зрение затуманилось, но она отказывалась смотреть на него. Вместо этого она сосредоточилась на Захиане. На его безжизненной фигуре, поникшей в кресле, на красных глазах, навсегда лишённых озорства, на губах, которые никогда больше не изогнутся в кривой усмешке. Он умер прежде, чем смог сразиться.

Она не совершит той же ошибки.

Если она переживёт это, она поклялась кровью, покрывающей пол, огнём, всё ещё тлеющим внутри неё, она убьёт Хейгана сама.

И никто, никто никогда больше не причинит ей боль.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 48

Я выросла, изучая язык сандхии, потому что мне всегда нравилось учить разные языки. Недавно я обнаружила, что у них нет способа сказать «Я тебя люблю». Вместо этого они говорят: «Ваа каир джанта», что означает «мы падаем вместе». Для народа пустыни умереть за другого — величайшая форма любви, какая только может быть, и поэтому это единственный способ выразить чувство любви на их языке. Ваа каир джанта.

Табита Вистерия

Кейдж сохранял идеальную дистанцию, его тело было напряжено, как у змеи, готовой к броску. Его тёмные глаза скользили по ведьме — зеркальному отражению Веры, но с едва уловимыми отличиями. Её глаза были круглее и лишены той остроты, что была у её сестры. Волосы чуть короче, менее растрёпанные. Достаточно похожа, чтобы ошибиться, но достаточно отлична, чтобы почувствовать неправильность. Она преграждала путь к двери, словно палач, ожидающий последнего приказа. Его единственный выход.

— Где моя сестра? — Голос ведьмы был шёлком, переплетённым со сталью.

Кейдж небрежно пожал плечами.

— Понятия не имею.

— Лжец. — Обвинение сорвалось с её губ шипением, фиолетовые глаза сверкнули чем-то ядовитым.

Он кивнул в сторону трёх неподвижных фигур за столом; их безжизненные тела были мрачной картиной предательства.

— Зачем ты убила их?

Медленная, довольная улыбка изогнула её губы — хищник, наслаждающийся собственной дикостью.

— Потому что к этой ночи все принцы и принцессы будут казнены. — Она вздохнула, почти с тоской. — И боюсь, это означает, что ты не покинешь эту комнату живым.

Кейдж выдохнул; его скука была нарочитой, поза — намеренно расслабленной.

— Просто развернись и уходи, — сказал он голосом мягким, как колыбельная. — Я бы не хотел причинять вред сестре Веры.

Слова возымели прямо противоположный эффект. Пальцы ведьмы дёрнулись, и магия — густая, пульсирующая зеленью — развернулась с её рук, как живое, извивающееся существо.

Жаль. Он правда не хотел её калечить.

Кейдж Блэкберн никогда не был слаб. Его ум был острым, тело — ещё острее. Учёный, да, стратег, но не чужак на войне. Он был виверианец. А виверианин их порода не создана для милосердия.

Прежде чем ведьма успела среагировать, прежде чем её заклинание успело ударить, он сдвинулся с места.

Один удар сердца — он пересёк комнату, беззвучный, как кошмар. В следующий миг он был уже на ней. Его пальцы сомкнулись на её горле, впечатывая её в холодную каменную стену; удар сотряс её кости. Её магия мигнула, запнулась.

— Зачем ты это делаешь? — Его хватка оставалась твёрдой — достаточно крепкой, чтобы контролировать, достаточно свободной, чтобы продлить разговор.

Губы ведьмы изогнулись; дыхание было неровным, но высокомерие — непоколебимым.

— Тебе стоило бы меньше беспокоиться о «почему» и больше тревожиться о том, где сейчас твои близкие.

Тихий холод пронёсся по венам Кейджа. Он не вздрогнул. Он не показал этого.

— Убийство нас не сотрёт прошлое.

Она рассмеялась. Рассмеялась. Горький, исковерканный звук.

— Ничто не сотрёт прошлое, — её голос сменился на что-то более тёмное, безумное. — Но стереть другие королевства с лица земли? Это было бы отличным началом.

Медленное, намеренное моргание было единственным признаком того, что Кейдж опешил.

Уничтожение других королевств.

Не просто месть. Не просто война. Тотальное истребление.

Он сохранил лицо пустым, тон — безразличным.

— Ты не настолько глупа, чтобы думать, что сможешь обрушить семь королевств.

Ухмылка ведьмы стала шире, обнажая зубы.

— Нет. — Её голос упал почти до шёпота, пронизанного тихой злобой. — Но семь Домов? Вот это — достижимая мечта.

Её пальцы скрючились.

Взрыв магии ударил его прямо в живот — обжигающая волна чистой силы, отшвырнувшая его назад; он врезался в обломки стола. Боль расцвела в рёбрах, раскалённая добела и карающая, но он едва успел осознать её, заметив удаляющуюся фигуру ведьмы, прежде чем она исчезла за дверью, растворяясь в замке.

Принц Тьмы выдохнул, медленно и контролируемо, поводя плечами и выбираясь из-под обломков.

Ведьмы не просто искали возмездия.

Они пришли, чтобы сжечь мир дотла.

…

Вера не смогла сдержать смешок, стоя перед открытым дверным проёмом. Крики, эхом разносившиеся по величественным коридорам, казалось, только нарастали, превращаясь в преследующую симфонию хаоса. Время утекало сквозь пальцы, как мелкие песчинки, и она не могла позволить себе потратить впустую ни мгновения. Замок казался жутко пустым; его тишина была тревожным контрастом далёкому вою, поднимавшемуся снизу, вероятно, из Большого зала, где вечернее веселье обратилось в резню.

Алый гвардеец, стоявший перед двустворчатыми дверями, едва удостоил её взглядом, прежде чем отступить в сторону, пропуская без колебаний. Проникновение было почти слишком лёгким. Годами ведьмы безупречно вплетались в ткань драконийского общества, скрытые мороком и незамеченные, словно волки, притворяющиеся овцами. Многие поднялись по служебной лестнице в Алой гвардии; те, кто не был ведьмами или чернокнижниками, были… заменены.

У королевской семьи не было защиты. Никого, кто мог бы их прикрыть. Ни часовых, ни воинов, стоящих между ними и их судьбой.

Не то чтобы это имело значение. К тому времени, как ночь достигнет своего горького конца, от Дома Пламени останется лишь зола. Мэл Блэкберн вернётся с

кинжалом. Она пронзит сердце Эша Ахерона, оборвав его жизнь, а вместе с ней и проклятие. Остальная часть его семьи будет уже давно мертва.

Вера шагнула внутрь, окидывая взглядом полутёмные покои. Как же жалко. Королева Сира сидела, прислонившись к высокому изголовью кровати, спина прямая, лицо ничего не выражает. Она не плакала и не молила. Вместо этого её голос был спокоен, когда она пробормотала:

— Сделай это быстро.

Вера вздохнула, придвигая стул от роскошного письменного стола и ставя его у изножья кровати королевы. Она сложила руки на коленях, откинувшись на спинку, словно устраиваясь для вечера приятной беседы.

— И зачем же мне это делать?

Взгляд королевы оставался острым, непоколебимым.

— Где мои дети?

Вера позволила взгляду поблуждать, впитывая великолепие покоев. Высокие, внушительные книжные полки тянулись вдоль стен, заполненные фолиантами, которые для постороннего служили лишь украшением, — но Вера знала лучше. Она провела бесчисленные ночи под этой самой крышей, замаскированная под одну из многочисленных служанок королевы, слушая, как та читает вслух; её голос разносился в тихие ночные часы. Как же это было утомительно.

— Ты и правда любишь свои книги. — Она обратила внимание на позолоченный корешок, раздражённая тем, сколько часов потратила впустую, изображая интерес к их содержанию.

Голос королевы был твёрд.

— Где мои дети?

— Ты не кажешься удивлённой, видя меня. — Вера склонила голову, симулируя разочарование. — Ах, но я полагаю, это потому, что на мне нет морока, верно?

Медленным, ленивым взмахом руки она набросила иллюзию на своё лицо, открывая драконийские черты, которые когда-то принадлежали неприметной дворцовой служанке. Глаза королевы расширились — не от шока, а от узнавания.

— Так ты всё это время была ведьмой, — пробормотала королева Сира.

Вера ухмыльнулась.

— Никогда не подозревала?

— Я Провидица, а не чтец мыслей, дитя.

Холодное неповиновение королевы забавляло её. Годы, проведённые прикусив язык, кланяясь, притворяясь, — всё вело к этому моменту. Она не станет торопиться. Только не после того, как ждала так долго.

— А ты подозревала, что я Провидица? — Вопрос королевы скользнул по комнате, как дым, вьющийся в темноте.

Вера откинулась назад, закинув ногу на ногу.

— У меня были подозрения из-за всех этих головных болей. Но я никогда не могла быть уверена, — её голос понизился, богатый издёвкой. — Ты знаешь, что ошиблась, не так ли? Эш — не Избранный. Он — тот, кто должен умереть.

— Нет!

Вера упивалась ужасом, который проступил на лице королевы, смаковала его. Годами королева Сира цеплялась за веру в то, что её сыну суждено снять проклятие, что он — спаситель, избавление. И всё же, в конце концов, он был не более чем жертвой, ожидающей заклания.

Ее голос был мягким, почти сочувствующим.

— Ты привела Мэл Блэкберн сюда, чтобы она умерла… и всё же, не осознавая этого, ты доставила убийцу своего сына прямо в свой дом.

— Нет!

Вера усмехнулась; мука королевы была слаще лучшего из вин. Она вдохнула её, позволяя осесть в лёгких, черпая из неё силу.

— Мэл направляется за кинжалом прямо в этот момент, пока мы говорим, — продолжила Вера, наблюдая, как краска отливает от лица королевы. — Она вернётся, и когда она это сделает, она вонзит этот клинок в его сердце. К счастью для тебя, ты будешь избавлена от агонии наблюдать, как гаснет свет в этих золотых глазах. Но твоя дочь… о, она увидит каждую секунду этого.

Самообладание королевы, наконец, дало трещину.

— Пожалуйста, — прошептала она; отчаяние сплеталось с её словами. — Убей меня. Но позволь моим детям жить. Позволь Эшу и Алине жить. Они не сделали ничего дурного.

Вера постучала по подбородку, размышляя.

— Ничего дурного? — Она фыркнула. — А ты бы сказала, что семь Домов невинны?

— Они дети!

— Они не дети, королева Сира. Не оскорбляй меня подобной глупостью. — Голос Веры стал резким, отточенным яростью векового предательства. — Принц Хэдриан и Табита Вистерия были того же возраста, когда твои предки вырезали тысячи. Когда они стёрли королевство с лица земли за преступление любви.

Голос королевы дрожал, но она не сдавалась.

— Табита Вистерия вмешалась в брак по клятве.

Выражение лица Веры потемнело; одно лишь упоминание об этом разжигало в ней что-то убийственное.

— И за это целое королевство заслуживало сгореть? — прошипела она; яд капал с каждого слога. — Старики, младенцы, матери — все обращены в пепел драконами. И почему? Потому что Хэдриан посмел выбрать любовь вместо долга?

Руки королевы Сиры, покоящиеся на простынях, дрожали.

— Табита не любила его. Она использовала его. Я признаю, что мои предки совершили ужасные преступления, но мы не должны быть наказаны за их грехи.

— Тогда почему ведьмы страдали сотню лет? — огрызнулась Вера. — Почему мы единственные, кого заставили платить цену?

Тишина.

— Мы не похожи на твоих предков, — продолжила она, и голос её сгладился во что-то почти нежное. — Мы не станем вырезать невинных драконийцев. Всё, что нам нужно сделать, — это уничтожить семь Домов. И как нам повезло: все они собрались под одной крышей.

Она поднялась на ноги, медленными, размеренными шагами приближаясь к королеве.

Голос королевы Сиры стал едва слышным шёпотом.

— Даже если ты убьёшь всех особ королевской крови в этом замке, они всего лишь принцы и принцессы. Короли и королевы в безопасности в своих дворцах.

Вера цокнула языком; жестокая усмешка тронула её губы.

— За исключением тебя.

Она вытащила кинжал из складок рукава; блеск стали пойман светом свечи.

— Видишь ли, королева Сира, ты забываешь одну вещь.

Она придвинулась ближе; её тень вытянулась над дрожащей фигурой королевы.

— Кто будет править семью королевствами, если их наследники мертвы?

Лезвие рассекло плоть — как художник кистью, резкий мазок по холсту. Вера отступила, любуясь красной краской, капающей вниз, вниз, вниз в бездну.

Королева Огня повалилась вперёд, тело замерло; последний вздох потерялся в шёпоте ветра, влетающего через открытые балконные двери.

И Вера улыбнулась.

…

Алина дрейфовала между мирами; сознание мерцало, как свеча, захваченная бурей. Где-то в огромной бездне её разума она услышала своё имя — настойчивый зов, отчаянную мольбу. Руки схватили её, поднимая вертикально; прикосновения были твёрдыми, но не грубыми. Другая пара рук работала быстро, разрезая ткань с резким шёпотом лезвия.

— *Кат хар фустан, састаа*, — произнёс голос, плавный и повелительный.

Алина простонала, взгляд блуждал по кускам ткани, падающим с её тела огромными изодранными лоскутами. Затуманенный разум цеплялся за одну мысль, иррациональную, но настойчивую. Разве платье не было белым? И всё же, когда её пальцы коснулись уничтоженной ткани, всё, что она видела, было красным. Яростным, бесконечным красным.

Моргая сквозь туман, она заставила себя сосредоточить внимание на двух фигурах, склонившихся над ней. Пустынные принцессы. Она знала их; лица были размытыми, но знакомыми. Одна присела рядом, сжимая в руке сверкающий кинжал и распарывая объёмные юбки, в то время как другая поддерживала Алину, её руки служили опорой дрожащему, ослабевшему телу.

— Почему всё красное? — спросила Алина голосом, густым от замешательства. — Платье было белым.

Хесса едва удостоила её взглядом; выражение её лица застыло, как камень.

— Не беспокойся об этом сейчас. Нам нужно, чтобы ты двигалась. — Она повернулась к сестре. — *Харра, састаа.*

Алина пыталась осмыслить их слова, но мысли текли вяло, придавленные чем-то тёмным и тяжёлым. Голова болела. Желудок скручивало. Чего-то не хватало, чего-то важного.

— С головой что-то странное.

Хесса проигнорировала её.

— Сейчас мы тебя поднимем.

На счет «три» сёстры рывком поставили Алину на ноги. Ноги подкосились, неустойчивые, как у новорождённого оленёнка, но ей удалось удержаться вертикально. Остатки платья лежали грудой у её ног, и она с трудом сглотнула подступающую тошноту при виде такого количества красного.

Ужасная мысль пробила себе путь сквозь её разум. Дрожащими руками она потянулась к голове.

— Не надо, — резко предупредила Хесса.

— Мне нужно знать.

Её пальцы погрузились в волосы, липкие и влажные от чего-то тёплого. Дыхание перехватило, когда она потянулась дальше, вверх, вверх, пока…

Ничего.

Никакого изгиба полированного золота, никакой знакомой тяжести рогов, которые она носила всю свою жизнь.

Только зазубренные обрубки.

Алина закричала.

Это был сырой, жалкий звук, вырванный из самой сердцевины костей. Она пошатнулась назад, зрение закружилось дикими спиралями, желчь подступила к горлу. Затем её вырвало; тело отторгало ужас того, что с ней сделали.

Её рога исчезли. Хейган забрал их у неё.

Рыдание вырвалось наружу, но голос Сахиры прорезал её горе, как клинок.

— Нам нужно уходить, пока он не вернулся.

Алина повернулась; конечности всё ещё были ватными, разум заперт в тумане агонии.

— Он ищет твоего брата, — объяснила Сахира. — В замке хаос — это наш шанс сбежать.

Алина едва улавливала слова, мысли цеплялись за него. Хейган. Она старалась не смотреть на тела, разбросанные по комнате, на безжизненных слуг, которые пострадали от его рук после того, как он закончил с ней. Если она задумается об этом, хоть о чём-то из этого, она рухнет под тяжестью всего произошедшего.

Её меч. Тот, что дал ей Кай. Он был в её комнате. Она была дурой, что не держала его при себе. Теперь он будет потерян навсегда.

Сахира двинулась первой, шагая в открытый коридор…

И тут же рухнула.

Алина ахнула, когда фигура оттолкнула Сахиру назад; тело принцессы столкнулось с руками сестры.

Фиолетовые глаза. Искажённая, жестокая улыбка.

Хейган.

Алина едва дышала, когда её взгляд в ужасе опустился ниже.

Кинжал торчал из живота Сахиры.

— Нет, — простонала Алина хриплым голосом, застыв на месте, пока дрожащие руки Сахиры прижимались к ране, пытаясь, но безуспешно, остановить кровь.

Никто не шевелился. Никто не говорил.

Дыхание Сахиры вырывалось короткими, рваными толчками; её грудь поднималась и опадала в поверхностных судорожных вздохах. Сестра шептала ей мягкие слова утешения, руки дрожали, прижимая Сахиру к себе, словно она могла удержать её, привязать к этому миру.

Но этого было недостаточно.

Сахира сделала последний выдох.

Затем — ничего.

Алина не двигалась. Не могла пошевелиться.

Хейган выдохнул, издав скучающий вздох.

— Я бы попросил кинжал назад, но…

Его взгляд скользнул к Алине, полный тихого веселья, но шаги, которыми он пересёк комнату, были какими угодно, только не неспешными.

В одно мгновение его руки оказались на ней.

Она вскрикнула, когда он швырнул её о каменную стену, с легкостью пригвоздив к ней. Воздух выбило из лёгких, мир по краям расплылся.

Его голос был медленным, ядовитым, тягучим.

— Нравится твой новый облик, Алина?

Она заскулила, ногти впились в его запястье; она боролась за вдох, проталкивая воздух сквозь забивший горло ужас.

— Я пошёл искать твоего брата, чтобы показать ему, — продолжил Хейган, — но трус прячется. Какая жалость. Я хотел, чтобы он смотрел, как я буду вырезать тебе глаза.

Сдавленное рыдание вырвалось из неё.

Хейган вытащил ещё один кинжал с пояса; сталь поймала свет свечи, сверкая обещанием. Он поднял его; острие зависло в дюймах от её глаза.

— Они перестанут называть тебя самой красивой драконийкой в мире, когда я с тобой закончу.

Алина едва заметила Хессу, подкрадывающуюся сзади.

Но затем, быстрым движением, рука Хессы сомкнулась на его горле.

Сейчас.

Алина ударила его ногой.

Её ступня врезалась ему между ног; от силы удара он крякнул в агонии. Его хватка ослабла, ровно настолько, чтобы она смогла вырваться.

Алина старалась не думать о теле Сахиры, оставленном в луже крови, остывающем под равнодушной луной. Она не могла думать об этом. Не могла, если хотела продолжать двигаться.

Её пальцы сжались вокруг пальцев Хессы в немом требовании, и они побежали вместе — вниз по винтовым лестницам, через тускло освещённые залы, где мерцающие факелы отбрасывали чудовищные тени на камень. Их дыхание было резким и рваным, ноги едва касались ступеней, когда они летели к главному этажу замка.

Она не смела оглядываться.

Она не могла оглянуться.

Она знала, что увидит — Хейгана.

Его фиолетовые глаза, сверкающие злобным восторгом, губы, изогнутые в той же насмешливой ухмылке. Она чувствовала его позади, даже если пока не слышала. Хищник во тьме, наслаждающийся погоней.

Затем начались крики.

Замок ожил огнём и смертью; ведьмы хлынули в залы, словно прилив, сметая всё в коридорах, в комнатах, разрывая всё на части. Воздух трещал от колдовства, запах горящей ткани и плоти вился вокруг них, как удушливый туман.

Алина жаждала остановиться. Развернуться. Найти Эша, найти свою семью.

Но времени не было. Было только выживание.

Они с Хессой петляли через сады, мимо фонтанов, отражающих пылающее небо, мимо развернутых ртов статуй, которые теперь, казалось, кричали в безмолвном ужасе. Они не остановились, когда смех Хейгана погнался за ними — дразнящий, затянутый звук, скользящий по воздуху, жестокое напоминание о том, что он играет с ними. Позволяет верить, что у них есть шанс.

В тот момент, когда они достигли кромки деревьев, надежда вспыхнула в груди Алины. Они могут оторваться от него в лесу.

— Прячься! — прошипела Хесса, оттолкнув её в сторону, прежде чем свернуть в противоположном направлении — намеренная жертва, чтобы отвлечь чернокнижника.

Алина колебалась лишь секунду, прежде чем рвануть в деревья. Беги. Не споткнись. Не упади. Неровная земля хватала её за ноги, ветки цеплялись за платье, но она прорывалась вперёд, глубже в тени.

Затем — тишина.

Она бросилась за дерево, прижавшись телом к шершавой коре; сердце дико колотилось в груди. Она его не слышала.

Он погнался за Хессой.

Лёгкие болели от сдерживаемого дыхания, когда она потянулась к ветвям над головой. Она может залезть. Она может переждать. Она делала это бессчётное количество раз в детстве, когда играла в лесах Королевства Огня.

Но она никогда не лазила по деревьям, утопая в шёлке платья и крови.

Конечности дрожали, когда она подтягивала себя выше, устраиваясь на самой толстой ветке, которую смогла найти, прижимаясь к стволу. Она будет ждать. Она будет жить.

Затем — движение.

Тень.

Вспышка красного.

Её желудок скрутило, когда она увидела, как Хейган крадётся через лес.

— Хейган! — Голос прорезал тишину, запыхавшийся и резкий.

Алина чуть подалась вперёд, вглядываясь сквозь сплетение ветвей. В нескольких футах стояла девушка; её белые волосы ниспадали на спину шёлковыми волнами.

Татуированные руки. Фиолетовые глаза.

Желудок Алины перевернулся от ярости.

Адара.

Ведьма, которая когда-то шептала слова любви в уши её брата, женщина, которая разбила Эша, превратив его во что-то хрупкое и усталое. Было ли всё это ложью? Любила ли она его когда-нибудь? Или она просто выжидала — проворачивала нож перед последним ударом?

— Я упустил её! — прорычал Хейган; его голос щёлкнул среди деревьев, как кнут.

Адару это, казалось, едва волновало.

— Забудь о ней. Вера уже убила королеву, а голова короля висит в Большом зале. Они все мертвы.

Нет.

Дыхание застряло в горле Алины раненым, сломленным комком.

Нет. Нет. Нет.

Грудь сдавило, зрение затуманилось.

Её семья исчезла? Её родители, Эш…

Головокружение вернулось, вдавливая её, как железная тяжесть, заставляя хранить молчание, когда всё, чего она хотела, — это кричать.

Она не могла вернуться в замок сейчас.

У неё ничего не осталось.

Дрожь ярости пробежала по телу Хейгана.

— Мне плевать на грёбаный замок, — выплюнул он. — Я ждал слишком долго, чтобы позволить этой суке уйти.

Голос Адары был мягким, равнодушным.

— Отпусти это, Хейган. Замок принадлежит нам.

Она отвернулась, исчезая в деревьях, тихо напевая себе под нос.

Хейган остался, перенеся вес на подушечки стоп, склонив голову. Его голос был лёгким, нараспев.

— Али-и-и-и-и-на.

Алина замерла.

Внизу, под ней, Хейган остановился.

Его ноздри раздулись, глаза сузились.

Кровь.

Одна-единственная капля сорвалась с её виска, из раны, где он варварски отсёк её рога.

Он ухмыльнулся. А затем разнёс дерево в щепки.

Алина едва успела вскрикнуть. Ударная волна магии швырнула её вниз; воздух вышибло из лёгких в то мгновение, когда она ударилась о землю. Боль. Ослепительная и жгучая.

Хейган уже шёл к ней.

Он присел над ней на корточки, голос звучал обманчиво мягко:

— Вот ты где.

Её пальцы впились в землю.

Когда он потянулся к ней, Алина швырнула горсть земли ему в лицо; прицел был идеальным — она ослепила его мгновенно. Он взревел от ярости, раздирая руками глаза.

Она побежала.

Ноги едва касались земли, когда она прорвалась сквозь последнюю полосу деревьев, вырываясь на бескрайние золотые поля.

Впереди был лагерь.

Хесса была там — она махала руками, призывая народ пустыни.

Земля содрогнулась под ними, когда существа зашевелились: их огромные змеиные тела поднимались, клыки сверкали в лунном свете.

Быстрее.

Алина не останавливалась. Ни когда услышала, как магия Хейгана взрывается у неё за спиной. Ни когда увидела воинов пустыни, бросившихся к нему: их змеи делали выпады, шипящие пасти щёлкали в дюймах от его тела.

Она схватилась за верёвку, свисающую с бока зверя, и подтянулась; мышцы горели, платье рвалось ещё сильнее, пока она карабкалась в самодельное седло.

Хесса запрыгнула на своего змея; их тела инстинктивно подались вперёд, когда змеи сгруппировались и рванули, их массивные туши устремились в ночь, скользя по земле с невероятной скоростью.

В последнюю секунду Алина обернулась, встретившись взглядом с чернокнижником, оставшимся внизу.

Она позволила ему увидеть это — обещание в её взгляде, его холодную неотвратимость.

В следующий раз, когда они встретятся, бежать будет не она.

Это Хейган будет умолять о пощаде.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 49

Дом Теней

Всё всегда было ради любви. Любви, которую я испытываю к Хэдриану, и той, что я питаю к моему народу. Я не могу спасти их обоих. Но я умру, пытаясь.

Табита Вистерия

Крылья Даку разрезали чернильно-чёрное небо; огромный зверь приземлился в вихре пыли между возвышающимся обсидиановым замком и храмом, который преследовал Мэл во снах всё время её отсутствия.

Дом.

И всё же она больше не была той виверианской принцессой, которая уехала с жаждой убийства, горящей в сердце, и тяжестью древнего проклятия, давящей на рёбра.

Теперь она вернулась с неуверенностью, грызущей душу.

Как она может спасти его?

— Мэл!

Она едва успела собраться, как Кай уже был рядом, несясь через погружённую во мрак землю; его движения были быстрыми, резкими — отчаянными. Он достиг её размытым пятном, оторвал от земли, прижимая к себе в объятиях, которые она никогда не хотела покидать.

Запах пепла, стали и дома окружил её.

— Что ты здесь делаешь? — потребовал он; голос был хриплым от эмоций.

Мэл сглотнула, позволив себе понежиться в тепле его объятий ещё мгновение, прежде чем реальность затянула её обратно в свою жестокую хватку.

— Я пришла забрать кинжал, — ответила она, когда он поставил её на землю.

Глаза Кая потемнели. Что-то дрогнуло в них, что-то настороженное.

— Хейвен уехала вчера.

Желудок Мэл ухнул вниз.

— Что?

— Она хотела присутствовать на праздновании помолвки.

В его тоне прорезалась грань, челюсти сжались, когда он произносил эти слова.

Мэл не стала спрашивать больше. Времени не было.

— Что ж, как только кинжал будет у меня, я вернусь. — Она отвернулась от него, поднимая взгляд к замку, высеченному в самом сердце горы; его шпили были зазубренными, как зубы зверя.

После столь долгого пребывания в ярком тепле Королевства Огня казалось почти неестественным вернуться в мир, омытый чёрным, белым и серым. Единственным цветом, оставленным им, был истекающий кровью багрянец смертоносной луны, пятнающий небеса, словно рана, которая отказывалась заживать.

— Я не могу остаться, Кай, — сказала она, отступая от тенистой тропы, что вилась к возвышающимся воротам. — Пожалуйста, поцелуй за меня родителей.

Прежде чем он успел возразить, Мэл поднялась на цыпочки, запечатлев быстрый поцелуй на его щеке. И побежала.

Её серое платье для верховой езды развевалось позади, пока сапоги стучали по каменистой тропе, уводя её прочь от замка, к самому краю мира.

К Лесу Безмолвных Криков.

Она достигла его границы; сердце колотилось о рёбра, когда она замерла. И прислушалась.

Мёртвые деревья нависали над ней, как древние стражи, их почерневшие конечности тянулись к ней, скелеты листьев шелестели в жуткой симфонии — но ни один не падал.

Мэл сжала кулаки, борясь с приливом горя, но мысли предали её.

Никс.

Была ли её Виверна здесь? Ждала ли она её в беспокойных объятиях леса, застрявшая между жизнью и смертью, тоскуя о том, чтобы взмыть в небо ещё раз?

Прежде чем она успела потеряться в этом вопросе, воздух изменился.

Одно мгновение — лишь пустота.

В следующее — она была там.

Провидица стояла перед ней, материализовавшись из ничего и всего сразу; её золотые совиные глаза не моргали, нечеловеческие. Перья, украшавшие её вытянутый череп, колыхнулись в тишине.

Она склонила голову набок, словно оценивая загадку, которую уже разгадала.

— Зачем ты здесь, Мэл Блэкберн? — проскрипела Провидица голосом одновременно древним и вечным, словно говорил сам ветер.

Мэл не колебалась. Она не могла.

Её глаза метнулись вниз — к кинжалу.

Он сверкал во тьме; рукоять, вырезанная из кости, древние руны, выжженные по всей его длине, как шёпот прошлого.

— Потому что у тебя есть то, что мне нужно, — голос Мэл не дрогнул, хотя она чувствовала, как тяжесть этих слов оседает глубоко в груди.

Её рука поднялась, указывая на проклятый клинок.

— Я пришла, чтобы разрушить проклятие, которое ты наложила на нас, Табита Вистерия.

Медленная, злая улыбка расползлась по губам Провидицы.

— Неужели?

…

Дыхание Мэл было ровным, размеренным, несмотря на пульсацию тревоги под кожей. Мёртвые начали собираться; их пустые лица выглядывали из-за почерневших стволов, их шёпот шелестел сквозь скелеты ветвей, как ветер на кладбище. Тишина была живой, давящей, наблюдающей.

— Ты была здесь всё это время, — сказала Мэл, шагая глубже в проклятый лес. Воздух вокруг неё сгустился, тяжёлый от ожидающих душ. — Почему?

Провидица подняла руку, медленно, намеренно, и провела пальцами по своему лицу. Трансформация была бесшовной, словно она сбрасывала одну реальность ради другой.

Исчезло существо с совиными глазами и пернатой короной, её исковерканная элегантность получеловека, полупотустороннего создания.

Теперь на её месте стояла ведьма.

Женщина с длинными белыми волосами, ниспадающими, как лунный свет, на татуированные руки. Тёмная кожа, расписанная символами древнее, чем сама почва под ними. И глаза — фиолетовые, глубокие и бесконечные, зеркальное отражение глаз самой Мэл.

— После того как Хэдриана убили, я исчезла из мира, — сказала ведьма; её голос был пропитан старым горем, словно время так и не смягчило рану. — Я прокляла королевства за то, что они с ним сделали, но я осталась здесь, на земле, откуда он был родом, чтобы быть ближе к нашему ребёнку.

— Твоему ребёнку?

Выражение лица Табиты было непроницаемым. Высеченная маска женщины, которая прожила слишком долго.

— Ты знаешь сказку о двух братьях, Мэл Блэкберн?

— Конечно, — осторожно ответила Мэл. — Родители рассказывали нам эту сказку каждую ночь перед сном.

— Тогда расскажи её мне.

Мэл стиснула челюсти.

— У меня нет на это времени, Табита.

Ведьма зашипела; её сила завибрировала в воздухе, как первое предупреждение о буре.

— Ты хочешь кинжал? — Она коснулась рукояти на боку; её голос завился ядом. — Тогда ты должна сначала понять.

Мэл резко выдохнула; её разочарование свернулось тонким туманом в холодном воздухе. Но она начала, и голос её зазвучал с заученной с детства интонацией.

— Давным-давно, во времена Великой войны, были найдены два брата. Один был драконийцем, другой — виверианцем. Их растили в тайне, скрытыми от мира приёмными родителями, вдали от всех глаз. Но когда они выросли, их обнаружили — и каждого отправили обратно к своему роду. Дракониец оказался потерянным сыном принцессы Этни и принца Сорина, в то время как мальчик-виверианец стал одним из самых свирепых охотников на ведьм в семи королевствах. Настолько свирепым он был, что сам король выдал за него свою дочь…

Мэл осеклась.

Смех Табиты был медленным, густым, словно разрушение древнего заклинания.

— Мальчик-виверианец, — пробормотала она, — был сыном Хэдриана. Нашим сыном. Нас преследовали, поэтому я спрятала его, но к тому времени, как я вернулась, он исчез. Прошли годы, прежде чем я нашла его снова, — к тому времени он уже стал королём, женатым на своей… тётке.

Мэл поморщилась. Жестокая ирония судьбы.

— Они не знали, — продолжила Табита, пожав плечами. — Иначе они бы никогда этого не устроили. Но какое это имеет значение теперь?

— Как ты до сих пор жива? — спросила Мэл тише, не уверенная, действительно ли хочет знать ответ.

Фиолетовые глаза Табиты блеснули; что-то острое и непреклонное горело в их глубине.

— Проклятие поддерживало во мне жизнь. Когда оно будет снято, я, наконец, обрету покой здесь, в Лесу Безмолвных Криков.

— Зачем ты прокляла всех? — Голос Мэл был мягким, но вопрос прозвучал как обвинение.

Лицо Табиты исказилось.

— Потому что я была в ярости.

— Но ты убила Хэдриана, — настаивала Мэл, — ты наложила на него приворот и…

— Я ничего подобного не делала! — огрызнулась Табита; голос её потемнел от гнева. — Хэдриан и я любили друг друга. Это Король Огня пришёл за нами. Они убили Хэдриана и обвинили меня. Поэтому, когда я прокляла их, я удостоверилась, что они будут страдать за то, что совершили.

— Что ты имеешь в виду?

Табита ухмыльнулась. Это была ухмылка не женщины, которую забавляет происходящее, а женщины, держащей все фигуры в игре, о которой никто другой даже не подозревал.

— Чтобы снять проклятие, ты должна убить Принца Огня, — промурлыкала она. — Но чтобы оно сработало, он должен любить тебя.

Мэл почувствовала, как кровь отлила от лица.

— Я сделала так, — продолжила Табита, — потому что драконец никогда не полюбит ведьму. Или виверианку. И поэтому проклятие останется в силе. Все погрузятся в вечный сон, их тела обратятся в прах, в то время как Принц Огня будет жить дальше — проклятый наблюдать, как мир увядает вокруг него, никогда не умирая, никогда не засыпая, вечно одинокий.

Мэл едва могла дышать.

— Эш Ахерон даже не был рождён, когда это случилось с тобой! — выдавила она. — Никого из нас не было! Ты прокляла людей, которые не имели никакого отношения к твоим страданиям!

Табита склонила голову, размышляя.

Ей было всё равно.

От этого осознания у Мэл скрутило желудок.

Она заставила себя сменить тему; разум кричал, когда она выпалила:

— Ты знаешь, почему у меня фиолетовые глаза? Почему у меня… силы?

В фиолетовых глазах Табиты мелькнуло беспокойство.

— У тебя фиолетовые глаза, потому что я дала их тебе, Мэл Блэкберн.

Мэл отступила на шаг.

— Твоя мать страдала от ужасных болей после третьих родов. Я подмешала немного своей магии ей в чай. Она уже была беременна тобой — но ещё не знала об этом. И так моя магия вплелась в твою кровь, изменив тебя ещё до того, как ты сделала свой первый вздох.

— Ты… ты создала меня? — Её голос едва не сорвался. — Значит ли это, что мы… родственницы?

Мысль прожгла её насквозь, едкая, невыносимая.

— И да, и нет. — Тон Табиты был почти печальным. — Я немного опоздала к процессу сотворения, но моя магия дала тебе твои глаза. Создал тебя кто-то другой.

Ногти Мэл впились в ладони.

— Кто? — Разочарование трещало в её словах, как буря, готовая разразиться.

Табита лишь вздохнула.

— Если хочешь знать, что создало тебя, тогда покончи с проклятием.

И затем она подняла кинжал.

Костяно-белая рукоять светилась во тьме; змеиные узоры шептали о древней крови, пролитой на лезвие. Белый самоцвет, вставленный в центр, казалось, следил за ней.

Если она возьмёт кинжал, ей придётся столкнуться с правдой о том, что должно последовать дальше. Но если она откажется… Эш будет обречён. Обречён скитаться по

королевствам в одиночестве, наблюдая, как мир погружается в тлен, пока он остаётся нетронутым и проклятым.

— Почему проклятие расскажет мне, что создало меня? — прошептала она. — Кто я?

Табита улыбнулась, медленно и понимающе.

— Ты, Мэл Блэкберн, — сказала она, — Принцесса Теней.

В тот миг, когда слова слетели с её губ, что-то внутри Мэл щёлкнуло.

Словно ключ повернулся в замке, словно давно запечатанная дверь внезапно распахнулась. Всё её тело загудело от энергии, от силы, от чего-то древнего и ожидающего.

Воспоминание врезалось в неё без спроса.

Что-то наблюдало за ней из леса, таясь в тишине.

И оно ждало.

Ждало её.

Мэл обернулась; дыхание перехватило, когда тьма перед ней начала скручиваться и бурлить, собираясь воедино, как чернила, растворяющиеся в воде. Тени обретали форму, вылепляя себя с элегантностью одновременно эфемерной и дикой.

А затем — крылья.

Длинный змеиный хвост. Изогнутая дуга шеи, которая когда-то защитно обвивалась вокруг неё в детстве.

Виверна, но не из плоти и крови — нет, это существо было соткано из тумана; его полупрозрачное тело не отбрасывало собственной тени, открывая проблески скелетов чёрных деревьев позади.

Губы Мэл разомкнулись, сердце заныло от чувства, которому она не могла дать названия. Потеря. Тоска. Облегчение.

— Привет, Никс, — сказала она, поднимая руку к призрачной Виверне. — Скучала по мне, старый друг?

Зверь взревел — звук, казалось, сотряс сам воздух вокруг неё. Это был не крик живого существа — это было чем-то совершенно иным. Плач. Приветствие. Обещание.

— Ты однажды задавалась вопросом, почему не была благословлена тенью, как твои братья и сестра, — голос Табиты донёсся сквозь тишину леса; слова вились сквозь туман, ползущий между деревьями.

Мэл тяжело сглотнула. Она помнила. Ночи, проведённые в погоне за собственным отражением, поиски того, чего там не было. Нашёптанные вопросы к Провидице, бессонные часы, проведённые, вглядываясь в темноту, гадая, почему она одна среди своей родни лишена частицы себя.

— Ты всегда была благословлена богами, — продолжила Табита; голос её был полон значения. — Вот почему тебе никогда не давали одной тени, Мэл. Потому что ты родилась со всеми ими.

Горло Мэл сжалось, голос стал едва слышным шёпотом.

— Что это значит?

Табита улыбнулась — понимающе, злорадно.

— Это значит, что ты их госпожа. Каждая тень, каждый шёпот тьмы — всё подчиняется твоей воле. Ты можешь призывать их. Повелевать ими. Ты, Мэл Блэкберн, — теневая странница. И если бы ты пожелала, ты могла бы поднять армию самой тьмы.

Мэл резко оглянулась; кожа натянулась, когда она осознала, сколько их там было сейчас. Мёртвые подошли ближе.

Не просто близко.

Они окружили её.

Она чувствовала их — холодные, невесомые присутствия, давящие на границы её сознания. Но они не тянулись к ней, не нападали.

Они преклонили колени.

Желудок Мэл сжался.

— Что они делают? — прошептала она, пальцы дрожали, пока она сопротивлялась желанию отступить. — Почему они кланяются?

Ухмылка Табиты заострилась, фиолетовые глаза сверкнули чем-то нечитаемым.

— Потому что, Мэл, — сказала ведьма, — ты их принцесса. А твой настоящий отец…

Воздух вокруг них сгустился, потемнел, пульсируя. Мёртвые не поднимались. Они ждали.

— …их Король.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 50

Дом Огня

Пусть они все верят, что я злодейка этой истории. Пока они в безопасности, я не возражаю быть самым настоящим чудовищем из всех.

Табита Вистерия

Эш не замечал обмана, пока тот не прополз сквозь стены замка, вонзившись в сердце вечера, словно ядовитая змея. Большой зал был живым — огромный зверь из смеха и звона кубков; запах жареного мяса витал в воздухе, пока знать купалась в иллюзии мира.

А Эш — глупец, каким он был — был поглощён своими мыслями.

Его взгляд задерживался на братьях и сестре Мэл; их присутствие было кинжалом, засевшим под рёбрами. Знали ли они о её предательстве? Наблюдали ли они за ним, зная, что он — приговорённый человек, ожидающий жестоких рук судьбы? Наверняка, наверняка они должны были знать.

Кейдж Блэкберн ушёл внезапно; его тёмные глаза блестели чем-то острым и нечитаемым, прежде чем он зашагал прочь, оставив Брина Уинтера и Хейвен Блэкберн обмениваться растерянными взглядами. Эш едва мог смотреть на Хейвен — её лицо было слишком похоже на лицо Мэл, болезненное напоминание о том, что он потерял всего за несколько часов.

Как жизнь могла измениться так яростно за один день? Ещё один рассвет назад он проснулся рядом с женой. Он целовал её обнажённое плечо, очерчивал изгиб челюсти, шептал слова любви в тепло её кожи. Он был счастлив. А затем — Хейган. Пришёл Хейган и разорвал всё в клочья.

В какой-то момент Эш искал своего старейшего друга, но Хейган исчез. Странно. Алый гвардеец всегда был рядом, слишком близко, маячил в тени каждого шага Эша.

Король хлопнул в ладоши, призывая подать следующую перемену блюд, и Эш едва удостоил взглядом слуг, шагнувших вперёд, грациозно меняющих тарелки. Он не заметил того, кто стоял у бока его отца. Он не видел, как изменились золотистые руки, как потемнела кожа, принимая оттенок, испещрённый чернильными рунами, как пальцы сомкнулись вокруг чего-то спрятанного в рукаве.

— Ведьмы приветствуют тебя, король Иган.

Вспышка фиолетового. Блеск серебра.

Дыхание Эша замерло в горле, когда он увидел клинок слишком поздно.

Кинжал нашёл шею короля, скользнув внутрь, как поцелуй любовника. Кровь хлынула потоком, багровый цветок распустился на шёлке и золоте.

Грянули крики.

Слуги обернулись против своих господ, перерезая ничего не подозревающие глотки с безжалостной точностью. Запах вина и жареной ягнятины утонул в смраде пролитой жизни.

И теперь остались только трупы.

Эш сражался. Боги, как он сражался. Хейвен была рядом с ним, её меч прорубал врагов, как огонь пергамент. Ожерелье на её горле шевельнулось без предупреждения, сбрасывая неподвижность и распутываясь в медленном, извилистом скольжении по контурам её тела. В следующем вздохе теневой змей нанёс удар — безмолвный и

стремительный; его укус был пропитан чем-то гораздо более тонким, чем яд, увлекая жертв в тихую пустоту беспамятства так же легко, как ночь поглощает последний след заката. Брин Уинтер присоединился к ним; его клинок вспыхивал, как стальные клыки волка. Но этого было недостаточно. Ведьм было слишком много.

Теперь он сидел связанный, вдавленный в стул; его запястья были скованы невидимой петлёй, которая врезалась глубоко в кожу, даже не касаясь его. Через весь зал, скрытая во тьме, за колонной жалась Рен Уинтер; её голубые глаза были широко распахнуты от безмолвной ярости.

Над ними, устроившись на огромной люстре, наблюдал ворон Кейджа. Ждал.

Двери Большого зала распахнулись, и внутрь ворвался Хейган.

Его присутствие должно было принести облегчение — его лучший друг был в безопасности, невредим. От нахлынувшего чувства у Эша едва не перехватило дыхание. Но затем…

Ведьмы последовали за ним.

Не как тюремщики. Как тени у его ног.

Медленный, удушающий ужас скопился в желудке Эша; что-то тёмное и уродливое свернулось внутри. Нет.

Нет, нет, нет.

Хейган повернулся к нему лицом, и его глаза…

Они были фиолетовыми.

— Твоя сестра исчезла, — сказал Хейган; голос был гладким, слишком гладким, словно шёлк, скользящий по заточенной стали.

Дыхание Эша обратилось в лёд. Исчезла.

Не мертва. Не мертва.

Алина была бойцом. Выжившей. Она нашла бы выход, она должна была.

Что-то тяжёлое глухо ударилось об пол у его ног.

Тело Эша окаменело. Ужасное, первобытное чувство скребло по рёбрам, карабкаясь к горлу.

Он заставил себя посмотреть вниз.

И мир — его мир — рухнул.

Два отрубленных золотых рога лежали перед ним, пропитанные тёмной, блестящей кровью.

Кровью Алины.

Крик вырвался с губ Эша, разбивая мир, каким он его знал.

Единственными звуками, оставшимися в Большом зале, были надрывные рыдания Принца Огня, сырые и рваные, разрывающие тишину, как похоронная песнь. Мёртвые — безмолвные в своём холодном покое — слушали, пока живые были свидетелями его агонии, застыв на месте от ужаса происходящего.

Дыхание Эша сбилось, когда его мокрый от слёз взгляд впервые поднялся, и он увидел.

Тело короля Игана висело над помостом, где когда-то безраздельно властвовал трон, подвешенное невидимой силой. Его голова, отделённая от своего законного места, была отброшена, как гнилой фрукт, на банкетный стол. Король, превращённый в падаль для ворон. Эш не осмелился спросить, где его мать. Он уже знал. Она ушла. Они все ушли.

Тень шевельнулась перед ним.

Хейган.

Чернокнижник присел на корточки, неторопливо, почти задумчиво, и зачерпнул с пола скользкие от крови трофеи — золотые рога Алины. Он покатал их между ладонями, как игрок проверяет вес костей перед броском.

— Ты последний королевский дракониец, Эш Ахерон, — голос Хейгана был ровным, дразнящим. — Скажи мне… каково это?

Эш ничего не сказал.

Хейган облизнул губы; его веселье только росло.

— И как бы ты хотел уйти?

— Нам нельзя его убивать.

Слова прозвенели в зале, как клинок, вынутый из ножен. Эш повернул остекленевшие глаза к говорившей. Та самая ведьма, что когда-то стояла рядом с ними на поле боя, что сражалась против своего собственного рода. Неужели всё это было ложью?

Рядом с ней, наблюдая с холодным безразличием, стояла Адара.

Дыхание Эша задрожало, когда горе снова разбилось внутри него.

— Мэл Блэкберн должна стать той, кто убьёт его, — продолжила ведьма. — Она должна нанести последний удар, иначе проклятие сбудется.

Хейган застонал, скучающе и раздражённо.

— Твою мать, Вера, ты и твои глупые пророчества.

— Ты готов рискнуть? Просто чтобы потешить своё эго?

Мускул на челюсти Хейгана дёрнулся.

— Ладно, — хмыкнул он, вставая с тяжёлым вздохом. Он покрутил плечами, прежде чем бросить ленивый взгляд на разорённый зал. — Где эта сука?

— Забирает кинжал, — сказала Вера. — Терпение.

Хейган фыркнул.

— О, ей просто нужно убить его, верно? Ему не обязательно быть совершенно целым для этой цели.

Его сапоги заскрежетали по окровавленному полу, когда он подкрался ближе. Эш не дрогнул, даже когда Хейган присел рядом с ним, даже когда он сжал его лицо в тисках, пальцы впились так глубоко в челюсть, что Эш готов был поклясться: он чувствовал, как трещат кости.

— Может, мне вырезать тебе язык? — размышлял Хейган; его голос был клинком, покрытым шёлком. — Ты ведь всю жизнь ныл из-за своего заикания, не так ли, Эш? Я бы оказал тебе услугу.

Чернокнижник силой разжал рот Эша, вытягивая его язык вперёд.

А затем — лезвие.

В дюймах от губ.

Эш сопротивлялся, но тёмная магия, сковывавшая его, делала его бессильным — марионеткой со спутанными невидимыми руками нитями. Его глаза расширились, прикованные к лезвию стали, готовому заставить его замолчать навеки.

Размытое пятно.

Что-то сильно ударило Хейгана, отшвырнув его назад. Заклятие спало.

Эш ударился об пол, хватая ртом воздух, когда его тело пришло в движение. В тот же момент Хейвен Блэкберн сделала выпад.

Её кинжал — спрятанный под юбками, тайна, шёпот стали — нашел свою цель.

Лезвие полоснуло по лицу Хейгана.

— Я убью тебя! — взвыл Хейган; кровь густыми тёмно-красными ручьями хлынула по его челюсти.

Магия вернулась, и паралич ударил, как железная цепь.

Пальцы Хейгана вплелись в короткие чёрные волосы Хейвен, вздёргивая её с пола, словно она ничего не весила. Ведьмы — по крайней мере некоторые из них — наблюдали с восторгом. Но взгляд Эша скользнул к Вере и Адаре. Они шагнули вперёд, встревоженные.

— Ты мне не нужна, верно? — задумчиво, почти с интересом произнёс Хейган.

Её тень шевельнулась.

Тёмное кольцо — змей Хейвен.

Он скользнул со смертоносной грацией, обвиваясь вокруг руки Хейгана; его клыки искали плоть.

А затем — хаос.

Свист Рен Уинтер расколол воздух, как молния.

Два огромных волка ворвались в Большой зал; их рык был подобен раскатам грома. Они обрушились на ведьм, разрывая, кромсая, раздирая тела так, словно те были сделаны из пергамента.

Кейдж Блэкберн вошёл как призрак; его спокойное, невозмутимое выражение лица резко контрастировало с резнёй.

Первая ведьма, которая обернулась к нему, даже не успела среагировать. Вспышка стали, одно быстрое движение, и заклинательница рухнула там же, где стояла.

Затем появилась валькирианка по имени Фрея.

Она рванулась вперёд, поднимая Брина Уинтера с земли, оттаскивая его прочь от бойни. Она направилась к Хейвен, потянулась… но Хейган всё ещё держал её в своей хватке.

Эш сделал шаг вперёд.

— Отпусти её, Хейган, — потребовал он. Его голос, непоколебимый. Холодный как лёд. — Твоя битва со мной.

Хейган повернулся; кровь всё ещё блестела на его губах. И он улыбнулся.

— Мне т-так с-страшно, — чернокнижник передразнил его. Сымитировал его заикание. — Н-но я здесь н-не для того, чтобы сражаться с тобой, Эш Ахерон. — Фиолетовые глаза Хейгана сверкнули, жестокие и яркие, полные чего-то гораздо худшего, чем ненависть. — Я здесь, чтобы смотреть, как ты страдаешь.

И прежде чем Эш успел пошевелиться, прежде чем кто-либо смог его остановить…

Хейган свернул Хейвен шею.

И позволил её телу упасть.

…

Рен застыла.

Тело Хейвен Блэкберн рухнуло, обмякшее и безжизненное, словно сила, державшая её вертикально, исчезла. Её длинные конечности раскинулись под неестественными углами — брошенная фигура, оставленная на окровавленном полу, хрупкая и сломленная. Никакой грации, никакого достоинства, лишь оболочка того, что когда-то было живым и яростным. Её теневой змей издал душераздирающий визг — звук настолько сырой, настолько пропитанный горем и яростью, что сам мир, казалось, затаил дыхание, умолкнув в благоговейном трауре по своей павшей госпоже. Он проскользнул по неподвижному телу Хейвен, мягко свернувшись над её сердцем, и

там замер — его глаза закрылись с нежностью, которая говорила о преданности, превышающей слова. Затем, без лишних церемоний, тень начала распадаться, её форма растворялась в небытии, тихо ускользая из их мира, чтобы сопровождать Хейвен туда, где бы она ни оказалась.

Взгляд Рен метнулся к Кейджу.

Она никогда раньше не видела такого взгляда — буря столь тёмная и неистовая, что воздух вокруг него пульсировал холодным огнём. Его лицо исказилось чем-то злобным, чем-то звериным, и то, как он двигался — плавно и по-хищнически, — вызвало инстинктивную дрожь в её костях. Он пробирался сквозь хаос, его путь лежал к Хейгану.

— Рен! — настойчивый голос Фреи прорезал её мысли. Валькирианка выполнила свою часть — Брин был снаружи, в безопасности за пределами хаоса, больше не скованный заклятием, которое заморозило его. Путь был открыт, но война только началась.

— Зови своих волков, тебе нужно уходить, — предупредила Фрея.

— Я не могу его бросить, — голос Рен был сталью, её поза — непреклонной. Она дёрнула подбородком в сторону Кейджа.

— Рен, нам нужно предупредить наше королевство, — в голосе Брина звучала тяжесть разума, но Рен лишь стиснула челюсти. Её народ. Её долг. Но Кейдж…

— А твои сёстры? — спросила она валькирианку, уже страшась ответа.

Фрея промолчала. Ей и не нужно было говорить.

Они лежали среди мёртвых.

— Отведи моего брата в безопасное место, — взмолилась Рен, её голубые глаза горели. — Ждите меня на окраине города. Я найду вас. — Она судорожно втянула воздух. — Но я должна вытащить Кейджа, иначе я себе этого никогда не прощу.

Волки подчинились её свисту, их громадные тела исчезли вместе с фигурами Брина и Фреи. А Рен? Рен повернулась обратно; её сапоги беззвучно ступали по скользкому от крови полу.

Кейдж добрался до Хейгана. Его клинок был занесён, тело — воплощённая сила возмездия, но прежде чем он успел нанести удар — его поймали. Подвешенный в движении, словно удерживаемый хваткой невидимых течений, застывший между яростью и освобождением.

Рен подкралась ближе, бесшумная, как снегопад, пользуясь тем, что ведьмы сгрудились вместе и их внимание теперь было приковано к Хейгану. Они думали, что победили.

Но Рен не уйдёт без Кейджа.

Её пульс участился, когда взгляд упал на ту, что поймала его в ловушку.

Вера.

Жало предательства резануло её, как слишком остро заточенный кинжал. Она всегда знала, что этот день настанет. И всё же это всё ещё причиняло боль.

Предупреждение сверкнуло в фиолетовых глазах Веры. *Поворачивай назад. Уходи. Живи.*

Хватка Рен на кинжале усилилась. *Нет.*

Звук, низкий и глубокий, пророкотал в воздухе, словно зверь, пробуждающийся ото сна.

Замок задрожал.

Затем пришло оно.

Рёв.

Столь огромный, столь ужасный, что сами стены затряслись; пыль и камень посыпались с древних фундаментов.

Рен ухватилась за трон, чтобы удержать равновесие; дыхание застряло между рёбрами.

Над ними что-то двигалось.

Великая, меняющаяся тень накрыла Большой зал; внезапная тишина стала густой, как миг перед бурей.

Затем…

Потолок разорвало на части.

Когти — длиннее мечей, острее стекла — пронзили камень как пергамент, срывая крышу так, словно она была не более чем хрупкой бумагой.

Голова показалась в проломе расколотого неба.

Голова Виверны.

Но это больше не было существо из плоти и крови.

Нет. Это было нечто более тёмное. Нечто, созданное из тени. Потустороннее присутствие, способное разорвать мир на части, сила, способная уничтожить всё, что угодно.

Дым вился вдоль её гладкой чёрной чешуи, скручиваясь и извиваясь, словно подхваченный невидимым ветром. Её зубы — высотой с человека — сверкали белизной, жестокий контраст с окружающей её тьмой.

А на звере…

Мэл.

Или то, что когда-то было Мэл Блэкберн.

Она больше не казалась существом из плоти и крови, но чем-то за пределами смертного, за пределами виверианского — чем-то призрачным, чем-то эфемерным.

Её фигура мерцала, как мираж, полусвет-полуночь, словно она существовала между мирами.

Рен никогда не знала такого страха.

Взгляд Мэл, пронзительный, безжалостный, сначала нашел Хейвен.

Затем Эша.

Большой зал, казалось, сжался под тяжестью её присутствия.

Она разомкнула губы, и когда она заговорила, голос был не её. Он был низким, гортанным, древним.

Это было обещание. Пророчество. Приказ.

— Бегите.

Слово ударной волной пронеслось по комнате, пронзив до самых костей тех, кто всё ещё дышал.

Мэл не стала ждать.

Она двинулась с грацией чего-то текучего, чего-то рождённого ночью и кошмаром. Соскользнув со спины Виверны, она приземлилась без усилий, с мечом в руке — клинком, сотканным из тени и дыма, оружием, не скованным смертной сталью.

Рен не стала задерживаться, чтобы посмотреть, что будет дальше.

Она действовала.

— Кейдж. — Её пальцы сомкнулись на его запястье, вытряхивая его из транса, который овладел им. Он повернулся к ней — тёмные глаза широко распахнуты, полны ужаса. — Нам нужно уходить.

Его взгляд метнулся обратно к Мэл, к сестре, которая стала чем-то нечестивым.

— Моя сестра…

Его голос сорвался.

Рен усилила хватку. У них не было на это времени.

— Мы ничего не можем сделать для неё сейчас, Кейдж.

Его тело оставалось напряжённым, лицо — полем битвы горя и гнева. Затем его взгляд упал — на Хейвен, лежащую забытой, скомканной на пропитанном кровью камне.

Очередной взрыв сотряс замок, заставив Рен споткнуться и упасть на грудь Кейджа. Ведьмы давали отпор. Если они не уйдут сейчас, они не уйдут вовсе.

Дрожащими пальцами Рен свистнула, и серебристо-белое пятно пронеслось сквозь обломки — её волк, рычащий, с оскаленными клыками, существо скорости и дикости.

Она забралась на его мощную спину, затем потянулась к Кейджу.

— Пожалуйста, ты не можешь остаться здесь. — Её рука дрожала, протянутая к нему, — спасательный круг.

Его глаза оставались на Мэл.

Плечи поникли. Как у человека, потерпевшего поражение.

Но Рен не даст ему упасть.

Ударило ещё одно заклинание, камень разлетелся, осыпаясь тяжёлыми кусками; замок стонал под тяжестью собственной гибели.

Наконец, Кейдж повернулся.

Его лицо — такое потерянное, такое сломленное.

Но когда его взгляд встретился с её, он взял её за руку. И Рен затащила его на спину волка, крепко прижимая к себе, словно не давая ему рассыпаться на части.

Они сбегут. Пока что.

Но это был не конец.

Нет.

Это было только начало.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 51

Есть причина, по которой проклятие не было мгновенным, почему оно должно было сбыться только через сто лет. На самом деле никогда не имело значения, верил ли в него кто-нибудь или нет. Проклятие было сотворено в гневе, да. Но прежде всего оно было сотворено из любви. Из моей любви к Восьми Королевствам. У меня не было достаточно сил, чтобы продлить его дольше; ста лет должно было хватить. Проклятие было создано, чтобы удержать кое-что в заточении.

Табита Вистерия

Эш был связан; невидимая сила пригвоздила его к месту, его тело не подчинялось его воле. Он чувствовал её тяжесть, вдавливающуюся в кости, удушающую его без прикосновений, без цепей. Он был узником магии, дыхание застряло между яростью и отчаянием.

Затем — всё разлетелось вдребезги.

Никс обрушилась вниз, как призрак гнева; её когти разрывали камень и чары с одинаковой лёгкостью. Хватка Хейгана лопнула, как хрупкое стекло. Внезапное освобождение швырнуло Эша вперёд; агония пронзила бок, но он не дрогнул. У него не было на это времени. Его меч лежал брошенный там, куда его отшвырнули ведьмы, тускло поблескивая среди руин Большого зала. Он рванулся к нему; пальцы сомкнулись на рукояти, словно это было единственное, что удерживало его в жизни. Руки горели от желания снова сжать его.

С единственным вздохом клинок вспыхнул.

Раскалённый докрасна огонь пронёсся по всей его длине, от острия до рукояти, словно само оружие пробудилось ото сна, жаждая мести.

Большой зал превратился в кладбище, тела лежали на мраморе, остатки жизни разливались по камню реками багрянца. Эхо битвы утихло, оставив лишь Мэл. Мэл и ведьм.

Эш взглянул в сторону отца. Король Иган лежал сломленный, скомканный, как брошенная реликвия. Стена, удерживавшая его на весу, была разрушена, его тело превратилось в ничто иное, как руины. А его голова исчезла. Забрана хаосом, поглощена ночью.

Эш никогда по-настоящему не знал отца, никогда не искал его тепла, но он уважал его. Любил его той далёкой, сложной любовью, которой сын любит короля. И теперь, когда последний представитель его рода был стёрт с лица земли, он остался единственным Ахероном.

Тяжесть этого грозила раздавить его.

Мэл подняла руки. Тьма взметнулась по её команде. Она двигалась, как чернила, расплывающиеся в воде, разливаясь по комнате, ползла по стенам и стропилам. Дрожь тревоги пробежала по рядам ведьм. Даже самые смелые из них замешкались; их заклинания сбились, лица исказились чем-то сродни страху.

Воздух изменился. Стал холодным.

Эш пошатнулся назад, когда мёртвые начали подниматься.

Вздох застрял у него в горле, когда один за другим павшие зашевелились. Конечности неестественно выгнулись, кисти сжались, тела поднялись. Глаза, которые должны были остаться закрытыми в вечном сне, распахнулись — пустые, невидящие, но полные тёмной цели.

Они подняли оружие, которое сжимали в миг смерти; сталь сверкнула в свете факелов.

Шторм тел — немертвых, неумолимых — обрушился на врага.

Среди всего этого Мэл даже не вздрогнула. Она двигалась так, словно ничто из этого не касалось её, словно хаос за спиной был не более чем шелестом листвы на ветру. Её внимание было сосредоточено на другом.

Эш проследил за её взглядом — к единственному телу, которое не шевельнулось.

Хейвен.

Мэл опустилась перед ней на колени; её движения были медленными, благоговейными. Она не плакала. Не дрожала. Вместо этого она потянулась вниз, снимая чёрное кольцо с безжизненной руки сестры.

В тот момент, когда оно скользнуло на её палец, её маска треснула.

Она лгала ему.

Она вышла за него с намерением убить. Чтобы снять проклятие, в реальности которого он даже не был уверен. Он должен ненавидеть её. Должен презирать за предательство. Но он не мог.

Не тогда, когда смотрел на неё сейчас. Не когда она стояла над телом сестры, рассеянно крутя кольцо; её лицо было потерянным, пустым, сломленным.

Она была единственным светом, оставшимся в его мире.

Единственным, что привязывало его к надежде.

Он не мог потерять и это тоже.

— Возьми меня за руку, — прошептала она.

За их спинами закричал Хейган.

Эш не обернулся. Ему было не нужно. Он слышал это — осознание, проникающее в разум, ярость, панику. Сколько бы трупов Хейган ни разносил в клочья, приходили новые. Бесконечный прилив.

Чернокнижник тонул в возмездии.

— Больно не будет. — Мэл повернулась к Эшу; голос её был мягким, как угасающие угли костра. — Касаться меня не больно.

И впервые он увидел её.

По-настоящему увидел.

Её форма всё ещё мерцала по краям, тело было соткано из самой ночи — сущность, не принадлежащая этому миру целиком. Выкованная из тени.

Он должен был бояться этого.

Но не боялся.

— Я знаю, — сказал он. — Я доверяю тебе.

Что-то в ней дрогнуло, словно слова обожгли её. Но она ничего не сказала. Вместо этого она вложила меч в ножны. Её пальцы помедлили, прежде чем сомкнуться поверх его ладони.

Немертвые не тронули их. Не преградили путь. Они расступились. Они склонились.

Они защищали свою принцессу от вреда.

Эш и Мэл взобрались на спину Никс; её огромные теневые крылья расправились, готовясь к взлёту.

Затем они взмыли ввысь. Вверх, сквозь зияющую рану в потолке замка, сквозь дым и руины, в ночное небо.

А позади них сражались ведьмы.

...

Сапоги Эша захрустели по каменистому краю вулкана; воздух был тяжёлым от металлического привкуса серы. Рядом с ним спустилась Мэл; её тело менялось и мерцало, как живая тень, состоящая целиком из дыма и тьмы. Она молчала, пока шла трансформация. Клубящиеся тени вокруг неё начали сгущаться, затвердевая во что-то осязаемое. Дым уступил место коже, под ней сформировались кости, тёмные волосы обрели форму, когда последние следы её теневой сущности исчезли. Через секунды она снова была виверианкой, стоящей рядом с ним с ровным дыханием и глазами, которые теперь выглядели безошибочно живыми. Эш не мог не смотреть, заворожённый этим тихим превращением.

— *Дисцедере, Никс*, — скомандовала Мэл тени, которая пролетела над ними, прежде чем исчезнуть из виду. — Уходи, Никс.

Мэл и Эш стояли в тишине; тяжесть горя давила на них, как обломки рухнувшего мира. Воздух между ними сгустился от скорби, от невысказанных слов и немой боли. Пальцы Мэл дёрнулись от ноющей потребности потянуться к нему, найти якорь в незыблемости его присутствия, прежде чем она соскользнёт в бездну своей потери.

Она хотела, чтобы его руки обняли её — сильные, непоколебимые, нерушимые. Она хотела тепла его тела на своей холодной коже, хотела уткнуться в его грудь и разрыдаться по сестре, которую никогда больше не увидит. И когда воспоминание о лице Хейвен — некогда яростном и полном жизни — вспыхнуло перед её глазами, Мэл рухнула под тяжестью этого. Слёзы хлынули быстро, неудержимо, прорезая реки отчаяния на её щеках.

Она не сопротивлялась, когда Эш притянул её к себе.

Она позволила себе рассыпаться.

Рыдания накатывали яростными волнами, вырываясь из глубин души; тело сотрясалось от горя, когда она кричала имя сестры в небо, которое никогда ей не ответит. Прижавшись к ней, Эш дрожал; его хватка была железной, словно он тоже боялся, что если отпустит, мир, наконец, поглотит их целиком.

Вместе они скорбели.

Время потеряло смысл. Ночь тянулась, долгая и безжалостная; единственным звуком между ними было их общее горе. Когда тишина, наконец, опустилась, она оставила их опустошёнными, выскобленными изнутри.

Они сидели на вулканической породе, крепко сцепив руки, их взгляды были прикованы к руинам перед ними — драконийскому замку, ставшему теперь ничем иным, как кладбищем.

— Как ты в-вернулась так быстро? — Голос Эша был сиплым, грубым от горя.

— Путешествие в форме тени позволяет двигаться намного быстрее.

— А м-мёртвые? — Его золотые глаза, усталые и тусклые, метнулись к ней. — Как т-ты вернула их?

Мэл медленно вдохнула. Правдой было то, что она не знала. Её магия изменилась, переродившись во что-то более старое, что-то древнее. Казалось, она стала продолжением самих богов, их руки давили ей в спину, наблюдая, выжидая.

— Я не знаю, — призналась она. — Думаю, боги хотели увидеть, как я сражаюсь.

Эш вытер мокрое от слёз лицо, его плечи согнулись под невидимой тяжестью.

— Ты м-можешь… — его голос сорвался. Он сглотнул, заставляя себя закончить. — Вернуть и-их насовсем?

Мэл закрыла глаза; ответ тяжёлым грузом лежал на языке.

— Нет. — Слово отдавало пеплом. — То, что мертво, ушло навсегда.

Медленный выдох сорвался с губ Эша, и затем он встал.

Мэл последовала за ним, наблюдая, как он повернулся к ней лицом; выражение его лица было нечитаемым — его душа, обнажённая до самой сути.

Он указал на кинжал, всё ещё пристёгнутый к её поясу. То самое оружие, выкованное, чтобы покончить с ним.

— Давай же, — сказал он. — Сделай это. Мне н-не для чего больше ж-жить. Они все м-мертвы из-за меня.

Боль скрутила Мэл, острая и беспощадная.

Видеть его таким, видеть весь этот огонь, весь этот свет, угасший до одной лишь покорности, — это была пытка. Она хотела залезть к нему в грудь, забрать его боль себе, оттащить его от края пропасти.

— Не смей говорить такие слова, Эш Ахерон. — Её голос был тихим, но в нём звенела сталь. — Мы найдём способ пережить это.

Его челюсти сжались. Всё его тело дрожало от напряжения.

— Ты не можешь сп-спасти меня, Мэл. Я должен у-умереть.

Её взгляд метнулся к лаве, бурлящей позади них, так близко, что один толчок, один всплеск силы, отправит его в падение. Она могла бы смотреть, как он распадается в ничто.

Но он не исчезнет.

Не по-настоящему.

Мэл провела бесчисленные ночи над украденной книгой, которую Рен и Кейдж вынесли из библиотеки; её страницы шептали тайны при мерцающем свете свечи. Фениксийцы не умирали так, как умирали другие.

В Эше текла кровь фениксийцев.

А у фениксийцев были ритуалы.

Если кто-то был достоин, он мог переродиться.

Если она права — если её теория верна, — тогда она сможет вернуть его.

Но только один раз.

Мэл шагнула вперёд; её голос был едва слышным шёпотом.

— Я не могу жить без тебя, Эш.

Он нахмурился. Неуверенность шевельнулась в этих золотых глубинах.

— Ты мне доверяешь?

Вопрос заставил его губы слегка приоткрыться от удивления, но колебаний не было. Ни на мгновение.

Конечно, он доверял ей. Он доверял всегда.

Мэл протянула руку.

— Доверься мне, Эш.

На мимолётную секунду что-то тёплое промелькнуло в его глазах. Любовь. Прощение.

И Мэл приняла это. Вдохнула это. Позволила этому сжечь её изнутри.

Затем она вырвала кинжал с пояса и вонзила его в его сердце.

Резкий вздох сорвался с его губ, глаза расширились — тысяча эмоций промелькнула в них одновременно.

Над ними закричало небо.

Взревел гром, молния раскололa небеса, словно сами боги проснулись, требуя знать, что она натворила.

Мэл выдернула кинжал и отпустила его.

Его тело пошатнулось назад.

Воздух между ними рухнул.

И затем, последней волной своей силы, она отправила его в огонь.

Эш Ахерон упал.

Его тело погрузилось в расплавленную бездну, исчезая в жаре.

Мэл не смотрела, как он горит. Она просто закрыла глаза.

И начала молиться.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Глава 52

Всё, что я сделала, было ради защиты всех от настоящей угрозы. Моим долгом как ведьмы всегда была защита Восьми Королевств. Это был единственный путь.

Табита Вистерия

Эша Ахерона больше не было. И всё же он был.

Он сгорел и был разрушен, обращён в одни лишь мерцающие угли; его тело поглотили расплавленные глубины. Но в бесконечной пустоте между разрушением и перерождением пустило корни нечто иное — нечто древнее, нечто огромное. Его скручивало и перекраивало, растягивало за пределы времени, за пределы самого существования.

В небытии он видел.

Не только прошлое — не только правду, скрытую под кровью и костями истории. Он видел себя: с того мига, как мать привела его в этот мир, до того мгновения, как Мэл вонзила кинжал в его сердце и отправила его в огонь. Он видел Великую войну, видел, что произошло на самом деле, видел, как мир был переписан ложью.

И когда проклятие разбилось, внутрь хлынула тьма. Грозовые тучи пожрали землю, молнии раскололи небеса, и мир содрогнулся под тяжестью чего-то огромного, чего-то непостижимого.

Сквозь вуаль своего распада Эш наблюдал, как Табита Вистерия шагнула в загробный мир, как она нашла Хэдриана в конце всего сущего.

Он увидел истину бури.

Он увидел то, что возвещал гром. То, что он впустил.

Он увидел будущее.

И когда огонь, наконец, отпустил его, когда он восстал из пепла собственной смерти, он больше не был Принцем Огня.

Он стал чем-то совершенно иным.

Провидцем.

Но не просто Провидцем. Нет — его зрение было изменено, запятнано, тронуто магией Табиты, распадом самого мира. Он мог видеть всё.

И когда первый вдох снова наполнил его лёгкие, его золотые глаза — теперь горящие чем-то, что было за гранью понимания смертных, — нашли её.

Мэл.

Его жена. Его палач. Его спасение.

В тот миг он понял.

Тяжесть всего сущего давила ему на грудь, когда он заговорил.

— Мы всегда ошибались, — прошептал он; его голос был сырым, благоговейным звуком. — Мы ошибались аб-абсолютно во всём.

Небо над ними сгустилось до оттенка бездны; небеса раскололись с гортанным рокотом грома — предупреждение, предвестник чего-то незримого. Тени сгустились, обвиваясь вокруг них, как наступающий прилив; сам воздух стал плотным, весомым, давящим на лёгкие с почти удушающей силой. Словно мир затаил дыхание, ожидая прибытия чего-то ужасного, чего-то неизбежного.

— Ты всегда ве-верила, что боги никогда нас не слышали, — продолжил Эш; его голос ломался под чистой тяжестью знания. — Но они с-слышали. Они всегда с-слышали. Они не отвечали, п-потому что не могли. Они были в ловушке. А теперь… —

Он обратил взор к небу, где буря бурлила чем-то чудовищным, чем-то божественным. — Теперь мы ос-освободили их.

Молния ударила над ними, поразив землю с силой, от которой содрогнулась сама почва у них под ногами.

Дыхание Эша перехватило, когда осознание глубоко осело в его костях. Он вернул взгляд к ней.

— Проклятие держало нас в без-безопасности.

Выражение лица Мэл не изменилось, но что-то в её глазах, что-то глубокое, что-то скрытое дрогнуло.

Эш тяжело сглотнул; сердце колотилось в груди.

— Мы ош-ошибались и насчёт тебя, — сказал он. — Ты ни-никогда не была ведьмой.

Мэл напряглась.

— Твой о-отец поместил тебя сюда нам-намеренно.

Её брови сошлись на переносице. Замешательство, переплетённое с едва заметным налётом чего-то опасно близкого к страху.

— Мой отец? — спросила она.

Губы Эша разомкнулись, дыхание было неровным.

— Твой о-отец — Бог Мёртвых, — сказал он; его голос был шёпотом, проглоченным бурей. — Тот, кто создал твою з-землю и Ви-виверн.

Мэл не пошевелилась.

Один удар тишины.

Затем её фиолетовые глаза расширились.

Эш почувствовал тяжесть слов ещё до того, как произнёс их. Почувствовал их как сдвиг космоса, как дрожь самой вселенной.

— И ты, Мэл Блэкберн, — выдохнул он, наблюдая, как правда накрывает её подобно затмению, — тоже богиня. Богиня Теней.

Дж.Ф.Джонс - Королевство теней и пепла
J.F. Johns - A Kingdom of Shadow and Ash

Эпилог

Табита Вистерия запрокинула голову, поднимая взгляд к задушенным бурей небесам, блуждая в шепчущих глубинах Леса Безмолвных Криков. Тяжесть проклятия исчезла, она чувствовала, как оно распадается в её костях, ослабляя хватку на самой её сути. И всё же она оставалась связанной.

Что-то — или кто-то — всё ещё удерживало её привязанной к этому миру, всё ещё не давало шагнуть за завесу, чтобы воссоединиться с Хэдрианом Блэкберном в загробной жизни перед возвращением, перерождением.

Молния расколола небо зазубренной дугой, и когда она ударила в землю всего в нескольких футах, воздух наполнился запахом жжёного камня. С дымящейся земли шагнула фигура.

Виверианец.

Но не похожий ни на одного виверианца, которого Табита когда-либо знала.

Его рога — искривлённые, почерневшие — закручивались, словно тени, обретшие плоть; их края были остры, как поцелуй клинка. Его фигура, хоть и поджарая, несла в себе мощь чего-то древнего, чего-то за пределами смертности. Под почти прозрачной бледностью кожи чёрные вены пульсировали, как реки тьмы. Но именно глаза заставили её застыть, глаза, которые она знала слишком хорошо.

Глаза, которые преследовали её с того дня, как она посмела бросить ему вызов.

— Табита, Табита, Табита, — промурлыкал виверианец; голос его был глубоким и гулким, как пустота между звёздами. Он прокатился по лесу, как шёпот надвигающейся смерти, нереальный и неизбежный.

— Похоже, проклятие снято, и теперь ты так жаждешь улизнуть. Интересно, это страх? — Его губы изогнулись, клыкастая улыбка была злобной. — Надеешься выскользнуть на свободу, прежде чем мы придём пировать, тем, что от тебя останется?

Табита вскинула подбородок. Непокорная. Несломленная.

— Я тебя не боюсь.

Виверианец склонил голову набок; веселье мелькнуло в этих бесконечных глазах.

— Ты наложила на нас проклятие, Табита. И сто лет меня удерживали от того, чтобы добраться до тебя. — Его взгляд скользнул по потемневшему лесу; тени вытягивались и извивались, словно живые. Он поднял руки, указывая на незримый мир за пределами. — И посмотри, что стало с нашими маленькими созданиями. Они уничтожают друг друга.

Он снова повернулся к ней, его улыбка была острее грани кинжала.

— Но скажи мне вот что: почему ты позволила девчонке разбить единственное, что защищало тебя? Проклятие было твоим щитом, а ты отдала его.

Табита не дрогнула. Не дрогнет.

— Потому что, если бы Мэл Блэкберн не разрушила проклятие, — сказала она твёрдым голосом, — они бы все погрузились в вечный сон. А я… — Её горло сжалось, но она не запнулась. — Я осталась бы скитаться одна, без Хэдриана. Мы бы не переродились.

Пауза.

Вдох.

— И я знаю, чего ты хочешь от неё.

Что-то вспыхнуло за этими безжалостными глазами.

Затем он прорычал.

— О? Теперь у тебя проснулась совесть, Табита? — Его голос, когда-то бархатный, затвердел, став зазубренным, жестоким. — После всех этих лет — после всей лжи, которой ты кормила собственную дочь?

Руки Табиты сжались в кулаки, но правда уже была произнесена.

— Ты создал Мэл Блэкберн, — прошептала она. — Меня обманом втянули в это.

Виверианец шагнул ближе, так близко, что она могла почувствовать холод смерти, лижущий её кожу.

— Она наша, Табита, — сказал он мягко — слишком мягко. Затишье перед бурей. Его глаза потемнели. — Я найду способ разрушить настоящее проклятие. Она — ключ ко всему.

Дыхание Табиты перехватило.

Пульс загрохотал.

— Если ты разрушишь его, — прошептала она, впервые за столетия чувствуя, как страх сжимает душу, — я никогда не вернусь. Я никогда не перерожусь. Ты никогда больше меня не увидишь.

Виверианец рассмеялся.

Звук, от которого содрогнулись сами деревья.

Он двинулся вспышкой чёрной молнии — слишком быстро, слишком бессмертно, и прежде чем она даже попыталась сбежать, его рука сомкнулась на её горле.

Мир накренился.

Дыхание прервалось.

— Думаю, ты права, — промурлыкал он; голос коснулся её уха, как шёпот смертного приговора. — Пришло время мне забыть тебя.

Он сжал пальцы.

Сильно.

Тошнотворный хруст эхом разнёсся по лесу.

Тело Табиты Вистерии рухнуло, складываясь, как кукла, чьи нити безжалостно перерезали, — безжизненное и брошенное на безмолвную землю.

Виверианец не удостоил её вторым взглядом, перешагивая через труп; его рука лениво прошлась по волосам цвета полуночи.

— А теперь, — задумчиво произнёс он; голос был гладким и смертоносным, как сама ночь, — где наша дочь?

И с этими словами Бог Мёртвых обратил свой взор к виверианскому замку; злая улыбка изогнула его губы, когда он сделал первый шаг вперёд.

КОНЕЦ